

Иордан Гетика

Иордан Гетика

Вступительные материалы и приложения

Предисловие

[Предисловие к первому изданию 1960 г. (Прим. Издателя).]

Нумерация страниц и ссылки на страницы приводятся здесь по «бумажному» изданию – Ю. Ш.

Настоящее издание является результатом работы над сочинением историка VI в. Иордана, которое в научной литературе носит название «Getica»¹.

«Getica» – одно из крупнейших произведений эпохи раннего европейского средневековья. Иордан посвятил его истории готов², он показал их судьбы, начиная с того времени, когда они покинули Скандинавию и высадились близ устьев Вислы, а затем продвинулись к Черному морю, и оттуда на запад, вплоть до пределов Италии и Испании. История готов, образовавших в V в. государства вестготов (везеготов) и остготов (остроготов), доведена автором до его дней. Свой труд он закончил в 551 г.

Значение «Getica» как важного исторического источника определяется тем, что Иордан, развивая основную тему, окружил ее множеством сообщений из истории всей эпохи в целом. Таким образом, вовсе не будучи талантливым писателем, он тем не менее сумел представить в своем изложении грандиозную картину «переселения народов» в IV—VI вв. Он обрисовал движение племен с востока и севера и их борьбу с империей на ее дунайских границах, в ее балканских и западных провинциях; он дал некоторые не только ценные, но уникальные описания и сообщил существенные подробности тех или иных исторических событий; он показал образование ранних варварских государств; он дал возможность уловить черты

1

2

отношений между пришельцами-варварами и слабеющим Римом.

Кроме того, Иордан привел сведения из истории Северного Причерноморья и драгоценные, хотя и скудные свидетельства о древнейших славянах на Висле, на Днепре, на Днестре, на Дунае. В этих частях его сочинение представляет особенный интерес для советских историков и археологов, занимающихся вопросами истории племен на территории СССР и соседних государств.

«Getica» – настолько богатый источник, что его вполне можно поставить в центр изучения, сопровождая исследованием других – и немалочисленных – дошедших до нас источников IV—VI вв. Сопоставление данных из «Getica» и из трудов других раннесредневековых писателей иногда приводит к новому или хотя бы более яркому освещению событий одной из сложнейших в истории Европы эпох – эпохи распада рабовладельческого строя и зачатков феодализма. Подобного способа исследования «Getica» придерживался и автор предлагаемого здесь комментария при составлении крупных примечаний-статей.

Труды Иордана стали издаваться уже в начале XVI в. Editio princeps относится к 1515 г.; книга вышла в Аугсбурге, подготовленная к печати знаменитым Конрадом Пейтингером (ум. в 1547 г.), объединившим в своем издании два средневековых источника – «Getica» Иордана и «Historia Langobardorum» Павла Дьякона. За первым изданием (в том же веке) последовало еще несколько изданий, которые появились в Базеле, Лионе, Париже, Лейдене, во Франкфурте-на-Майне. В XVII в. продолжали интересоваться трудами Иордана; среди изданий этого века одно было подготовлено известным голландским ученым Гуго Гроцием (ум. в 1645 г.) и вышло в 1665 г. в типографии Эльзевиров в Амстердаме, являясь приложением к «Historia Gothorum, Vandalorum et Langobardorum», написанной Гроцием. В XVIII в. оба сочинения Иордана были включены в первый том (Mediolani, 1723) известного собрания Л. А. Муратори (ум. в 1750 г.) «Rerum Italicarum scriptores»³. Неоднократно издавали труды Иордана в XIX в.: «Getica» имеется и в латинской патрологии Миня (т. 69), и в других многотомных собраниях (Pancoucke, t. 71, 1842, 1883; Nisard, 1849)⁴. Однако, если более старые издания могут быть в какой-то мере интересны, так как иногда отражают текст древних, уже неизвестных нам рукописей, то издания XIX в. потеряли в наше время всякое значение, так как, повторяя предыдущие, изобилуют к тому же ошибками и опечатками.

Оба труда Иордана как исключительно важный исторический источник без всяких колебаний были включены в состав «Monumenta Germaniae historica». Моммсен* [* Здесь и далее везде по тексту книги сохранена авторская орфография (*Прим. Издателя*).] со

свойственным ему искусством работы над рукописями исследовал лучшие известные в его время списки «Romana» и «Getica» и издал их в очередном выпуске серии «Auctores antiquissimi»⁵. Это превосходное издание полностью заменило предыдущие.

В связи с открытием в 20-х годах нашего столетия неизвестной до тех пор рукописи VIII в., содержащей большую часть «Getica», в Италии подготавливается новое издание этого текста профессором Палермского университета Франческо Джунта, автором вышедшего в 1952 г. исследования о Иордане.

Наше издание содержит вступительную статью, русский перевод (печатаемый впервые) и латинский текст «Getica»⁶, комментарий, три приложения, список литературы и указатели.

Вступительная статья представляет собой исследование ряда вопросов, связанных с биографией, политическими взглядами и литературной деятельностью Иордана, выразителя идеологии одной из группировок правящего класса остроготов и италийцев.

Текст «Getica» Иордана нелегко поддается переводу на русский язык. Переводчик должен был постоянно остерегаться слишком гладких фраз, так как латынь Иордана неправильна и грамматически иногда совершенно непоследовательна; если невозможно передать стиль Иордана, то, с другой стороны, конечно, не следует в переводе и скрывать его. Поэтому публикуемый перевод может показаться порой тяжелым. Переводчик стремился к тому, чтобы русский текст как можно более точно соответствовал оригиналу и вместе с тем был понятен и удобочитаем. Переводчик хотел бы еще отметить, что текст Иордана требовал очень пристального взглядывания в него, осмотрительного отношения к передаче некоторых слов и оборотов. Хотелось бы надеяться, что такая исследовательская работа над текстом и его передачей на другом языке будет способствовать в дальнейшем более углубленному пониманию сложного и выдающегося труда Иордана.

Как в латинском тексте оригинала, так и в русском переводе сохранено деление на параграфы, принятое в издании Моммсена. Впрочем, эти параграфы при наборе другим форматом не могут во всех случаях точно совпадать с моммсеновскими, и прежде всего потому, что в издании Моммсена деление текста проведено не по фразам, а по группам строк. Чтобы облегчить чтение текста и сделать его доступнее, переводчик, со своей стороны, исходя из содержания, разбил его на абзацы.

Комментарий составлен с целью максимально широкого освещения источника, с непременно привлечением ряда других, латинских и греческих, текстов; автор комментария стремился показать историю события, племени, отдельной личности, государственного института или географического определения с наибольшей полнотой и в

тесной связи с тем, что по этому поводу дано у Иордана. Особое внимание в комментарии обращено на вопросы, относящиеся к истории древнейшего славянства, на темы, касающиеся судеб причерноморских областей и Подунавья. Мелкие примечания, иногда содержащие общеизвестные исторические и географические сведения, даты и т. п., даются только для удобства ориентировки как в тексте оригинала, так и в соответственных объяснениях в комментарии.

В кропотливой и длительной работе над настоящим изданием мне оказывали содействие и помощь товарищи по Институту истории Академии наук СССР (Сектор византиноведения) и по Институту истории материальной культуры Академии наук СССР (Сектор славяно-русской археологии), за что я приношу им мою благодарность.

Иордан и его «GETICA».

В середине VI в. родилось сочинение, определяемое в рукописях названием «О происхождении и деяниях Гетов» («De origine actibusque Getarum»)⁷. Создал его писатель, имя которого известно нам благодаря тому, что он сам упомянул его один раз в тексте своего труда. Это Иордан (Iordannis), один из наиболее замечательных авторов эпохи раннего европейского средневековья.

С 1882 г., когда сочинение Иордана появилось в составе «Monumenta Germaniae historica», было принято предложенное Моммсенем искусственное, но удобное название – «Getica»⁸. Однако ни полное, основное, ни краткое, условное, наименование труда, указывая, что он посвящен истории готов, не охватывает всего остального, поистине громадного содержания, которое вложил автор в свое произведение. «Getica» Иордана – это сумма известий о чрезвычайно важном времени в Европе и преимущественно в Средиземноморье, о времени, которое условно и неполно называется эпохой «переселения народов». В «Getica» Иордана отражается, хотя и не всесторонне, процесс распада рабовладельческой системы и формирования феодальных отношений, описывается передвижение многочисленных вновь появившихся племен и начальная пора образования ими раннефеодальных государств.

На страницах «Getica» Иордан сказал о себе немного, но и это немного является для современного историка интереснейшим свидетельством о человеке и писателе. Ведь в VI веке, как, впрочем, и в последующие средние века, редко встречалась у авторов склонность расширять свои сочинения в сторону автобиографий.

Иордан был готом, остроготом. Это не вызывает никакого сомнения, так как он сам

сообщил о своем происхождении: заканчивая «Getica», он заверяет читателя, что не прибавил ничего лишнего в пользу племени готов, из которого происходит («nec me quis in favorem gentis praedictae, quasi ex ipsa trahenti originem, aliqua addidisse credat», – § 316)⁹.

Принято считать, что такие крупные ученые, как Моммсен, а за ним Ваттенбах, склонялись к признанию Иордана аланом¹⁰. На наш взгляд, они этого в категорической форме не высказывали, и ни один из них не пропустил общеизвестного замечания Иордана (§316), что он гот.

Несколько «сдвинутым» и потому неточным представляется утверждение Л. Ранке: «Кто же был этот Иордан? По его собственному рассказу он был готско-аланского происхождения» («von gothisch-alanischer Abkunft»)¹¹. Как известно, Иордан сказал (§ 316), что он ведет свое происхождение от готов, но нигде ни словом не обмолвился, что он алан. Однако в корне ошибочное мнение, что Иордан – алан, укрепилось.

Например, Эд. Вельффлин, говоря о латыни Иордана, признает в ней черты упадка, тем более для него понятные, что их проявил «алан, назвавший себя agrammatus»¹².

Такому уклону в сторону аланского происхождения Иордана косвенно способствовал Моммсен¹³. Он доказывал, что Иордан, объявивший себя готом, мог быть тем не менее одновременно и аланом. Для объяснения такого странного положения Моммсен в качестве примера приводит полководца по имени Бесса (Bessa, ?????). По Иордану, Бесса был сарматом (§ 265), а по Прокопию – готом (Bell. Goth., I, 16, 2; Bell. Vand., I, 8, 3). Моммсен пришел к неожиданному заключению, что Иордан в отношении Бессы прав, а Прокопий ошибается, но ошибка последнего объясняется тем, что в широком смысле Бесса мог все же причислять себя к готам¹⁴ как представитель племени, тесно связанного с готами¹⁵. По такой же причине, думал Моммсен, и Иордан, алан по происхождению¹⁶, мог назвать себя готом (§ 316) только потому, что находился среди готов, вне исконной родины аланов¹⁷.

Подобное разъяснение представляется натянутым и даже неестественным: ведь совершенно нет необходимости превращать Иордана, сказавшего о самом себе, что он гот, в алана; кроме того, трудно представить (судя по тексту § 265), чтобы Бесса происходил из

одного из трех племен¹⁸– сарматов, кемандров и гуннов (Prooem., p. VII). У Иордана (§ 265) первая фраза: «Sauromatae ... coluerunt» выглядит случайной, может быть, по небрежности вкравшейся вставкой; поэтому следующую за ней фразу: «...ex quo genere...» надо рассматривать как *вытекающую из фразы о готах в Паннонии*. Отсюда получается, что упоминаемые здесь Бливила и Фроила, а также Бесса – готы, и, таким образом, сообщения Иордана и Прокопия (он-то мог знать Бессу лично!) сходятся.

Однако не это разъяснение определяет в «Prooemium» Моммсена племенную принадлежность Иордана. По ряду дальнейших упоминаний о его происхождении видно, что *Моммсен все же считал его готом, а не аланом*. Он называет его «готом, живущим в Мезии или Фракии» («Gothus in Moesia Thraciave degens») или «автором, ведущим свое происхождение от мезийских готов» («auctor oriundus ex Gothis Moesiaticis»), а о готах, живущих в Мезии и Фракии, говорит как о тех именно, «из которых происходил, как мы видели, Иордан» («ex quibus Iordanem vidimus oriundum esse»)¹⁹.

Что же касается Ваттенбаха, то он лишь вскользь упоминает об указанной Моммсеном²⁰ симпатии Иордана к аланам и тут же – о его, «как кажется», аланском происхождении²¹(без доказательства, почему Иордан – алан). В последней обработке книги Ваттенбаха, сделанной В. Левисоном²², который дал общий обзор новейших исследований и мнений историков-медиевистов, уже нет колебаний в отношении того, кем был Иордан – готом или аланом: «Иордан сам причисляет себя к готскому племени» («Jordanis rechnet sich selbst zum gotischen Volke»). Таким образом, точка зрения Моммсена о родственных связях Иордана с аланами признается неправильной²³. С этим нельзя не согласиться.

В кратких словах (§ 266) Иордан очертил свой род и сообщил о «фамильной», так сказать, профессии: его дед и он сам были нотариями. Имя отца Иордана скрыто в явно испорченном переписчиками длинном слове Alanoviiamuthis (в разночтениях Alaniiuamuthis, Alanouuamothis). Наиболее убедительной представляется такая осмысливающая это нелепое слово поправка: «Cuius Candacis, Alan [orum ducis], Viiamuthis, patris mei, genitor Paria, id est meus avus, notarius... fuit»²⁴. Если допустимо такое расчленение слова «Alanoviiamuthis», то, следовательно, отец Иордана носил готское имя Вийамутис или Вийамут (Viiamuthis –

18

19

20

21

22

23

24

Veiham?ts у И. Фридриха²⁵или Wiljamops у Ф. А. Брауна)²⁶. В автобиографической справке в § 266 Иордан как бы старается дать уточняющее пояснение: он повторяет, что Кандак, которому служил его дед, и есть тот самый Кандак, который был вождем аланов, и что его, Иордана, дед, по имени Пария, и есть, естественно, родитель его отца Вийамута.

Надо думать, что Пария состоял нотарием при аланском вожде Кандаке долгое время, во всяком случае до смерти последнего. По стопам деда пошел и внук. Он был нотарием у крупного военачальника Гунтигиса Базы, который приходился племянником Кандаку по матери. По отцу Гунтигис База был готом из знатнейшего рода Амалов. Иордан указывает имена двух Амалов: отца Гунтигиса звали Андагом (Andagis, Andag), деда – Анделой (Andela).

Конечно, пытаясь очертить биографию Иордана, было бы существенно наметить какие-нибудь хронологические вехи, установить, например, в какие годы он был нотарием, а в связи с этим, когда примерно он родился и в каком возрасте приступил к работе над «Romana» и «Getica». Некоторый свет на годы, когда Иордан был нотарием, проливают сведения, сообщаемые, с одной стороны, Прокопием, с другой – Марцеллином Комитом, и относящиеся, по всей вероятности, к Гунтигису. Путем сопоставления свидетельств этих авторов И. Фридрих пришел к остроумной и настолько убеждающей догадке, что с ней трудно не согласиться. Он предположил, что называемый Прокопием (Bell. Pers., I, 8, 3) военачальник Годидискл (?????????), участвовавший в войне между Персией и империей в 502—505 гг., был не кем иным, как Гунтигисом²⁷. Эта мысль подкрепляется еще и тем, что у Прокопия Годидискл упомянут вместе с Бессой, и оба они определяются как готы (??? ????????? ?? ??? ?????, ?????? ??????) из тех, что не последовали за Теодерихом из Фракии в Италию. У Иордана Бесса также упомянут почти рядом с Гунтигисом и также назван происходящим из тех готов²⁸, которые после смерти Атилы поселились в Паннонии (а впоследствии имели предводителем Теодериха). Кроме Прокопия Гунтигиса, но уже под именем Базы, упоминает Марцеллин Комит под 536 г. как полководца, воевавшего на евфратской границе; у того же автора База назван в числе других военачальников, приведших в 538 г. византийские войска в Италию в помощь осажденному готами Риму²⁹.

По данным Прокопия и Марцеллина Комита, Гунтигис База воевал с персами дважды: в 502—505 гг. и в 536 г. Был ли Иордан, нотариус Гунтигиса, при нем во время этих походов на Восток? Прямого ответа на этот вопрос, конечно, нет, но едва ли Иордан сопровождал

25

26

27

28

Гунтигиса в походах против персов: казалось бы, его участие в этих походах должно было бы хоть слабо отразиться на страницах «Getica». Но писатель не проявил никаких особых познаний касательно областей по Евфрату. Вот на этом наблюдении И. Фридрих и основал свои соображения о времени, когда Иордан мог быть нотарием Гунтигиса. Это – время после персидского похода 502—505 гг. и до войны на Евфрате в 536 г.³⁰ С подобным общим выводом надо согласиться, хотя нельзя утверждать, что Иордан был нотарием, да еще при одном и том же лице, в течение целых тридцати лет. Если он начал свою карьеру в самом начале предполагаемого периода – 505—536 гг. – и ему было тогда примерно лет двадцать, то, следовательно, он родился около 485 г. и ему было лет 65—66, когда он писал «Romana» и «Getica» (в 550—551 гг.). Но все эти даты – начало службы, год рождения и возраст к 550—551 гг. – могут быть передвинуты, так как Иордан мог приступить к службе не в 505 г., а значительно позднее. Неясно также из его слов, сколь длительной была его деятельность в качестве нотариа именно у Гунтигиса. Быть может, она была и краткой, но Иордан отметил ее, так как служить при крупном военачальнике было почетно. Быть может, с Гунтигисом, прибывшим с войсками на помощь Риму, как записал Марцеллин Комит под 538 г., связано переселение Иордана в Италию. Ясно лишь следующее: обучившись своему делу, очевидно, под руководством опытного специалиста, каким был его дед, Иордан служил не аланскому роду Кандака, а готскому роду Амалов³¹. Через службу у Гунтигиса могли укрепиться связи Иордана и с представителями правящей фамилии Амалов, а отсюда – с Италией, со столицей остроготского государства, Равенной.

Вполне вероятно и то, что дед Иордана был нотарием в Малой Скифии и Нижней Мезии, правителем которых был Кандак, получивший эти области при всеобщем перемещении племен и распределении земель в 453—454 гг. после смерти Атиллы.

Естественно предположить, что Иордан родился в этих краях, здесь же провел молодость и служил нотарием у Гунтигиса. Такое предположение косвенно подкрепляется помещенным непосредственно после упоминания о семье и профессии (§ 266) обстоятельным описанием (§ 267) многочисленного племени («gens multa») готов, известных под названием «малых» («minores»). Кажется, будто Иордан, вспомнив о первой половине жизни, когда он был нотарием, вспомнил и те места, где он жил в юности. «Малые» готы жили в Мезии, в районе Никополя, у подножия Гема, как точно указал Иордан; они занимались скотоводством. Но когда Иордан писал об этой знакомой ему стране, он уже был вдалеке от нее: видно, что он говорит как человек, находящийся в местах, где виноградники

обычны, а «малые» готы, по его словам, не имеют о них представления; иногда они покупают у купцов вино, вообще же питаются молоком.

В жизни Иордана, судя по его же скудным сообщениям, произошел перелом: он был нотарием «до своего обращения» («ante conversionem meam»), затем вступил в новую полосу существования. О ней Иордан не записал ровно ничего. Неизвестно поэтому, кем он стал, где жил, где и почему писал исторические сочинения.

По поводу деятельности Иордана после его «обращения» встает ряд вопросов, которые до сих пор решаются учеными по-разному. Имеющиеся в распоряжении историков данные недостаточны для того, чтобы то или другое решение можно было считать окончательным. Из спорных предположений приходится выбирать наиболее убедительные.

К числу «загадок» или своеобразных *quaestiones vexatae*, контроверзных вопросов, об Иордане (ср. заглавие статьи И. Фридриха) продолжает принадлежать прежде других вопрос о его *conversio*. Термин *conversio* в средневековом употреблении имеет, как правило, два значения. Преимущественно это – вступление в монашество; но иногда это – вступление в группу лиц, называемых *religiosi*, которые, оставаясь мирянами, соблюдали некоторые правила монашеской жизни. Оба значения отмечены в глоссарии Дюканжа³². Вопрос о *conversio* Иордана важен потому, что ответ на него отчасти может определить социальное положение Иордана в тот период его жизни, когда он писал «Romana» и «Getica». Соответственно разному значению слова *conversio* исследователи высказывали различные мнения.

Моммсен твердо стоял на том, что Иордан был монахом (Prooem., p. XIII, p. 32), писавшим во Фракии (*ibid.*, p. XV)³³.

Ваттенбах, сопоставив высказывания некоторых ученых, нарисовал картину жизни Иордана после его «обращения». Ваттенбах решительно возражал против монашества Иордана; он считал «совершенно невысказанным» («vollkommen undenkbar»), чтобы Иордан-монах, находясь в глухом мезийском монастыре, мог написать серьезный исторический трактат, пользуясь даже разными вспомогательными сочинениями и, между прочим, новейшими для его времени анналами Марцеллина Комита³⁴. Опираясь на выводы Симеона³⁵ о *conversio* (они были сделаны на основе анализа постановлений соборов), Ваттенбах предпочел видеть в Иордане не монаха, а священника³⁶ и привлек для уточнения фактов его биографии некоторые, еще ранее высказанные, соображения. В одном из

32

33

34

35

посланий папы Вигилия от 551 г. упомянут епископ города Кротона (Кротоне в нынешней Калабрии) по имени Иордан. Более того, этот епископ был близок к папе и находился в числе лиц, состоявших при Вигилии во время его пребывания в Константинополе в 547—554 гг., когда происходил богословский диспут о так называемых «трех главах». Все это наводило на весьма убедительное, казалось бы, заключение, что Иордан, епископ Кротона, и Иордан, готский историк, — одно и то же лицо³⁷ и что «Getica» и «Romana» были написаны кротонским епископом в Константинополе³⁸.

Ваттенбах был увлечен стройностью этого ряда фактов, которые не только дополняли скудную биографию Иордана, но и освещали сопутствовавшие написанию «Getica» обстоятельства. Действительно, получалось, что: а) Иордан, как епископ калабрийского города, имел возможность получить от диспенсатора * [* См. ниже стр. 61 и 123 (в письме-обращении к Касталию).] Кассиодора рукопись — «Историю готов», так как она должна была храниться поблизости, в библиотеке Вивария; уехав же в Константинополь, этот епископ уже не мог пользоваться сочинением Кассиодора; б) автор «Getica», пребывая в Константинополе, назвал своего друга Касталия, для которого писал, «соседом племени» готов («vicinus genti») именно потому, что сам находился вдали от Италии; в) живя в крупнейшем культурном центре, он мог иметь под руками недавно написанное сочинение Марцеллина Комита.

В итоге Ваттенбах считал вероятность в данном случае настолько значительной, что она казалась ему переходящей в достоверность. И донныне в большинстве научных работ принята именно эта, сведенная в цельную картину Ваттенбахом версия об авторе «Getica» как о епископе кротонском, создавшем свой труд в Константинополе.

Тем не менее гипотеза, казавшаяся Ваттенбаху почти достоверной, теперь сильно поколеблена. С полным основанием указывается³⁹, что Вигилий, к которому автор обращается в предисловии «Romana»⁴⁰, не мог быть папой Вигилием, потому что форма «nobilissime et magnifice frater» совершенно неприемлема в обращении к духовному лицу, тем более к папе. Приведенные эпитеты могли относиться только к высокопоставленному светскому лицу. Кроме того, было бы более чем странно, если Иордан — безразлично, мирянин, монах или епископ — увещевал папу «обратиться к Богу, возлюбить Бога» («...ad deum convertas ...estoque toto corde diligens deum»)⁴¹. Если Вигилий — адресат предисловия к

36

37

38

39

40

41

«Romana» – не папа, то слабеет предположение о связи Иордана с папой Вигилием, и, следовательно, сомнительно, чтобы Иордан в 551 г., когда были созданы оба его сочинения, жил в Константинополе.

Однако наряду с догадкой – едва ли правильной, – что Иордан, возможно, был епископом города Кротона, есть прямые указания, что автор «Romana» и «Getica» был епископом: они зафиксированы в заглавиях ряда рукописей⁴². В использованных Моммсенем рукописях, – а им учтено значительное их большинство, – встречаются такие обозначения: «incipit liber Jordanis episcopi...»; «incipit historia Jordanis episcopi...»; «chronica Jordanis episcopi...»; «incipit praefatio Jordanis episcopi Ravennatis...»; «chronica Jordanis episcopi Ravennatis civitatis...»⁴³. Еще Муратори отметил, что во многих старых изданиях принято считать Иордана епископом равеннским, что это уже в XVII – XVIII вв. стало общим мнением. Тем не менее ни в одном из списков епископов Равенны (включая «Liber pontificalis» равеннской церкви, составленный в IX в. Агнеллом), как проследил Муратори, нет «никаких следов» о епископе с именем Иордан⁴⁴. Остается добавить, что в интересующие нас 550-е годы епископом в Равенне был Максимиан (с 546 по 566 г.), известный по изображению на знаменитой мозаике в церкви св. Виталия в группе лиц, окружающих Юстиниана.

Высказывалось предположение⁴⁵, что Иордан был одним из африканских епископов, которые присутствовали в Константинополе вместе с папой Вигилием во время диспутов о «трех главах». Основанием к одному из доводов Б. Симсона, автора этой гипотезы, послужило впечатление от отношения Иордана к особо почитаемому в Карфагене св. Киприану, которого Иордан назвал «нашим» (в смысле «местным»): «noster... venerabilis martyr... et episcopus Cyprianus» (§ 104). На это можно возразить: ведь и Кассиодор в своей предельно краткой «Хронике» под 257 г. отметил как выдающееся явление мученическую смерть епископа карфагенского Киприана, а Марцеллин Комит в предисловии к своей хронике назвал Иеронима «нашим», нисколько не подчеркивая этим ограниченного, «местного значения» известного писателя⁴⁶. Следовательно, эпитет «noster» в применении к Киприану едва ли определяет место деятельности Иордана. Гипотеза Симсона не нашла приверженцев.

Можно было бы думать, что вследствие какой-то путаницы Иордана стали называть епископом лишь в самых поздних рукописях с его произведениями, но это не так: в одном из

42

43

44

45

ранних кодексов, содержащих «Getica», а именно в кодексе середины VIII в., принадлежавшем аббатству Фонтенелль (или св. Вандрегизила) в Нормандии, в заглавии значилось: «Historia Jordanis episcopi Ravennatis ecclesiae»⁴⁷. Епископом назван Иордан и в кодексе IX в. из аббатства Рейхенау⁴⁸.

Упоминание о Иордане как епископе в древнейших рукописях, конечно, не может не остановить внимания, но вне сомнения остается только то, что он не был епископом в Равенне⁴⁹. Примечательно, что так называемый равеннский географ, писавший не позднее VIII в., многократно с подчеркнутой почтительностью ссылаясь на Иордана (причем всегда в связи с теми странами, которые Иордан действительно описал), во всех случаях называет его только космографом или хронографом⁵⁰. Если бы Иордан был епископом, тем более в родном городе географа, то, вероятно, последний не преминул бы указать на духовный сан авторитетного писателя. Это соображение представляется нам веским. На протяжении всего текста Иордана нет даже намека на его духовное звание. Судя по изложению, языку, мелькающим кое-где образам, автор «Romana» и «Getica» едва ли был клириком или монахом.

По поводу современных ему вопросов религии, вроде волновавшего высшее восточное и западное духовенство, самого императора, чуть ли не весь Константинополь и многие другие города, спора о «трех главах», который в 550—551 гг. достиг большой остроты, Иордан не проронил ни слова. Единственная определенная и притом резко прозвучавшая у него нота относится к арианству. Иордан был «ортодоксом» («католиком») и отрицал, как сторонник «вселенской церкви», арианство, признанное огромным большинством готов⁵¹. Он называет арианство лжеучением, «вероломством» («perfidia») в противоположность христианству, которое определяет как «истинную веру» («vera fides») ⁵². Он осуждает императора Валента за то, что тот способствовал распространению арианства среди готов, вливая в их души «яд» лжеучения. Для Иордана православие и арианство – две враждебные «партии» («partes»); арианство в его глазах отщепенство («secta»; Get., § 132—133, 138).

В связи с этим вполне допустимо рассматривать *conversio* Иордана (который, находясь в готской среде еще в Мезии, был, вероятно, арианином) как переход из арианства в

46

47

48

49

50

51

52

православие⁵³. Этому не противоречит возможная принадлежность Иордана к группе мирян – так называемых *religiosi*. И. Фридрих, разбирая вопрос о *conversio* Иордана, пришел к наиболее, по его мнению, вероятному выводу, что в результате *conversio* Иордан вступил в число *religiosi*⁵⁴. Они не были монахами, но соблюдали известные правила монашеской жизни, что в отдельных случаях могло вести к посвящению в клирики или к поступлению в монастырь. Думается, что таким же *religiosus* стал и Кассиодор, когда он отошел от политической деятельности: в булле папы Вигилия от 550 г. упомянуты «*gloriosus vir patricius Cethegus*» и «*religiosus vir item filius noster Senator*»⁵⁵. Есть предположение, что когда Кассиодор находился в Константинополе (и был уже *religiosus vir*, но еще не монах), он ознакомился с устройством теологических школ в Низибисе и в Александрии и в связи с этим обдумал план своего будущего монастыря в Виварии⁵⁶.

Итак, для окончательного решения вопроса о том, в чем состояло *conversio* Иордана, нет исчерпывающих данных, но более другого убеждает предположение Фридриха, что Иордан скорее всего был *religiosus*, причем – добавим и подчеркнем это! – перебивший арианство на православие. В силу последнего он и проявил резкость в своих суждениях об арианстве, когда по ходу событий в его рассказе ему пришлось о нем говорить.

По одновременным с «*Getica*» источникам не удастся установить, в каком именно смысле употреблялись слова *conversio*, *convertere* и т. п. Следует отметить, что в тексте «Анонима Вalezия» есть выражение, обозначающее переход из арианства в православие: «*in catholicam restituere religionem*»; бывшие ариане назывались «*reconciliati*», обратный переход обозначался тем же глаголом: «*reconciliatos, qui se fidei catholicae dederunt, Arrianis restitui nullatenus posse*»⁵⁷. Само собой разумеется, что употребление глагола *restituere* отнюдь не исключает возможности употребления глагола *convertere*⁵⁸.

В § 266 в небольшой вставке, где Иордан в немногих словах сообщил о своей деятельности нотариуса, он сказал в тоне несколько уничижительном, что он был «*agrammatus*»⁵⁹. Автор настолько скуп на сведения, что это определение иногда принимается чуть ли не за характеристику его образованности, его кругозора. Конечно, *agrammatus* в средневековом тексте не значит неграмотный, не умеющий писать (????????);

53

54

55

56

57

58

59

оно значит вообще неученый, непросвещенный⁶⁰. Только в таком, самом общем, смысле и должно понимать это выражение у Иордана. Будучи нотарием, он, разумеется, был грамотен и обучен не только письму, но и правильному, соответственно установленным формулам, составлению грамот. Однако латынь официальных и, быть может, не очень сложных грамот, исходивших от аланского, готского или другого варварского князя, просто не годилась для литературного труда. Иордану во второй половине его жизни пришлось стать именно писателем, и он, по-видимому, нередко бывал в затруднении, так как хорошо понимал недочеты в своем риторическом и грамматическом образовании. Ничего не известно о том, посещал ли он какую-либо школу, да и были ли школы в местах, где он провел детство и юность. Может быть, не имея школьного образования, не имея случая углубиться в «*studia litterarum*», Иордан не стал тем, кого называли «*litteris institutus*»⁶¹.

Если Иордан не прошел регулярного школьного курса и не изучал «тривия»⁶², то, следовательно, не имел образования, которое называлось «грамматическим»⁶³. Это и сказалось на его стиле, тяжелом, вязком и скучном, полном неправильностей. Но, с другой стороны, он, несомненно, обладал значительным запасом достаточно широких познаний, приобретенных, надо думать, не школьным путем.

Иордану был знаком греческий язык. Несомненно, от себя, а не следуя Кассиодору, написал он такие слова: «*ut a Graecis Latinisque auctoribus acceperimus*» (Get., § 10). Нет никаких оснований предполагать, что Иордан лишь для эффекта вставил в предисловие к «*Getica*» замечание о сделанных им самим добавлениях из греческих и латинских авторов⁶⁴. Трудно думать, что объяснения, даваемые в § 117 («*in locis stagnantibus quas Graeci ele [hele, haele] vocant*») и § 148 («*??????? id est laudabiles*»), были удержаны в памяти и вписаны механически, а не внесены, исходя из собственного понимания языка и его толкования. К тому же Иордан, по мнению Моммсена, имел возможность с детства слышать и понимать греческую речь, живя в местах, где как раз соприкасались латинский и греческий языки («когда жил во Фракии, т. е. у самых границ обоих языков» – «*cum vixerit in Thracia, id est in ipsis confiniis linguarum duarum*» – Prooem., р. XXVII). Добавим, что и Кассиодор, родиной которого была южная Италия, знал, вероятно, греческий язык с детства.

Вряд ли все упоминаемые, а иногда не названные, но использованные в «*Getica*» авторы прошли только через руки Кассиодора, вряд ли исключительно он мог привлекать латинские и греческие источники. Ведь и сам Иордан, только что просматривавший тексты,

60

61

62

63

нужные для компилирования «Romana»⁶⁵, мог и в «Getica» – иной по форме и назначению работе – применить материал из проштудированной им литературы.

Нет данных для категорического отрицания знакомства Иордана с древними историками и географами. В его трудах есть то явные, то скрытые следы Ливия и Тацита, Страбона и Мелы, Иосифа Флавия и Диона Кассия; он пользовался географическими картами и читал Птолемея, не был чужд и более «новой» литературе, обращаясь к Дексиппу, Аммиану Марцеллину, Орозию, Иерониму, Сократу, готскому историку Аблавию и др. Иордану были знакомы «Энеида» и «Георгики» Вергилия, откуда он иногда брал цитаты, чаще же заимствовал некоторые обороты⁶⁶. Наконец, для последних страниц обоих произведений он отчасти использовал новейший труд своего современника Марцеллина Комита.

Требуется только одна оговорка при анализе источников работ Иордана: в «Romana» можно констатировать его собственные кропотливые выборки из авторов, но в «Getica» невозможно до конца выяснить, какие авторы были привлечены Кассиодором (и, следовательно, только перенесены в сочинение Иордана) и какие из них были использованы непосредственно составителем «Getica»⁶⁷. Во всяком случае едва ли было бы возможно поручить написание ответственного труда (который предполагалось составить по произведению автора, не только просвещенного, но и влиятельного, да к тому же еще здравствовавшего в те годы) человеку, незнакомому с литературой. Изучение того, что написал Иордан, не допускает вывода, что он был стилистом, но вполне доказывает, что он был начитан и образован.

Возвращаясь к слову «agrammatus», нельзя не добавить, что прием самопринижения был, как известно, обычен у средневековых авторов. Так, например, Григорий Турский, несколько раз сопоставлявшийся нами с Иорданом, объявляет себя невежественным и глупым («insipiens»), неумелым («inperitus»), чуждым искусства писателя («iners»); он представляет себе, что *litterati* могли бы обратиться к нему со словами: «O rustice et idiota!» С этими словами созвучны и слова равеннского географа (VII—VIII вв.), который написал: «Licet idiota, ego huius cosmographiae expositor» (IV, 31), рекомендуя себя как автора географического обзора и украшая смиренным эпитетом «idiota» (???????) – «необученный», «несведущий». Оба эпитета – «agrammatus» и «idiota», вероятно, восходят к фразе из «Деяний апостольских» (IV, 13): апостолы Петр и Иоанн были «люди некнижные и простые» («homines essent sine litteris et idiotae», ??? ?????? ?????????? ????? ??? ??????).

64

65

66

Вместе с эпитетом «agrammatus» Иордан – единственный раз на протяжении всего текста «Getica» – назвал свое имя: «Iordannis»⁶⁸. Не будучи одним из обыкновенных и самых частых имен в раннем средневековье, это имя все же встречается в дошедших до нас источниках. Например, в хрониках Кассиодора, Марцеллина Комита, М[?]рия Аваншского (Aventicensis) и Виктора Тоннонского (Tonnonnensis)⁶⁹ под 470 г. указан на Востоке консул Иордан («Severus et Iordanes», «Iordanis et Severi», «Severus et Iordano»). В бумагах, оставшихся после смерти К. Бетманна, одного из деятельных сотрудников изданий «Monumenta Germaniae historica», был обнаружен список лангобардских имен, составленный Бетманном по рукописным материалам монастыря Фарфы; в этом списке отмечено имя «Jordanis»⁷⁰. В 864—865 гг. в защите судебных исков монастыря св. Амвросия около Милана принимал участие скавин монастыря Иордан («Iordannis scavinus avocatus ipsius monasterii»); в грамоте 941 г. относительно продажи земли в окрестностях Милана среди подписей значится подпись Иордана, свидетеля «signum manum (sic!) Iordanni negotians (sic!)... teste»⁷¹.

Ко второму периоду жизни Иордана, когда он, как мы предполагаем, стал «ортодоксом», католиком, и вступил в число так называемых *religiosi* (после того как отказался от арианства и оставил профессию нотариуса), относится его литературная деятельность. Она длилась недолго, всего только в течение двух лет, но была плодотворна.

Иордан написал два довольно больших сочинения. Одно посвящено истории Римской империи, второе – истории готов. Автор представил в своих трудах две стороны политической и идеологической жизни раннего средневековья: продолжала жить «Romania», вступила в жизнь противостоящая ей «Gothia».

Изданию текстов обоих произведений⁷² Иордана Моммсен предпослал обширное вступление – «Prooemium», представляющее собой исследование о Иордане, о его трудах и их источниках, о рукописной традиции и о предшествовавших изданиях. Многое в этом исследовании и до наших дней сохранило научную ценность.

В предисловиях к своим сочинениям Иордан дал им определения, которые и принимаются как их заглавия; но определение истории Рима как «Сокращение хроник»⁷³ (что вполне соответствует сущности работы) неясно, а наименование истории

67

68

69

70

71

72

73

готов – «О происхождении и деяниях гетов»⁷⁴ – длинно, поэтому принято пользоваться теми обобщающими названиями, которые предложил Моммсен: «Romana», «Getica».

Оба предисловия⁷⁵ Иордана написаны в форме обращения к лицам, побудившим автора создать эти труды. «Romana» преподносится Вигилию, которого автор называет другом и братом, употребляя при этом эпитеты «благороднейший» («nobilissime») и «превосходный» («magnifice»), что указывает на высокое общественное положение и знатность Вигилия, который, по-видимому, был крупным должностным лицом⁷⁶. Общим другом (communis amicus) Иордана и Вигилия был Касталий, для которого написано второе сочинение – «Getica». Касталия Иордан называет просто другом и братом, без каких-либо эпитетов.

Отчасти следуя традиции, по которой пишущий обычно изображал себя недостойным своего дела и уничижительно определял свое произведение, отчасти же, вероятно, и оттого, что оба его труда были в значительной мере компиляциями, Иордан говорит и о «Romana» и «Getica» как о «работенке», «произведеньице» («opusculum»); плод своих усилий он называет «историейкой» («storiuncula», – Rom., § 6), «малой, весьма малой книжечкой» («parvus, parvissimus libellus», – Get., § 1; Rom., § 4); признается, что составляет свои труды «бесхитростно» («simpliciter»), без всякого «словесного украшения» («sine aliquo fuso verborum», – Rom., § 7) и вообще не имеет к этому дарования, не обладая ни опытом («nec peritiae»), ни общим знанием жизни, людей, дел, что передано широким понятием *conversatio*.

Уже по предисловиям видно, в чем, собственно, состояла работа Иордана. Для «Romana» он делал выписки из трудов древних авторов⁷⁷, которые затем соединил в хронологическом порядке; это и было «Сокращением хроник». Конец «Romana», где представлены последние годы существования остроготского королевства в Италии, Иордан написал по собственным наблюдениям и, может быть, по каким-либо современным источникам. Большую трудность представляла работа над «Getica». В ее основу, по указанию Касталия, было положено крупное, не сохранившееся до нашего времени произведение Кассиодора, посвященное истории гетов («duodecim Senatoris⁷⁸ volumina de origine actibusque Getarum»). Эту большую книгу Иордан взялся передать «своими словами» («nostris verbis»), не имея перед собой оригинала, который предварительно был предоставлен ему для просмотра всего на три дня⁷⁹.

74

75

76

77

78

79

Таким образом создавались оба произведения Иордана: «Romana» – более легкое для автора, менее ценное для нас, и «Getica» – несомненно трудное для автора и очень ценное для нас.

Следует отметить одну особенность предисловия к «Getica»: Иордан включил в него значительный отрывок из чужого произведения, не называя имени его автора. Приступая к написанию книги, Иордан вдохновился образами морских плаваний и сравнил работу над «Romana» с медленным и безопасным продвижением на лодочке для ловли мелкой рыбы вдоль тихого берега; а работу над «Getica» уподобил выходу в открытое море на парусном корабле. Еще Зибель⁸⁰ в связи с этими сравнениями указал на «плагиат», якобы совершенный Иорданом. Действительно, с первых же слов Иордан повторил, местами буквально, местами с небольшими изменениями, предисловие Руфина (ум. в 410 г.), которое тот приложил к своему комментарию на одну из работ Оригена⁸¹. Обычно Иордана порицают за подобное литературное «воровство». Моммсен даже написал, что Иордан, допустив плагиат, проявил в этом бесстыдство⁸². Такая оценка неверна. Нельзя забывать об особой психологии средневековых писателей, а к ним, конечно, уже принадлежал и Иордан. В его глазах подобное заимствование не только не казалось плагиатом, а, наоборот, было проявлением высшей почтительности к авторитету, даже если он не был упомянут. Руфин, будучи известным писателем, происходил к тому же из Аквилейи и был, значит, близок к культурным кругам Равенны, в которые входил впоследствии и Иордан. Кроме того, и сам Руфин привел, а может быть и повторил, привычные риторические формулы, понятные образованному читателю. Например, образ «трубы» («tuba»), применяемый в тех случаях, когда нужно было подчеркнуть красноречие, был привычен и понятен⁸³.

Иордан дает достаточно ясные указания о времени написания им своих произведений.

В предисловии к «Romana»⁸⁴ автор говорит о «Getica» как о сочинении, написанном «совсем недавно» («jam dudum»)⁸⁵. Время же создания «Romana» указано как в тексте (§ 363) – «император Юстиниан царствует („regnat“) с божьей помощью уже двадцать четыре года», так и в предисловии: автор собрал в «одну книжечку» исторические сведения «вплоть до двадцать четвертого года императора Юстиниана». Годы правления Юстиниана считались с 1 апреля 527 г., когда он был коронован как соправитель Юстина (умершего спустя четыре месяца, 1 августа 527 г.) Двадцать четыре года правления Юстиниана истекли к 1 апреля 551

80

81

82

83

84

85

г.

Последними событиями, которые отмечены и в «Romana» и в «Getica», являются смерть полководца Германа (летом или осенью 550 г.)⁸⁶ и рождение его сына, тоже Германа, во второй половине 550 либо в начале 551 г. Таким образом, оба труда Иордана завершаются описанием одного и того же события, которое автор выделяет как особо важное: Герман-сын соединил в себе род Юстиниана (его отец был племянником Юстиниана) и род Теодериха (его мать, Матасвинта, вдова Витигеса, была внучкой Теодериха).

Окончания обоих произведений Иордана отличаются одно от другого только тем, что изложение «Getica» обрывается на 540 г., когда Велисарий завоевал королевство Амалов, прекратившее самостоятельное существование в момент капитуляции Витигеса, мужа Матасвинты, а изложение «Romana» в общих чертах касается дальнейших судеб остроготов и их последующих предводителей, включая события при Тотиле. Последний в 550—551 гг. продолжал борьбу с Византией, весьма «обрадованный» смертью столь серьезного противника, каким мог быть для него Герман⁸⁷.

Основываясь на данных предисловий к «Romana» и к «Getica» и учитывая хронологический предел, до которого доведены оба сочинения, можно представить работу Иордана таким образом. Иордан поздно начал заниматься литературным трудом; он говорит о себе, что «спал длительное время» («*me longo per tempore dormientem*»). Затем, по предложению Вигилия, он занялся «сокращением хроник» («*de adbreuiatione chronicorum*»). Потом по просьбе Касталия Иордан отложил «сокращение хроник» и занялся спешным, по-видимому, составлением того, что он сам (в предисловии к «Romana») назвал «*de origine actibusque Geticae gentis*» или, соответственно произведению Кассиодора, «*de origine actibusque Getarum*» (в предисловии к «Getica»). По окончании «Getica» Иордан послал Касталию эту «маленькую книжечку» и вернулся к временно отложенной работе над «сокращением хроник», которую вскоре и закончил. Завершая ее, он написал, что Юстиниан «царствует» («*regnat*») уже двадцать четыре года, следовательно, к моменту окончания «Romana» шел 551 г., в котором к 1 апреля кончался двадцать четвертый год правления Юстиниана. К этому времени уже было написано сочинение о готах, и, посылая Вигилию «Romana», Иордан присоединил к нему и «Getica»; «Romana» Иордан также назвал «весьма малой книжечкой».

Итак, если нельзя установить, когда Иордан начал свою литературную деятельность, то с достаточной точностью можно определить время завершения «Getica» и «Romana» — между концом 550 г. и 1 апреля 551 г.

86

87

До нас не дошло сочинение Кассиодора, тот большой его труд в двенадцати «томах», или «книгах», о котором как об основе своей работы говорит Иордан⁸⁸ и о котором неоднократно упоминает сам автор, называя его то «*Historia gothica*»⁸⁹, то «*Gothorum historia*»⁹⁰, то просто «*historia nostra*» или «*origo gothica*»⁹¹. Не отмечено это крупное, по-видимому, произведение и в старых каталогах средневековых библиотек, где нередко названы «*Getica*» и «*Romana*» Иордана. Очевидно, ни в самых богатых книгохранилищах средневековых монастырей (таких, как Корби, Луксей, Боббьо, Рейхенау, Туль, Лобб, Фонтенелль, Монтекассино и др.)⁹², ни даже в папской библиотеке не было труда Кассиодора. О нем нет нигде никаких упоминаний. Кассиодора целиком заменил Иордан.

Рукописи с произведениями Иордана хранились во многих библиотеках, переписывались во многих скрипториях. Иногда они всплывают как вновь открытые даже в наши дни. Таковы, например, фрагменты «*Getica*» из университетской библиотеки в Лозанне⁹³ и так называемый «*Codice Basile*» с большей частью текста «*Getica*» из Государственного архива Палермо⁹⁴.

Почему же так бесследно исчезла «История готов» Кассиодора? Думается, что причиной этого была политическая направленность автора, его определенная тенденция. Ее можно установить по тем немногим упоминаниям о его деятельности как историка и писателя, которые встречаются в обращении короля Аталариха к римскому сенату в конце 533 г. по поводу провозглашения Кассиодора префектом претория⁹⁵. В этом послании сенату, составленном, конечно, самим Кассиодором (что гарантирует точность), указывается, что он занялся древним родом остrogотских королей («*tetendit se in antiquam prosapiem nostram*») и путем розысков почти исчезнувших преданий («*maiorum notitia sana*») и рассеянных по книгам сведений вывел готских королей из тьмы забвения и возродил («*restituit*») Амалов во всем блеске их рода. Таким образом, «начало», или происхождение, готов «он превратил в римскую историю», сделал историю готов частью истории римской («*originem Gothicam historiam fecit esse Romanam*»).

Следовательно, Кассиодор сумел приравнять историю готов, древность готских королей к славной истории Рима, к древности античных героев. Таково было его достижение как автора первой «Истории готов». Но какова была практическая цель такого

88

89

90

91

92

93

94

приравнивания, кого оно интересовало? Иначе говоря, зачем писалась книга Кассиодора?

Многие современные историки давно уже отметили намерение Кассиодора возвеличить готов и род Амалов и тем самым «дотянуть» их до уровня непререкаемой славы римлян. На основе текста Иордана были детально разработаны все случаи искусственного включения истории готов и скифов в историю готов⁹⁶. Предполагалось также, что Кассиодор умышленно причислил к Амалам Евтариха⁹⁷, мужа дочери Теодериха, Амаласвинты (на самом деле, может быть, и не Амала), чтобы показать непрерывность династии остроготских королей. Однако осталась неразъясненной более глубокая цель, ради которой Кассиодор произвел подобную фальсификацию истории⁹⁸.

Сочинение Кассиодора было написано по приказанию Теодериха⁹⁹, оно было нужно королю. Последний, быть может, сам высказал основную идею будущего произведения или же поддержал замысел автора. А идея вытекала из общего социально-политического положения в остроготском королевстве. До конца правления Теодериха в его молодом и, казалось бы, хорошо устроенном государстве, не было того твердого, укоренившегося порядка, который мог бы вселить в короля уверенность в будущем его династии и его страны. Прокопий, человек чрезвычайно наблюдательный и близкий к политике, на первых страницах «Готской войны» весьма выразительно описал правление Теодериха. Теодерих держал в своих руках «власть (?????) над готами и италийцами»¹⁰⁰. Это было основой его внутренней политики. Варварский вождь, «рикс», захвативший фактически выпавшую из империи страну, был, с точки зрения византийца, «тираном», но тот же византиец признавал, что по самостоятельности положения, по значительности власти, по международным связям и по размерам подчиненной территории с коренным италийским и неиталийским населением, с «главой мира» – Римом и с древнейшим его институтом, каким был римский сенат, этот тиран был подобен «истинному императору»¹⁰¹. Как пишет Прокопий, Теодерих снискал себе горячую «любовь» («эрос», ????) и среди готов, и среди италийцев по той причине (здесь же и разъясняемой автором «Готской войны»), что Теодерих был непохож на тех правителей, которые в своей государственной деятельности «вечно» избирают какую-либо одну сторону, в результате чего вызывают одобрение одних и порождают

95

96

97

98

99

100

101

недовольство других, мнению которых «идут наперекор»¹⁰². Так как Теодерих не следовал, как полагает Прокопий, такой пагубной политике, а соблюдал равновесие в своем отношении как к готам, так и к италийцам, он и вызвал к себе «любовь» с их стороны. Однако, таким могло быть только поверхностное впечатление; рассказ, непосредственно следующий за приведенными выше заключениями византийского историка, нарушает нарисованную им картину всеобщей «любви» к правителю.

Конспектируя исследование итальянского историка Ботта, Карл Маркс обратил внимание на двойственность политики Теодериха и на связанные с этим трудности. В «Хронологических выписках» он отметил, что этот король совершил «большую ошибку», потому что «не только сохранил римскую экономику, законы, магистратуру и т. д., но и обновил их в известной мере»¹⁰³.

Замечание Маркса связано с изложением событий у Карло Ботта, который в своей книге «История народов Италии» (1825) писал об уважении Теодериха к римским законам: «Он их не отменял и не заменял законами своей родной страны, как это сделал Хлодвиг в Галлии, он, наоборот, их сохранял, придавая им новую силу благодаря своему могуществу. Для своего дела он считал более полезным сохранить часть старого здания, нежели разрушить его до основания»¹⁰⁴.

Маркс не развил своей мимоходом брошенной мысли о «большой ошибке» Теодериха, но с присущим ему острым чутьем историка кратко оценил политику первого остроготского короля в Италии как неудачную по существу и негодную с точки зрения дальнейшего развития остроготского государства в Италии.

Действительно, Теодерих хотел спаять подвластное ему население Италик – готов и италийцев. В течение почти всех тридцати семи лет правления внешне это ему удавалось¹⁰⁵, но в среде италийской аристократии, в среде крупных землевладельцев, высшего чиновничества и представителей католической церкви, т. е. в тех общественных слоях, которые стояли наиболее близко к королю, не угасало недовольство, вызванное подчинением варварскому вождю.

В то же время не прекращались то единичные, то массовые выступления угнетенных против угнетателей. Теодерих стремился создать себе популярность у господствующего класса и имел в его среде немало приверженцев¹⁰⁶. Однако к концу правления, когда Теодериху было уже около семидесяти лет, он изменил свою политику, так как увидел, что в

102

103

104

105

римском сенате созрел план освобождения от готского владычества и передачи Италии империи. В Константинополе тайным вдохновителем этого плана был, вероятно, приближавшийся к императорской власти Юстиниан. Теодерих, чувствуя атмосферу заговора, в последние три года жизни резко изменил отношение к тем италийцам, которых прежде стремился приблизить к себе и надеялся постепенно подчинить готам. Не доверяя римскому сенату и опасаясь переворота, король, окруженный доносчиками, пошел по пути преследований и пыток. Обнаружение антиготской переписки патриция Альбина с императором повело к падению виднейших представителей римской аристократии, несомненно мечтавших о «libertas Romana» и действовавших против «regnum» Теодериха. Были казнены Боэций, магистр оффиций (magister officiorum), и Симмах, глава сената (caput senati [sic!], ?????? ??? ?????? ??? ???????)¹⁰⁷. По-видимому, пал жертвой Теодериха и не повиновавшийся ему папа Иоанн I, бывший главой посольства из Равенны в Константинополь и умерший, быть может, насильственной смертью сразу по возвращении[103].

Изменение отношения короля к «римлянам» прекрасно отражено в цитированной выше современной событиям анонимной хронике («Anonymus Valesii»). В ней говорится, что Теодерих в течение тридцати лет, с 493 по 523 г., был исполнен «ко всем доброй воли» («bonae voluntatis in omnibus»); в те времена «благополучие наступило в Италии» («felicitas est secuta Italiam...») и «мир среди племен» («ita etiam pax gentibus», – § 59); король «не совершал плохих поступков» («nihil enim perperam gessit»). Но в дальнейшем наступил перелом: «Дьявол нашел путь, чтобы забрать под свое влияние человека, правившего государством без придирок» («hominem bene rem publicam sine querela gubernantem»), и тогда «начал король вдруг яриться на римлян, находя для этого случай» («coepit adversus Romanos rex subinde fremere inventa occasione», – § 83—85). Вот в это-то время и понадобилось Теодериху сочинение Кассиодора. Уничтожая наиболее сильных врагов, король не оставлял, по-видимому, мысли переубедить италийцев, доказать, что им лучше повиноваться готским королям, правящим в Италии, чем далекому византийскому императору.

Склонить верхушку италийского общества на свою сторону заставляли Теодериха и те трудности, справиться с которыми он или его преемники могли бы лишь при условии единения с администрацией страны и крупными землевладельцами и рабовладельцами. Даже в скудных свидетельствах источников, которыми располагают современные историки, заметны признаки непрекращавшейся классовой борьбы в остроготской Италии ¹⁰⁸.

106

107

108

Частичные проявления недовольства колонов и рабов, их нападения на поместья, поджоги и расхищение имущества были, несомненно, обычны, но иногда разгорались и общие восстания (*seditiones*) как в провинциях, так и в городах. Для борьбы с этим упорным народным сопротивлением нужно было соединить силы остроготских королей и италийского имущего класса. Последний же требовалось всеми способами привлечь к прочному союзу с остроготами, к естественному, как казалось Теодериху, подчинению Амалам. Одним из способов достижения этой цели была особая политическая «пропаганда» в виде сочинения, вышедшего из-под пера одного из высших сановников государства, магистра *officiogum* и патриция Кассиодора, и посвященного официальной истории готов, издревле будто бы сплетенной со знаменитой историей римлян. Книга Кассиодора писалась и для укрепления национального сознания остроготов, и для убеждения италийцев в необходимости быть заодно с варварами, государство которых – как должно было внушить сочинение Кассиодора – ничуть не хуже и ничуть не слабее империи. Книга Кассиодора должна была способствовать противопоставлению остроготского королевства империи и отрыву Италии от последней.

Стремление Теодериха опереться именно на италийскую земельную и чиновную аристократию, на Рим с его папским престолом и на римский сенат ярко отражено в обращении Аталариха в 533 г. к членам знаменитой коллегии. «Обратите внимание (взвесьте, оцените – „*perpendite!*“), – сказал король, говоря о заслугах автора „Истории готов“, – какая любовь к вам (римлянам) заложена в этой его (Кассиодора) похвале нам (готам) – „*quantum vos in nostra laude dilexerit!*“: ведь он показал, что племя вашего повелителя удивительно своей древностью, и вами, издавна благородными еще со времен предков, и теперь повелевает древний королевский род»¹⁰⁹.

Замыслом представить династию Амалов и окружающих их готов достойными повелителями римлян, стремлением склонить на свою сторону, приблизить к себе римский сенат как собрание представителей всей италийской аристократии, окраской всего сочинения как трактата, подготовляющего укрепление власти остроготов в Италии, и определялась цель предложенного Кассиодору и выполненного им задания. Его труд должен был, возвысив варваров до уровня римлян, подготовить дальнейшее преобладание варваров над римлянами.

Подобная тенденция не только не годилась для времени, когда Иордану пришлось писать сочинение, но она была бы тогда бесполезной и даже опасной. Уже не требовалось отстаивать равенство готов и италийцев с тем, чтобы оправдать подчинение вторых первым, но было необходимо, с точки зрения италийской и части готской знати, преклониться перед императором, вероятным победителем, и отмежеваться от тех остроготов, которые еще

боролись под предводительством Тотилы. Поэтому труд Кассиодора, в котором за остроготами признавалось господствующее положение в Италии, надо было устранить. Лучше всего этого можно было достичь путем спешной замены его компиляцией, близкой по содержанию, но проникнутой *другим замыслом* и сведенной к *иному заключению*. Такая неотложная и, в сущности, нелегкая задача и была поручена Иордану.

В результате этого труд Кассиодора, уже знакомый определенному кругу читателей, как бы сохранялся в новом труде Иордана (полностью воспроизводилось Кассиодорово возвеличение готов с их искусственно разукрашенным прошлым), но имел другую тенденцию. Она не только обратилась в византийско-верноподданническую – что было нужно ввиду приближавшейся победы Юстиниана в Италии, – но и удачно маскировала ставшую неуместной политическую направленность труда Кассиодора¹¹⁰. В силу этих соображений допустимо предполагать, что Касталий, побудивший Иордана составить «Getica», выражал желание самого Кассиодора и близких ему общественных кругов. Во всяком случае книга Кассиодора в ее первоначальной редакции ко времени перелома в ходе войны в Италии в 550—551 гг. устарела, а впоследствии, по-видимому, была уничтожена.

За четверть века, прошедшую после смерти Теодериха, изменились, вернее, сильно обострились политические отношения в остроготском государстве. К моменту, когда Иордан написал «Getica», резко определились зародившиеся еще при Теодерихе «партии».

Первый остроготский король и его правительство обеспечили преобладающее положение итало-готскому дуализму (правда, он мог быть и был только внешним). Кассиодор, хотя и принадлежал к провинциальной италийской знати, был одним из наиболее выдающихся его сторонников и идеологов; для укрепления союза готов с италийцами (а в этом союзе подразумевалось, по крайней мере готами, нарастание готского влияния и все больший отход от Восточной Римской империи) он написал «Историю готов». Однако, это политическое мировоззрение в неустроенном и еще не спаянном обществе остроготского государства не могло быть прочным и длительным. Уже в правлении Теодериха наметились два крайних крыла: условно их можно назвать «итало-византийским» («партия» Альбина, Боэция и Симмаха) и «ультраготским» (его к концу жизни, после казни Боэция, придерживался, собственно, сам король). Хотя в 533 г. перед римским сенатором восхвалялось сочинение Кассиодора, но король (вернее, его готское окружение) уже видел в этом труде идеалы того направления, которое выше названо «ультраготским». Трудно думать, что Кассиодор, «vir clarissimus» и «illustrissimus», патриций, мог всецело примкнуть к нему, хотя он и был до 537 г. префектом претория, высшим сановником в остроготском

правительстве. Вероятнее всего, что он с чрезвычайной осторожностью лавировал между приверженцами «ультраготского» и «итало-византийского» течений, втайне склоняясь ко второму. При Аталарихе оба течения резко противостояли одно другому, обе «партии» определились с полной отчетливостью. Амаласвинта не восприняла идеалов своего отца. Уступив сына представителям «ультраготского» направления¹¹¹, она вела с ними ожесточенную борьбу. Наследница Амалов симпатизировала только римлянам и преследовала несогласных с ней готов. «Партию» ультраготов возглавляли три родовитых готских военачальника, не названные Прокопием по именам. Считая их своими злейшими врагами, Амаласвинта добилась их удаления из Равенны, а затем и уничтожения. Прокопий говорит о заговоре (?????)¹¹² этих готских военачальников против Амаласвинты и о том, что она, дочь Теодериха, была ненавистна (?????????) самым знатным готам¹¹³; опасаясь за свою жизнь, она задумала отдать Италию Юстиниану¹¹⁴. В полном смысле слова «византийская» (и «гото-византийская», и «итало-византийская») «партия» существовала в остроготском королевстве в ярко выраженной форме еще до 535 г., до того момента, когда Амаласвинта была убита по приказанию своего мужа Теодахада. Сторонники Амаласвинты – а к ним принадлежали все италийцы и часть готов – были глубоко потрясены ее смертью: они потеряли в лице королевы вождя их «партии»¹¹⁵. Преобладающее влияние перешло к «ультраготам», не признававшим подчинения императору. Их представителями были Витигес, еще связанный с династией Амалов через брак с Матасвинтой (внучкой Теодериха), Ильдибад (540—541) и наиболее выдающийся из последних остроготских правителей Бадвила-Тотила (541—552). Борьба с империей была очень тяжела для готов, и потому их вожди, хотя и стремились вернуть своему народу власть над всей Италией¹¹⁶, но, не рискуя прибегать к решительным мерам, пробовали склонить императора к переговорам¹¹⁷. Еще до 540 г. Витигес выдвинул предложение, чтобы византийцы заняли Италию южнее реки По, а остроготы распоряжались лишь областями севернее этой реки¹¹⁸, где главными их центрами были города Тицин (Ticinum, ??????, иначе – Павия) и Верона. Отсюда, с левобережья По, остроготы и вели войну (в ее последний период)¹¹⁹.

Общее положение в последний период войны, соотношение сил и наличие двух

111

112

113

114

115

116

117

118

направлений в политических взглядах и действиях готов и италийцев определили замысел, которым должен был руководствоваться Иордан при составлении «Getica». Естественно, что политическая установка Иордана в 551 г. была иной, чем Кассиодора в 526—527 гг., когда он приступил к своему сочинению.

Политическая направленность Иордана выражена в последних фразах «Getica» и сквозит в конце «Romana». Автор представил племя готов как весьма древнее и прославленное, но он признавал, что в его время высшая слава и господство над всеми племенами принадлежали только императору. Иордан подчеркивает, что, воздав хвалу готам и роду Амалов, он – и в этом главное – признает, что еще большей хвалы достойны Юстиниан и его военачальник Велисарий: «сам достойный хвалы, род этот („haec laudanda progenies“) уступил достохвальнейшему государю („laudabiliori principi cessit“), покорился сильнейшему вождю». В этих словах – преклонение перед империей, пренебрежение былой фактической независимостью своего государства; хотя оно названо *famosum regnum*, хотя готы – *fortissima gens*, тем не менее их «покорил победитель всяческих племен („victor gentium divesarum“), Юстиниан император».

В заключительных словах – двукратное, настойчивое повторение глагола *vicit*: трактат написан «во славу того, кто победил» («ad laudem eius qui vicit»), и на этом закончен труд о «древности и деяниях гетов, которых победил („devicit“ – „окончательно осилил“) Юстиниан император».

При каких же обстоятельствах и где написал Иордан «Getica»?

Прежде всего надо напомнить, что хотя в 540 г. Велисарий и был победителем, хотя он и привез в Константинополь сдавшегося ему готского короля и жену его, внуку Теодериха, вместе с захваченными в Равенне сокровищами Амалов, тем не менее на этом война в Италии, как известно, не кончилась. Иордан же намеренно прервал свое повествование именно на моменте, который был победоносным для Византии и финальным для остроготского королевства со столицей в Равенне и с династией Амалов во главе.

В дальнейшем военные действия принесли удачу готам, отчаянно боровшимся под руководством Тотилы. Вначале готы имели небольшое войско и чуть ли не один город, оплот готов в северной Италии – Тицин. Но с годами их сила (причем не только военная, но и моральная) очень возросла. К Тотиле стекались, кроме его соплеменников, и солдаты, переходившие к готам из римского войска¹²⁰. К Тотиле бежали крестьяне (??????), «поля которых он старался щадить»¹²¹, и рабы, которым он твердо обещал защиту от бывших

119

120

121

господ¹²².

Таким образом, с ходом войны положение Тотилы заметно укреплялось не только в результате значительных территориальных завоеваний, но и потому, что к нему обратились симпатии широких масс местного населения и его поддерживало большинство италийцев¹²³.

Простые обитатели Италии испытывали бедствия от войны и от «обоих войск»¹²⁴, но они сочувствовали готам¹²⁵ и ждали их победы. Характерно, что, когда Велисарий в 544 г. обратился к людям, ушедшим к Тотиле, никто из них не пожелал вернуться к византийцам, причем Прокопий записал, что «не пришел никто из врагов – ни гот, ни римлянин»¹²⁶. Не менее показательным и то, что если в «готском» войске Тотилы были римляне, то в римском войске против своих же сражались, правда единичные, готы. Это были, по-видимому, только крупные командиры¹²⁷. Таким образом, противники в готской войне в Италии в значительной мере различались по классовому признаку, а не только по происхождению или по подданству.

После больших военных успехов, двукратного взятия Рима и захвата многих областей Италии¹²⁸ вплоть до Сицилии силы Тотилы стали истощаться, силы же византийцев укреплялись. Свидетельства Прокопия об этом периоде поистине замечательны своими подробностями. В его сообщениях о посольствах Тотилы к Юстиниану видно, как менялось соотношение сил в пользу империи. После первого захвата Рима готами (17 декабря 546 г.) Тотила предлагал императору мир на условиях, которые, как он писал в своем послании, должны были возродить «прекраснейшие примеры» (??????????) отношений, установившихся некогда между Анастасием и Теодерихом. Если бы Юстиниан согласился на это, то Тотила звал бы его отцом, а готы стали бы его союзниками¹²⁹. Юстиниан принял послов (это были дьякон Пелагий и ритор Феодор) и ответил Тотиле письмом. Однако он уклонился от определенного решения, сославшись на то, что Велисарий предоставлены чрезвычайные полномочия по всем делам в Италии.

После того как готы вторично заняли Рим (6 января 550 г.), Тотила снова отправил посольство к Юстиниану, предлагая кончить войну и заключить с готами договор (??????????)

122

123

124

125

126

127

128

129

?? ?????? ????????)¹³⁰. На этот раз Юстиниан не разрешил послу (это был римлянин Стефан) явиться к нему («не пустил его на глаза») и не нашел нужным как-либо реагировать на предложения Тотилы. Хотя Велисарий был недавно отозван из Италии и там не было главнокомандующего, но Юстиниан, объявив выдающегося полководца Германа «автократом войны с готами и Тотилой»¹³¹, надеялся на победу. После этого было еще несколько посольств¹³² от готов в Константинополь, но император не обращал на них внимания, не допускал к себе послов и проявлял полное пренебрежение к своим врагам, не желая даже слышать их имени¹³³. Война подошла к решающему моменту, значительность которого понимали обе стороны. Таким моментом стал морской бой за Анкону. Ему Прокопий посвятил немало страниц (Bell. Goth., IV, 23, 1—42). Анкона находилась во власти византийцев: она была единственной их опорой на Адриатическом побережье, и отстоять ее значило выиграть войну, тянувшуюся уже почти семнадцать лет. Для готов же было предельно важно захватить эту прибрежную крепость и, таким образом, отрезать Равенну по берегу от богатого продовольствием юга Италии. Серьезность предстоящей схватки отражена Прокопием в приводимых им «речах»¹³⁴ византийских полководцев (Иоанна и Валериана) и Тотилы. Как бы риторичны ни были эти, вероятно, никогда не произносившиеся речи, все же они рисуют подлинную картину той фазы войны, которая проходила в интересующие нас 550—551 гг. Обе «речи» недлинные, выразительные и даже взволнованные. Византийцам положение представлялось особенно трудным. В их «слове» констатируется, что готы занимают большую часть итальянских земель и даже господствуют на море (???????????????? ???? ??????), что предстоит бой не за одну Анкону, а за победу в целом: наступил кульминационный момент борьбы (?? ??? ?????? ?????????), исход битвы определит окончательный поворот судьбы (??? ????? ?? ?????). Тотила же, видя, что война разгорается с новой силой, был еще полон решимости и уверенности в победе¹³⁵, хотя знал, что для его противника Анкона – решающая ставка, и потому натиск может оказаться неодолимым. Так и случилось. Византийский флот выиграл сражение, потопив или разогнав все готские корабли. Если в 544 г. начальник византийских войск в Италии Константианин писал из Равенны императору, что он бессилен (????????) противостоять готам, а византийские командиры не могут скрыть страха перед этой войной (????? ??? ??????)

130

131

132

133

134

135

????????)136, то теперь, в 550 г., после поражения при Анконе, готы впервые пали духом: «Эта битва совершенно разрушила и самоуверенность, и мощь Тотилы и готов»137. К 551 г, война для готов, несмотря на то, что они продолжали сопротивляться, была, собственно, кончена. Они понимали это, и силы их от такого сознания еще более слабели; в страхе (???????? ?? ?????????), испытывая настоящее страдание (????????????), они после разгрома под Анконой «оставили мысль о войне» (?? ?????? ?????????)138. Допуская в данном случае со стороны Прокопия некоторое преувеличение слабости и отчаяния готов, нельзя не видеть в его словах и большой доли истины.

На этом-то фоне, взятом в целом, с учетом положения на войне и перспектив дальнейшего развития событий, при явном повороте успеха в сторону Византии, в определенных общественных кругах было решено создать трактат о готах, в прошлом славных и непобедимых, а в настоящем преклоняющихся перед императором-победителем. Это решение выразить свои политические идеалы, которые не противоречили бы политике империи и вместе с тем сохраняли бы значение племени остроготов, родилось в среде италийской знати и связанных с ней готов провизантийской ориентации. К этим же кругам принадлежали многие влиятельные лица, эмигрировавшие из Италии в Константинополь; среди них были сенатор и патриций Либерий139, сенатор, консуляр и патриций Цетег (??????, ??????, Caetheus, Cethegus)140; в Константинополе, возможно, находился тогда и Кассиодор141. Такое сочинение должно было наводить на мысль о готах, утеравших свою правящую династию, которая влилась в семью византийского императора, о готах, уже и не мечтающих о своем государстве и не имеющих якобы не только надежды, но и желания владеть «Гесперией», – хотя в бесплодной борьбе за нее они потеряли большинство своего народа, – о готах, якобы готовых раствориться в громадной массе подданных византийского василевса142.

Сочинение Иордана является не чем иным, как политическим, если не своеобразно-публицистическим трактатом, созданным по требованию определенной общественной группы в известный переломный для нее политический момент.

Следует отметить, что приблизительно к подобному толкованию, но совсем не раскрыв его, подошел еще Л. Ранке. В последних фразах своего очерка об Иордане, в приложении к

136

137

138

139

140

141

142

«Всемирной истории»¹⁴³, он очень осторожно высказал предположение, что Кассиодор был «der intellektuelle Urheber der Schrift des Jordanes» и что книгу Иордана надо рассматривать как работу, основанную на предварительных исторических исследованиях и в то же время как политико-исторический труд по истории готов, приуроченный к определенному моменту («zwar als eine auf historische Vorstudien basierte, aber zugleich auf den Moment angelegte politisch-historische Arbeit über die Geschichte der Gothen anzusehen ist») ¹⁴⁴. Никто из историков после Л. Ранке не подхватил его мысли; ее лишь иногда цитировали без дальнейшего разъяснения¹⁴⁵. Только в самое последнее время появились некоторые более свежие суждения о характере и целях литературного творчества Иордана и вновь возникла мысль о политическом содержании «Getica», подобная той, какую некогда вскользь высказал Л. Ранке.

Выше уже говорилось о статье советского филолога В. В. Смирнова. Автор поставил перед собой задачу пересмотреть литературу об Иордане и «воссоздать», как он пишет, его биографию. Правда, он смог посвятить этой важной теме очень короткий очерк – всего 22 страницы, и поэтому далеко не все его соображения развиты и доказаны. Соглашаясь с некоторыми ранее высказывавшимися предположениями относительно фактов биографии готского писателя, В. В. Смирнов пришел к выводу, что Иордан был выразителем политических идеалов именно Кассиодора (закончившего книгу о готах еще в период правления Аталариха, до 533 г.) и согласной с ним готской и италийской знати, эмигрировавшей в Константинополь. Иордан, по мнению В. В. Смирнова, был «преданным слугой Амалов» и «ярким сторонником византийской ориентации», «ярким пропагандистом провизантийской политики»¹⁴⁶ готов во время войны между империей и готами Тотилы. Однако колебаний и поворотов в политике гото-италийской среды в течение бурного времени с 30-х по начало 50-х годов VI в. В. В. Смирнов не отметил и в связи с этим не увидел особенностей политической установки Иордана и той политической направленности, которая диктовалась временем, когда Кассиодор создавал свое, несомненно соответствующее моменту сочинение.

Другой работой, где творчество Иордана, биографические данные о нем и обстановка, в которой он писал, подвергнуты тщательному исследованию, является уже упоминавшаяся нами книга итальянского историка Фр. Джунта. Автор усматривает в произведениях Иордана плод единого замысла, отражение двух миров его времени – мира римского и мира

143

144

145

146

варварского, готского. Он проводит четкую грань между политическим идеалом Кассиодора и политической тенденцией Иордана, различая условия, в которых проявляли свое отношение к окружающим событиям оба писателя. Если Кассиодор возвышал Готию, то Иордан (в иной исторический момент) возвеличивал Романию – империю Юстиниана, Велисария. В труде Иордана, по мнению Джунта, любовь к своему народу сочетается с преклонением перед Романией; он мечтал о мирном их слиянии и возлагал надежду на молодого Германа – потомка дома Амалов по матери и дома Юстиниана по отцу. Однако необоснованным кажется представление Джунта об Иордане, – в главе о политической мысли Иордана (стр. 165– 185), – который будто бы вырабатывал, а затем письменно выражал свои политические убеждения и планы независимо от среды, как бы не принадлежа к определенным слоям современного ему общества.

В связи с политическим направлением, выраженным в «Getica» интересен вопрос о том, где же Иордан мог написать свое сочинение.

Трудно представить себе, чтобы произведение с яркой политической окраской могло быть создано вдали от мест крупных событий.

Поэтому мнение Моммсена о каком-то (?) мезийском монастыре, где будто бы писал Иордан, не соответствует исторической обстановке. В те годы, когда рождался труд Иордана, даже столица империи, охваченная беспокойной атмосферой богословских диспутов, которые тогда приобрели широкий международный характер, кажется несколько отдаленной от событий, вызвавших составление «Getica». В Константинополе едва ли были люди, столь живо интересовавшиеся судьбой остроготов (именно политическим и социальным положением последних, а не только территорией бывшей Западной империи в Италии), чтобы читать сочинение, посвященное лишь одному варварскому народу, а не всемирной истории с империей в центре. Острый, животрепещущий интерес к теме труда Иордана и его выводам мог возникнуть только в Италии: с одной стороны, в Равенне – недавней столице остроготского королевства и центре возвращающейся в «Гесперию»¹⁴⁷ византийской власти, с другой стороны – в областях к северу от Пада (реки По), где лежали земли, наиболее крепко захваченные остроготами, где был город Тицин, новый их центр после потери Равенны в 540 г.

В силу сказанного естественнее всего местом написания «Getica», местом работы автора, который имел целью склонить представителей своего народа к покорности империи, считать Равенну¹⁴⁸.

После того как капитулировал Витигес и была вывезена в Константинополь

147

148

королевская чета вместе с сокровищами из дворца Амалов, Равенна оставалась в руках византийцев весь последующий период войны. Там образовалась военная и административная база империи, туда прибывало греческое и сочувствовавшее грекам население, и оттуда уходило население готское. Вскоре после того как Велисарий занял Равенну, с его разрешения готы стали покидать город, как об этом сообщает Прокопий, бывший свидетелем вступления войск Велисария в Равенну¹⁴⁹ и первых административных мер, принятых победителями. Когда общее положение определилось, в городе стало ромеев столько же, сколько и готов¹⁵⁰, а позднее готов стало, вероятно, значительно меньше. Тогда же сдались окружающие Равенну готские крепости в Венетиях, в том числе Тревизо. Форпостом готских владений осталась хорошо защищенная Верона, а средоточием готских сил и готского влияния стал город Тацин – Павия (???????). На многих страницах «Готской войны» мелькают упоминания о Равенне, которая в изложении Прокопия выступает как опорный пункт империи, соединяющий ее с Италией¹⁵¹. Равенна в то время была и частью Византии и частью Италии, за которую шла война. Равенна объединяла в себе как империю, с которой была постоянно связана, так и варварский борющийся мир, все еще близкий и опасный, хотя понемногу и отступающий. Отступление остроготов, сначала едва намечавшееся, а после разгрома флота Тотилы в морском бою за Анкону ставшее несомненным, ярче всего сказывалось в Равенне. В Равенне же быстрее всего стала ощущаться соответственная реакция готского центра в Тицине. Именно из Равенны должна была идти в готскую (правящую, конечно) среду пропаганда за признание остроготами власти императора, за отказ от собственной политической самостоятельности.

Место создания «Getica» как бы обусловлено некоторыми замечаниями, сделанными Иорданом, правда не совсем понятными. Иордан, взявшийся за такую работу, которая должна была быть построена на основе пространного сочинения Кассиодора, не мог иметь этого сочинения перед глазами. Иордан пишет с огорчением и даже беспокойством, что главная тяжесть («super omne autem pondus») для него как автора состояла в том, что он – всего в течение трех дней – «предварительно перечитал эти книги» («libros ipsos antehac relegi») и то лишь по милости диспенсатора¹⁵², т. е. управляющего Кассиодора, а в дальнейшем писал ответственное и длинное сочинение по памяти, не воспроизводя, конечно, подлинный текст образца, но опираясь на удержанные в сознании смысл («sensus») и ход событий («res actas»).

149

150

151

152

Трудно было объяснить, почему Иордан оказался в таком положении¹⁵³. Но в связи со сказанным выше это объяснение получается само собой. Сочинение Кассиодора не было, по-видимому, распространено (ведь оно было закончено тогда, когда готская правящая верхушка склонялась не только к союзу, но и к подчинению Юстиниану)¹⁵⁴; оно, надо думать, сохранялось в Равенне, где чаще всего жил Кассиодор, который в 550—551 гг. был, как уже отмечалось, по всей вероятности, в Константинополе. Сочинение Кассиодора, как и все его имущество, находилось в ведении диспенсатора, который и выдал Иордану нужный ему кодекс, причем только на очень короткое время, потому что книгу из-за выраженной в ней тенденции (утверждение права остроготов на полную независимость их королевства, почти противопоставление его империи) надо было скрывать, чтобы не скомпрометировать автора* [* Иордана?] в тот острый политический момент. Этим объясняется «трехдневное чтение» («triduana lectio») труда Кассиодора. Теперь не покажется каким-то, так сказать, «кокетством» со стороны автора его сетование на «трехдневное чтение» двенадцати книг Сенатора. К тому же нельзя забывать, что Иордан не брался воспроизвести оригинал дословно; он получил заказ на сокращение и на передачу его «своими словами» («nostris verbis»). Несомненно, что Иордан прежде имел возможность спокойно и внимательно прочесть всю книгу Кассиодора и, быть может, сделать для себя некоторые выписки из нее; теперь же, взяв на себя обязательство кратко изложить обширный труд, он, конечно, должен был освежить его в памяти. Он получил сочинение Кассиодора для кратковременного просмотра и действительно только просмотрел его, но при этом ему пришлось напрягать внимание, чтобы сохранить в памяти просмотренный материал. Иордан об этом говорит дважды. Не в состоянии запомнить текст Кассиодора буквально («verba non recolo»), он заставил себя целиком запомнить («integre retinere») содержание и ход изложения. Вероятно, он снова сделал для себя некоторые необходимые выписки (не втайне ли от бдительного диспенсатора, хранителя интересов Кассиодора?) Такого рода работа, только не в условиях спешки, бывала обычной в практике средневекового писателя: требовалось ссылаться на предшественников, особенно на тех, которые считались «авторитетами», более того, обильно цитировать их (чаще всего без указания имени), а книг было мало, и не всегда они лежали под рукой. Зато выручала тренированная богатая и цепкая память средневекового автора и писца.

Сторонники того, что Иордан был епископом в калабрийском городе Кротоне, считали, что диспенсатор Кассиодора выдал Иордану книгу своего господина из библиотеки Вивария, расположенного поблизости от Кротона. Почему в таком случае был столь скуп на сроки

153

154

этот диспенсатор, остается неясным. Надо принять во внимание, что Виварий был основан после 550 г.¹⁵⁵ и книги Кассиодора в 550—551 гг., накануне отправки их в Калабрию (в Виварий), были, надо думать, еще в Равенне. Поэтому едва ли мог человек из Кротона – каковым хотят видеть Иордана – уже в 550—551 гг. брать книги из библиотеки Вивария.

В предисловии Иордан предлагает Касталию добавить в его труд все, что тот найдет нужным, так как Касталий, будучи «соседом племени» готов (*«ut vicinus genti»*), может лучше, чем Иордан, развить то, о чем сказано недостаточно (*«si quid parum dictum est»*). Конечно, эти дополнения могли касаться лишь выражения тенденции труда Иордана, а не его содержания, которое базировалось на авторитете Кассиодора, первого специалиста по истории готов. Но почему же Иордан, находясь в Равенне, назвал Касталия «соседом племени», указывая тем самым на его более близкое соседство с остроготами? Это можно объяснить тем, что Касталий находился в пределах владений готов, например, – что вероятнее всего, – в их центре, в городе Тицине, или в тех землях, к северу от р. Пада, которые готы, даже уступая империи, хотели сохранить за собой¹⁵⁶. Иордан же пребывал в византийской стороне, в Равенне.

Думающие, что Иордан написал свой труд в Константинополе, считают, что Касталий, находился в Италии и был таким образом «соседом племени» остроготов, а Иордан, живший в Константинополе, был вдалеке от них. Нам кажется более ярким и более убедительным противопоставление Иордана, находившегося в византийской Равенне, Касталию, находившемуся в остроготском Тицине, или в Вероне, или еще где-либо к северу от реки Пада.

Можно подкрепить мысль о месте работы Иордана еще следующими соображениями. Подробные описания областей на Балканском полуострове, преимущественно Мезии, на что указывал Моммсен, не обязательно связывать с присутствием автора «*Getica*» в столице Византии. Эти описания вполне естественны для человека, хорошо знавшего и помнившего свою родину где-то на правобережье нижнего Дуная. Пребыванию Иордана в Равенне совершенно не противоречит его интерес к делам Восточной империи, на что также указывал и Моммсен и другие ученые. Равенна всегда, а в интересующие нас годы особенно, была связана не только с Далмацией, но и с Иллириком, с Паннонией, со всем Подунавьем; через Балканский полуостров и с севера, и из-за моря к ней шли пути из Константинополя. Этой же близостью Равенны к событиям на Балканском полуострове надо объяснять и тревогу, которую Иордан, сам уроженец Подунавья, выразил в конце «*Romana*» (и в § 37 «*Getica*»), говоря о страшных набегах антов, склавенов и болгар.

155

156

Даже беглые наблюдения наводят на мысль о Равенне как месте написания «Getica». Едва ли в Константинополе, в крупнейшем городском центре, где в любых социальных кругах жизнь развивалась интенсивно, а интерес в области внешней политики отнюдь не сосредоточивался только на итальянских делах, был бы почитаем Кассиодор, некогда главная фигура в остроготском королевстве, и было бы эффективно восхваление варварской династии Амалов. Не в Константинополе, а в Равенне стал известен тот писатель, которого так часто и с таким уважением упоминал на страницах своей «Космографии» анонимный равеннский географ. Не с Константинополем, а с Равенной связывали Иордана переписчики его труда в различных монастырских мастерских письма; это они в VIII—IX вв. называли его, хотя, по-видимому, и ошибочно, епископом равеннским.

Еще некоторые детали. Когда Иордан писал о приходе в Италию Алариха, который шел по обычному пути через Эмону и Аквилейю на Равенну, то он, Иордан, выразил это так: «правой стороной („dextroque latere“) вошел он в Италию» (Get., § 147). Эти слова о появлении войска «справа» могли принадлежать только человеку смотревшему с юга из Италии, точнее – из Равенны, к которой приближался Аларих, обогнув северное побережье Адриатического моря, перейдя реку Изонцо, миновав Аквилейю. Когда же Иордан писал о месте поселения свавов в западной части Пиренейского полуострова, то он сказал, что Галлиция и Лузитания «тянутся по правой стороне Испании („in dextro latere Spaniae“), по берегу Океана» (§ 230), т. е. он как бы смотрел с севера, через Галлию, по направлению воображаемого пути из Италии в Испанию.

Таким образом, все данные о Иордане и его книге, будучи поставлены в естественную связь с исторической обстановкой, сходятся на том, что он мог написать свой труд скорее всего в Равенне.

Читающего «Getica» с первой до последней страницы не покидает неприятное чувство, что автору было чрезвычайно трудно облечь в литературную форму свое сочинение. В нем встречаются неуклюжие фразы, грубые нарушения синтаксиса, нагромождения, неожиданная путаница в падежах. Иордану тяжело далось построение его труда. На первый взгляд читателю может показаться, что автора вовсе не беспокоила композиция его работы и что он ограничился беспорядочным «выкладыванием» всего имевшегося у него материала.

Несомненно, что тема, заданная Иордану Касталием, была гораздо сложнее и труднее, чем тема, заданная ему Вигилием. Когда Иордан не спеша занимался «сокращением хроник», составляя «Romana», ему почти не приходилось заботиться о композиции: без особых размышлений нанизывал он один за другим факты, черпаемые из того или иного авторитетного источника; план заменяла хронологическая последовательность, и компиляция вырастала сама собой. Такая работа требовала известных познаний, большой

аккуратности при распределении материала, однако она была проста. Но вовсе не легко было, оторвавшись от выборок из чужих трудов, написать специальную историю одного племени, хотя и пользуясь для этой цели образцом в виде крупного произведения Кассиодора. В этом случае нельзя было ограничиться расстановкой фактов в хронологическом порядке; надо было передать по памяти цельный, нелегко написанный текст и, не нарушая его идеи, одновременно выразить в нем новый замысел.

Сложность подобной задачи и зачастую тщетное старание автора преодолеть эту сложность, не потерять основную линию темы сказались на построении «Getica».

Как было сказано выше, Иордан не имел целью повторить сочинение Кассиодора; он лишь в основном опирался на него, заимствуя, конечно, факты и показывая их взаимосвязь, сохраняя тенденцию прославления племени готов, воспроизводя ссылки на античных авторов, привлеченных в известной степени Кассиодором, а не им самим. Но необходимость сократить большой труд и передать его «своими словами» принудила Иордана попытаться в какой-то мере по-своему построить произведение и определить в нем соотношение частей. Поэтому едва ли следует предполагать в «Getica» точную копию Расположения материала «двенадцати томов» Кассиодора.

Композицию произведения Иордана нельзя считать удачной. Она лишена ясности и четкости, отягчена плохо осуществленным переплетением главного и побочных сюжетов, затемнена избытком крупных и мелких отступлений.

Как же построено сочинение Иордана, из каких основных частей оно состоит?

Начало «Getica» трафаретно. Основываясь на сочинении Орозия, Иордан дает географический обзор мира¹⁵⁷. Однако он сразу же сокращает это обычное для многих писателей его времени вступление, занявшись только островами, что выдает желание автора поскорее подойти к рассмотрению «острова» Скандзы, откуда, подобно «пчелиному рою», появилось то племя (gens), судьбам которого посвящено все сочинение. Уже здесь, по-видимому, намечается монографический характер труда Иордана. «Propositum» Иордана (он сам употребляет это слово), его основная тема – история готов, разделившихся на две ветви – везеготов и остроготов. Соответственно этому повествование в «Getica» распадается условно на три отдела:

1) о готах, которые со Скандзы переплыли к устьям Вислы, затем передвинулись на юг в «Скифию» и жили на побережье Черного моря до гуннского нашествия¹⁵⁸;

2) о везеготах, ушедших из Причерноморья за Дунай, затем продвинувшихся на запад –

157

158

в Италию, Галлию, Испанию¹⁵⁹;

3) об остроготах, также, но позднее, чем везеготы, покинувших Причерноморье и после пребывания в Мезии и Паннонии осевших в Италии¹⁶⁰.

Автор не представил ни одного из этих отделов в виде особой, цельной главы. В ходе изложения он делал отступления¹⁶¹, которые, при всей их необходимости, рвут ткань рассказа. Еще дальше уводит от темы наиболее искусственная часть «Getica» – отягощающее первый отдел длиннейшее наращивание истории готов, нарочитое углубление ее «древности» путем прибавления истории скифов и гетов; ценное, интересно развитое начало темы – о выходе готов на историческую арену – резко нарушено включением неживых, застывших фактов из античной мифологии (амазонки, троянские герои) и истории (Кир, Дарий и Ксеркс, Бурвиста и Дикиней, даки и геты, их войны с Римом и т. п.)¹⁶², обедненных под пером средневекового писателя.

Последовательному распределению материала в отделах о везеготах и остроготах мешало то, что автор не сумел или не успел достаточно обдуманно разместить рядом с доминирующей темой темы, если и не маловажные, то все же побочные по отношению к центральной. Описывая события одной из сложнейших эпох в истории Европы и Средиземноморья, Иордан, конечно, был обязан говорить и о множестве племен, и об обеих империях, и о варварских союзах и государствах, и о державе Аттилы, и о крупных политических деятелях, достойных подробной характеристики. Из всего этого вырастали значительные и ценнейшие экскурсы. Иордан сохранил, например, великолепные отрывки из фрагментарно дошедших до нас записей Приска – самое детальное описание Каталаунской битвы, поход Аттилы в северную Италию, портрет Аттилы, погребение Аттилы и т. п.¹⁶³ Таким же образом Иордан сообщил существенные данные о склавенах и антах¹⁶⁴, о вандалах¹⁶⁵ и гепидах¹⁶⁶, о готах, оставшихся на нижнем Дунае¹⁶⁷, и т. п. Все это – драгоценнейшие исторические свидетельства, но от их присутствия в некоторой мере пострадала монография Иордана. Отдельные экскурсы, неожиданно возникая то там, то здесь на страницах труднейшего по языку текста, создают впечатление, что автор его перекидывается с одной темы на другую, а самые темы надвигаются друг на друга и как бы

159

160

161

162

163

164

165

166

167

не помогают, а препятствуют уяснению главных вопросов¹⁶⁸.

Автор «Getica» несомненно понимал, что в процессе литературного изображения сложной эпохи многое отвлечет его от основной темы. Поэтому он непрестанно одергивает себя, заставляя вернуться к главному. Напоминания о том, что следует обратиться к исходному, самому существенному материалу повествования, попадаются у Иордана очень часто. Свыше десяти раз автор заявляет почти одними и теми же словами: «ad nostrum propositum redeamus», «unde digressimus ordine redeamus», «redeundum est», «necesse est nobis... redire», «ad gentem revertamur» и т. п.¹⁶⁹ Но при всей примитивности такого приема эти напоминания даже полезны: они облегчают читателю выяснение ведущих элементов изложения.

И тем не менее невозможно не признать, что, несмотря на общую перегруженность и даже «сумбурность» писаний Иордана, он не только не забывает, но старательно выдвигает главное. На протяжении всего труда видно, что автор напряженно следит за тем, как бы не ушла с первого плана именно история готов, в дальнейшем – везеготов и особенно остроготов. И вот это-то ощутимое напряжение автора, эти его скучные подчас возвраты к прерванному, эти длинные, отвлекающие, иногда самодовлеющие экскурсы и мелкие отступления в целях пояснить, углубить главное, – все это в конце концов подчеркивает смысл и значение основной «заданной» темы и своеобразно оттеняет композицию его труда.

Для современников Иордана, для его единомышленников главное в «Getica» состояло в политической тенденции сочинения, в котором сочетается восхваление готов и их королей с призывом к подчинению побеждавшей в то время империи. Сейчас это, разумеется, малозаметно. Только кропотливый анализ сопутствующих явлений и их отражения в ряде источников дает возможность восстановить обстановку, обусловившую рождение подобного труда, и, следовательно, правильно характеризовать его. С веками произведение Иордана приобрело новую ценность. При всех его недостатках оно занимает почетное место среди источников своего времени; более того, оно в своем роде уникально и может стоять в одном ряду с другими историческими памятниками VI в. Со страниц произведения выступает то, о чем едва ли помышлял его автор: грандиозная картина становления нового мира, вытесняющего мир старый, картина упорной и длительной борьбы отживающего с нарождающимся. У Иордана нет столь интересующих нас и ценных данных о социальной и экономической жизни его эпохи, тем не менее из его неяркого рассказа это новое видно в натиске и распространении многочисленных варварских племен (ни у одного автора нет

168

169

такого количества этнических названий как у Иордана)¹⁷⁰, старое – в идеалах уже нереального всемирного господства отживающей, хотя в тот период, когда пишет Иордан, победоносной, империи. Автор «Getica» даже не критикует империю, предвидя ее ближайшее торжество, но недостаточность ее сил, выступающих против варваров, угадывается и в почти бесстрастном, несмотря на определенную направленность, повествовании. В то же беспокойное и для Италии, и для многих других стран Европы время, осветил это положение Прокопий. Достаточно напомнить одну из первых фраз «Готской войны», фразу, которую нельзя не воспринять как лейтмотив этого произведения: «В той же мере, в какой дела варваров в отношении ромеев процветали, честь ромейских солдат падала, и под благоприличным названием союзничества над ними тиранствовали эти пришельцы» (??? ?? ?? ??? ???????? ?? ?????? ??????, ?????? ?? ??? '??????? ?????????? ?????? ?? ???????, ??? ?? ???????? ?? ?????????? ???????? ?????? ??? ???????) 171. Неизмеримо более искусный как писатель, Прокопий здесь созвучен Иордану, а их произведения вместе созвучны событиям, которые происходили в Византии и в Италии, на Дунае и на берегах Средиземного и Черного морей, даже в более отдаленных западных и восточных, северных и южных областях отражаемого ими мира.

Как проникнутый умом и наблюдательностью труд Прокопия, так и не блещущее талантом творение Иордана донесли до нас достаточно полное изображение одной из важнейших эпох в истории Европы. Само собой разумеется, что труды этих двух писателей дополняются, более того, непременно обрастают сведениями из сочинений многих, часто замечательных авторов V—VI вв., но, на наш взгляд, отобразить широкую картину событий того времени удалось главным образом Прокопию и... Иордану. Поэтому Иордан, слабый писатель, но не лишенный известного умения компилятор¹⁷², должен быть признан выдающимся историком, а его произведение – зачислено в разряд первоклассных исторических источников.

В «Getica» интересно и важно почти все. Учитывая политическую установку автора и соответственный социально-политический смысл его сочинения (о чем речь шла выше), нельзя отказать ему в своеобразном, хотя и нелегко уловимом единстве. Наряду с тем, что труд Иордана является специальным трактатом, он служит источником по многим особым темам. В «Getica» нашли отражение элементы истории разных германских и негерманских племен (без чего трудно было бы появиться названным выше книгам Л. Шмидта, Э. Шварца и др.), история движения гуннов в их европейских походах, описания различных событий на

170

171

172

дунайской границе и на Балканском полуострове, одной из главных арен столкновения «пришельцев» (???????) и империи, и многое другое. Кроме перечисленного, большой интерес вызывают скудные, но единственные в своем роде сообщения о древнейших славянах¹⁷³, а также известия, относящиеся к Причерноморью и Приазовью.

Одним словом, «Getica» Иордана включает в себе огромный и крайне разносторонний исторический материал, серьезная обработка которого поддается только усилиям многих исследователей, специалистов в различных областях истории. Жаль, что Моммсен, столь крупный знаток исторической литературы V—VI вв., не только не оценил всего значения труда Иордана, но, введя в научный оборот труднейший текст его «Getica» и осветив это сочинение в мастерски написанном введении и в подробных индексах, дал вместе с тем уничтожающий отзыв о важнейшей для раннего средневековья работе готского историка. Моммсен назвал «Getica» Иордана сокращенной и запутанной сводкой Кассиодоровой истории («mera epitome, luxata ea et perversa, historiae Cassiodoriana»). Он нашел, что Иордан не понял центрального сюжета своего предшественника: Кассиодор прославлял римско-готское государство Теодериха («regnum Romanum pariter atque Gothicum magni Theododici»), преклонявшегося перед «Romana humanitas», Иордан же вместо этого выставил на первый план, «по-варварски раздул и возвеличил» тему о федератах-наемниках и о судьбах придунайских провинций; если под пером Кассиодора готская история превратилась в римскую, то под пером Иордана, как полагает Моммсен, эта же готская история стала только «мезийской»: «historia Gothica a Cassiodorio... Romana facta per Iordanem facta est Moesiaca» («Готская история, Кассиодором сделанная римской... Иорданом обращена в мезийскую»)¹⁷⁴.

Ввиду того что до сих пор существуют разные мнения в решении вопросов, связанных с личностью Иордана, его деятельностью как писателя и его произведениями, нам представляется небесполезным дать вкратце свои выводы, а также подтвердить некоторые из ранее высказанных предположений.

1. По поводу происхождения Иордана. Иордан – гот, острогот, но не алан. Его собственное заявление в конце «Getica» (§ 316) вполне достаточно и ясно.

2. По поводу имени *Alanoviiamuthis*. Это явно испорченное переписчиками слово; вероятнее всего, как предположил Т. Гринбергер и признал за ним И. Фридрих, первая часть слова относится к предыдущему «Candacis» и расшифровывается как Alan[orum] d[ucis], а вторая является именем отца Иордана – Viiamuthis (Viiamuth).

3. По поводу времени службы Иордана нотарием у Гунтигиса Базы. Следует принять

173

174

весьма убедительные доводы И. Фридриха о том, что нотариат Иордана относится к периоду между 505 и 536 г. В связи с этим наиболее ранним годом рождения Иордана можно считать примерно 485 г.

4. По поводу *conversio* Иордана. «Обращением» Иордана был, вероятнее всего, переход из арианства в православие («католицизм»). Нет никаких указаний или намеков на то, что Иордан был монахом. Если в дальнейшем он и стал епископом (однако не в Равенне), то не из монахов, а, быть может, из группы так называемых *religiosi*.

5. По поводу определения *agrammatus*. Иордан не получил регулярного школьного образования, не прошел школьного «тривия», в программу которого входила грамматика; поэтому он был *agrammatus* и отчасти поэтому он плохо писал; но вместе с тем он был начитанным, не лишенным достаточно широких познаний человеком.

6. По поводу места, где могло быть написано такое сочинение, как «Getica». Если принять во внимание цепь событий, развернувшихся к 551 г. в Италии в связи с борьбой между остроготами и империей, то трудно представить, чтобы Иордан писал эту работу где-либо, кроме Италии. Подобное сочинение, составлявшееся в связи с определенной исторической ситуацией, могло быть создано лишь в крупном городском центре, подчиненном Византии и недалеко от театра военных действий между готами и войсками Юстиниана. Таким городом, вероятнее всего, была ставшая с 540 г. византийской Равенна. Местом написания «Getica» едва ли был Константинополь, тем более им не была Фессалоника, а также фракийский, мезийский или какой-то из восточных монастырей. Если признать Равенну местом написания «Getica», то находят свое объяснение и «*triduana lectio*», трехдневное спешное прочтение Иорданом сочинения Кассиодора, и «*vicinus genti*», каким был Касталий, пребывавший на территории готов к северу от реки По, в Тицине или Вероне.

7. По поводу того, почему бесследно исчезло крупное и уже прославленное сочинение Кассиодора. Кассиодор придерживался определенной политической линии, которая проводилась в последние годы правления Теодериха. Эта тенденция, которая должна была привести к разрыву какой бы то ни было политической связи остроготского королевства с империей, оказалась вовсе неподходящей в пору борьбы готов с Юстинианом в 550—551 гг., когда победа клонилась в сторону Византии. Сочинение Кассиодора было как бы «забыто» и заменено другим на ту же тему, но с другой политической установкой. Так исчез труд Кассиодора и родился труд Иордана.

Приложения

Приложение I

О сумме времен или о происхождении и деяниях римлян

(Предисловие к «Romana»)

Я приношу благодарность вашей неусыпности, благороднейший брат Вигилий: * [* Заметна игра слов между именем Вигилий и словом неусыпность, бдительность – *vigilantia*; дальше глагол *vigilare* (...et al?s *vigiletis*).] вопрошаниями вашими вы, наконец, пробудили меня, давно уже спящего.

Благодарю и бога великого, создавшего вас настолько заботливым, что вы неусыпно следите не только за собой самим, но столько же и за другими.

Слава добродетели и заслуге!

Ты хочешь знать о злоключениях нынешнего мира или же о том, когда он начался и что вплоть до наших времен претерпел; к этому ты, кроме того, добавляешь [пожелание], чтобы я, срывая цвет сказаний предков, сообщил тебе, каким образом зародилась Римская республика, как она держала и подчинила себе чуть ли не весь мир, да и до сего дня – хотя бы в воображении – [продолжает] держать [его]; иначе, чтобы я – будь то совсем бесхитростно! – показал тебе в своем изложении, как родословная царей, начинаясь от Ромула, а затем от Августа Октавиана, дошла до Августа Юстиниана.

Хотя то, к чему ты меня понуждаешь, и не может соответствовать ни моему знанию людей, ни моему опыту, однако, чтобы не перечить просьбам друга, мы, в меру сил, собрали все широко рассеянные [сведения].

Прежде всего мы начали с авторитета священного писания, которым подобает руководствоваться, и достигли, продвигаясь по [ряду] возглавителей родов, всемирного потопа; так, затем, дошли мы до царства Нина, который, повелевая ассирийским народом, подчинил себе почти всю Азию; и до Арбака Мидийского, который, разрушив царство ассирийцев, присоединил его к мидийцам и держал его до [времени] перса Кира; последний, подобным же образом покорив мидийское царство, присоединил его к парфянам. Отсюда [дошли мы] до Александра Великого Македонского, который, победив парфян, обратил их государство в подчиненное грекам. После этого [показали мы], как Октавиан Август Цезарь, покорив царство греков, привел его к закону и власти римлян.

Еще ведь до Августа благодаря искусству своих консулов, диктаторов и царей Римская республика, ведя начало от Ромула-зидателя, в течение семисот лет подчинила себе многие [страны]; и вот я собрал теперь все вплоть до двадцать четвертого года императора Юстиниана – хотя и кратко—в одну [посвящаемую] твоему имени, весьма малую книжку, присоединяя к ней и другой том – о происхождении и деяниях гетского племени, который я

написал совсем недавно для нашего общего друга Касталия; ты же, узнав из нее о бедствиях, постигавших разные племена, стремись стать свободным от всякой невзгоды и обращай к богу, который и есть истинная свобода.

Итак, читая обе книжечки, знай, что нам всегда угрожает неизбежное побуждение любить мир. Но ты прислушайся [к словам] Иоанна апостола, который говорит: «Возлюбленные, не любите мира, ни яже в мире... и мир преходит, и похоть его; а творяй волю Божию пребывает вовеки»** [** Иоанн, I Посл. 2, 15, 17.]. Люби всем сердцем бога и ближнего, чтобы исполнить закон! Молись обо мне, благороднейший и превосходнейший брат!

DE SUMMA TEMPORUM VEL ORIGINE ACTIBUSQUE GENTIS ROMANORUM

1 Vigilantiae vestrae, nobilissime frater Vigili, gratias refero, quod me longo per tempore dormientem vestris tandem interrogationibus excitastis. deo magno gratias, qui vos ita fecit sollicitos, ut non solum vobis tantum, quantum et aliis vigiletis. mactae virtutis et meriti. vis enim praesentis mundi erumnas 2 cognoscere aut quando coepit vel quid ad nos usque perpessus est, edoceri addes praeterea, ut tibi, quomodo Romana res publica coepit et tenuit totumque pene mundum subegit et hactenus vel imaginariae teneat, ex dictis maiorum floscula carpens breviter referam : vel etiam quomodo regum series a Romulo et deinceps ab Augusto Octaviano in Augustum venerit Iustinianum, quamvis simpliciter, meo tamen tibi eloquio pandam. 3 licet nec conversationi meae quod ammones convenire potest nec peritiae, tamen, ne amici petitionibus obviamus, quoquo modo valuimus, late sparsa collegimus. 4 et prius ab auctoritate divinarum scripturarum, cui et inservire convenit, inchoantes et usque ad orbis terrae diluvium per familiarum capita currentes, devenimus ad regnum Nini, qui Assyriorum in gente regnans omnem pene Asiam subiugavit, et usque ad Arbacem Medum, qui destructo regno Assyriorum in Medos eum convertit tenuitque usque ad Cyrum Persam, qui itidem Medorum regnum subversum in Parthos transtulit, et exinde usque ad Alexandrum Magnum Macedonem, qui devictis Parthis in Grecorum ditione rem publicam demutavit, post hec quomodo Octavianus Augustus Cesar subverso regno Grecorum in ius dominationemque Romanorum perduxit. et quia ante Augustum iam per septingentos annos consolum, dictatorum regumque suorum sollertia Romana res publica nonnulla subegerat, ad ipso Romulo aedificatore eius originem sumens, in vicensimo quarto anno Iustiniani imperatoris, quamvis breviter, uno tamen in tuo nomine et hoc parvissimo libello 5 confeci, iungens ei aliud volumen de origine actusque Getice gentis, quam iam dudum communi amico Castalio ededissem, quatinus deversarum gentium calamitate conperta ab omni erumna liberum te fieri cupias et ad deum confertas, qui est vera libertas. legens ergo utrosque libellos, scito quod diligenti mundo

semper necessitas imminet. to vero ausculta Iohannem apostolum, qui ait: ‘carissimi, nolite diligere mundum neque ea que in mundo sunt. quia mundus transit et concupiscentia eius: qui autem fecerit voluntatem dei, manet in aeternum’. estoque toto corde diligens deum et proximum, ut adimpleas legem res pro me, novilissime et magnifice frater.

Приложение II

Лозаннский фрагмент (FRAGMENTUM LAUSANNENSE)

(В электронной версии книги не включены рисунки, упоминаемые в ПРИЛОЖЕНИЯХ II и III – Ю. Ш.).

Мы не имеем таких списков «Getica», которые были близки ко времени написания этого труда Иордана, т. е. относились бы к VI в. Наиболее ранней рукописью считался Гейдельбергский кодекс (Codex Heidelbergensis 921), содержащий оба произведения Иордана и хранившийся в библиотеке Гейдельбергского университета. Рукопись вышла, по всей вероятности, из знаменитого скриптория аббатства в Фульде, одного из крупных каролингских монастырей в Германии, возникшего в 40-х годах VIII в. Моммсен, положивший Гейдельбергский кодекс в основу своего издания «Romana» и «Getica», датировал рукопись по типу ее письма VIII веком¹⁷⁵, предпочитая эту датировку более поздней – IX и даже X вв. На первой странице кодекса 1479 г. была сделана интересная запись некоего М. Синдика, который отметил, что «книга принадлежит книгохранилищу (libraria) церкви св. Мартина в Майнце». Монастырь св. Мартина в Майнце, основанный в 1037 г., был связан с монастырем в Фульде, и потому допустимо предположение, что кодекс с сочинениями Иордана мог быть привезен в Майнц в 60-х годах XI в. известным средневековым писателем, ирландцем Марианом Скоттом, перешедшим из монастыря Фульды в майнцкий монастырь св. Мартина. В течение долгого времени рукопись хранилась в Гейдельбергском университете, где с момента его основания (в конце XIV в.) постепенно создавалось обширное собрание рукописей, а затем и печатных книг – знаменитая гейдельбергская Bibliotheca Palatina. В дальнейшем кодексу № 921 пришлось пережить множество «скитаний»; в период Тридцатилетней войны он попал в библиотеку Ватикана, затем в Париж, потом, после наполеоновских войн, снова в Ватикан, откуда в 1816 г. был возвращен вместе с сотнями других рукописей опять в Гейдельберг. Но здесь эту

рукопись ждала самая печальная участь: в 1874 г. она сгорела без остатка при пожаре¹⁷⁶ в доме Моммсена, куда она была взята, как и другие манускрипты, для подготовки издания в серии *Monumenta Germaniae historica*.

Еще ученые XVII в. (филолог Иоанн Грутер – библиотекарь «Палатины», французский историк Клод Сомэз) отмечали ценность гейдельбергской рукописи № 921. Рукопись указана и в списке манускриптов, возвращенных в Гейдельберг из Рима. Но мы, к сожалению, имеем о ней лишь смутное представление. Небольшую характеристику гейдельбергской рукописи оставил нам знаток немецких рукописных собраний Фридрих Вилькен, посвятивший целую книгу описанию судеб гейдельбергских книжных собраний¹⁷⁷. Вилькен относит кодекс № 921 к X в.; он сообщает, что текст его написан на пергамене и имеет 220 листов, но лишен как начала (т. е. начала «*Romana*»), так и конца (т. е. конца «*Getica*»). Особенно интересен образец письма кодекса № 921, данный Вилькеном на таблице¹⁷⁸. Однако на ней изображены все три строки из «*Romana*» (§ 215: «*Macedonia... a Flamminio*», см. рис. 1); письмо Вилькен определяет еще мабильоновским названием, как «лангобардское».

Последнее, далеко не полное описание Гейдельбергского кодекса принадлежит Моммсену¹⁷⁹, который сообщает некоторые сведения, почерпнутые из книги Вилькена, но относит рукопись к VIII в., а ее шрифт считает «англосаксонским письмом лучшего стиля» («*letteratura est evidentissima et optima ormae Anglosaxonicae*»). Известно, что «островное» – англосаксонское и ирландское – письмо процветало в скрипториях многих монастырей на европейском континенте, основанных выходцами из Британии и Ирландии и в дальнейшем посещавшихся многочисленными монахами – нередко искусными писцами – с этих островов. Подобным монастырем была и Фульда. Однако Моммсен только упомянул об образце письма Гейдельбергского кодекса на более чем скромной таблице в книге Вилькена, но сам не раскрыл его особенностей; он отметил лишь форму двух букв – часто открытого *a* (*a littera saepe aperta est*) и несколько повышающегося над строкой *i* (*i eminens aliquoties adest*)¹⁸⁰. Эти черты недостаточны для характеристики письма погибшей рукописи и к тому же не подтверждаются образцом, приведенным на таблице Вилькена¹⁸¹.

Но как будто след от этого замечательного кодекса все-таки остался в виде фрагмента рукописи, хранящегося до сих пор в Лозанне, в кантональной и университетской библиотеке

176

177

178

179

180

181

под № 398 (размер 167х145 мм)¹⁸²; см. рис. 2 и 3.

На обеих сторонах листка пергамента нанесен текст из «Getica» Иордана. На recto – 12 строк (§ 310—312) от слов «[bar]baricos Vitiges» до слов «evellere cupiunt». На verso – 12 строк, составляющих самый конец произведения (§ 315—316), от слов «et virorum fortium» до слов (почти стершихся) «belesarium consulem».

Лозаннский фрагмент – лишь нижняя половина последнего листа кодекса, так как между текстом на recto и текстом на verso имеется разрыв (§ 313—314) – отсутствует текст, находившийся на верхней половине verso. Верхнюю же половину recto занимал текст § 308—309.

С Гейдельбергским кодексом Лозаннский фрагмент сближается в силу следующего обстоятельства. Моммсен указал, что в Гейдельбергском кодексе, состоявшем из пятнадцати кватернионов (или тетрадей), отсутствовал полностью первый кватернион, а в пятнадцатом не хватало двух листов – предпоследнего и последнего. Быть может, Лозаннский фрагмент является половинкой последнего листа Гейдельбергского кодекса. Это предположение было высказано М. Бессоном, изучавшим средневековые памятники материальной культуры швейцарского кантона Во, центром которого является Лозанна¹⁸³.

Текст Лозаннского фрагмента написан острым англосаксонским минускулом красивого, выработанного рисунка. Это письмо определяется с первого взгляда по известной, здесь ярко выраженной, особенности: хасты длинных букв (*f*, *p*, *r*, *s*), уходящие вниз под строку, заканчиваются тонкими остриями, иногда слегка отогнутыми влево¹⁸⁴.

Для Лозаннского фрагмента характерны все буквы, присущие лучшим образцам англосаксонского минускула.

Верхние хасты *b*, *d*, *h*, *l* имеют на концах расширения в виде треугольничков, получающихся от нажима пера; «и так как стволы этих букв на половине высоты слегка изгибаются, то своим грациозным расширением вверху они напоминают качающийся стебелек с цветком колокольчика»¹⁸⁵.

Буква *d* встречается не только в унциальной (круглой) форме, но и в полуунциальной (прямой), причем последняя форма ставится в начале слова, а первая – в середине (см., например, слово «dedit» на второй строке verso).

Буква *e* всегда высокая, т. е. ее петля всегда возвышается над строкой. Кроме того, *e* неизменно лигирована с последующей буквой («regem» на третьей строке recto, «cernens» на

182

183

184

185

десятой строке recto, «referuntur» на восьмой строке verso).

Буква *g* вместо круглой головки, как в унциальном письме, имеет горизонтальную черточку; под строку спускается широкая петля (имя «Vitigis», «Vitiges» на шестой и десятой строках recto, «originem», «legi» на седьмой строке verso).

Буква *n* иногда имеет капитальную форму («inter» на четвертой строке recto).

Буквы *f*, *p*, *r* и длинное *s* не возвышаются над верхней строкой, кроме отдельных случаев, когда длинное *s* выходит поверх строки в виде крючка («Justinianus», на третьей строке verso, «exponens» на девятой строке verso). Кроме того, буква *s* лигируется с последующей буквой *i* («sibi» на третьей и восьмой строках recto, «residentem», «obsidionem» на двенадцатой строке recto). На заключительных строках (explicit), которые написаны красными чернилами, буква *s* круглая.

Буква *f* (равно как и длинное *s*) имеет расщепление в верхней части; от его начала отходит направо поперечный язычок, лежащий на нижней строке («filiam» на седьмой строке recto, «flores» на четвертой строке verso).

Правая часть буквы *r* спускается до нижней строки, что делает букву похожей на *p* («egressus imperialis» на девятой строке recto, «flores» на четвертой строке, «prato» на пятой строке, «coronam» на шестой строке verso).

Наконец, буква *a* – закрытая, причем ее брюшко доходит до верха наклонной ножки.

Таковы особенности наиболее характерных букв в шрифте Лозаннского фрагмента. Вообще же каждая буква в отдельности и весь шрифт в целом отличаются выдержанностью стиля и высоким графическим искусством. Кодекс, от которого сохранилась донныне только половинка последнего листа, был дорогой и нарядной книгой, исполненной твердой рукой опытного переписчика. Такая работа могла родиться скорее всего в крупном монастырском скриптории с развитыми традициями письма. Есть предположение, что Лозаннский фрагмент является частью кодекса, вышедшего из мастерской письма аббатства Фульды¹⁸⁶.

Если теперь сравнить шрифт Лозаннского фрагмента с шрифтом тех трех строк Гейдельбергского кодекса, которые издал Фр. Вилькен, то можно сказать следующее. Характер письма, его дукт, особенности рисунка букв у них общее. Естественно признать письмо Лозаннского фрагмента и Гейдельбергского кодекса (в части его трех строк) однородным; это известное, встречающееся в ряде рукописей островное письмо, красивый островной минускул. Однако на фоне общего сходства имеются незначительные расхождения в очертаниях немногих букв. Например: буква *a* Лозаннского фрагмента – закрытая, с брюшком, доходящим, как правило, до верха наклонной ножки, а на таблице Вилькена закрытое *a* приближается к начертанию каролингского минускула, так как правая

ножка этой буквы в ряде случаев возвышается над брюшком. Длинного минускульного *d*, которое встречается на Лозаннском фрагменте в начале слов, нет на таблице Вилькена (из-за краткости образца). Буква *e* на Лозаннском фрагменте часто возвышается своей петлей над верхней строкой, чего не видно на таблице Вилькена (здесь эта буква попадает девять раз). Отмеченные различия в буквах не снимают окончательно остроумного предположения (М. Бессон), что Лозаннский фрагмент представляет собой часть последнего листа погибшего Гейдельбергского кодекса № 921, тем более что столь длинную рукопись, каким был кодекс, содержащий оба произведения Иордана, могли писать несколько переписчиков.

Приложение III

Палермский кодекс (CODEX PANORMITANUS («CODICE BASILE»))

В 1929 г. появилась небольшая заметка, в которой сообщалось, что Государственный архив в Палермо получил неизвестную до того рукопись, содержащую «Getica» Иордана. По фотографии одной из страниц этой рукописи автор заметки Эд. Штамер датировал ее концом IX в. и предположил, что она происходит из Англии на том основании, что написана англосаксонским письмом и близка к Кэмбриджскому кодексу из Trinity College (0.4.36), хотя последний и датируется XI в.¹⁸⁷

Эти скудные сведения о ценнейшем манускрипте, значение которого возрастает еще оттого, что наиболее ранняя рукопись, содержащая «Getica» Иордана (а именно Гейдельбергский кодекс VIII в.), погибла при пожаре, остались незамеченными. Со времени появления указанной заметки в печати не было сказано ни слова о замечательном кодексе Палермского архива, пока не появилась работа Франческо Джунта, опубликованная в 1946 г.¹⁸⁸ Позднее тот же автор поместил в конце своей книги «*Jordanes e la cultura dell'alto Medioevo*» (Palermo, 1952) обстоятельное приложение под названием «*Il ms. dei „Getica“ nell'Archivio di Stato di Palermo*» (р. 187—202). Приложение к книге Джунта, хотя и не сопровождаемое иллюстрациями, представляет собой тщательно сделанное, но очень сжатое исследование Палермского кодекса как его палеографии, так и вопросов его происхождения и даты. Надо надеяться, что в скором времени итальянский ученый подготовит – как он сам заявил об этом – полное критическое издание, и новая рукопись «Getica» Иордана войдет в научный оборот.

186

187

188

Здесь мы имеем целью дать лишь общую характеристику этой рукописи 189, исследованной пока только в работах Джунта.

После длительных скитаний, обычных в судьбе древних рукописей, Палермский кодекс был приобретен в 1925 г. историком Нино Базиле, который в октябре 1927 г. преподнес его в дар Государственному архиву в Палермо. В архиве и стали называть новый кодекс «кодексом Базиле» – «codice Basile».

Размер Палермского кодекса 327х251 мм. Материал – пергамен. Книга имеет 12 листов, т. е. 24 страницы. Текст расположен двумя столбцами на каждой странице (всего 48 столбцов). Почерк убогистый, так что в столбце уместено по 45—50 строк и даже более.

Сохранность кодекса хорошая. Пострадал только первый лист, наружный верхний угол которого погиб, по-видимому, от воздействия сырости. Кое-где на листах имеются небольшие неправильной формы отверстия. Других повреждений незаметно; чернила сохранили цвет, и письмо целиком доступно для чтения.

«Codice Basile» содержит, к сожалению, не весь текст «Getica» Иордана. Текст обрывается на сообщении о походе императора Майориана (457—461) против аланов, напавших на Галлию. Последние слова: «contra Alanos qui Gallias...». Таким образом, в Палермском кодексе сохранилось около четырех пятых всего сочинения Иордана или, соответственно изданию Моммсена, в нем имеются § 1—236 (стр. 61—105) и отсутствуют § 236 (с половины) – 316 (стр. 105—121). Между прочим, не сохранились строки § 266, в котором Иордан говорит о себе и называет загадочное имя «Alanoviiamuthis».

На рис. 4 дана репродукция той страницы, где сообщаются сведения о местах расселения венетов, склавенов и антов (строки 34—44 левого столбца); выше – текст с упоминанием Каспийского моря, гуннов, Скифии, причерноморских городов (строки 16—18), Данубия, Понтийского моря, Мэотиды. На строках 38—39: «a civitate Novietunense et lacu qui appellatur Mursiano». Текст этой страницы соответствует Get., § 30—41.

На рис. 5 дана репродукция страницы, содержащей генеалогию готских королей; здесь передается интересная транскрипция имен (например, строки 25, 27, 29—30 левого столбца: Hermenerig; Vinitarius и рядом Venetharius; Thiudimer, Valamir et Vidimir; Theodericus и др.). Текст этой страницы соответствует Get., § 76—79.

На рис. 6 дана репродукция страницы, содержащей описание наружности гуннов (строки 15—34 левого столбца), сообщения о смерти Германариха и нападении гуннов на остроготов, о переходе везегов через Дунай и др. Текст этой страницы соответствует Get., § 125—134.

На рис. 7 дана репродукция страницы, содержащей детальное описание города Равенны

(вся верхняя половина правого столбца), рассказ о движении Алариха в Италию и др. Текст этой страницы соответствует Get., § 143—154.

Письмо «Codice Basile» одинаково на протяжении всей рукописи. С достаточной убедительностью Джунта показал, что оно является докаролингским минускулом типа Боббьо (*la scrittura ? una minuscola precarolina bobbiese*)¹⁹⁰, т. е. принятым писцами Боббьо, одного из самых известных раннесредневековых монастырей, находившегося в северо-западной Италии (южнее реки По и города Пьяченцы). Основанный в начале VII в. выходцами из Ирландии во главе с Колумбаном, Боббьо был знаменит своей библиотекой и скрипторием, хранившим ирландские традиции. Созданный, по всей вероятности, в Боббьо Палермский кодекс имеет на себе отпечаток приемов, вкуса и даже произношения ирландских писцов, но вовсе не повторяет в точности островного письма ирландского или англосаксонского. Письмо «Codice Basile» как бы объединяет (органически) ирландский и итальянский шрифты, но с определенным преобладанием последнего в виде элементов хорошо известного римского полукурсива, широко применявшегося в Боббьо¹⁹¹. Общий характер письма «Codice Basile» в известной мере сходен с письмом двух кодексов, происходящих из Боббьо; это трактат «De spiritu sancto» Амвросия, VII– VIII вв.¹⁹² и «Этимологии» Исидора Севильского, VIII в.¹⁹³ Фр. Стеффенс определяет это письмо как «ирландско-итальянское», иногда как «северно-итальянский минускул». Стеффенсу в этом вопросе следует О. А. Добиаш-Рождественская: «Старое итальянское книжное письмо – прямое продолжение римского курсива. Оно оставило больше всего следов на севере, подверглось во многих разновидностях влиянию ирландских писцов Боббьо»¹⁹⁴. Джунта видит в письме «Codice Basile» три влияния: письма ирландского с элементами полуунциала, письма унциального и письма полукурсивного¹⁹⁵.

Наиболее характерной буквой в палеографии Палермского кодекса является буква *a* открытой формы, похожая на *u*. Слова *amala*, *albanos*, *thanaïs* и другие при первом взгляде могут быть прочтены как *umula*, *ulbunos*, *thunuis*. Подобные примеры открытого *a* встречаются во всех указанных выше образцах боббийского полукурсива¹⁹⁶.

Характерную черту островного письма следует отметить в вытянутых хвостах букв *b*, *h*, *l* и иногда *d* (хотя последнее в «Codice Basile» чаще имеет круглую унциальную, а не прямую

190

191

192

193

194

195

196

форму): они слегка утолщены на верхних концах и порой немного изогнуты.

Буква *e* либо укладывается в ряд с другими буквами и имеет унциальную форму, либо – и это чаще – выдвигается петлей выше строки, особенно в лигатурах.

Буква *f* длинная с толстой поперечной чертой, тянущейся к следующей букве.

Бросается в глаза резко выписанная буква *g* в полуунциальной форме.

Сходны между собой длинное *r* и длинное *s*, но у первой буквы правая ее часть несколько опускается вниз, у второй же иногда загибается в легкий завиток.

Буква *t* обыкновенна, но принимает вид *c* в многократной лигатуре с *i* = *ti*.

Буквы *u* и *v* одинаковы и сходны с открытым *a*.

В общем почерк «Codice Basile» очень выдержан; привыкнув к нему, его можно читать без особого труда. Аббревиатуры (близкие ирландским правилам) не очень многочисленны и несложны; они преимущественно относятся к контракционным (*per contractionem*), реже к суспензионным (*per suspensionem*).

В некоторых особенностях написания слов, выдающих иностранца, Джунта замечает ирландские черты и полагает, что писец, переписывавший «Codice Basile», был ирландцем, работавшим в Италии, в данном случае – в Боббьо¹⁹⁷.

Данное здесь беглое описание Палермского кодекса уже подсказывает его дату. Это скорее всего VIII в. Джунта датирует «Codice Basile» концом VIII—началом IX в.: «Pensiamo, che il codice fu scritto tra la fine del secolo VIII e l'inizio del IX, nell'epoca carolingia...» (p. 197). Он ссылается на сходство «Codice Basile» с рукописью из монастыря Санкт-Блазиен, которую В. Арндт¹⁹⁸ датирует IX в., и усматривает небольшую разницу с рукописью Национальной библиотеки в Неаполе (раньше Vindob. 16, Lat. 2), которую А. Хруст датирует VIII в.¹⁹⁹

В заключение следует указать, какое место занимает «Codice Basile» в группах рукописей, классифицированных Моммсенom в его Prooemium к изданию «Romana» и «Getica». «Codice Basile» принадлежит к третьему классу рукописей, т. е. к группе, содержащей только «Getica»²⁰⁰. Моммсен работал над двумя кодексами этой группы: Кэмбриджским (XI в.) и Берлинским (XII в.). К ним он причислял еще Аппасский (Atrebatensis). Как известно, оба первые кодекса сгорели, последний же и при Моммсене был утерян. Теперь представителем этой группы является «Codice Basile», к тому же более ранний, чем погибшие рукописи.

197

198

199

200

В связи с пополнением третьего класса рукописей экземпляром «Codice Basile» Джунта изменил схему, в которой Моммсен показал преемственность рукописей²⁰¹. На основании исследования текста Джунта полагает, что Палермский кодекс исходит непосредственно из архетипа третьего класса и поэтому становится в ряд с одним из древнейших (хотя и давно утерянных) кодексов с «Getica» Иордана. Это – список начала VIII в., принадлежавший Вандону, аббату (в течение 742—747 гг.) нормандского монастыря Fontanella (иначе – монастыря св. Вандрегизила, St. Vandrille). В «Gesta abbatum Fontanellensium»²⁰² сказано, что Вандон подарил своему монастырю множество книг (codicum copiam non minimam) и что между ними была «Historia Jordannis episcopi Ravennatis ecclesiae de origine Getarum».

Если Моммсен, готовя свое издание сочинений Иордана, писал о погибшем Гейдельбергском кодексе VIII в., что он был лучшим из всех, «codex omnium optimus», то теперь эти же слова надо отнести к «Codice Basile», лучшей в наши дни и древнейшей рукописи с текстом «Getica» Иордана.

Литература

Аммиан Марцеллин, *История*, вып. 1—3, пер. и предисл. Ю. А. Кулаковского, Киев, 1906—1908 (2-е издание – СПб, «Алетейя», 1996).

Ангелов Д., *Сведения за славяните у византийските писатели*, – «Исторически преглед», II, 1945—1946, стр. 240—244.

Арсений, *Готская епархия в Крыму*, – ЖМНП, 165, 1873.

Артамонов М. И., *Венеды, Невры и Будины в славянском этногенезе*, – «Вестник Ленинградского университета», 1946, № 2, стр. 70—96.

Баришић Ф., *Када и где су написани Псеудо-Цезарчеви Диалози* – «Зборник радова Византолошки институт САН», 1, Београд, 1952, стр. 29—51.

Баришић Ф., *О најстаријој Прокопјевој вести о Словенима*, – «Зборник радова Византолошки институт САН», 2, 1953, стр. 25—31.

Беркут Л. Н., *Зачатки местной историографии в ранних варварских государствах. Остготы и вестготы. Вандалы*, – «Труды исторического факультета Киевского университета», 1, 1939.

Богуш Сестренцевич С., *История о Таврии*, т. I, СПб., 1806.

Брайчевский М. Ю., *Антский период в истории восточных славян*, – «Археологія», 1952, вып. VII, Киев, стр. 21—42.

Брайчевский М. Ю., *Об антах «Псевдомаврикия»*, – «Советская этнография», 1953, № 2, стр. 21—36.

Браун Ф. А., *Разыскания в области готы-славянских отношений*, 1. Готы и их соседи до V в., СПб., 1899.

Брун Ф. К., *Нечто о Добрудже*, – Сб. «Черноморье», т. I, Одесса, 1879, стр. 33—47.

Брун Ф. К., *Остров Певки*, – Сб. «Черноморье», т. I, Одесса, 1879, стр. 48—59.

Брун Ф. К., *Черноморские готы и следы долгого их пребывания в южной России*, – Сб. «Черноморье», т. II, Одесса, 1880, стр. 189—241.

Вайнштейн О. Л., *Этническая основа так называемых государств Одоакра и Теодориха*, – «Историк-марксист», 1938, № 6, стр. 134—158.

Васильев А. А., *Готы в Крыму . I. Ранняя пора христианства и эпоха переселения народов*, – «Известия Рос. Академии истории материальной культуры», т. I, 1921, стр. 1—80.

Васильев А. А., *Готы в Крыму . II. Время византийского, хазарского и русского влияния (с VI до нач. XI в.)*, – «Известия Рос. Академии истории материальной культуры», т. V, 1927, стр. 179—254.

Вестберг Ф., *К анализу восточных источников о Восточной Европе*, – ЖМНП, февраль 1908, стр. 364—412; март 1908, стр. 1—52.

Вестберг Ф., *О передвижении лангобардов*, – «Записки Академии наук», сер. VIII, Историко-филологическое отделение, т. VI, № 5, 1904.

Голубцова Н. И., *Италия в начале V в. и вторжение Алариха в Рим*, – ВДИ, 1949, № 4, стр. 62—74.

Готье Ю. В., *Железный век в Восточной Европе*, М.—Л., 1930.

Греков Б. Д., *Киевская Русь*, М., 1949.

Дилигенский Г. Г., *Аграрные отношения в вандальском королевстве*, – ВВ, XI, 1956, стр. 5—28.

Дмитрев А. Д., *Движение багаудов (К истории революционного движения рабов в Римском государстве в III в. н. э.)*, – ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 101—114.

Дмитрев А. Д., *Движение latrones как одна из форм классовой борьбы в Римской империи*, – ВДИ, 1951, № 4, стр. 61—72.

Дмитрев А. Д., *Движение скамаров*, – ВВ, V, 1952, стр. 3—14. Дмитрев А. Д., *К вопросу об агонистиках и циркумцеллионах*, – ВДИ, 1948, № 3, стр. 66.

Дмитрев А. Д., *Падение Дакии. (К вопросу о связи освободительных движений в Римской империи с вторжениями варваров)*, – ВДИ, 1949, № 1, стр. 76—85.

Дмитрев А. Д., *Социальные движения в Римской империи в связи с вторжениями*

варваров , Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, Л., 1950.

Дуйчев И., *Балканският Югоизток през първата половина на VI в. Начални славянски нападения* (резюме: «Das europäische S?dosten w?hrend der ersten H?lfte des VI Jahrh»), – «Беломорски преглед», I, София, 1942, стр. 229—270.

Дьяконов А. П., *Известия Псевдо-Захария о древних славянах* , – ВДИ, 1939, № 4, стр. 83—90.

Дьяконов А. П., *Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах. VI—VII вв.*, – ВДИ, 1946, № 1, стр. 20—34.

Жебелев С. А., *Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи*, М.—Л., 1953.

Жебелев С. А., *Что понимать под Борисфеном в IosPE* , 24, – Сб. «Ольвия», т. I, Киев, 1940.

Забелин И. Е., *Заметка о древности днепровского Олешья* , – «Археологические известия и заметки», М., 1895, № 1, стр. 1—3.

Златарски В. Н., *Населяване Словена на Балканском полуострову. Книга о Балкану I*, София, 1936, стр. 82—100.

[Константин Порфирородный] *«Известия византийских писателей о Северном Причерноморье»* (выпуск первый), – ИГАИМК, вып. 91, М.—Л., 1934.

Корсунский А. Р., *Движение багаудов* , – ВДИ, 1957, № 4, стр. 71—87.

Корсунский А. Р., *К вопросу о византийских завоеваниях в Испании VI—VII вв.*, – ВВ, XII, 1957, стр. 31—45.

Корсунский А. Р., *О колонате в Восточной Римской империи V—VI вв.* , – ВВ, IX, 1956, стр. 45—77.

Кулаковский Ю. А., *Аланы по сведениям классических и византийских писателей*, – «Чтения в историческом обществе Нестора Летописца», кн. 13 Киев, 1899.

Кулаковский Ю. А., *Епископа Феодора «Аланское послание»*. 300, 21, 1898.

Кулаковский Ю. А., *Где начинается территория славян по Иордану?* – ЖМНП, Март, 1905, стр. 123—136.

Кулаковский Ю. А., *История Византии*, т. I (395—518), изд. 2, Киев 1913; т. II (518—602), изд. I, Киев, 1912.

Кулаковский Ю. А., *К вопросу об имени города Керчи*, — «Сборник статей в честь Ф. Е. Корша», М., 1896.

Кулаковский Ю. А., *Славянское слово «плот» в записях византийцев*, – ВВ, VII, 1900, стр. 107—112.

[В. В. Латышев] «*Scythica et Caucasica*», – «Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе», т. I, «Греческие писатели», СПб., 1893; т. II, «Латинские писатели», СПб., 1906.

Левченко М. В., *Византия и славяне в VI—VII вв.*, — ВДИ, 1938 № 4, стр. 23—48.

Левченко М. В., Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв., – «Византийский сборник», М.—Л., 1945 стр. 12—95.

Левченко М. В., Церковные имущества V—VI вв. в Восточно-Римской империи, – ВВ, II, 1949, стр. 11—59.

[Маврикий] «*Из Стратегикона Маврикия*», пер. С. А. Жебелева и С. П. Кондратьева, – ВДИ, 1941, № 1, стр. 253—257.

Маврикий, *Тактика и стратегия*, пер. капитана Цыбышева, СПб., 1903.

Мавродин В. В., *К вопросу об антах Псевдо-Маврикия*, — «Советская этнография», 1954, стр. 32—41.

Мацулевич Л. А., Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховье реки Суджи, – ИГАИМК, вып. 112, М.—Л., 1934.

Машкин Н. А., К вопросу о революционном движении рабов и колонов в Римской Африке, – ВДИ, 1949, № 4, стр. 51—61.

Мишулин В. И., Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи, – ВДИ, 1939, № 1, стр. 290—307.

Мишулин В. И., Материалы к истории древних славян. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э., – ВДИ, 1941, № 1 (14), стр. 230—280.

Нидерле Л., *Славянские древности*, пер. с чешского, М., 1956.

Пичета В. И., Славяно-византийские отношения в VI—VII вв. в освещении советских историков (1917—1947), – ВДИ, 1947, № 3, стр. 95—99.

Погодин А. Л., *Эпиграфические следы славянства*, — «Сборник статей по археологии и этнографии», СПб., 1902, стр. 163—165.

Преображенский А. Г., *Этимологический словарь русского языка*, I—II, М., 1959 (репродуцировано с издания 1910—1914 гг.).

[Приск] «*Сказания Приска Панийского*», пер. с греческого С. Дестуниса, – «Ученые записки 2-го отделения Академии наук», кн. VII, вып. 1, СПб., 1861.

[Прокопий] «*История войн римлян с вандалами*», пер. С. Ю. Дестуниса, – «Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета», ч. 28, 1891.

[Прокопий] «*История войн римлян с персами*», пер. С. Ю. Дестуниса, – «Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета», ч. 1, 1876; ч. 6,

1880.

«Прокопий из Кесарии. Война с готами», пер. С. П. Кондратьева, вступ. статья З. В. Удальцовой, М., 1950.

Ременников А. М., *Борьба племен Северного Причерноморья с Римом*, М., 1954.

Рыбаков Б. А., *Анты и Киевская Русь*, – ВДИ, 1939, № 1, стр. 319–337.

Рыбаков Б. А., *Ремесло древней Руси*, М., 1948.

Середонин С. М., *Историческая география*, Пг., 1916.

Синезий Киренский, *О царстве*, пер. и предисл. М. В. Левченко, – ВВ, VI, 1953, стр. 337–357.

Сиротенко В. Т., *Взаимоотношения племен и народностей Северного Причерноморья и Подунавья с Византией*, Автореферат диссертации. М., 1954.

Скржинская Е. Ч., *«История» Олимпиодора*, пер., ст., прим. и указ., – ВВ, VIII, 1956, стр. 223–276.

Скржинская Е. Ч., *О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне*. (Из комментария к Иордану), – ВВ, XII, 1957, стр. 2–30.

Смирнов В. В., *«Гетика» Иордана как памятник поздней латыни (фонетика и грамматика)*. Автореферат диссертации, М., 1956.

Смирнов В. В., *Готский историк Иордан*, – «Ученые записки Казанского гос. педагогического института», вып. 11, 1956, стр. 149–161.

Спицын А. А., *Древностиантов*, – «Сборник в честь акад. А. И. Соболевского», Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР, 101, М.—Л., 1928, стр. 492–495.

Спицын А. А., *Фаларьюжской России*, — ИАК, вып. 29, 1909.

[Тацит] *«Сочинения Корнелия Тацита»*, пер., прим., статья о Таците и его сочинениях В. И. Модестова, т. 1—2, СПб., 1886—1888.

Толстов С. П., *«Нарцы» и «волхи» на Дунае*. (Из историко-этнографических комментариев к Нестору), – «Советская этнография», 1948, № 2, стр. 8–38.

Третьяков П. Н., *Анты и Русь*, – «Советская этнография», 1947, № 4, стр. 71–83.

Третьяков П. Н., *Восточнославянские племена*, изд. 1, М., 1948; изд. 2, М., 1953.

Удальцов А. Д., *Основные вопросы этногенеза славян*, — «Советская этнография», 1947, № 6—7, стр. 3–13.

Удальцов А. Д., *Племена европейской Сарматии II в. н. э.*, – «Советская этнография», 1946, № 2, стр. 41–50.

Удальцова З. В., *Италия и Византия в VI веке*, М., 1959.

Удальцова З. В., *К вопросу о мелком свободном землевладении в Италии накануне*

византийского завоевания, – ВВ, XI, 1956, стр. 29—54.

Удальцова З. В., Классовая борьба в Италии накануне византийского завоевания, – ВВ, X, 1956, стр. 9—26.

Удальцова З. В., Крупное светское и церковное землевладение в Италии VI в. – ВВ, IX, 1956, стр. 78—116.

Удальцова З. В., Народные движения в Северной Африке при Юстиниане, – ВВ, V, 1952, стр. 15—48.

Удальцова З. В., Политика византийского правительства в Северной Африке при Юстиниане, – ВВ, VI, 1953, стр. 88—112.

Удальцова З. В., *Сельское зависимое население Италии VI в.* – ВДИ, 1955, № 3, стр. 85—117.

Удальцова З. В., Социально-экономические преобразования в Италии в период правления Тотилы, – ВВ, XIII, 1958, стр. 9—27.

Успенский Ф. И., *История Византийской империи*, I, СПб., 1912.

Феофилакт Симокката, *История*. Вступ. статья Н. В. Пигулевской, пер. С. П. Кондратьева, прим. К. А. Осиповой, – «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы», М., 1957.

Шафарик П. И., *Славянские древности*, т. 1—11, М., 1848.

Шахматов А. А., Древнейшие судьбы русского племени, Пг., 1919.

Alföldi A., *Der Untergang der Römerherrschaft in Pannonien*, Bd. I—II, Berlin-Leipzig, 1924—1926.

Bachmann A., *Zu Jordanis*, – NA, Bd 23, Hannover—Leipzig, 1898, S. 175—176.

Balzani U., *Le cronache italiane nel Medio evo*, Milano, 1909.

Bergmüller L., *Einige Bemerkungen zur Latinität des Jordanes*, – Programm des Gymnasiums bei St. Anna in Augsburg, 1903.

Berneker E., *Slavisches etymologisches Wörterbuch*, I, Heidelberg, 1908–1913.

Bessel W., *Gothen*, – «Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste», hrsg. von J. S. Ersch und J. G. Gruber, I. Sektion, 75. Teil, Leipzig, 1862, S. 98—242.

Besson Mar., *Art barbare dans l'ancien diocèse de Lausanne*, Lausanne, 1909.

Bianchi D., *Note sui «Getica» di Giordano e le loro clausule*, – «Aevum», anno XXX, 1956, fasc. 3, Milano, 1956.

Bierbach E., *Die letzten Jahre Attilas*, Berlin, 1906.

Birt Th., *Charakterbilder Spätroms und der Entstehung der modernen Europa*, Leipzig, 1919.

Boehmer H., «Wulfila», – «Realencyklopädie für protestantische Theologie», 3. Aufl. Bd 21, 1908, S. 548—558.

Boguslawski W., Rozpatrzenie textu Jordanesa o granicach Slowian w polowie VI wieku, – «Roczniki Tow. Przyj. Nauk», 20, 1894.

Boissier G., *La fin du paganisme*, Paris [s. a.].

Bury J. B., A History of the later Roman Empire from the death of Theodosius I to the death of Justinian I (395—565), I—II, London, 1923; 2nd ed., New York, 1958.

Cantarelli L., *l'ultimo rifugio di Romolo Augustulo*, – «Historia», II, 1928, p. 185—190.

Cassel S., *Magyarische Altert?mer*, Berlin, 1848, S. 293—310.

Cessi R., «*Regnum* » e «*Imperium* » in Italia, I, Bologna, 1919.

Cipolla C., *Considerazioni sul concetto di stato nella monarchia di Odoacre*, – «Rendiconti d. R. Accademia dei Lincei», classe moral-stor., 5a serie, XX, Roma, 1911.

Cipolla C., Considerazioni sulle Getica di Iordanes e sulle loro relazioni colla Historia Getarum di Cassiodoro, «Memorie della R. Accademia di Torino», 2a serie, t. 43, Torino, 1893, p. 99—134.

Cipolla C., *Della occasione in cui Ennodio compose il suo Panegirico a re Teodorico*, — «Archivio storico italiano», 4a s?rie, t. XI, Firenze 1883, p. 351– 353.

Cipolla C., Della supposta fusione degli Italiani coi Germani nei primi secoli del Medio Evo, – «Rendiconti d. R. Accademia dei Lincei», 5a serie, IX, Roma, 1901.

Courtois Chr., *Les Vandales el ?Afrique*, Paris, 1955.

Dagron G. et Marin L., Discours utopique et r?cit des origines. 1. Une lecture de Cassiodore—Jordan?s: les Goths de Scandza ? Ravenne. – 2. De ?«Utopia» de More ? la Scandza de Cassiodore—Jordan?s. – Annales. Economies, soci?t?s, civilisations. Mars—avril 1971, N 2. pp. 290—327.

Dahn F., *Die K?nige der Germanen*, I—XII, M?nchen, 1861—1909.

Dahn F., *Jordanis*, — «Allgemeine Deutsche Biographie», Bd XIV, Leipzig, 1881, S. 522—526.

Deanesley Margaret, A History of early medieval Europe (476—911), London, 1956.

Delbr?ck R., *Die Consulardiptychen*, Berlin—Leipzig, 1929.

Demougeot E., De l'unit? ? la division de l'Empire romain. Paris, 1951.

Diculescu C. C., Die Wandalen und die Goten in Ungarn und Rum?nien, Leipzig, 1923.

Diculescu C. C., Die Gepiden. Forschungen zur Geschichte Daziens im fr?hen Mittelalter und zur Vorgeschichte des rum?nischen Volkes, Bd I, Halle– Leipzig, 1923.

Diesner H.–J., *Sp?tantike, Widerstandsbewegungen: das Circumcellwnentum*, – «Aus der byzantinischen Arbeit der Deutschen Demokratischen Republik», Bd I, hrsg. von Johannes Irmischer, Berlin, 1957, S. 106—112.

Dolger F., *Regesten der Kaiserurkunden des Ostr?mischen Reiches*, – «Corpus der

griechischen Urkunden des Mittelalters und der neueren Zeit», Serie I, I, M?nchen, 1941.

Dujcev Iv., *Le t?moignage du Pseudo-C?saire sur les slaves*, — «Slavia antiqua», IV, 1953, p. 193—209.

Dumoulin, M., *Le gouvernement de Th?odoric et la domination des Ostrogoths en Italie?apr?s les oeuvres ?Ennodius*, — «Revue historique», 78, 1902.

Dvornik F., *The Making of Central and Eastern Europe*, London, 1949.

Dvornik F., *The Slavs, their early history and civilization*, Boston, 1956.

Ebert Ad., *Allgemeine Geschichte der Literatur des Mittelalters im Abendlande*, Bd I. «Geschichte der christlichlateinischen Literatur von ihren Anf?ngen bis zum Zeitalter Karls des Grossen», 2. Aufl., Leipzig, 1889.

Ensslin W., *Einbruch in die antike Welt: V?lkerwanderung*, — «Historia mundi Ein Handbuch der Weltgeschichte», begr?ndet von Fr. Kern, hrsg. von Fr. Valjavec, Bd 5: «Fr?hes Mittelalter», Bern, 1956, S. 78—132.

Ensslin W., *Germanen... Das R?merreich unter germanischer W?ltung von Stilicho bis Theoderich*, — «Das Neue Bild der Antike», II, Berlin, 1942.

Ensslin W., *Theoderich der Grosse*, M?nchen, 1947.

Ensslin W., *Die Ostgoten in Pannonien*, — «Byzantinisch—Neugriechische Jahrb?cher», VI, 1927—1928.

Ensslin W., *Des Symmachus Historia Romana als Quelle f?r Jordanes*, — «Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften», Philos.-hist. Abt., Jahrg. 48, Heft 3, M?nchen, 1949.

Ensslin W., *Zu den Grundlagen von Odoakers Herrschaft*, — «Serta Hoffleriana», Agram, 1940.

Erhardt L., *Jordanis Romana et Getica recensuit Theod. Mommsen* (Monumenta Germaniae Historica Auctorum antiquissimorum tomi V pars prior, Berlin, 1882, LXXIV, 200 S), — «G?ttingische gelehrte Anzeigen», II, ? 17, G?ttingen, 15 Aug., 1886. S. 669—708.

Fiebiger O. u. Schmidt L., *Inscriptensammlung zur Geschichte der Ostgermanen*, — «Denkschriften der Akademie der Wissenschaften in Wien», Philos.-hist. Kl., Bd 60, Wien—Leipzig, 1917.

Fiebiger O., *Inscriptensammlung zur Geschichte der Ostgermanen. Neue Folge*, — «Denkschriften der Akademie der Wissenschaften in Wien», Philos.-hist. Kl., Bd 70, Abhandlung 3, Wien—Leipzig, 1939.

F?rster M., *Der Name der Donau*, — «Zeitschrift f?r slavische Philologie», I, Leipzig, 1925.

Friedrich J., *?ber die kontroversen Fragen im Leben des gothischen Geschichtschreibers Jordanes*. — «Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und der historischen Klasse der

Akademie der Wissenschaften zu M?nchen», Jahrg. 1907, M?nchen, 1908, S. 379—442.

Friesen O., *Sopra un passo della descrizione della Scandinavia di Jordanes*, — «Strena philologica uppsaliensis. Festskrift till?gnad prof. Per Persson», Uppsala, 1922.

Gaudenzi A., *?opera di Cassiodoro a Ravenna*, — «Atti e memorie della R. Deputazione di soria patria per le provincie di Romagna», 3a serie, t. III, 1885, p. 235—334; t. IV, 1886, p. 426—463.

Gauthier E. F., *Geiserich, K?nig der Wandalen*, Frankfurt a. M., 1935.

Gelzer H., ????? bei Priskos, — BZ, 24, 1924, S. 313—314.

Giunta Fr., Considerazioni sulla vita e suite opere di Jordanes, — «Italica», XXV, 1948.

Giunta Fr., *Jordanes e la cultura dell'alto Medioevo. Contributo allo studio del problema gotico*, Palermo, 1952; рецензия: Ch. C. Mierow, «Speculum», 28, N 3, 1953, p. 568—571.

Giunta Fr., Il manoscritto delle Getica di Jordanes conservato nell' Archivio di Stato di Palermo, — «Archivio storico Siculo», 3a serie, ?, 1946.

Gottlieb Th., ?ber mittelalterliche Bibliotheken, Leipzig, 1890; G. Meier, Nachtr?ge zu Gotlieb...«Centralblatt f?r Bibliothekswesen», Jahrg.XX, Heft 1u. 2, Leipzig, 1903, S. 16—32.

Goubert P., *Byzance avant ?Islam*, t. I, Paris, 1951.

Grafenauer B., *Nekaj vprasanj iz dobe naseljavanja juznih Slovanov*, — «Zgodovinski casopis», IV, Ljubijana, 1950, стр. 23—126.

Grienberger Th., *Die nordischen Volker bei Jordanes*, — «Zeitschrift f?r deutsches Altertum», 47, Neue Folge, 35, Berlin, 1904.

Grienberger Th., *Die Vorfahren des Jordanes*, — «Germania. Vierteljahrschrift f?r deutsche Altertumskunde», Bd 34, Neue Reihe 22, Stuttgart—Wien, 1889, S. 406—409.

Grimm Jac., *?ber Jomandes und die Geten*, — «Kleinere Schriften», III, Berlin, 1866, S. 171—235.

Grosse R., *R?mische Militargeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung*, Berlin, 1920.

Grousset R., *?Empire des steppes*, Paris, 1939.

Guilland R., *Etudes sur ?histoire administrative de ?Empire Byzantin. Le consul, ? ??????*, — Byz., XXIV, 1954, fasc. 2, Bruxelles, 1956, p. 545—578.

Gutschmid A., *Zu Jordanis*, — «Jahrb?cher f?r classische Philologie», 8. Jahrg., Leipzig, 1862, S. 124—151; «Kleine Schriften», V, Leipzig, 1894, S. 293—336.

Halphen L., *Les Barbares, des grandes invasions aux conqu?tes turques du XI-e si?cle*, Paris, 1930.

Hartmann L. M., *Geschichte Italiens im Mittelalter, I. (Das italienische K?nigreich)*, Gotha, 1897.

Hartmann L. M., Untersuchungen zur Geschichte der byzantinischen Verwaltung in Italien (540—750), Leipzig, 1889.

Hartmann L. M., *Der Untergang der antiken Welt*, I—III, Gotha, 1921–1923.

Hauptmann L., Les rapports des Byzantins avec les Slaves et les Avars pendant la seconde moitié du VI s., – Byz., IV (1927—1928), Paris—Lüttich, 1929, p. 137—170.

Haury J., Zur Beurteilung des Geschichtschreibers Procopius von Cäsarea, München, 1896.

Hayes C. H., *An Introduction to the sources relating to the German invasions*, — «Studies in history of Columbia University», 33, 3, New York, 1942.

Herschell *Die Tetrarchischen Gothen*, – «Anzeiger für Kunde der deutschen Vorzeit», Neue Folge, VI, 1859.

Hodgkin Th., *Italy and her invaders*, I—VIII, Oxford, 1885—1889. Hodgkin Th., *Theodoric the Goth, the barbarian champion of civilization*, New York—London, 1891.

Holder-Egger O., J. Friedrich, Über die kontroversen Fragen im Leben des gotischen Geschichtschreibers Jordanes (1907), – NA, 34, Hannover u. Leipzig, 1908—1909, S. 235—236.

Hoops J., *Reallexikon der germanischen Altertumskunde*, I—IV, Strassburg, 1911—1919.

Jordan H., *Geschichte der altchristlichen Literatur*, Leipzig, 1911.

Jordan Joh., *Jordanes. Leben und Schriften* – «Gymnasium zu Ansbach», 1843.

Jorga N., *La «Romania» danubienne et les barbares au VI siècle*, — «Revue belge de philologie et d'histoire», III, Bruxelles, 1924.

Kappelmacher A., *Jordanis*, – RE, Bd IX, 2, Stuttgart, 1916. S. 1908—1929.

Kappelmacher A., *Zur Lebensgeschichte des Jordanis*, – «Wiener Studien. Zeitschrift für klassische Philologie», 36. Jahrg., 1914, Wien, 1915, S. 181—188.

Kaufmann, G., *Kritische Untersuchungen der Quellen zur Geschichte Ulfilas*, – «Zeitschrift für deutsches Altertum», 27, 1883, S. 193—261.

Kiepert H., *Formae orbis antiqui*. 36 Karten im Format von 52x64 cm mit kritischem Text und Quellenangabe zu jeder Karte. Bearbeitet und herausgegeben von Richard Kiepert, Berlin, 1906.

Koepke R., *Deutsche Forschungen. Die Anfänge des Königtums bei den Gothen*, Berlin, 1859.

Körbs O., *Untersuchungen zur ostgotischen Geschichte*, Eisenberg, 1913.

Kudrnac J., *Slovane na uzemi byvale Dacie*, – «Vznik a počátky Slovanu» I, Praha, 1956.

Labuda Ger., *Vidivarii Jordanesa*, – «Slavia Occidentalis», XIX, Poznań, 1948, p. 63—81.

Lamma P., *Ricerche sulla storia e la cultura del VI secolo*, Brescia, 1950.

Lamma P., *Teoderico nella storiografia bizantina*, – «Studi Romagnoli», 3, 1952, p. 87—95.

Latouche R., *Les grandes invasions et la crise de l'Occident au V-e siècle*, Paris, 1946.

Lemerle P., *Invasions et migrations dans les Balkans depuis la fin de l'époque romaine jusqu'au VIIe siècle*, – «Revue historique», 211, 1954, p. 265– 308.

Lot F., *La fin du monde antique et le début du moyen âge*, – «Histoire du moyen âge», publié sous la direction de Gustave Glotz, t. X, Paris, 1927.

Lot F., *Les invasions germaniques. La pénétration mutuelle du monde barbare et du monde romain*, Paris, 1935.

Lukman N., *Ermanaric hos Jordanes of Saxo*, – «Stud. fra Sprog-og Oldtidsforskning», 58, № 298, København, 1949.

Maenchen-Helfen O., *The Legend of the origin of the Huns*, – Byz., XVII, 1944—1945, p. 244—251.

Manitius M., *Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters*, I. Teil, «Von Justinian bis zur Mitte des 7. Jahrhunderts», München, 1911.

Manitius M., *Geschichtliches aus mittelalterlichen Bibliotheken*, – NA, 32, Hannover—Leipzig, 1907, S. 651.

Markwart (Marquart) Jos., *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge*, Leipzig, 1903.

Martens W., *Jordanis Gothengeschichte*, – «Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit», 3. Aufl., 1913.

Martroye F., *l'Occident à l'époque byzantine. Goths et Vandales*, Paris, 1904.

Martroye F., *Général. La conquête vandale en Afrique et la destruction de l'empire d'Occident*, Paris, 1907.

Maspero J., «*Les invasions germaniques et les légendes de l'Armée byzantine au VIe S.*», – BZ, 21, 1912, S. 97—109.

Mazzarino V. S., *Stilicone. La crisi imperiale dopo Teodosio*, – «Studi pubblicati dal Istituto Italiano per la storia antica», III, Roma, 1942.

Mierow Ch. Chr., *The Gothic history of Jordanes*, London, 1915.

Mierow Ch. Chr., *Some remarks on the literary technique of the Gothic historian Jordanes*, – «Classical Weekly», Pittsburgh, XVI.

Mikkola J. J., *Poludniowa granica Słowian u Jordanesa*, – «Symbolae gramm., in honorem Ioannis Rozwadowski», t. II, Kraków, 1928.

[Miller K.] «*Mappae mundi*». *Die ältesten Weltkarten*, hrsg. und erläutert von Konrad Miller, Heft I—VI, Stuttgart, 1895—1898.

Minasi G., *Cassiodoro Senators*, Napoli, 1895.

Momigliano A., *Gli Anici et la storiografia latino del VIe sec.* – Rendiconti dell'Acc. dei Lincei. Cl. morale, stor. etc. Ser. 8a, XI, 1956.

Mommsen Th., *Jordanis Romana et Getica. Prooemium*, — MGH, Auct. antiquiss., t. V, pars

I, Berlin, 1882, p. V—LXXIII.

Mommsen Th., *Stilicho und Alarich*, – «Hermes», 38, 1903, S. 101—115; «Gesammelte Schriften», Bd IV, Berlin, 1906, S. 516—530.

Mommsen Th., *Aetius*, — «Hermes», 36, 1901, S. 516—547; «Gesammelte Schriften», IV, 1906, S. 531—560.

Mommsen Th., *Ostgothische Studien*, – NA, 14, 1889, S. 225—249; 453–44; 15, 1890, S. 181—186; «Gesammelte Schriften», VI, Berlin, 1910, S. 362–84.

Moore, Clifford H., *The Pagan reaction in the VI-th century*, – «Transactions and proceedings of the American philological association», 50, Boston, 1919.

Moravcsik Gy., *Byzantinoturcica: I* – «Die byzantinischen Quellen der Geschichte der T?rkv?lker»; II – «Sprachreste der T?rkv?lker in den byzantinischen Quellen», – «Magyarg?r?g tanulmanyok», 20, 21, Budapest, 1942, 1943; 2 ed., Berlin, 1958.

Moravcsik Gy., *Attilas Tod in Geschichte und Sage*, — «Zeitschrift der K?r?si Csoma-Gesellschaft», 2, 1926—1932, S. 83—116.

Moricca U., *Storia della letteratura latina cristiana*, I—III, Torino, 1923—1934.

M?llenhoff K., *Deutsche Altertumskunde*, I—V, Berlin, 1870—1900; 2. Aufl., I, 1891; II, 1906; V, 1908.

M?llenhoff K., *Donau, Dunavъ, Dunaj*, — «Archiv f?r slavische Philologie», hrsg. von Jagic, I, Berlin, 1876, S. 290—298.

Nady T. La campagne ?Attila aux Balkans et la valeur du Temoignage de Jordanes concernant les Germains. – *Acta antiqua Acad. Scaent. Hung.* 4, 1956, p. 251—260.

Niederle L., *Manuel de ?antiquit? slave*, I, Paris, 1923; II, Paris, 1926.

Niederle L., *Rukovet slovanskych starozitnosti*, Praha, 1953.

Niederle L., *Slovansk? starozitnosti*, II. Puvod a pocatky slovanu jiznich, Praha, 1906.

Niederle L., *?ber die ?????? des Procop*, — «Archiv f?r slavische Philologie», 23, 1901, S. 130—133.

Norden E. *Alt-Germanien. V?lker- und Namengeschichtliche Untersuchungen*. Berlin, 1934.

Olrik A., *Ragnar?k. Die Sagen vom Weltuntergang*, Berlin—Leipzig, 1922.

Ostrogorsky G., *Geschichte des byzantinischen Staates*, M?nchen, 1952.

Ostrogorsky G., *Histoire de l'Etat byzantin*. Traduction fran?aise de J. Rouillard, enrichie de nombreuses additions par ?auteur, Paris, 1956.

Ostrogorsky G., *History of the Byzantine state*. Translated from the German Joan Hussey, New Brunswick—New Jersey, 1957.

Oxenstierna Eric C. G., *Die Urheimat der Goten*, — «Manus-B?cherei», Bd 73, Leipzig, 1945.

- Paratore E., *Storia della letteratura latina*, Firenze, 1950.
- Peisker T., *The Expansion of the Slavs*, – «The Cambridge medieval history», vol II, Cambridge, 1913, p. 418—458.
- Pepe G., *Il medioevo barbarico d'Italia*, Torino, 1942.
- Pepe G., *Il medioevo barbarico d'Europa*, Milano—Verona, 1949.
- Pfeilschifter G., *Theoderich der Grosse*, Mainz, 1910.
- Picotti G. B., *Sulle relazioni fra re Odoacre e il Senato e la Chiesa di Roma*, – «Rivista storica Italiana», Ser. V, t. IV, Torino, 1939.
- Polaschek E., *Noviodunum*, – RE, 33, Stuttgart, 1936, S. 1191—1194.
- Rand E. K., *Founders of the Middle Ages*, Cambridge Mass., 1928.
- Ranke L., *Weltgeschichte*, 4. Teil, 2. Abt. «Kaiser Justinian und die definitive Festsetzung germanischer Völker im Westen des römischen Reiches» (Analecten, IV, «Jordanes», S. 313—327), Leipzig, 1883.
- Reynold, *Gonzague de, Le monde barbare et sa fusion avec le monde antique*, t. II, «Les Germains et la formation de l'Europe», Paris, 1953.
- Reynolds R. L., and Lopez, R. S., *Odoacer: German or Hun?* – «American Historical Review», 52, Oct. 1946, p. 36—53.
- Rinaudo C., *Le fonti della storia d'Italia dalla caduta dell'Impero Romano all'invasione dei Longobardi (467—568)*, Torino, 1883.
- Roesler R., *Über den Zeitpunkt der slavischen Ansiedlung an der unteren Donau*, – «Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften», Philos.-hist. Kl., Bd 73, Heft I, Wien, 1873.
- Romano G., Solmi, A., *Le dominazioni barbariche in Italia (395—888)*, Milano, 1940.
- Romano Dom., *Due storici di Attila. Il greco Prisco e il goto Jordanes*, – «Antiquitas», a. 2, 1947, p. 65—71.
- Rooth E., *Got. strawa «Gerst, Paradebett»*, – «Annales Academiae scientiarum Fennicae», 84, 2, Helsinki, 1954, S. 37—52.
- Rubin B., *Theoderich und Justinian. Zwei Prinzipien der Mittelmeerpolitik*, München, 1953.
- Runkel F., *Die Schlacht bei Adrianopel*, Rostock, 1903.
- Safarik P. J., *Slowanske starozitnosti*, Praha, 1837.
- Salvatorelli L., *d'Italia dalle invasioni barbariche al sec. XI*. Milano, 1939.
- Saria R., «*Nevidunum*», – RE, 33, Stuttgart, 1936, S. 152—156.
- Schanz M., *Geschichte der römischen Literatur*, – «Handbuch der Altertumswissenschaft», begr. v. Iwan von Müller, 8; Bd 4. I; 2 Aufl., München, 1914; Bd 4, 2, München, 1920.
- Schirren C., *De ratione que inter Jordanem et Cassiodorium intercedat commentatio*, Dorpat,

1858.

Schmidt L., Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. Die Ostgermanen, München, 1934.

Schnetz J., *Jordanes beim Geographen von Ravenna*, – «Philologus», Bd 31, 1925; NR, Bd XXXV, Leipzig, 1926.

Schuster M., Die Hunnenbeschreibungen bei Ammianus, Sidonius und Jordanis, – «Wiener Studien», 58, 1940, S. 119—130.

Schwarz E., *Flussnamen und Völkerbewegungen in Oberpannonien*, – «Zeitschrift für slawische Philologie», I, Leipzig, 1925.

Schwarz E., *Germanische Stammeskunde*, Heidelberg, 1956.

Schwarz E., *Die Krimgoten*, – «Saeculum», 4, 1953, p. 156—164.

Schwarz E., *Zu Cassiodor und Prokop*, – «Sitzungsberichte d. bayerischen Akademie d. Wissenschaften», Philos.-hist. Abt., 1939. Heft 2.

Seeck O., Geschichte des Untergangs der antiken Welt, I—VI, Stuttgart, 1920—1923.

Sevin H., *Die Gepiden*, München, 1955.

Simson B., *Zu Jordanis*, – NA 22, Berlin, 1897, S. 741—747.

Šišić F., Geschichte der Kroaten, I (bis 1102), Zagreb, 1917

Stahlberg, *Beiträge zur Geschichte der deutschen Historiographie im Mittelalter. I. Jornandes*, – «Programm der höheren Bürgerschule zu Mülheim an der Ruhr», Mülheim, 1854.

Steffens Fr., *Lateinische Paläographie*, III, Freiburg (Schweiz), 1903.

Stein E., Geschichte des spätromischen Reiches. I. Vom römischen zum byzantinischen Staate (284—476), Wien, 1928.

Stein E., Histoire du Bas-Empire. II. De la disparition de l'Empire d'Occident à la mort de Justinien (476—565), Paris—Bruxelles—Amsterdam, 1949.

Stein E., Untersuchungen über das Officium der Prätorianer Präfectur, Wien, 1922.

Stthamer Ed., *Eine neue Jordanes Handschrift in Palermo*, – «Forschungen u. Fortschritte», 5. Jahrg., 1929, N 4, S. 45.

Sundwall J., Abhandlungen zur Geschichte des ausgehenden Römertums, Helsinki, 1919.

Sybel H., *Entstehung des deutschen Königtums*, 2. Aufl., Frankfurt a. M., 1881.

Sybel H., *De fontibus libri Jordanis de origine actuum Getarum*, Berlin, 1838.

Tackenberg K., *Zu den Wanderungen der Ostgoten*, – «Mannus», Leipzig, 1930.

Terzaghi N., *Storia della letteratura latina da Tiberio a Giustiniano*, Milano, 1941.

Teuffel W. S., *Geschichte der römischen Literatur*, 5. Aufl. von L. Schwabe, Leipzig, 1890.

Thompson E. A., *A History of Attila and the Huns*, Oxford, 1948.

Thorbecke A., *Cassiodor Senator*, – «Programm des Heidelberger Lyzeums», 1867.

- Torsten E. Karsten. *Les anciens Germains* , P. 1931.
- Tymieniecki Kaz., *Droga Gotów na południe* , – «Archeologia», t. 3, Wrocław, 1949—1952, S. 112—122, 425—427.
- Usener Herm., *Anecdota Holderi. Ein Beitrag zur Geschichte Roms in ostgothischer Zeit* , – «Festschrift zur Begr?ssung der XXXII. Versammlung deutscher Philologen u. Schulm?nner zu Wiesbaden», Bonn, 1877.
- Vamos F., *Attilas Hauptlager und Holzpal?ste* , – «Seminarium Kondakovianum», 5, Praha, 1932, S. 131—148.
- Vasiliev A. A., *Histoire de ?Empire byzantin* , t. I, Paris, 1932.
- Vasiliev A. A., *The Goths in the Crimea* , Cambridge Mass., 1936.
- Vasmer M., *Untersuchungen ?ber die ?ltesten Wohnsitze der Slawen*, I, Leipzig, 1923.
- Vasmer M., *Russisches etymologisches W?rterbuch* , I—III, Heidelberg, 1953—1958.
- Vassili L., *Rapporti tra regni barbarici ed impero nella seconda met?del quinto secolo*, – «Nuova rivista storica», Milano, XXI, 1937.
- Velkov V. *Das Schicksal einer fr?hbyzantinischen Stadt zur Zeit der V?lkerwanderung* (Odessos—Varna am Schwarzen Meer) – Akten des XI. Internationalen Byzantinisten kongresses M?nchen 1958. Hrsg. von Fr. D?lger und H.-G. Beck. M?nchen, 1960, S. 654—659.
- Vernadsky G., *Ancient Russia*, New Haven, Yale University press, 2d ed., 1943.
- Vernadsky G., *Flavius Ardabur Aspar*, — «S?dost-Forschungen», 6, Leipzig, 1941.
- Vernadsky G., *Goten und Anten in S?drussland*, — «S?dost-Forschungen», 3, Leipzig, 1938, S. 265—279.
- Vernadsky G., *Note on the name Antes*, — «Journal of American Oriental society», 73, 1953.
- Vernadsky G., *On the origins of the Antae*, — «Journal of American Oriental society», 59, 1939, p. 56—66.
- Vernadsky G., *The Spali of Jordanis and the Spori of Procopius*, – Byz., 13, 1938, p. 263—266.
- Vetter G., *Die Ostgoten und Theoderich*, Stuttgart, 1938.
- Villari P., *Le invasioni barbariche in Italia*, Milano, 1901.
- Vyver A. van de, *Cassiodore et son oeuvre*, — «Speculum», VI, 1, Cambridge Mass., Jan. 1931, p. 244—292.
- Wattenbach W., *Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, bis zur Mitte des dreizehnten Jahrhunderts*, Bd I, Siebente von Ernst D?mmler umgearbeitete Auflage, Stuttgart und Berlin, 1904.
- Wattenbach—Levison., *Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Vorzeit und Karolinger. Heft I – Die Vorzeit von den Anfängen bis zur Herrschaft der Karolinger*, bearbeitet

von W. Levison, Weimar, 1952.

Weibull L., *Skandza und ihre Völker in der Darstellung des Jordanis*, – «Archiv für Nordisk filologi», 41, 2, Lund, 1925, S. 213—246.

Werner F., *Die Latinität der Getica des Jordanes*, Diss., Halle, 1908.

Werner J. *Beiträge zur Archäologie des Attila—Reiches*. A. Textteil B. Tafelteil. München, 1956 (Bayerische Akademie d. Wissenschaften. Philos.-Hist. Kl. Abhandlungen, Neue Folge, H. 38A–B).

Wolfflin Ed., *Zur Latinität des Jordanes*, — «Archiv für lateinische Lexikographie und Grammatik», XI, Leipzig, 1900, S. 361—368.

Zeumer K., *Geschichte der westgotischen Gesetzgebung*, – NA, 23, 1898, S. 424—426.

Zeuss K., *Die Deutschen und die Nachbarstämme*, München, 1837; 2. Aufl., Heidelberg, 1925.

Zlatarski V., *Die Besiedelung der Balkanhalbinsel durch die Slaven*, – «Revue internationale des études balcaniques», II, Belgrade, 1936, p. 358—375.

Zupanič N. i *Der Anten Ursprung und Namen*, — «Actes du III-e Congrès études byzantines», Athènes, 1932, p. 331—339.

Zupanič N., *K antskemu problemu*, — «Zgodovinski casopis», II—III, Ljubljana, 1948—1949, p. 145—152.

Список сокращений

ВВ – «Византийский временник».

ВДИ – «Вестник древней истории».

ЖМНП – «Журнал министерства народного просвещения».

ИАК – «Известия археологической комиссии».

ИГАИМК – «Известия Государственной академии истории материальной культуры».

КСИИМК – «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР».

ПСРЛ – «Полное собрание русских летописей».

Acta Sabae – «Acta s. Sabae Gotthi martyris in Cappadocia» —

Acta Sanctorum Bolandiana, 12, April II.

Aed. – Procopius Caesariensis, *De aedificiis*, ed. J. Haury, vol. III, 2, Lipsiae, 1913.

Agath. – Agathias Myrinaeus, *Historiae*, ed. B. G. Niebuhr, – CSHB, Bonn, 1928; ed. L. Dindorf, – HGM, II, 1871, p. 132—392.

Agn. – Agnellus, *Liber Pontificalis ecclesiae Ravennatis*, ed. O. Holder-Egger,—MGH SS rer. Langob., 1878, p. 265—397; ed. Testi—Rasponi, 1924.

Ambr. Epist. – Ambrosius, *Epistulae*.—MPL, 14.

Amm. Marc. – Ammianus Marcellinus, *Rerum gestarum libri qui supersunt*, ed. V. Gardthausen, I—II, Leipzig, 1874—1875; ed. C. Clark, I—II, 1910– 1915, ed. J. C. Rolfe, I—III, Cambridge Mass., London, 1935—1939.

Anecd – Procopius Caesarensis, *Anecdota*, ed. J. Haury, vol. III, I, Lipsiae, 1906.

Anecdoton Holderi – Usener, Herm., *Anecdoton Holderi*. Ein Beitrag zur Geschichte Roms in ostgothischer Zeit, – «Festschrift zur Begr?ssung der XXXII Versammlung deutscher Philologen u. Schulm?nner zu Wiesbaden», Bonn, 1877, – MCH Auct. antiquiss., XII, 1894.

Anon. Vales. – Anonymus. Valesii, ed. V. Gardthausen, Leipzig, 1875, p. 280—305; ed. Th. Mommsen, – MGH Auct. antiquiss., IX, 1892, p. 306—328.

Aur. Vict. Epit. – Aurelius Victor, *Epitome de caesaribus*, ed. Fr. Pichimayr, Leipzig, 1911.

Auson. Epigr. – Ausonius Decimus Magnus, *Opuscula*, ed. C. Schenkl, – MGH Auct. antiquiss., V. 2 1883.

Bell. Goth. – Procopius Caesariensis, *Bellum Gothicum*, ed. J. Haury, vol. II, Lipsiae, 1905.

Bell. Pers. – Procopius Caesariensis, *Bellum Persicum*, ed. J. Haury, vol. I, Lipsiae, 1905.

Bell. Vand. – Procopius Caesariensis, *Bellum Vandalicum*, ed J. Haury, vol. I, Lipsiae, 1905.

Boeth. de consol. philos. – Boethius, Anicius Manlius Severinus, *De consolatione philosophiae*, ed. G. Weinberger. – CSEL, LXVII, 1934; ed. Peiper, 1871; ed. Stewart et Rand, 1918; ed. Forti—Scuto et Smith, 1925.

Byz. – Byzantion.

BZ – Byzantinische Zeitschrift.

Candid. – Candidus Isaurus, *Fragmenta*, ed. B. G. Niebuhr, – CSHB, Bonn, 1829, p. 472—477; HGM, I, 1870, p. 441—445; FHG, IV, 1868, p. 135—137.

Cass. Chron. – Cassiodorus Senator, *Chronica*, ed. Th. Mommsen, – MGH Auct. Antiquiss., XI, 1894, p. 120—161.

Cedren. – Cedrenus, Georgius, *Synopsis historiae*, ed. Imm. Bekker, – CSHB, Bonn, I—II, 1838.

Chron. Gall. – Chronica Gallica, ed. Th. Mommsen, – MGH Auct. antiquiss., IX, 1892, p. 629—666.

CIL – Corpus inscriptionum latinarum.

Claud. Carm. – Claudianus (Claudius Claudianus), *Carmina*, ed. Th. Birt.—MGH Auct. antiquiss., X, 1892, p. 260-283; ed. I. Koch, Leipzig, 1893; ed. A. Ludwich, Leipzig, 1897; ed. Platnauer, 1929.

Cons. Const. – Consularia Constantinopolitana, ed. Th. Mommsen, – MGH Auct. antiquiss., IX, 1892, p. 205—247.

Cons. Rav. – Consularia Ravennatiae (Anonymus Cuspiniani, Fasti Vindobonensis), ed. Th. Mommsen, – MGH Auct. antiquiss., IX, 1892, p. 274—299.

CSEL – Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum.

CSHB – Corpus scriptorum historiae byzantinae.

De adm. imp. – Constantinus Porphyrogenitus, *De administrando imperio*, ed. Imm. Bekker, – CSHB, Bonn, 1840; ed. U. Ph. Boissevain, C. de Boor et Th. Buttner-Wobst, 4 vol., 1903—1906; Greek text ed. by Gy. Moravcsik, englisch transl. by R. J. H. Jenkins, Budapest, 1949.

Dexipp. – Dexippus Atheniensis, *Historia*, ed. B. G. Niebuhr, – CSHB, Bonn, 1829, p. 11—38; FHG, III, 1849, p. 667—687; HGM, I, 1870, p. 165–200.

Dio Cass. Hist. Rom. – Dio Cassius, *Historia Romana*, ed. L. Dindorf, recogn. I. Melber, I—III, Leipzig, 1890—1928; ed. U. Ph. Boissevain, vol. III, Berlin, 1895—1901.

Dio Chrys. – Dio Chrysostomus, *Orationes*, ed. L. Dindorf, I—II, Leipzig, 1857.

Ennod. Panegy. – Ennodius (Magnus Felix Ennodius), *Panegyricus Theodorici regis Ostrogothorum*, ed. Fr. Vogel. MGH Auct. antiquiss. VII, 1885, p. 203—214; ed. W. Hartel, CSEL, VI, 1882.

Eugipp. V. Sev. – Eugippius, *Vita sancti Severini*, de. H. Sauppe, – MGH Auct. antiquiss., I, 12, 1877, p. 1–30. – Eugippius. *Das Leben des heiligen Severin*. Lateinisch u. deutsch. Einföhrung, Übersetzung u. Erläuterungen von Rudolf Noll. 1963, VIII – 150 pp. 1 Karte. (Schriften u. Quellen der alten Welt, Bd. 11).

Eunap. – Eunapius, ??????? ???????, ed. Imm. Bekker, – CSHB, Bonn, 1829, p. 41—118; FHG, IV, 1868, p. 11—56; HGM, I, 1870, p. 205—274.

Euseb. – Eusebius, *Historia ecclesiastica*, ed. E. Schwartz et Th. Mommsen, Leipzig, 1903—1909.

Eutrop. – Eutropius, *Breviarium ab urbe condita*, — MGH Auct. antiquiss. II, 1879; ed. F. Rühl, Leipzig, 1887.

Evagr. Hist. eccl. – Evagrius, *Historia ecclesiastica*, ed. J. Bidez et L. Parmentier, London, 1898; MPG, 86, col. 2405—2905.

FHG – Fragmenta Historicorum Graecorum, ed. C. Miller.

Fredegar – Fredegarius, *Chronicorum libri IV*, ed. Br. Krusch, – MGH SS rer. Meroving, II, 1889.

Getq – Iordanis Romana et Getica, ed. Th. Mommsen, – MGH Auct. Antiquiss., V. 1, 1882.

Greg Turon. Hist. Franc. – Gregorius Turonensis, *Historia Francorum*, ed. W. Arndt et Br. Krusch, – MGH SS rer. Meroving., I, 1, 1885, p. 31—450; Grégoire de Tours, *Histoire des Francs*,

texte des manuscrits de Corbie et de Bruxelles, publi? par H. Omont et G. Collon, ed par Reno Poupardin, Paris, 1913.

Greg. Turon. In gloria – Gregorius Turonensis, *Liber in gloria confessorum*, conf. ed. Br. Krusch, – MGH SS rer. Meroving., I, 2, 1885, p. 744—822.

Greg. Turon. Vitae patrum – Gregorius Turonensis, *Vitae patrum*, ed. Br. Krusch, – MGH SS rer. Meroving., I, 2, 1885, p. 661—744.

Herod. – Herodotus, *Historiae*, ed. C. Hude, I—II, Oxford, 1912.

HGM – Historici graeci minores, ed. L. Dindorf.

Hieron. Epist. – Hieronymus, *Epistolae* 150, MPL, 22.

Hieron. Hist – Hieronymus, *Chronicon*, — MPL, 27.

Idat. Chron. – Idatius (Hydatius) Lemicus (Lemovicensis), *Chronicon*, ed. Th. Mommsen, – MGH Auct. antiquiss., XI. 1894.

Ioh. Antioch. – Iohannes Antiochenus, – *Fragmenta*, — FHG, IV, p. 538—622; ed. Th. Mommsen, «Bruchst?cke des Iohannes von Antiochia und des Iohannes Malalas», – «Hermes», VI, Berlin, 1872, p. 323—383; «Excerpta historica iussu imperatoris Constantini Porphyrogeniti confecta», ed. U. Ph. Boissevain, C. de Boor, Th. B?ttner-Wobst, III, Berlin, 1906.

IosPE – Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini (B. Latyshev).

Isid. Etymol. – Isidorus Hispalensis, *Origines sive Etymologiae*, MPL, 82; «Isidori Etymologiae. Codex Toletanus (nunc Matritensis) 15, 8», phototypice editus, – «Codices graeci et Latini photographice depicti», t. XIII, Lugduni Batavorum, 1909; ed. W. M. Lindsay, I—II, Oxford, 1911.

Isid. Hist. – Isidorus Hispalensis, *Historia Gothorum, Wandalorum, Sveborum*, ed. Th. Mommsen, – MGH Auct. antiquiss., XI, 1894, p. 267—303.

Malal. – Iohannes Malala, *Chronographia*, ed. L. Dindorf, – CSHB, Bonn, 1831; ed. Schenk von Stauffenberg, 1931.

Malchi fr. – Malchus Philadelphensis, *Fragmenta* (?????????), ed. B. G. Niebuhr, – CSHB, Bonn. 1829, p. 231—278; FHC, IV, 1868, p. 112—132; HGM, I, 1870, p. 383—424.

Mar. Avent. – Marius Aventicensis, *Chronica*, ed. Th. Mommsen, – MGH Auct. antiquiss., XI, 1894, p. 232—239.

Marcell. Comit. – Marcellinus Comes, *Chronicon ad a. 518, continuatum ad a. 534 cum additamento ad. a. 548*, ed. Th. Mommsen, – MGH Auct. antiquiss., XI, 1894, p. 60—108.

Maur. Strateg. – Arriani *Tactica* et Mauricii *ars militaris*, ed. I. Scheffer, Upsala, 1664.

Mela – Pomponius Mela, *Chorographia*, ed. Carolus Frick, Leipzig, 1880.

Men. fr. – Menander Protector, *Fragmenta*, ed. B. G. Niebuhr, CSHB, Bonn, 1829, p. 281—444; FHG, IV, 1868, p. 201—269; HGM, 11, 1871, p. 1– 131; ed. C. de Boor, – «Excerpta

historica iussu imperatoris Constantini Porphyrogeniti confecta». I, «De legationibus», 1903; ed. U. Ph. Boissevain, – «Excerpta historica iussu imperatoris Constantini Porphyrogeniti confecta», III, «De sentiis», 1906.

MGH – Monumenta Germaniae historica.

MGH Auct. antiquiss. – Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi.

MGH SS – Monumenta Germaniae historica. Scriptores.

MGH SS rer. Langob. – Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum Langobardicarum.

MGH SS rer. Meroving – Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum Merovingicarum.

MPG – J. P. Migne, *Patrologiae cursus completus*. Series graeca.

MPL – J. P. Migne, *Patrologiae cursus completus*. Series latina.

NA – Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde.

Nicet. Chon. – Nicetas Choniata, *Historia*, ed. Imm. Bekker, CSHB, Bonn. 1835.

Niceph. Greg. – Nicephorus Gregoras, *Historia*, ed. Imm. Bekker, CSHB, Bonn, 1829.

Olymp – Olympiodorus, *Fragmenta (Historia)*, ed. B. G.

Niebuhr., – CSHB, Bonn, 1829, p. 447– 471; FHG, IV, 1868, p. 58—68; HGM, I, 1870, p. 450—472. – Photius. *Bibliothèque*. Texte établi et traduit par René Henry. Tome I («Codices» 1—84), Paris, 1959, p. 166—187.

Orient – Orientius, *Commonitorium*, ed. R. Ellis, – CSEL, XVI, I, 1888, p. 205—243.

Oros. – Orosius (Paulus), *Historiae adversum paganos*, ed. C. Zangemeister, Leipzig, 1889.

Pauli Diac. Hist. Lang. – Paulus Diaconus, *Historia gentis Langobardorum*, ed. L. Bethmann et G. Waitz, MGH SS rer. Langob., 1878, p. 45—187.

Pauli Diac Hist. Rom. – Paulus Diaconus, *Historia Romana*, ed. H. Droysen, – MGH Auct. antiquiss., II, 1879, p. 185– 224.

Philostorg. Hist. eccl. – Philostorgius, *Historia ecclesiastica*, MPG, 65; ed. J. Bidez, «Die Griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte», Leipzig, 1913.

Plin. – C. Plinius Secundus, *Naturalis historia*, ed. D Detlefsen, I—VI, Berlin, 1866—1882; ed. C. Mayhoff, I—VI, Leipzig, 1892—1898 (t. I, Leipzig, 1906); Pliny, *Natural history*. With an English translation, I—V, ed. H. Rackham, London—Cambridge Mass., 1938—950.

Prisci fr. – Priscus Panites, *Fragmenta*, ed. Imm. Bekker et B. G. Niebuhr, – CSHB, 1829, p. 137—228; FHG, IV, p. 69—110; HGM, I, p. 275—352 ed. C. de Boor, Exc. de leg., 1903.

Prooem. – Th. Mommsen, *Prooemium*, — MGH Auct. antiquiss. V, I, 1882.

Prosp. Aquit. Chron. – Prosper Aquitanus (Prosper Tiro), *Chronicon*, ed Th. Mommsen, – MGH Auct. antiquiss., IX 1892, p. 385—485.

Prosp. Auct. – Prosperi Auctarium, ed. Th. Mommsen, MGH Auct. antiquiss., IX, 1892, p. 307—339.

Prosp. Cont. Havn. – Prosperi Continuatio Havniensis, ed. Th. Mommsen, – MGH Auct. antiquiss., IX, 1892, p. 298—339.

Prudent. – Prudentius, Cl. Aurelius, *Contra Symmachum libri II*, ed. A. Dressel, – CSEL, 61, 1860.

Ptol. – Ptolemaeus (Claudius Ptolemaeus), *Geographia*, ed. C. Müller, C. T. Fischer, I—II, Paris, 1883– 1901. – *Claudii Ptolemaei Geographiae* codex Urbinas graecus 82, phototypica depictus. Tomus prodromus Josephi Fischer (De Cl. tolemaei vita, operibus, geographia, praesertim eiusque fati. Pars prior. Commentatio. Textus Pars altera. Tabulae geographicae LXXXIII (graecae, arabicae, latinae e codicibus LIII selectae). *Lugduni Batavorum* — Lipsiae, 1932.

Rav. anon. – Ravennatis anonymi cosmographia, ed. M. Pinder et G. Parthey, Berlin, 1860; ed. I. Schnetz «Itineraria romana», II, Leipzig, 1940.

RE – Pauly—Wissowa, Real – Encyclop?die der Klassischen Altertumswissenschaft, hrsg. von. W. Kroll.

Rom. – Iordanis Romana et Getica, ed. Th. Mommsen, MGH Auct. antiquiss., V. I, 1882.

Rutil. – Rutilius Claudius Namatianus, *De reditu suo*, ed. Aem. Böhrens, – Poetae latini minores, V, Leipzig, 1883; ed. J. Vessereau, Paris, 1904; ed. C. H. Keene and G. F. Savage-Armstrong, London, 1907.

Salv. Ad eccl. – Salvianus Massiliensis, *Ad ecclesiam*, — MGH Auct. antiquiss., I, 1, 1877, p. 138.

Salv. De gub. Dei – Salvianus Massiliensis, *De gubernatione Dei*, ed. C. Halm, – MGH Auct. antiquiss., I, 1, 1877, p. 1—108.

SC – [B. В. Латышев], «Scythica et Caucasica». – «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе», I—II, СПб., 1893—1906.

L. Schmidt – L. Schmidt, *Geschichte der deutschen St?mme*, M?nchen, 1934.

SHA – Scriptores Historiae Augustae, ed. E. Hohl, I—II, Leipzig, 1927.

Sidon. Apoll. Carm. – Sidonius Appolinaris, *Carmina*, ed. Chr. Luetjohann, – MGH Auct. antiquiss., VIII, 1887; ed. P. Mohr, Leipzig, 1895; ed. W. B. Andersen, London, 1930.

Sidon. Apoll. Epist. – Sidonius Apollinaris, *Epistulae*, ed. Chr. Luetjohann, – MGH Auct. antiquiss., VIII, 1887.

Socr. Hist. eccl. – Socrates, *Historia ecclesiastica*, ed. R. Hussey, I—III, Oxford, 1853—1860; MPG, 67; ed. W. Bright, Oxford, 1878.

Solin. – Solinus (C. Julius Solinus), *Collectanea rerum memorabilium*, ed. Th. Mommsen, Berlin, 1895.

Soz. Hist. eccl. – Sozomenus, Hermias, *Historia ecclesiastica*, ed. R. Hussey, I—III, Oxford, 1853—1860; MPG, 67.

[Strabo] Geogr. – Strabo, *Geographica*, ed. Aug. Meinecke I—III, Leipzig, 1895—1899; ed. H. L. Jones and J. R. S. Sterret, I—VIII, London – New York, 1917—1933.

Suet. – Suetonius C. Tranquillus, *De vita Caesarum*, ed. M. Ihm, Leipzig, 1908; ed. J. C. Rolfe, vol. I– II, London, 1914.

Theoph. – Theophanes Confessor, *Chronographia*, ed. J. Classen – Imm. Bekker, – CSHB, Bonn, 1839—1841; ed. C. de Boor, I—II, Leipzig, 1883—1885.

Theophyl. Sim. – Theophylactus Simocatta, *Historiae*, ed. Imm. Bekker, – CSHB, Bonn, 1834; ed. C. de Boor, Leipzig, 1887.

Trog. Pomp. – Trogus Pompeius, Iuniani Iustini Epitoma historiarum *Philippicarum Pompei Trogi*, ed. O. Seel, Leipzig, 1935.

V. Caes. – Vita Caesaris episcopi Arelatensis, ed. Br. Krusch, – MGH SS rer. Meroving., III, p. 433– 501.

Var. – Cassiodorus Senator, *Variae*, ed. Th. Mommsen, – MGH Auct. antiquiss., XII, 1894.

Wattenbach – Levison – Wattenbach W.—Levison W., *Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Vorzeit... Karolinger*, H, I.

Weimar, 1952.

Vict. Tonn. – Victor Tonnennensis, *Chronica*, ed. Th. Mommsen, – MGH Auct. antiquiss., XI, 1894, p. 184—206.

Zonar – Iohannes Zonaras, *Epitome historiarum*, ed. L. Dindorf, Lipsiae, 1868—1875; ed. Th. B?ttner—Wobst, 1897.

Zos. – Zosimus, *Historia nova*, ed. Imm. Bekker, – CSHB, Bonn, 1837; ed. L. Mendelssohn, Leipzig, 1887.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов (GETICA)*

Вступительная статья, перевод, комментарии Е. Ч. Скржинской М., 1960

[* Одна из рецензий на 1-ое издание «Getica». Опубликовано в «Византийском временнике», т. XXII за 1963 г. На отдельном оттиске, предоставленном издательству, имеется надпись: «Дорогой и многоуважаемой Елене Чеславовне Скржинской – на память о 1/XII 1961 от автора» и пояснение Е. Ч. Скржинской: «1 декабря 1961 г. был днем моей докторской защиты в Уч. Совете Института археологии АН СССР, под председательством акад. Б. А. Рыбакова (в Москве, на Б. Черемушкинской ул. – теперь ул. Дмитрия Ульянова)». (Прим. Издателя).]

Лежащее перед нами научно комментированное издание известного сочинения Иордана, впервые выпущенное у нас в свет в латинском оригинале с параллельным русским переводом, представляет собой большой научно-исследовательский труд крупного размаха и значения.

Подход к комментированному изданию нарративного источника может быть весьма различным, но научно наиболее плодотворным следует считать такой метод комментирования, при котором данный источник становится исходным пунктом целого ряда исследований комментатора, освещающих и разъясняющих исторические процессы и события, упомянутые или отраженные в данном источнике. Е. Ч. Скржинская избрала именно этот метод, и поэтому ее комментарии в своей совокупности дают целую энциклопедию не только по Иордану, а и по всей эпохе, которая так или иначе затронута в его работе. Многие комментарии Е. Ч. Скржинской являются значительными исследовательскими статьями, в которых автор впервые (не только в советской, но и в зарубежной историографии) самостоятельно вскрывает различные пласты в истории упомянутых у Иордана племен и устанавливает целый ряд фактов, относящихся к происхождению этих племен, их взаимоотношениям друг с другом, особенностям социального строя, к деятельности их вождей и королей и т. д.

В большинстве случаев комментатор достигает этого путем самостоятельного решения спорных вопросов и посредством критического сопоставления различных точек зрения, высказанных в научной литературе на различных европейских языках (русском, немецком, французском, английском и итальянском). Возможность такого самостоятельного решения научных контrovers и уточнения ряда выводов исторической науки проистекает из углубленного изучения комментатором весьма обширного круга разнообразных источников по истории раннего средневековья: сочинений греческих и римских писателей, византийских хроник, законодательных памятников, агиографии, надписей и др. (с привлечением данных археологии)²⁰³. Только такое глубокое исследование всех этих исторических источников, прекрасным знатоком которых является Е. Ч. Скржинская, позволило ей идти указанным выше путем и в своих комментариях к Иордану не ограничиться его собственными данными и известиями его современников, а все время последовательно проводить сопоставление произведений писателей VI в. с более ранними и более поздними памятниками. В результате комментарий к Иордану превратился в большой исследовательский труд по истории славянских, германских, иранских и других племен раннего средневековья, их передвижений и столкновений в пределах Восточной, Центральной и Западной Европы, а также – изменений в их общественном строе. Этот труд проливает свет как на исторические судьбы

готов, так и на всю эпоху переселения народов и смены старого, рабовладельческого, греко-римского мира новым, феодальным строем, развившимся впоследствии у германских и славянских народов.

Большая научная заслуга Е. Ч. Скржинской заключается не только в весьма ценных толкованиях самого текста Иордана, данных в переводе и обоснованных в примечаниях, но и в самостоятельном исследовании указанных выше вопросов в ряде обстоятельных примечаний, носящих характер статей, которые в целом рисуют широкую картину освещаемой комментатором эпохи. Показательно соотношение объема примечаний с размером переведенного Е. Ч. Скржинской и комментированного ею источника: латинский текст Иордана занимает примерно 3—3,5 печатных листа (несколько больше – перевод), между тем примечания составляют около 20 печатных листов (набранных петитом).

Вступительная статья Е. Ч. Скржинской, где высказан ряд весьма важных и новых в науке точек зрения относительно характера работы Иордана, места и времени ее написания, политической тенденции и т. д., представляет еще одно исследование автора, вносящее существенный вклад в источниковедение раннего средневековья.

В книге даны три приложения; во втором и третьем из них содержится ценное палеографическое исследование двух списков «Getica» Иордана – Лозаннского фрагмента, в некоторых отношениях близкого к утраченному Гейдельбергскому кодексу (самой ранней рукописи труда Иордана), и Палермского кодекса, найденного в 1927 г. и описанного итальянским историком Ф. Джунта в 1946 г. Палермский кодекс, стоящий в ряду одного из древнейших утраченных кодексов «Getica» (список начала VIII в.), представляет особую ценность – может быть, не меньшую, чем утерянный Гейдельбергский кодекс VIII в. Поэтому его исследование (так же как и Лозаннского фрагмента) весьма существенно, тем более что обследование этих кодексов впервые публикуется на русском языке и сопровождается репродукциями отрывков из рукописей на основании фотокопий и микрофильмов, присланных из Лозанны и Палермо.

I

Приступая к более подробному разбору труда Е. Ч. Скржинской, мы остановимся прежде всего на комментариях, затем перейдем к анализу вступительной статьи и в заключении выскажем некоторые замечания по отдельным конкретным вопросам.

Так как сочинение Иордана посвящено, главным образом, истории готов, которых автор отождествляет с гетами, то большой интерес представляет выяснение вопроса о

причинах такого отождествления и о том, насколько достоверны свидетельства Иордана о происхождении готов и ходе их передвижений с I до IV в. н. э. Обращаясь прежде всего к трактовке Е. Ч. Скржинской всего этого круга вопросов, мы констатируем, что в ее комментариях убедительно показан исторический путь готов от Скандинавии к берегам Вислы, а затем – к Северному Причерноморью. Распутывая очень сложные нагромождения этнических названий у Иордана, Е. Ч. Скржинская показывает, что отождествление готов с готами связано с политической тенденцией этого историка, с его стремлением преувеличить древность готов путем включения в их историю событий из истории фракийского (дакийского) племени готов. Эта операция облегчалась самим характером того материала источников, которым пользовался Иордан: уже Кассиодор сочетал имевшиеся у него данные о готах с известиями, найденными им у римских и греческих писателей с гетах, а между тем греческие писатели часто называли и готов, и готов скифами, откуда и произошло наблюдаемое у Иордана смешение готов с гетами, а отчасти и со скифами. При этом Иордан опирался на не дошедшее до нас произведение греческого писателя конца I—начала II в. н. э. Диона Хризостома, озаглавленное «Getica» (как и сочинение Иордана). Для событий начала III в. н. э., когда готы передвинулись с берегов Вислы в район Северного Причерноморья, важным источником послужили Иордану данные Аблавия, готского писателя, произведение которого утрачено и который упоминается только у Иордана. Возможно, что к Аблавию в первую очередь и восходит отождествление Иорданом готов с гетами, изображенными в труде Диона Хризостома. Это отождествление (в духе указанной традиции античной историографии), усугубленное отмеченной выше политической тенденцией Иордана (а может быть, и его ближайшего источника – Кассиодора, а также Аблавия), могло корениться в принятом у писателей I—IV вв. н. э. обычае называть то или иное племя по названию занимаемой ими в данное время территории; а так как готы в конце III в. н. э. заняли бывшую римскую провинцию Дакию, где раньше обитали геты, то отсюда и возникло перенесение названия «геты» на готов. Опираясь на свидетельство писателя начала V в. Орозия о том, что «недавно считались гетами те, которые теперь считаются готами», Иордан попеременно употребляет и то и другое название²⁰⁴.

На основании изложенного, Е. Ч. Скржинская намечает такую последовательность этнического наименования области, которую Иордан обозначает как Дакию: вдоль течения реки Тиссы, далее по Карпатам и по течению Днестра до берега Черного моря: в I в. н. э. Дакия выступает у Иордана как Гетия, потом она становится римской Провинцией (с 107 по 271 гг.), а после 271 г. и до V в. Дакия превращается в Готию (позднее, в V—VI вв., ее занимают гепиды) (см. Е. Ч. Скржинская, стр. 239—241)*[* Здесь и далее везде нумерация

страниц дается по настоящему изданию (Прим. Издателя).]. Эта последовательность подтверждает справедливость приведенного выше объяснения перенесения названия готов на готов географическим размещением этих двух племен В разные периоды их истории (независимо от использования Иорданом этого смешения названий в политических целях).

Мы считаем очень важной аргументацию Е. Ч. Скржинской в пользу того, что готы не произошли от готов и что Иордан, несмотря на сознательное смешение этих обоих названий, хотел в своем произведении проследить историю древнегерманского племени готов, происшедших из скандинавских и прибалтийских племен, впоследствии продвинувшихся к Черному морю. Этим, конечно, еще не решается вся совокупность весьма сложных вопросов, входящих в так называемую «готскую проблему». Однако, уже доказательство этого кардинального тезиса проливает свет на многие из них, тем более что Е. Ч. Скржинская отнюдь не ограничивается этим, а делает ряд ценных экскурсов в раннюю и более позднюю историю готов.

Из числа экскурсов в раннюю историю готов отметим прежде всего соображения исследовательницы о том, что Скандинавия не случайно названа Иорданом *officina gentium* и *vagina nationum* («Getica», § 25): из нее выселились не только готы, но и другие германские племена; предположение о переселении готов из Скандинавии на побережье Балтийского моря (близ дельты Вислы) подтверждается как археологическими данными, так и сопоставлением со свидетельством более позднего, но весьма достоверного памятника VIII в. – «*Origo gentis Langobardorum*» (см. стр. 184—187). Значительную ценность представляет уточнение района поселения остготов (остроготов, или грейтунгов) и вестготов (везеготов, или тервингов) после их передвижения с берегов Балтийского моря в область Северного Причерноморья. Опираясь на указание Иордана о происхождении названий остроготов и везеготов от места их расселения, а также на филологический анализ названия той области, в которую первоначально переселились готы с Нижней Вислы в результате своего передвижения на юг, а именно – Ойум, Е. Ч. Скржинская приходит к выводу, что, вопреки мнению Г. В. Вернадского, готы могли продвинуться к берегам Днепра лишь в том месте, которое окружено топями и болотами, и на восток от которого, еще по свидетельству Геродота, тянулся большой лес (это – единственный в то время обширный лесной массив на всем северном побережье Азовского и Черного морей). Ввиду затруднительности перехода Днепра из-за болот, готы, по-видимому, пересекли реку в нижнем течении, недалеко от ее лимана; оседание части переселявшегося племени на островах и на разных берегах Нижнего Днепра, может быть, и послужило основанием для деления готов на западных и восточных, которое произошло, вероятно, именно в это время. Остготы заняли левобережье Нижнего Днепра, а вестготы – его правобережье; часть готов переселилась в Крым, откуда

некоторые из них передвинулись на Таманский полуостров (см. стр. 188—189, 245).

Значительно позднее (в 365—367 гг.) вестготы – еще до того, как на готов обрушились гунны, – передвинулись под предводительством короля Атанариха к Днестру, как об этом сообщают и Иордан, и Аммиан Марцеллин (см. стр. 282).

Значительный интерес представляют данные об общественном строе готов и политической роли их родовой знати, из среды которой выходили племенные вожди, а также собранные Е. Ч. Скржинской свидетельства византийского писателя начала V в. Зосимы и сведения из фрагментов утраченного произведения афинского историка III в. Дексиппа о грабительских набегах готов в 50—60-х годах III в. на Малую Азию и Балканский полуостров, в частности, на Грецию (стр. 258—259). Эти походы, предпринимавшиеся из разных пунктов, расположенных на побережье Северного Причерноморья (от устьев Днепра и Буга, Днестра и Дуная), указывают на сравнительно раннюю экспансию готов за пределы основной области их расселения в III в., а также могут служить, по нашему мнению, косвенным подтверждением социального расслоения в среде готов, обусловившего, в конечном счете, такие отдаленные походы дружинников с их вождями. В этой связи любопытно указание Иордана на наличие у готов уже в давние времена (якобы уже при Дикийее, т. е. в I в. до н. э.) собственных «законов», которые, по словам историка, до сих пор (т. е. до VI в.) называются «белагины» («*Getica*», § 69). Е. Ч. Скржинская справедливо отвергает возможность существования ранней записи обычного права готов, хотя Иордан и говорит о писаных законах (впрочем, записанных, по его словам, впоследствии: *Quas usque nunc conscriptas belagines nuncupant*, § 69); однако весьма существенна ссылка Иордана на возможность позднейшей записи древней устной традиции каких-то старинных обычаев, тем более, что слово «белагины», по Гримму, означает *Satzung* (см. Е. Ч. Скржинская, стр. 236—237). Это свидетельство Иордана, по нашему мнению, открывает путь к возможным предположениям о тех истоках устного обычного права, из которых черпала формулировку старинных готских обычаев первая по времени сводка писаного готского обычного права – кодекс короля Эвриха конца V в. (поскольку в нем – наряду с романизованными правовыми нормами – содержатся и элементы варварского, древнегерманского права). В примечаниях Е. Ч. Скржинской подробно прослежена – параллельно с комментированием изложения Иордана и на основании всей совокупности доступных нам источников – также и более поздняя история готов, вплоть до образования Вестготского королевства в Южной Галлии и Испании и Остготского королевства в Италии. Попутно рассматриваются и взаимоотношения готов с другими германскими (гепиды, герулы, ругии, вандалы, свевы и др.) и славянскими племенами.

Из специальных экскурсов в позднюю историю готов следует особо отметить прежде

всего примечание № 365, где подчеркнута разноплеменность «готского» военно-племенного союза под властью короля Германариха: по справедливому мнению автора этого экскурса, готы были не столь многочисленны в составе так называемой готской державы Германариха, ибо, кроме них, в нее входили многие другие племена, обитавшие в районе Северного Причерноморья, так что «готской» эта держава называется лишь по признаку правивших ею готских вождей (см. стр. 265). Но в ее состав не могли входить, вопреки ошибочному мнению Иордана, вызванному его стремлением прославить могущество Германариха, следующие отдаленные от области расселения готов в IV в. племена, покорение которых Иордан приписал Германариху на основании сведения воедино различных отрывочных свидетельств, а именно: северные племена (чудь, весь, меря, мордва), славянское племя венетов, оказавшее, согласно данным самого Иордана, сильное сопротивление готам, а также и эстии, жившие на берегу Балтийского моря. Е. Ч. Скржинская вполне правомерно отвергает не критическое отношение к тексту Иордана, которое вызвало неправильное утверждение, будто «Германарих властвовал над областями между Черным и Балтийским морями и между Мэотидой и Карпатами» (см. стр. 265), а следовательно, и над всеми перечисленными выше негерманскими племенами.

Большой интерес представляют также наблюдения Е. Ч. Скржинской над терминологией Иордана; они приводят ее к выводу, что в IV в. у готов, кроме королей, были и такие военные вожди, которые правили своим племенем вместо королей (*regum vice*) и которых Иордан называет *reguli*: таковыми были Фритингерн у вестготов, Алатей и Сафрак у остготов, которых упоминает и Аммиан Марцеллин (Иордан в § 134 называет их *primates et duces qui regum vice illis praeerant*) (см. стр. 284)²⁰⁵.

Следуя за изложением Иордана, Е. Ч. Скржинская, не ограничивается, конечно, в своих комментариях историей ранних и более поздних передвижений готов (из Причерноморья за Дунай, а затем – в Мезию, Паннонию, Италию и Галлию)²⁰⁶, но дает также ряд экскурсов и в историю Остготского и Вестготского королевств (особенно подробно – по понятным причинам – комментируются события из времен Остготского королевства в Италии, вплоть до капитуляции короля остготов Витигеса в 540 г.)

Не имея возможности останавливаться на анализе всех этих экскурсов, отметим лишь, что они проливают свет на многие спорные вопросы истории Остготского и Вестготского королевства. Е. Ч. Скржинская делает также ряд ценных примечаний к свидетельствам Иордана и о других германских племенах – бургундзионах (бургундах), вандалах, свевах, гепидах, ругиях, маркоманнах и квадах, алеманнах, бастарнах (певкинах), лангобардах,

205

206

рипариях (рипуарских франках), герулах, скирах и др.

Отметим, в частности, содержащиеся в этих примечаниях соображения Е. Ч. Скржинской о происхождении названия племени певкинов от острова Певки и его локализацию в устье Дуная, в одном из рукавов этой реки, выше ее дельты, возле селения Новиодун. Эта локализация Певки установлена на основании сопоставления данных Иордана со свидетельствами Страбона, Плиния Старшего, Птолемея и Тацита; в связи с этим в примечаниях № 248 и № 304 прослежено отождествление и сопоставление певкинов с бастарнами (кельтское название того же, по-видимому, германского племени или союза племен, в который входили певкины) и Страбона, Плиния, Тацита и др. (бастарны упоминаются еще у Тита Ливия – 40, 57, 7 – как племя конца III в. до н. э.). Эти уточнения названий и локализации данного племени представляют весьма значительный интерес ввиду наличия разноречий у античных авторов в вопросе об этнической принадлежности этого племени: Тацит в своей «Германии» колебался, следует ли причислить певкинов (наряду с венетами и феннами) к германским или сарматским племенам, но все же, указывая на то, что певкинов называют бастарнами, склонялся к тому мнению, что они – германцы, так как похожи на этих последних по языку, образу жизни и характеру жилищ²⁰⁷. К германским племенам еще раньше Тацита причислял бастарнов Страбон (*Geogr.*, VII, 3, 17). Плиний Старший в своей «Естественной истории» считал певкинов и бастарнов одной из основных групп германских племен (наряду с вандилиями, ингвзонами, иствзонами и гермионами – см. *Plinius Sec., Nat. Hist.*, IV, 99–101), а эта классификация Плиния (о бастарнах см. также *ibid.*, IV, 81), как известно, легла в основу классификации важнейших групп древнегерманских племен, принятой наукой нового времени (в том числе и Ф. Энгельсом).

Весьма интересно также произведенное Е. Ч. Скржинской точное разграничение древнегерманского племени герулов, которых Иордан в § 23 выводит из Скандинавии, и «скифского» племени степных кочевников элугов (или герулов), которые, по данным этнического и географического словаря Стефана Византийского (V в. н. э.), ссылающегося на Дексиппа, а также по свидетельству Аблавия, жили в болотистой местности близ Мэотиды, откуда и их название: по-гречески *ele* – местность стоячих вод (см. «*Getica*», § 117); по-видимому, Иордан в разных местах своего труда обозначил одним и тем же названием два различных племени – одно германское, которое впоследствии выступало в войсках Алариха и Одоакра и участвовало в междоусобных войнах после смерти Атиллы, и другое – негерманское (см. Е. Ч. Скржинская, стр. 266).

В подробном специальном примечании № 314 выяснен вопрос о происхождении бургундов (бургундионов) из Скандинавии и окружающих ее с юга островов (наряду с

другими крупными германскими племенами – вандалами, готами, герулами и ругиями), а также и о том, обитала ли когда-либо какая-нибудь часть бургунов на берегах Азовского моря. Этот последний вопрос, возникший в связи с упоминанием буругунов и уругунов у Агафия и Зосимы в качестве племен Причерноморья, Е. Ч. Скржинская, на наш взгляд, совершенно правильно решает отрицательно (путем сопоставления данных Плиния, Птолемея, Аммиана Марцеллина, Орозия и Прокопия); Е. Ч. Скржинская приходит к тому выводу, что под приазовскими «буругундами» Агафия следует разумеать одно из гуннских племен, – тем более, что тот же Агафий наряду с «понтийскими бургунами» называет и «бургундзионов», которых он считает готским племенем. Таким образом, у Агафия произошло то же смешение двух разных племен со сходным названием, как и у Иордана в случае с герулами (см. Е. Ч. Скржинская, стр. 253—256). В следующих примечаниях прослежены дальнейшие передвижения бургунов (их переход через Рейн и вторжение в Галлию).

В комментариях Е. Ч. Скржинской намечены также и основные этапы передвижений другого крупного германского племени – вандалов (делившихся на две ветви – «вандалов-асдингов» и «вандалов-силингов»), от их перехода через Рейн в конце 406 г. и вторжения в Галлию (вместе со свевами, бургунами и аланами), а затем и в Испанию (вместе со свевами и аланами) (см. стр. 262—265, 278—280, 304 и др.) и вплоть до возникновения в дальнейшем Вандальско-Аланского королевства в Северной Африке. При этом Е. Ч. Скржинская указывает на ошибочность сообщения Иордана о пребывании вандалов в Паннонии в IV в.: сведения об этом встречаются только у одного Иордана и не подтверждаются археологическим материалом, между тем как о пребывании вандалов между Тиссой и Дунаем в IV в. имеются археологические данные [не исключена, впрочем, возможность, что Иордан имел в виду переселение в Паннонию лишь какой-нибудь части племени вандалов, ибо в § 115 он говорит о небольшом количестве вандалов (*perpauci Vandali*), переселившихся в Паннонию с разрешения Константина Великого после нанесенного им готами поражения (см. Е. Ч. Скржинская, прим. № 362)].

Отмечая сложность состава различных древнегерманских (и не только германских) племен по Иордану, Е. Ч. Скржинская подчеркивает сбивчивость его терминологии при попытках разграничения рода, племени и народа: так, иногда Иордан употребляет слово *patio* для обозначения самой мелкой ячейки, слово *gens* – при определении более крупного этнического целого, а *populus* – для обозначения народа, состоящего из двух ветвей-племен (*gentes*): например в § 42 сказано, что *populus* готов разделился на везеготов и остроготов, которых при отдельном их упоминании Иордан обозначает словом *gentes*; однако готов в

целом (для древнейшего времени) Иордан тоже называет gens; в некоторых случаях gens и populus у Иордана равнозначны (см. Е. Ч. Скржинская, прим. № 313 и прим. № 316). По нашему мнению, возможно, это эти колебания Иордана объясняются не только неустойчивостью его терминологии (как и при употреблении терминов «tex», «regulus» и др. – см. выше), но и, с одной стороны, незавершенностью самого процесса образования новых племенных объединений из нескольких прежних, более мелких племен, а с другой – процесса перестановок внутри племенных союзов в результате их передвижений, постоянных войн, отщепления одной ветви того или иного племени от другой и т. д.

В комментариях Е. Ч. Скржинской подробно истолкованы также данные Иордана о славянских племенах. В IV в. славяне делились на три основные группы: а) склавенов, составлявших тогда западную группу южной ветви славянских племен, б) антов – восточную группу той же южной ветви славян и в) венетов, составлявших северную ветвь славянских племен (см. прим. № 108).

Венеты, или венеды, упоминаются у античных писателей, начиная с I в. н. э., и локализуются этими авторами (Плинием, Тацитом и Птолемеем) на берегах Вислы и Балтийского моря. При этом Тацит подчеркивал, что они не были кочевниками, и на этом основании склонен был считать их германцами, между тем как Плиний относил их к сарматам; и то, и другое этническое приурочение венетов, конечно, неверно, но правильно их противопоставление кочевникам (Тас., Germ., 46). В отличие от античных авторов, византийские писатели (Прокопий, Агафий, Менандр и Феофилакт Симокатта), дающие обычно достоверные сведения, не упоминают названия венетов; по мнению Е. Ч. Скржинской, это подтверждает точность свидетельства Иордана, согласно которому название «венеты» к VI в. уже перестало служить общим обозначением славян и либо стало употребляться наряду с названием «скламены» и «анты», либо – вытесняться этими последними (что, по мнению автора комментария, несомненно для южных областей распространения славянских племен) (см. «Getica», § 34 и § 119; прим. № 107). В § 34 Иордан подчеркивает многолюдность венетов и обширность занимаемой ими территории; указанные античными авторами пределы этой территории соответствуют действительности, так как следы пребывания венетов именно в этих пределах в I в. н. э. подтверждаются археологическими данными – памятниками так называемой пшеворской культуры. По-видимому, венеты были в начале нашей эры обширной совокупностью славянских племен (см. Е. Ч. Скржинская, стр. 203—204).

В отличие от названия «венеты», наименование «скламены» распространилось на все славянские племена лишь после VI в., а в VI в. имело только частное значение. На основании анализа эпиграфического памятника конца VI в. – эпитафии, посвященной бургундскому

аббату (впоследствии епископу в Северо-Западной Испании) Мартину (ум. в 580 г.), в которой в числе племен, приобщенных им к христианству, указаны «склавы» и «нары» («нарцы»), Е. Ч. Скржинская приходит к выводу, что склавены обитали в VI в. в пределах Норика (отсюда и Nara) и что западная граница их расселения проходила близ реки Савы, между тем как на восток их поселения простирались до Днестра. Этот вывод подтверждается разбором названия Мурсианского озера, упомянутого лишь у Иордана (в §§ 30 и 35): из сопоставления результатов этого разбора с локализацией приводимого Иорданом в § 35 названия города Новьетун на среднем течении р. Савы Е. Ч. Скржинская извлекает убедительные аргументы в пользу предложенной ею локализации склавленов в VI в.; при этом она отвергает возможность отождествления Новьетуна с одноименным поселением в области племени бастарнов на правом берегу Дуная, немного выше его дельты, и отмечает ошибочность отнесения А. В. Мишулиным эпитафии Мартину к произведениям античных писателей: эта ошибка породила неверное представление о названии «склава» как о древнейшем упоминании славян.

Примечания № 108, 109 и 110, содержащие разбор всех указанных вопросов, представляют собой специальное исследование, выясняющее весьма важные для истории древних славян проблемы (см. стр. 204–214). Это – краткое резюме части статьи Е. Ч. Скржинской «О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новьетуне» (см. ВВ, XII, 1957). Но и за многими комментариями Е. Ч. Скржинской к Иордану стоит столь же глубокая и фундаментальная исследовательская работа, результатом которой являются подчас кратко изложенные примечания.

Уточняя локализацию восточной группы южной ветви славянских племен, т. е. племен антов в VI в., Е. Ч. Скржинская сопоставляет свидетельство Иордана с данными Прокопия и отмечает, что Прокопий в этом вопросе менее точен, чем Иордан. Прделанное комментатором сопоставление сообщений обоих писателей VI в. приводит его к тому выводу, что восточная граница расселения антов в VI в. не заходила на левобережье Нижнего Днепра и что они жили в это время к востоку от склавленов, т. е. между Днестром и Днепром, у северозападных берегов Черного моря. Несмотря на большую расплывчатость определения территории антов у Прокопия, чем у Иордана, Прокопий в сущности не противоречит Иордану; безусловно правильным является свидетельство Прокопия о многочисленности антов: об этом говорят и такие факты, как наличие у них многих предводителей («архонтов» – по Менандру) и обмен посольствами между ними и Юстинианом (Прокопий. «Война с готами»), но с конца VI—начала VII в. упоминания об антах становятся все реже, а потом и вовсе прекращаются (см. стр. 214—216).

Особо следует рассматривать, по мнению Е. Ч. Скржинской, вопрос относительно

области расселения антов в IV в. ввиду неясности хода их передвижений с IV по VI в. Во всяком случае весьма возможно, что в IV в. они обитали на правом берегу Нижнего Днестра, где у них был свой вождь по имени Бож, упоминаемый только Иорданом, и притом один раз (в § 247); разбирая различные толкования этого имени, Е. Ч. Скржинская предлагает поставить его в связь со славянским словом «вождь» и считать его не именем собственным, а синонимом слова «dux» (хотя она подчеркивает, что и слово «вождь» могло быть собственным именем предводителя антов) (см. стр. 325—327). Столкновение остготского вождя Винитария (одного из преемников Германариха) с Богом комментатор, вопреки принятому мнению, предлагает относить не к году смерти Германариха, а к самому концу IV или началу V в. (см. стр. 325); при этом отвергается мнение Шмидта о легендарности Бога и Винитария, а также – всего рассказа Иордана о борьбе готов Винитария с антами и гуннами и указывается на историчность имени «Винитарий», сохранившегося вплоть до VIII в. (имя писца-монаха Сен-Галленского аббатства) (стр. 325). Точно так же не принимает Е. Ч. Скржинская и гипотезу Ольрика и Шмидта, отождествляющих (на основании филологического анализа этнического названия «анты») ранних антов IV в. с кавказскими аланами: не отрицая того, что это название может происходить от аланского корня, Е. Ч. Скржинская подчеркивает, что этим именем могли называться не только аланские, но и славянские племена, впоследствии подпавшие под господство аланских родов, которые подверглись славянизации (эту возможность признал впоследствии – в 1953 г. – Г. В. Вернадский, который в своих прежних работах еще примыкал к аланской гипотезе происхождения антов) (см. стр. 326—327).

Таким образом, Е. Ч. Скржинская присоединяется к мнению советских славистов (М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова и Д. С. Лихачева) о принадлежности антов к славянским племенам (см. стр. 327).

В примечании № 70 к слову «спалы» (у Иордана в § 28, где речь идет о племени, на которое напала часть готов после их продвижения в область Ойум) Е. Ч. Скржинская вполне обоснованно придает большое значение упоминанию Иордана о спалах на Нижнем Днестре, ибо у Прокопия близкое к слову «спалы» название «споры» (так же, как и слово «венеты») служило общим наименованием для двух будущих крупных групп славянских племен – склавинов и антов; поэтому указание Иордана на пребывание спалов в области нижнего течения Днестра существенно для локализации славян в III—IV вв. (см. стр. 189).

Свидетельство Иордана о подвластных Германариху «росомонах», упоминающихся только Иорданом (в § 129), Е. Ч. Скржинская предлагает не смешивать с данными о «роксоланах», упоминаемых Страбоном, Птолемеем и тем же Иорданом; отвергая предположение Шмидта о фиктивности племени «росомонов», Е. Ч. Скржинская указывает

на существенное значение начала их названия – «рос», которое происходит либо от осетинского (аланского) «рохс» – «светлый», либо от названия народа «рос» – по свидетельству писателя VI в. Захария Ритора. Если принять это последнее толкование, то «росомоны» могут считаться «ядром» будущей русской народности (по мнению Б. А. Рыбакова; ср. также проделанное Н. В. Пигулевской исследование сирийских источников VI в. – хроник Иоанна Эфесского и Захария Ритора). Однако, Е. Ч. Скржинская подчеркивает, что историческая наука еще не разгадала окончательно смысл названия «росомоны» и не произвела их точного этнического приурочения (см. стр. 280—281).

Отмечая упоминание Иорданом в § 24 германского племени ругиев, а также вышедших из Скандинавии («с острова Скандзы») ульмеругов – островных ругиев (§ 26), Е. Ч. Скржинская сопоставляет это свидетельство Иордана с данными Тацита о ругиях, живущих у самого «океана» (т. е. Балтийского моря) (Тас., Germ., 44), и о большом племени лугиев, занимающем обширную территорию между Одером и Вислой и распадающемся на целый ряд более мелких племен, частично перечисленных Тацитом²⁰⁸.

В примечаниях о часто упоминаемых Иорданом сарматах Е. Ч. Скржинская, указывая на собирательный характер этого названия, исходящего в сущности из географического признака (племени Сарматии, т. е. средней и южной части Восточно-Европейской равнины от Карпат до Волги), разбирает отдельно исторические судьбы различных племен, именуемых сарматами: 1) мэотов (к востоку от Мэотиды, т. е. Азовского моря); 2) аланов, живших в степях Северного Кавказа; 3) роксоланов, обитавших между Доном и Днепром; 4) язигов, обитателей степей к востоку от Дуная и берегов Тиссы (в том районе, где Дунай течет с севера на юг) (см. стр. 228—230). Из этих сарматских племен большую историческую роль в III—V вв. играли аланы, которые уже в начале нашей эры обитали к северу от Кавказа, вокруг Азовского моря и на левобережье Дона, откуда совершали походы в Закавказье (ср. данные об этом у Иосифа Флавия, Птолемея и Лукиана). Согласно свидетельствам Аммиана Марцеллина, в III—IV вв. название «аланы» имело уже собирательное значение, из чего Е. Ч. Скржинская делает вывод о существовании мощного племенного союза аланов за Доном в III—IV вв. (см. стр. 275—276).

Сопоставляя сообщение Аммиана Марцеллина о кочевом обзоре жизни аланов с данными археологических исследований советских ученых, Е. Ч. Скржинская подчеркивает наличие оседлых аланских поселений на Северном Кавказе в IV—V вв.; на основании данных того же Аммиана Марцеллина об общественном строе аланов – равенство всех аланов друг с другом, выбор старейшин (*iudices*) за военные заслуги, отсутствие упоминаний о рабстве (Amm. Marc., XXXI, 2, 25) – Е. Ч. Скржинская считает, что в социальном строе

аланов «заметны черты военной демократии» (стр. 276). Однако до IV в. многие аланские племена, по-видимому, были кочевниками, как это видно из Аммиана Марцеллина, хотя он и неправильно сближает их с гуннами (см. стр. 277).

Проследивая участие аланов в переселении народов в V в., Е. Ч. Скржинская указывает, что, несмотря на слияние значительной части аланов с вандалами в Испании и Африке после совместного их продвижения через Испанию и после основания Вandalьского королевства в Африке, следы аланов встречаются впоследствии (в XI–XIII вв.) по Нижнему Дунаю, на северо-западном побережье Черного моря и в Крыму, как это явствует из сообщения византийских писателей и из императорских хрисовулов (эти аланы иногда называются массагетами) (см. стр. 277–279). Возвращаясь к событиям V в., Е. Ч. Скржинская упоминает о неоднократном участии аланской конницы в сражениях то на стороне Стилихона и Аэция, то на стороне Одоакра (стр. 289, 307 и др.).

Комментируя сообщения Иордана о гуннах и сопоставляя их со свидетельствами Аммиана Марцеллина, Орозия и Приска, Е. Ч. Скржинская отмечает недостаточность представлений европейских авторов о происхождении гуннов; оставляя эту проблему в стороне ввиду того, что она выходит за пределы излагаемых Иорданом событий (если не считать его легендарного экскурса, содержащего фантастическое объяснение происхождения этого племени), Е. Ч. Скржинская проследивает (на основании более точных данных Аммиана Марцеллина и, особенно, Приска, а также заимствованных у него свидетельств самого Иордана и отчасти Прокопия) весь последующий путь гуннов по Европе в течение IV–V вв. – от правобережья Дона до Балканского полуострова, Галлии и Италии. При этом она отмечает этническое многообразие гуннского союза и подчеркивает влияние славян на гуннов (соприкосновение гуннов с антами в конце IV в. на Днепре и возможность пребывания славян на Тиссе и в Паннонии уже в V в.) (см. стр. 268–271, 272, 328). Попутно прослежены и взаимоотношения гуннов с готами, вандалами, аланами и другими племенами (см. стр. 278, 306–307, 311–312 и др.).

Вполне обоснованно отвергает Е. Ч. Скржинская выдвинутый А. Н. Бернштамом тезис о прогрессивной исторической роли гуннов в уничтожении античных рабовладельческих отношений в качестве участников событий, которые создали новую, феодальную социально-экономическую формацию (см. стр. 307–308).

В нашей рецензии мы, естественно, не могли исчерпать все многообразие конкретного материала, содержащегося в комментариях Е. Ч. Скржинской к Иордану: мы стремились лишь показать на целом ряде примеров ценность проделанных ею исследований и сопоставлений данных разных источников по истории упомянутых Иорданом германских,

славянских, иранских и других племен. Заканчивая разбор комментариев, считаем нужным отметить, что Е. Ч. Скржинская не только прослеживает исторические судьбы этих племен, но анализирует и восстания рабов, колонов и солдат, происходившие параллельно с передвижениями тех или иных варваров: так, она останавливается на истории поддержанного вандалами восстания Стотзы в Африке вскоре после завоевания Вандальского королевства Византией (по данным Иордана и Прокопия) (стр. 303—304), на движении багаудов (с III по V в.), решающее поражение которым нанес в 448 г. король аланов Гоар по приказанию Аэция (стр. 305—306), а также на движении скамаров в Верхней Мезии в конце V – начале VI в. Е. Ч. Скржинская вносит много нового в истолкование этого последнего движения путем сопоставления данных Иордана (§ 300—301) и «Жития св. Северина», написанного в 511 г. Евгиппием и представляющего собою памятник, близкий к узколокальной хронике. Это сопоставление позволяет Е. Ч. Скржинской точнее выяснить социальный состав скамаров и внести ряд существенных поправок в прежние работы на эту тему (в частности, в работы А. Д. Дмитрова). Прделанный комментатором анализ подтверждает не только связь движения скамаров с набегами варваров (алеманнов, турингов, готов) из-за Дуная на Балканский полуостров, но и наличие в составе скамаров простых земледельцев-крестьян, которые собственными руками производили полевые работы (*opus agrale*, по словам Евгиппия).

Весьма существенны также соображения Е. Ч. Скржинской, касающиеся этимологии слова «скамары». Е. Ч. Скржинская отвергает предположение Брукнера о связи этого слова с языком лангобардов и на основании данных Евгиппия показывает, что оно употреблялось в Норике и Паннонии уже в V в., когда лангобардов там еще не было; наличие слова «скамары» (*scamarae*) в лангобардском эдикте Ротари 643 г. (§ 5) может быть объяснено заимствованием лангобардами этого местного придунайского выражения во время их пребывания в Паннонии (стр. 365).

II

Во вступительной статье Е. Ч. Скржинская подробно останавливается на следующих вопросах: об этнической принадлежности и происхождении Иордана, о времени его службы в качестве нотариуса, о его «обращении» (*conversio*), о месте, где было написано его сочинение, и политической тенденции последнего.

Вопреки принятому в специальной литературе толкованию точки зрения Т. Моммзена и Г. Ваттенбаха, и в отличие от мнения других ученых (Л. Ранке, Вельфлина и др.), Е. Ч. Скржинская считает Иордана готом: она основывается на его собственном прямом

заявлении о том, что он гот (§ 316). Предположение Моммзена, что Иордан, будучи по происхождению аланом, мог назвать себя готом только потому, что находился среди готов, а не на исконной родине аланов, Е. Ч. Скржинская считает малоубедительным; при этом она отмечает ряд колебаний Моммзена в вопросе об этнической принадлежности Иордана, которого Моммзен в других местах введения к его изданию «*Getica*» называет «готом, живущим в Мезии или Фракии», «автором, ведущим свое происхождение от мезийских готов». Е. Ч. Скржинская полагает, что в этом вопросе прав Левисон, который в последнем издании известного труда Ваттенбаха (1952 г.) ссылается на то, что сам Иордан причисляет себя к готскому племени (см. Е. Ч. Скржинская, стр. 10–12).

Кратко упоминая в § 266 «Гетики» о своем происхождении, о деде и отце, Иордан ставит рядом с именем аланского вождя Кандака странное слово Алановийямутис (*Alanoviiamuthis*), которое Е. Ч. Скржинская, вслед за Гринбергером (1889 г.) и Фридрихом (1907 г.), предлагает читать, как *Alan [orum ducis] Viiamuthis...* Такое чтение позволяет считать, что отец Иордана носил готское имя Вийамут. Смысл текста в § 266 Е. Ч. Скржинская разъясняет следующим образом: дед Иордана Пария служил нотарием у аланского вождя Кандака; сыном этого Пария был отец Иордана Вийамут; сам же Иордан служил нотарием у племянника Кандака (сына его сестры), Гунтигиса-Базы (см. стр. 12—13 и 112). При таком толковании слово *Viiamuthis* следует относить к словам *patris mei* (в род. падеже). Но если принять возражения Моммзена против расчленения слова *Alanoviiamuthis*, то следует отнести его не к *patris*, а к предшествующему слову *Candacis*; в таком случае вышеприведенное загадочное слово придется (как это и сделано в переводе на стр. 112) считать прозвищем аланского вождя Кандака (ибо в этом слове несомненно наличие этнического названия аланов) и полагать, что Иордан назвал имя его нотария, своего деда (Пария), но не упомянул вовсе имени своего отца (Е. Ч. Скржинская, прим. № 660). Как бы то ни было, но при том и другом толковании остается несомненным, что и дед Иордана, и он сам (Иордан до своего «обращения») служили нотариями и что Иордан занимал эту должность у крупного военачальника Гунтигиса-Базы, который по матери происходил от аланов, а по отцу – из знатнейшего готского рода Амалов. По-видимому, Иордан служил нотарием в начале VI в. (между 505 и 536 гг.).

Весьма возможно, по мнению Е. Ч. Скржинской, что дед Иордана был нотарием в Нижней Мезии и Малой Скифии, правителем которых являлся Кандак; может быть, сам Иордан родился в Мезии, на что косвенно указывает описание им «многочисленных племен» так называемых малых готов (в § 267 – вслед за автобиографическими данными, сообщенными им в § 266), ибо малые готы жили как раз в Мезии. Если это так, то во время своего пребывания в готской Мезии Иордан мог быть арианином, а так как впоследствии он

называл арианство «лжеучением», то возможно, что упомянутое им «обращение» (*conversio*) следует понимать как его переход из арианства в «правоверие», в православие (т. е. в «католицизм»). Это не исключает, впрочем, того, что в результате *conversio* Иордан вступил в группу лиц, называемых *religiosi*, которые, оставаясь мирянами, соблюдали некоторые правила монашеской жизни; но, как полагает Е. Ч. Скржинская, Иордан не был монахом (ср. стр. 15—16, 20—21, 57). Наличие упоминаний о Иордане как епископе еще не дает оснований говорить о его вступлении в монашество, так как он мог стать епископом непосредственно из группы *religiosi*. Во всяком случае он никогда не был епископом в Равенне, хотя в заглавиях ряда древнейших рукописей его работ Иордан назван равеннским епископом: этой возможности противоречит, во-первых, отсутствие упоминаний о епископе по имени «Иордан» в списке епископов Равенны («*Liber pontificalis*» равеннской церкви), составленном в IX в., а во-вторых, то обстоятельство, что равеннский географ VIII в., неоднократно ссылающийся на Иордана, и притом всегда в связи с описанными им странами, не называет его епископом, а только космографом или хронографом; это было бы невероятно, если бы Иордан в самом деле являлся епископом в родном городе географа — Равенне (см. стр. 16—20).

Несмотря на то, что Иордан в уже цитированном § 266 своей «*Getica*» называет себя *agrammatus*, он, несомненно, был человеком начитанным, знакомым с сочинениями многих античных авторов — греческих и римских историков и географов. Выражение *agrammatus* не надо понимать буквально: оно означало лишь человека, не получившего систематического школьного образования, т. е. не прошедшего школьного «тривия», в программу которого входила грамматика; называя себя *agrammatus*, Иордан хотел лишь подчеркнуть, что он недостаточно хорошо владеет латинским литературным языком; к тому же это выражение могло быть продиктовано стремлением автора к самоуничижению (подобное стремление очень явственно проступает и у Григория Турского, который писал по-латыни гораздо лучше Иордана) (см. стр. 22—26, 57).

Изложенные соображения Е. Ч. Скржинской вносят много нового в наши сведения о происхождении, этнической принадлежности и биографии Иордана, что очень важно для уяснения характера и исторического значения его труда.

Но наиболее существенными представляются нам исследования Е. Ч. Скржинской, посвященные следующему кругу вопросов: взаимоотношение утраченной «Истории готов» Кассиодора и «*Getica*» Иордана, политическая тенденция сочинений этих обоих авторов, место написания «*Getica*». Е. Ч. Скржинская датирует время завершения «*Getica*» и «*Romana*» 550—551 годами и отмечает при этом, что изложение в «*Getica*» обрывается на 540 г. (т. е. на капитуляции остготского короля Витигеса), между тем как в «*Romana*» оно

доведено до 551 г. (хотя о смерти византийского полководца, племянника Юстиниана Германа, преемника Велисария, и о рождении Германа – сына упомянуто и в конце «Getica»). Е. Ч. Скржинская подчеркивает, что «Getica» и «Romana» Иордана нередко упоминаются в старых каталогах средневековых библиотек, между тем как такое крупное произведение, как «История готов» Кассиодора в 12 книгах, о котором неоднократно говорит сам Кассиодор в своих «Variae» и которым пользовался Иордан, там не отмечается. Отсюда автор делает вывод, что хроника Кассиодора не дошла до нас отнюдь не в силу случайных причин: в изменившейся к 550—551 гг. политической ситуации надо было устранить труд Кассиодора, заменив его компиляцией, близкой по содержанию, но с другим замыслом и другим заключением: «Кассиодора целиком заменил Иордан» (стр. 31, 37, 38). Этот вывод Е. Ч. Скржинская подробно аргументирует разбором политических событий от последних лет правления Теодориха до 551 г.

Во время существования Остготского королевства в Италии на международной арене действовали три политические силы: готы (во главе с остготской знатью и королевской властью), италийцы (т. е. коренное римское население Италии, высшие социальные слои которого составляли крупные итальянские землевладельцы, чиновничество и представители католической церкви) и Византийская империя (см. стр. 34, а также стр. 357, 369). Теодорих хотел «спаять» готов и италийцев, хотя он и не стремился к слиянию готов с населением Италии; при этом он намеревался сохранить римскую экономику и законы, лишь до известной степени обновив их; тем самым он хотел сохранить и итало-готский дуализм – при полной независимости Остготского королевства, этого «гибридного государственного организма» (стр. 369) от восточно-римской империи. Это основное направление политики Теодориха хорошо сформулировано современным анонимным хронистом в следующих словах: «И так он правил двумя народами – римлянами и готами, слитыми воедино» (Anonymus Valesii 60).

Однако такую политику можно было вести лишь временно, и она могла удаваться только внешним образом; вернее – некоторое время могло казаться, что она удастся. Но уже к концу правления Теодориха недовольство высших классов италийского общества господством остготов настолько усилилось, что в «римском сенате созрел план освобождения Италии от готского владычества» (стр. 34); сторонники этого плана вступили в союз с Византией (может быть, с Юстинианом, как раз в это время стремившимся к императорской власти). Раскрытие заговора Теодорихом, казнь главы римского сената Симмаха и магистра официй Боэция и низложение папы Иоанна I знаменовало поворот в политике Теодориха и его стремление усилить преобладание остготов над римлянами в Италии. При Аталарихе и Амаласвинте уже шла открытая борьба двух течений – одного,

стремившегося продолжить политику последних лет правления Теодориха (Е. Ч. Скржинская называет его «ультраготским»), и другого – готового идти на тесное сближение Италии с Византией, которое должно было привести к подчинению остготской Италии империи (Е. Ч. Скржинская называет это течение «итало-византийским» – см. стр. 37—38).

Политическая тенденция хроники Кассиодора, задуманной и начатой еще при Теодорихе, отражала политику последних лет его правления; труд Кассиодора «должен был, возвысив варваров до уровня римлян, подготовить дальнейшее преобладание варваров над римлянами» (стр. 36). «Книга Кассиодора должна была способствовать противопоставлению Остроготского королевства империи и отрыву Италии от последней» (стр. 35). В обращении короля Аталариха к римскому сенату в конце 533 г. (составленном, конечно, самим Кассиодором и дошедшем до нас в тексте его «*Variae*», IX, 25) Кассиодору ставилось в заслугу то, что он своим прославлением готов и Амалов «превратил происхождение готов в римскую историю, сделал историю готов частью истории римской» (стр. 32). Однако, несмотря на это, в 533 г. король и его готское окружение уже видели в этом труде идеалы «ультраготского» направления. Что же касается самого Кассиодора, то, по мнению Е. Ч. Скржинской, он, скорее всего, осторожно «лабирировал между приверженцами ультраготского и итало-византийского течения, втайне склоняясь ко второму» (стр. 37—38)

За четверть века после смерти Теодориха обстановка резко изменилась: после капитуляции остготского короля Витигеса в 540 г. и далее – во время длительной борьбы Тотилы с Византийской империей – произошли существенные перемещения внутри остготского общества, и «провизантийская» позиция италийской знати очень усилилась. Если на сторону Тотилы переходили крестьяне и рабы, а также римские солдаты, то италийская знать и часть готской знати были ему враждебны. После взятия Равенны и окружающих ее готских крепостей Велисарием и после того, как война остготов с империей продолжалась с переменным успехом, решающим поворотом в этой борьбе послужил в 550 г. морской бой за Анкону – единственный опорный пункт византийцев на Адриатическом побережье (исключительное значение этого сражения для обеих сторон видно из характера речей византийских полководцев и Тотилы перед боем – речей, включенных Прокопием в его историю готских войн). После поражения готов при Анконе исход войны был предрешен (стр. 42—43). В этой обстановке, по мнению Е. Ч. Скржинской, «в определенных общественных кругах было решено создать трактат о готах, в прошлом славных и непобедимых, а, в настоящем преклоняющихся перед императором-победителем» (стр. 43); это было, полагает автор вступительной статьи, в интересах италийской и части готской знати, которую не устраивала тенденция Кассиодора – это стремление «отстаивать равенство готов и италийцев с тем, чтобы оправдать подчинение вторых первым» (стр. 36).

Историческим трудом, проникнутым новой тенденцией, и послужила «Getica» Иордана, которую Е. Ч. Скржинская считает «не чем иным, как политическим, если не своеобразно публицистическим трактатом, созданным по требованию определенной общественной группы в известный переломный для нее политический момент» (стр. 44).

По мнению Е. Ч. Скржинской, весьма возможно, что сочинение Иордана, «полностью воспроизводящее Кассиодорово возвеличение готов», но с другой тенденцией, «удачно маскировало ставшую неуместной политическую направленность труда Кассиодора» (стр. 36). В силу этих соображений Е. Ч. Скржинская считает допустимым «предполагать, что Касталий, побудивший Иордана составить „Getica“, выражал желание самого Кассиодора и близких ему общественных кругов» (стр. 37). «Во всяком случае книга Кассиодора в ее первоначальной редакции ко времени перелома в ходе войны в Италии в 550—551 гг. устарела, а впоследствии, по-видимому, была уничтожена» (Е. Ч. Скржинская, стр. 37).

Изложенная аргументация служит Е. Ч. Скржинской подтверждением ее другого предположения, а именно, что «Getica» была написана Иорданом в Равенне. Равенна выступает в изложении Прокопия «как опорный пункт империи, соединяющий ее с Италией» (стр. 47). Вряд ли «Getica» могла быть составлена в Константинополе, ибо в столице Византийской империи не пользовался бы таким почетом Кассиодор, бывший некогда главной фигурой в Остготском королевстве, и не стал бы так известен Иордан, которого с уважением упоминает анонимный равеннский географ (стр. 49—50). Между тем Иордан, как известно, не только широко обращается к труду Кассиодора, но и сообщает, что, приняв поручение Касталия написать «Getica», он получил хронику Кассиодора (конечно, уже ранее ему известную) от его управителя для повторного «трехдневного чтения», т. е. для просмотра (см. стр. 47—48). При этом Иордан называет Касталия «соседом племени готов» («vicinus genti»), а это, по мнению Е. Ч. Скржинской, можно объяснить только тем, что Касталий находился в это время в пределах владений готов – к северу от реки По, а может быть, в их центре, в городе Тицине, между тем как Иордан был в византийских владениях, т. е. в Равенне (см. стр. 49).

Военно-политическая ситуация после поражения готов при Анконе, когда средоточием готских сил стал именно город Тицин (Павия) и когда готы были оттеснены к северу от реки По, а Равенна противостояла Тицину, была такова, что естественно было составление труда с политической тенденцией «Getica» Иордана именно в Равенне, ибо как раз оттуда, по мнению Е. Ч. Скржинской, «должна была идти в правящую готскую среду пропаганда за признание остроготами власти императора, за отход от собственной политической самостоятельности» (стр. 47). В пользу того предположения, что «Getica» была составлена в Равенне, Е. Ч. Скржинская приводит еще несколько дополнительных аргументов, из которых

отметим следующий. По мнению Е. Ч. Скржинской, сторонники того, что Иордан был епископом в калабрийском городе Кротоне, неправильно считали, что диспенсатор Кассиодора выдал Иордану книгу Кассиодора для просмотра из библиотеки основанного им Вивария (близ Кротона): Виварий был основан после 550 г., и рукописи Кассиодора в 550—551 гг., накануне их отправки в Виварий, вероятнее всего, находились еще в Равенне (см. стр. 49).

Кратко изложенные нами выводы вступительной статьи, дающие ряд новых решений спорных вопросов, сжато сформулированы автором в заключительной части статьи (стр. 56—58).

Что касается перевода Иордана, то мы считаем нужным прежде всего отметить, что всякий перевод исторического памятника есть его толкование. Ценность перевода в значительной степени зависит поэтому не только от эрудиции переводчика, но и от его общей концепции значения и характера переводимого источника. Как мы уже видели, Е. Ч. Скржинская имеет хорошо продуманное и самостоятельное представление о «Getica» Иордана как об историческом источнике. Это – основное условие, обеспечивающее научные достоинства перевода и определяющее плодотворность предлагаемых Е. Ч. Скржинской толкований. Преодолевая значительные трудности в передаче неправильного латинского языка Иордана и его сложного и неудачного литературного стиля, Е. Ч. Скржинская стремилась сочетать близость к оригиналу с доступностью русского перевода для читателя, чего она и достигла.

III

Приступая к изложению наших критических замечаний, мы обратимся прежде всего к комментариям. Начнем с некоторых дополнений, которые, как нам кажется, были бы уместны в примечаниях к Иордану. Эти дополнения касаются, главным образом, тех случаев, когда напрашиваются некоторые параллели между теми или иными явлениями из истории готов и других (частично более ранних) древнегерманских племен.

1. В примечании № 477 приводится свидетельство Орозия о смерти вестготского короля Атаульфа, убитого «из-за козней своих» («dolo suorum», т. е. готов). Может быть, не лишним было бы указать в том же примечании, что Тацит дает аналогичное объяснение убийству Арминия, который, по его словам, пал жертвой коварства своих родных («dolo propinquorum cecidit». – Тас., *Annales*, II, 88). Как нам представляется, это стоило бы отметить потому, что подобные случаи, – по-видимому, часто имевшие место в истории древнегерманских племен, – указывают на недостаточную прочность королевской власти и

на ее борьбу с племенной знатью у древних германцев вплоть до начала V в.

2. В примечании № 248 правильно отмечено, что название крупного – по-видимому, германского – племени «бастарны» – слово кельтское, а не германское, что само по себе еще не решает вопроса об этнической принадлежности бастарнов. Этот факт представляет интересную параллель к тому, что и общеплеменное обозначение древних германцев – «Germani» – слово не германского происхождения, а, может быть, иллирийского; в пользу последней возможности привел интересные аргументы (в том числе эпиграфические данные из придунайских областей) Э. Норден (E. Norden) в своей книге «Alt-Germanien. Völker- und Namengeschichtliche Untersuchungen» (Berlin, 1934). Разбор известного текста «Германии» Тацита (Germ., 2), в котором содержится объяснение переноса названия «Germani» с племени тунгров на всех германцев, см. в другой, более ранней работе Нордена (E. Norden. Germanische Urgeschichte in Tacitus Germania. Berlin, 1922, S. 314—352). Однако указанный текст Тацита еще не дает разгадки самого происхождения названия «Germani», хотя Тацит и указывает, что так называли галлы вытеснившее их с берегов Рейна германское племя тунгров; поэтому гипотеза Нордена об иллирийском, а не о кельтском происхождении названия «Germani» представляет интерес. С другой стороны, указание Тацита на то, что название одного племени, перенесенное галлами на остальные германские племена из страха (ob metum) перед победителем, т. е. тунграми, распространилось на весь «народ» (Germ., 2: ita nationis nomen, non gentis evaluisse paulatim), является любопытной параллелью к отмеченному Е. Ч. Скржинской употреблению Иорданом понятия *natio* и *gens*.

3. В примечании № 250 «Аламанные поля» (*Alamannica arva*) в § 75 «Getica» Иордана совершенно правильно сопоставляются и отождествляются с так называемыми «Десятичными полями» (*agri decumates* между верховьями Дуная и Рейном), упомянутыми Тацитом в 29-й главе его «Германии». Нам представляется, что и в этом случае следовало бы упомянуть предложенное Норденом толкование названия *agri decumates*, которое он производит не от латинского обозначения подати в виде десятины, уплачиваемой римскими колонистами в казну, а от кельтского слова *decumat*, обозначавшего, по его мнению, «десяток» населявших эти «поля» родоплеменных групп. Книга Нордена «Alt-Germanien» вообще не цитируется в примечаниях к Иордану (ее нет и в списке литературы), между тем она представляет значительный интерес – независимо от согласия или несогласия с теми или иными утверждениями Нордена – в том отношении, что Норден проявляет большую осторожность к смысловому истолкованию названий древнегерманских племен, в частности, таким, как «тевтоны» (*teutoni*) и др. Это тем более существенно, что такую же осторожность совершенно правомерно проявляет Е. Ч. Скржинская по отношению к смысловому истолкованию названий остготов и везегов, отмечая, что у Иордана нет данных о

происхождении этих названий от *austr* – «блестящий» и от *weise* – «мудрый» (см. прим. № 277). Кроме того, в этой книге Нордена имеется специальный экскурс, посвященный анализу данных Аммиана Марцеллина об аламанных.

4. В примечании № 709 совершенно правильно проведена параллель между сообщением Иордана (§ 283) о том, что готам, «которым некогда война доставляла пропитание, стала противна мирная жизнь» (*quibus dudum bella alimonia prestitissent, pax coepit esse contraria*), и утверждением Тацита, что германцам тягостен мир (*Tac., Germ., 14: ingrata genti quies*).

Однако следовало бы тут же отметить и различие свидетельств Тацита (в той же главе его «Германии») об отношении древних германцев к труду и войне и сообщения Иордана о готах в § 290 «*Getica*»: Тацит в знаменитом общем выводе из своего описания быта германских дружинников (гл. 14) подчеркивает, что «их не так легко убедить пахать землю и выжидать урожая, как вызывать на бой врага и получать раны» (*nec arare terram aut exspectare annum tam facile persuaseris quam vocare hostem em et vulnera mereri*); между тем Иордан в § 290 делает попутно как будто противоположное наблюдение, отмечая, что Теодорих «избрал по испытанному обычаю своего племени (разрядка наша. – Л. Н.): лучше трудом снискивать пропитание, чем самому в бездействии пользоваться благами от Римской империи, а людям прозябать в жалком состоянии» (*elegit potius solito more gentis suae labore querere victum quam... gentem suam mediocriter victitare*). Правда, нам представляется, что по существу противоположности между свидетельствами Тацита и Иордана в данном пункте нет, ибо, с нашей точки зрения, описание Тацита в гл. 14 «Германии» относится лишь к дружинникам – рядовые свободные германцы и землю пахали, и урожай собирали (будучи одновременно и воинами, и земледельцами); тем не менее отметить различие в этих формулировках Тацита и Иордана, как нам кажется, следовало бы.

5. В примечании № 735 Е. Ч. Скржинская считает, что, сообщая о назначении королем готов Тиудимером сына своего Теодориха наследником (*Get., § 288: filium regni sui designat heredem*), Иордан модернизировал порядок назначения и избрания королей, ибо, по ее мнению, решающую роль при этом играло народное собрание, которое обычно и аккламировало нового вождя. По этому поводу следует заметить, что передача королевской власти у древних германцев издавна происходила путем сочетания решения народного собрания и избрания королем заранее намеченного лица из среды знати: ср. *Tac., Germ., 7: reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt*, а также *Tac., Annales, XI, 16, 17*, где подробно изображается избрание королем херусков Италика, причем одним из аргументов его сторонников в пользу его избрания служит то обстоятельство, что он происходил из королевского рода (*stirpis regiae*) и был племянником знаменитого Арминия; см., кроме того,

сообщение Веллея Патеркула («*Historia Romana*», I, 108) о знатном происхождении короля маркоманнов Маробода (начало I в. н. э.). К этому же в примечании № 806 к параграфам 169—172 «*Getica*» отмечено, что у вандалов к концу V в. назначение преемников вошло уже в обычай и что Гейзерих перед смертью (в 477 г.) завещал передать трон старейшему в королевском роде. Эта победа наследования королевской власти над выборностью королей – явление, конечно, более позднее, и притом она не является окончательной: так, в Меровингском государстве королевская власть еще долгое время оставалась выборно-наследственной. Тем не менее, перелом в характере королевской власти и в порядке ее наследования у древнегерманских племен за время от I до V в., несомненно, имел место, но он оформился именно в эпоху основания варварских королевств на территории бывшей Римской империи. До этого провозглашение того или иного лица королем в народном собрании и назначение данного лица его предшественником в качестве наследника королевской власти могло иметь место в самых различных сочетаниях, причем первое и второе могло играть то б?льшую, то меньшую роль – в зависимости от конкретной ситуации²⁰⁹.

Кроме того, мы имеем следующие замечания по разделу «Комментарий».

1. Правильно разграничивая в примечании № 59 ругиев и лугиев и считая вторых славянским племенем, Е. Ч. Скржинская не ставит вопроса об этнической принадлежности каждого из более мелких племен, входящих в племенной союз лугиев (согласно гл. 43 «*Германии*» Тацита). Между тем описанный Тацитом культ двух божеств, называемых Алки и напоминающих, по его словам, Кастора и Поллукса, у одного из этих племен, входящего, по мнению Тацита, в состав лугиев, а именно у наганарвалов, очень напоминает древнегерманские культы. Весьма возможно, что Тацит допустил ошибку, причислив наганарвалов к лугиям, – тем более что он не отмечает наличия подобного культа у других названных им племен «лугийского» союза.

Е. Ч. Скржинская справедливо указывает, что «в источниках, содержащих этнические (почти всегда чуждые автору) названия и описания расселения племен, часто бывают не только неточности, но и путаница». Хотя комментатор совершенно правомерно не относит это общее положение к Тациту, к которому оно и в самом деле менее всего применимо, тем не менее не исключена возможность указанной выше ошибки Тацита (см. стр. 185). Однако вопрос об этнической принадлежности племени наганарвалов этим замечанием еще не разрешается. Кстати, Тацит говорит о ругиях в 44, а не в 43 гл. «*Германии*»; в 43 гл. (вслед за маркоманнами, квадами и другими примыкающими к ним племенами) упоминаются только лугии, а в 44 гл. – сначала идет речь о лугиях и готонах, а потом о ругиях и лемовиях; в

конце же 44 гл. описывается быт свионов; в 43 гл. ругии не упоминаются²¹⁰.

2. В примечании № 388 Е. Ч. Скржинская цитирует текст Аммиана Марцеллина об отсутствии рабства у аланов (*servitus quid sit ignorabant.* – *Amm. Marc., XXXI, 2, 25*). Интересно было бы поставить вопрос, о каком именно рабстве здесь идет речь. Ибо если в общественном строе аланов «заметны черты военной демократии» (как полагает Е. Ч. Скржинская на стр. 276), то у них могло иметь место так называемое патриархальное рабство, которое на аналогичной стадии развития наблюдается у германских и славянских племен. Отсутствие его у аланов представляет интересную особенность и требует дальнейшего объяснения.

3. В примечании № 379 Е. Ч. Скржинская справедливо отмечает воздействие славян на культуру гуннов (в результате соприкосновения последних с антами в конце IV в. на Днепре и пребывания славян на Тиссе и в Паннонии уже в V в.). Не сказалось ли это влияние (кроме приведенных в примечаниях заимствований отдельных славянских слов) и на изменении уровня хозяйственного развития гуннов, которые постепенно превращались в оседающих на землю кочевников, частично переходивших к низшим формам земледелия? Возможно, что подобный переход происходил и у аланов: трафаретность изображения гуннов и аланов у Аммиана Марцеллина (см. Е. Ч. Скржинская, стр. 277) отмечается некоторыми исследователями, на наш взгляд, совершенно правильно.

4. В примечании № 245 сказано, что название «Каталония» произошло от племенных названий готов и аланов (собственно «Готоалания») – подобно тому, как «Андалузия» – от названия вандалов; между тем в примечании № 388 это предположение, касающееся Каталонии, отвергается в такой форме: «выражается сомнение относительно того, что имя „аланы“ содержится в некоторых географических названиях; например, Каталония едва ли получалась из *Gothalanía* (стр. 280)». Следовало бы либо точнее указать, кем именно и на каком основании выражается это сомнение, либо как-нибудь согласовать утверждения на стр. 240 и 280.

5. В примечании № 610, посвященном антам, сказано: «не имеется пока в распоряжении историков и достаточно четких следов пребывания готов в Причерноморье». Так как Е. Ч. Скржинская на протяжении всего текста «Комментариев» подробно прослеживает по письменным памятникам пребывание остготов и вестготов в различных областях Северного Причерноморья (см., например, стр. 190—191), то вышеприведенное утверждение, очевидно, имеет в виду отсутствие достаточно определенных археологических данных о пребывании готов в Северном Причерноморье.

6. В примечании № 314 следовало бы несколько уточнить датировку Бургундской

Правды: вместо «свод законов конца V– VI вв.» – лучше было бы сказать: «конца V—начала VI вв.»

Большой научной заслугой Е. Ч. Скржинской следует считать установление во вступительной статье («Иордан и его „Getica“») политической тенденции «Getica» и раскрытие ее социального смысла. В пользу своего понимания этой политической направленности «Getica» Е. Ч. Скржинская привела целый ряд весьма существенных аргументов и построила хорошо продуманную систему логических умозаключений. Отнюдь не оспаривая их убедительность, мы позволим себе заметить только следующее.

При всем различии политической тенденции утерянной «Истории готов» Кассиодора и дошедшей до нас «Getica» Иордана историческое содержание обоих сочинений очень близко друг к другу, ибо и то, и другое посвящено истории готов с древнейших времен. Более того, и Кассиодор, и Иордан производят готов от гетов; оба в одинаковой мере прославляют могущество готов на всем протяжении их истории и мощь королевского дома Амалов. Конечно, заключительная часть труда Кассиодора естественным образом отличается от заключения труда Иордана, так как у Иордана и изложение событий доведено до более позднего срока, и политическая тенденция иная. Однако, хотя «Getica» Иордана и может быть названа в известном смысле публицистическим трактатом (см. стр. 72), это обозначение все же далеко не исчерпывает ее содержания: наряду с этим «Getica» Иордана, как и хроника Кассиодора, есть историческое сочинение, излагающее не только современные авторам события, но всю прошлую историю готов. Это изложение готской истории с I до начала VI в. тоже имеет свою тенденцию, но она у обоих авторов одинакова и заключается в отмеченном выше прославлении готов и преувеличении древности их истории. Преклонение Иордана перед победителями Юстинианом и Велисарием в заключительном параграфе (§316) его «Getica» можно объяснить и как своего рода *captatio benevolentiae* автора. Поэтому применительно к исторической стороне «Getica» понятно утверждение большинства исследователей (за исключением, может быть, только одного Джунта), что она написана «в духе Кассиодора»²¹¹.

В связи с этим возникает вопрос: для какой цели нужно было, с точки зрения италийской и части готской знати, в изменившейся в 550—551 гг. военно-политической ситуации сохранять в новом труде Иордана прежнее прославление готов и тем более королевского рода Амалов, которому посвящена была хроника Кассиодора? Ведь политическая программа италийской знати ко времени приближавшегося полного поражения Тотилы заключалась, по-видимому, в стремлении к ликвидации Остготского королевства и к включению Италии в состав Восточной империи. Правда, в разделе «Комментарий» Е. Ч.

Скржинская отмечает, «что в период написания „„Getica“ Иорданом такая тенденция (преувеличение древности истории готов. – А. Н.) была весьма важна и нужна для политики еще оставшихся в Италии остготовов“ (прим. № 344). Однако, по справедливому мнению Е. Ч. Скржинской, интересами этих „оставшихся в Италии остготовов“ нельзя объяснить самый факт изменения общей политической тенденции в „„Getica“ Иордана“ по сравнению с тенденцией хроники Кассиодора, да еще в обстановке окончательного поражения остготовов.

В свете высказанных нами соображений представляется не до конца доказанной гипотеза об уничтожении хроники Кассиодора (стр. 37). Почему не предположить, что она просто пропала в обстановке непрерывных военных столкновений, особенно во время начавшегося вскоре после кратковременного византийского господства вторжения лангобардов в Италию? Ведь многие хроники постигла та же участь без их нарочитого уничтожения. Весьма возможно, что хроника Кассиодора именно потому и была утрачена, что ввиду ее больших размеров она была размножена, как полагает Е. Ч. Скржинская, в малом количестве экземпляров, между тем как небольшое сочинение Иордана, так сказать, «популярно» излагавшее готскую историю Кассиодора, переписано было в большом количестве списков.

По вопросу об отношении самого Кассиодора к составлению «Getica» во вступительной статье Е. Ч. Скржинской заметны некоторые колебания: с одной стороны, она предполагает, что «Касталий, побудивший Иордана составить „Getica“, выражал желание самого Кассиодора и близких ему общественных кругов» (см. стр. 37), а с другой стороны, она считает весьма вероятным, что рукопись Кассиодора была выдана Иордану на очень короткое время именно из боязни скомпрометировать автора в острый политический момент (см. стр. 48) и, более того, что Иордан делал выписки «втайне от бдительного диспенсатора, хранителя интересов Кассиодора» (стр. 49).

Как явствует из изложенного, наши замечания касаются лишь отдельных пунктов построения Е. Ч. Скржинской и некоторых деталей в разделе «Комментарий».

В целом выполненный Е. Ч. Скржинской труд дает советским историкам (в первую очередь, медиевистам, славяноведам и византинологам) образцовое научно комментированное издание одного из важнейших нарративных памятников по истории раннего средневековья в Европе и представляет ценный вклад в науку.

Создание такого труда является большим научным достижением, тем более что в западной историографии нет такого издания Иордана. Большим достоинством этого издания является также и наличие трех подробных указателей (имен, географических и этнических названий), составленных отдельно к переводу и комментарию, и к латинскому тексту

«Getica».

Так как рецензируемая книга представляет большой интерес не только для специалистов-историков, но и для более широкого круга читателей, интересующихся историей, а также для аспирантов и студентов, то остается лишь пожелать, чтобы было выпущено второе издание этого труда, первое издание которого уже разошлось.

А. И. Неусыхин

Е. Ч. Скржинская – исследователь и публикатор исторических источников 212

Елена Чеславовна Скржинская (1894—1981) принадлежала к поколению отечественных историков, сформировавшихся в пору наивысшего подъема гуманитарной науки в России. Собственное редкое дарование Е. Ч., благоприятные условия его созревания и, в особенности, превосходная профессиональная выучка, полученная ею в молодые годы, позволили Е. Ч. добиться самого высокого мастерства в деле изучения и издания исторических источников. Подготовленное ею русское издание исторического труда Иордана может служить примером лучших достижений отечественной науки о европейском средневековье. В пору подготовки первого издания, вышедшего из печати в 1960 г., Е. Ч. опубликовала часть своего комментария к тексту Иордана в виде отдельной статьи «*О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне*» (*Византийский временник*, т. XII, 1957, с. 3—30). Выдающийся представитель русской исторической науки за рубежом Г. А. Острогорский (1902—1976) так отозвался об этой публикации в своем письме к Е. Ч. от 19 февраля 1958 г.:

«Вот настоящее исследование, – можно сказать, образцовое исследование, по тщательности анализа источников и строгости научного метода. Ваша аргументация, столь же ясная и уверенная, сколь и осторожная, совершенно убедительна, – как в положительных выводах, так и в критических замечаниях. Я читал эту статью с истинным удовольствием». (Наследница Е. Ч., М. В. Скржинская, передала письмо Г. А. Острогорского в недавнее время в Архив С.-Петербургского филиала Института российской истории.)

Уже после выхода в свет основного труда видный венгерский филолог и византист Г. Моравчик (1892—1972) направил Е. Ч. письмо, датированное 12 декабря 1961 г., где, ссылаясь на мнение венгерских и других европейских коллег, выражал полное согласие с критикой, которой Е. Ч. подвергла толкование отдельных мест в тексте Иордана, предложенное авторитетнейшим ее предшественником Т. Моммзеном (1817—1903). (Ныне

это письмо хранится в указанном Архиве.) Одобрение коллег не мешало Е. Ч. критически смотреть на свою работу, и Е. Ч. не переставала вносить исправления и дополнения в изданный труд, которые теперь учтены в новом издании «Getica» Иордана.

Автор этих строк не может претендовать на глубокое знание исторического сочинения Иордана и традиции его изучения, но ему посчастливилось на протяжении нескольких лет близко наблюдать, как работала Е. Ч. В настоящем издании будет уместно дать общий очерк научного творчества Е. Ч. Скржинской, в центре которого всегда находилось обстоятельное изучение и публикация отдельных исторических источников. Мы постараемся показать, что в постоянном сосредоточении внимания на отдельных памятниках истории Е. Ч. повторяла опыт научных изысканий, характерный для лучших представителей отечественной науки.

Е. Ч. Скржинская родилась и выросла в Петербурге в семье, как она сама говорила, трудовой интеллигенции. Ее отец, Чеслав Киприанович Скржинский (1849—1912), был одним из ведущих в России инженеров-электриков. Непосредственным воспитанием Е. Ч., ее сестры и братьев занимался родственник матери, учитель-естественник Я. И. Ковальский (1845—1917), имя которого вошло в историю методов преподавания физики. Но самое глубокое влияние на Е. Ч. оказала ее мать, Елена Владимировна Головина-Скржинская (1856—1930), которая оставалась самым близким другом и конфидентом своих детей и тогда, когда они стали взрослыми людьми. С молодых лет она самостоятельно строила свою жизнь, стала одной из первых в России женщин-врачей, а позднее приобрела и всероссийскую известность как первая женщина, выступившая в качестве судебного эксперта. Незаурядные свойства ее ума и характера привлекали к ней внимание видных общественных деятелей и ученых. Другом семьи стал А. Ф. Кони (1844—1927); юную Е. Ч. он сделал своей любимицей, наблюдал за развитием ее интересов и приветствовал первые ее научные опыты. Сама Е. Ч. запомнила А. Ф. Кони как человека удивительно ясного ума.

Думается, именно из обстановки семейного воспитания вынесла Е. Ч. заметно ее отличавшую привычку к самостоятельному осмыслению любой, даже самой малой вещи, с которой она сталкивалась, а равно и особый вкус к точному, верному знанию. Отсюда же она, несомненно, вынесла и склонность к постоянному любованию разнообразными человеческими способностями и умениями. В своей семье она восприняла и пронесла через всю жизнь и то воодушевление перед наиболее совершенными творениями европейской и мировой культуры, которое было столь характерно для осознавшей свои силы русской интеллигенции XIX века. Е. Ч. часто говорила, что ощущает русскую культуру XIX века как живую и свою.

Уже в школьные годы у Е. Ч. определилась склонность к внимательному изучению

памятников духовной культуры Европы. Ее привлекало западное средневековье, исполненное необыкновенного психологического напряжения и драматизма. Как важнейшие события школьных лет в памяти Е. Ч. запечатлелись работа над сочинением о Бернаре Клервоском и признание, которое эта работа получила: учитель попросил автора сочинения прочитать его перед классом. Тогда же восприняла она и особый культ Италии как страны, исключительно богатой памятниками культуры. Вполне осознанным было для нее поступление в 1912 г. на историко-филологический факультет Санкт-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов, где тогда преподавали одновременно несколько выдающихся отечественных медиевистов, изучавших прежде всего духовную историю западного средневековья с особым вниманием к истории Италии.

Одно важное свойство как свидетельство высокого уровня, достигнутого к тому времени отечественной наукой о западном средневековье, отличало научное творчество петербургских медиевистов: сколь бы широкими и смелыми ни были их построения, в какие бы головокружительные выси умозрения эти ученые не пускались, всегда в своем творческом воображении они отправлялись от основательного и всестороннего изучения источников. В этом отношении все учителя Е. Ч. были крупными эрудитами. Именно умению понимать разнообразные источники, самостоятельно разбирать их во всех деталях, пользуясь справочной литературой, в первую очередь и учили тогда начинающих историков на Бестужевских курсах. Семинарские занятия, посвященные всегда изучению памятников определенного рода, превратились к тому времени в главную форму обучения, что составляло основу так называемой «предметной системы».²¹³ Таким образом, уже на первых подступах к исторической науке Е. Ч. была приучена получать знание об истории непосредственно из многочисленных и строго интерпретированных источников, невзирая на их сложность, и проверять по источникам любой научный труд.

Подготовка, полученная Е. Ч. в школьные годы, вполне отвечала тем требованиям, которые предъявлялись к курсисткам, избравшим своей специальностью историю западного средневековья. Е. Ч. знала основные европейские языки, включая начала итальянского, и латинский. На курсах она испробовала свои силы и в чтении греческих авторов в семинарских занятиях у М. И. Ростовцева (1872—1952).

Душой историко-филологического факультета был тогдашний его декан, патриарх петербургской медиевистики И. М. Гревс (1860—1941). Именно ему принадлежит главная честь введения «предметной системы», давшей столь замечательные результаты, что курсистки показывали себя на заключительных экзаменах по специальным отделам так, как если бы они держали экзамен на ученое звание магистра наук. Велико было нравственное

влияние И. М. Гревса на начинающих историков. Он умел выразить важные общественные настроения, последовательно утверждал ценности духовной культуры в своей преподавательской и научной деятельности. Исходя из восприятия всей человеческой культуры как целого, он призывал обращаться от умозрительных занятий текстами к подлинным памятникам общественного быта в их реальном историческом и природном окружении и прежде всего к памятникам эстетически полноценным. Е. Ч. непосредственно развила идеи И. М. Гревса в своих последующих разработках экскурсий по монументальным памятникам Крыма. Знаменательно, что именно ей принадлежит первый развернутый очерк жизни и деятельности И. М. Гревса – достойный памятник этому замечательному человеку²¹⁴.

Еще большую роль в становлении Е. Ч. как ученого сыграла О. А. Добиаш-Рождественская (1874—1940). Ко времени поступления Е. Ч. на Бестужевские курсы бывшая ученица И. М. Гревса О. А. Добиаш-Рождественская, по собственному его признанию, уже превзошла учителя своим мастерством, развитым ею в занятиях у классиков французской историографии Ф. Лота (1866—1952) и Ш. Ланглуа (1863—1929). Позднее Е. Ч. стала сотрудницей О. А. Добиаш-Рождественской и в свою очередь заслужила высокое признание со стороны бывшего учителя. В письме к О. Л. Вайнштейну (1894—1980) от 19 июля 1938 г. О. А. Добиаш-Рождественская писала: «Е. Ч. Скржинская – такая давняя моя ученица, а в последние годы – сотрудница, которую из старших моих учеников не могу по совести не признать лучшей как по ее глубокой, разносторонней и тонкой учености... так и по яркой и живой талантливости, литературной, педагогической и научной...»²¹⁵

Вместе с М. А. Тихановой, в будущем известным археологом (1898—1981), и Р. Н. Блох (1899—1943), позднее сотрудницей немецкого исторического института *Monumenta Germaniae Historica* и признанной поэтессой, Е. Ч. занималась в семинаре по истории средневековых ересей, которым руководил видный историк и философ Л. П. Карсавин (1882—1952). Учитель был покорен личностью молодой Е. Ч. Об этом свидетельствуют, в частности, около 300 писем, адресованных Е. Ч. в разные годы Л. П. Карсавиным. Когда в 1919 г. Е. Ч. закончила Петроградский университет, в состав которого были ранее включены Бестужевские курсы, то по рекомендации именно Л. П. Карсавина Е. Ч. была зачислена в штат вновь образованного научного учреждения – Российской Академии истории материальной культуры, более известной под сокращенным названием ГАИМК (Государственная Академия истории материальной культуры), которое она получила в 1926

213

214

215

г.

В этом высоком учреждении, в окружении крупнейших отечественных ученых окончательно определилась творческая индивидуальность Е. Ч. История этого учреждения освещена в историографии главным образом как история Института археологии. Но ГАИМК была учреждением, организующим научную деятельность отнюдь не только в области археологии. Непосредственные задачи, поставленные перед вновь образованной Академией, были вполне практическими и внешне ограниченными: изучение «памятников древности, искусства и старины», открытие новых памятников путем раскопок, иные виды их разыскания и сбора, оценка памятников, разработка основ охраны и реставрации, а равно и популяризация знаний о культурно-исторических памятниках ²¹⁶. Однако изучение конкретных памятников истории, культуры и быта оказалось весьма подходящей основой для объединения крупнейших историков России – исследователей докапиталистических обществ, этнографов, историков искусства. Позднее, вспоминая пору создания ГАИМК, академик С. А. Жебелев мог с достаточным основанием сказать, что в составе возглавлявших ее действительных членов оказались собраны «почти все наличные в нашей стране научные силы из лиц старшего и среднего поколения»²¹⁷.

Ведущие ученые ГАИМК были редкой силы исследователями, сформировавшимися в обстановке общественного подъема в предреволюционные десятилетия; они заново открывали или существенно обновляли обширные области исторического знания на основе самостоятельной проработки часто ими же найденных источников. И можно смело сказать, что для этих ученых, умевших достичь живого видения изучаемой эпохи, памятники истории и культуры не только служили источником знания, не только заключали в себе стимул к упражнению критических способностей и профессионального мастерства, но и являлись предметом настоящего культа как подлинные свидетели и нередко совершенные порождения былой жизни и культуры.

В ГАИМК Е. Ч. перешла от изучения текстов к самостоятельному исследованию подлинных памятников средневековья – надписей на камне, оставленных итальянцами в бывших их колониях в Крыму. На склоне лет она с гордостью вспоминала о замечательных ученых, рядом с которыми пришлось ей работать в начале ее научного поприща. В своих рассказах она рисовала их живые портреты, исполненные достоинства и вместе с тем не лишенные иронических черт. В их числе были сам основатель и глава ГАИМК, лингвист и кавказовед академик Н. Я. Марр (1864—1934), ученый секретарь, историк античности и искусствовед Б. Ф. Фармаковский (1870—1928), византист А. А. Васильев, возглавивший

216

217

позднее византинистику в США, и многие другие замечательные ученые. Вероятно, именно в ГАИМК Е. Ч. развила всегда отличавший ее интерес к смыслу и стилю работы историков самых разных специальностей.

В 1930 г. Е. Ч. была уволена из ГАИМК вследствие проводившейся тогда «чистки». Ей были поставлены в вину посещение церковной службы и приверженность идеям Л. П. Карсавина. Продолжительное время Е. Ч. жила случайными заработками, но не оставляла научной работы и в первой половине 30-х годов сумела опубликовать некоторые свои исследования в авторитетных зарубежных периодических изданиях²¹⁸. Важную веху в ее научной судьбе составило участие в трудах Института истории естествознания и техники, где было собрано большое число высококультурных и талантливых работников. Накануне Великой Отечественной войны Е. Ч. стала доцентом кафедры истории средних веков Ленинградского университета и приступила к чтению курса латинской палеографии. Самый трудный период блокады Е. Ч. провела в осажденном Ленинграде, но затем она была переправлена в Москву и вновь принята на работу в Институт истории материальной культуры (бывшую ГАИМК). В Московском и Ленинградском отделениях этого института она работала с 1943 г. по 1953 г. В период очередных чисток и сокращений в академических институтах Ленинграда Е. Ч. была снова уволена уже в качестве пенсионера.

Начавшаяся в стране политическая реабилитация принесла и Е. Ч. признание ее научных заслуг, и в 1956 г. Е. Ч. была зачислена в штат Ленинградского отделения Института истории Академии наук. Время работы в этом институте (до 1970 г.) оказалось для Е. Ч. наиболее плодотворной порой в ее научной деятельности. Именно здесь она подготовила и осуществила издание труда Иордана. Архив института хранит уникальное собрание средневековых западноевропейских документов. Е. Ч. очень скоро приобрела репутацию самого крупного исследователя этой части архивных сокровищ Института истории. Не лишено символического значения то обстоятельство, что еще на заре своей научной деятельности, в 1916 г., Е. Ч. посетила создателя коллекции западноевропейских документов, унаследованной впоследствии Институтом истории, Н. П. Лихачева (1862—1936), в его доме под номером 7 на Петрозаводской улице, где и поныне размещается эта коллекция. С той поры не прекращалось общение Е. Ч. с Н. П. Лихачевым вплоть до его смерти в 1936 г. Однажды Николай Петрович даже принес папские буллы из своей коллекции в дом Скржинских на Крестовском острове.

Академик Н. П. Лихачев соединял в своих трудах глубокие познания одновременно в русской, византийской и западноевропейской истории. Важнейшее дело своей жизни он видел в том, чтобы исследовать конкретные пути восприятия Россией мировой культуры с

самого начала Русского государства и прежде всего показать культурную преемственность средневековой Руси по отношению к Византии и Италии. Именно такой размах приняли исследования Е. Ч. в зрелую пору ее творчества, и именно такую основную научную и гражданскую задачу она поставила в свою очередь перед собой.

Трудно охватить одним взглядом все многообразие тем, к которым обращалась Е. Ч. В этом отношении ее научное творчество представляет редкий феномен. Коллеги знали Е. Ч. обычно по ее трудам в той области, которой они сами занимались. Между тем Е. Ч. соединяла в себе ряд самых разных исторических специальностей. Как автора русского издания сочинения Иордана более всего ценили Е. Ч. археологи, ведь в этом сочинении содержатся единственные в своем роде свидетельства о народах, населявших Северное Причерноморье, Подунавье и земли к востоку от Балтийского моря в IV—VI вв., в том числе свидетельства о славянских племенах.

Историки Московской Руси знали ее как исследователя итало-русских связей в XV в. (некоторые оригинальные исследования Е. Ч., посвященные этой теме, еще ждут опубликования). Известна ее исключительная роль в воссоздании истории итальянских колоний в Северном Причерноморье в XIV—XV вв. Хотя исследования Е. Ч. затрагивали главным образом периферию византийских владений на севере и западе, наибольшее признание она получила именно как знаток истории Византии. Свое достойное место заняла Е. Ч. среди историков средневекового Запада, хотя она и работала несколько обособленно, так что даже не все коллеги-медиевисты знали о ее фундаментальных познаниях в истории западноевропейского средневековья. Сама Е. Ч. своей основополагающей специальностью считала историю Италии, а главным своим учителем — выдающегося отечественного медиевиста О. А. Добиаш-Рожественскую. Среди работ Е. Ч. по истории западноевропейского средневековья выделяется единственный в нашей историографии большой (в восемь авторских листов) очерк истории средневековой техники²¹⁹. Е. Ч. была крупным знатоком средневекового латинского документа; немногие среди отечественных ученых знали латинских писателей средних веков (историков, бытописателей, агиографов, эрудитов и ученых) в таком широком охвате и разнообразии, со столь интимным проникновением в их творчество, как Е. Ч.

Ряд важных специальностей Е. Ч. представлен пока преимущественно или даже исключительно в ее обширном рукописном наследии. В ожидании более подробного обзора научного архива Елены Чеславовны, ныне хранящегося в С.-Петербургском филиале Института российской истории РАН, укажем только на те работы, которые свидетельствуют

о наименее известных сторонах ее деятельности как историка. К раннему периоду (конец 10-х—первая половина 20-х гг.) относятся работы, посвященные истории Южной Италии (очерк о хронике аббатства Монте-Кассино, материалы к истории Неаполитанского королевства в XIII в. и др.), транскрипции и резюме папских булл из собрания Российской Национальной библиотеки, весьма интересное исследование по литургике. Из более поздних работ остались неопубликованными, в частности, переводы греческих и латинских свидетельств о хазарах, которые вместе с вводной статьей и комментарием к ним составляют целую книгу. По тематике к этой работе примыкает опубликованная посмертно большая статья о половцах (о русском названии этого народа и о главной области его расселения²²⁰. Замечательные находки содержатся в законченных, хотя и оставшихся во фрагментарном изложении, исследованиях последних лет жизни Елены Чеславовны о русско-византийских связях в XII в.

Уже один этот далеко не полный перечень тем, которыми Е. Ч. занималась в продолжение своей научной деятельности, заставляет признать в ней фигуру, редкую в исторической науке. Правда, в целом исследовательские интересы Елены Чеславовны сосредоточены вокруг одной обширной историко-географической области – Северного Причерноморья и соседствующих с ним земель по течению Дуная. Однако и в этих пределах материал, который она исследовала, чрезвычайно пестр и относится к самым разным эпохам и народам.

И все же в трудах Е. Ч. можно проследить некоторый объединяющий мотив. Вскрыв его, мы по-настоящему оценим своеобразие ее творчества, особое его место в современной исторической науке и подойдем к источнику той одухотворенности, которой веет от научных произведений Е. Ч. Скржинской. При более внимательном взгляде мы увидим, что разнообразные научные опыты Елены Чеславовны объединяются уже самым чрезвычайно строгим и последовательным методом изучения исторических источников, а главное, что в своей работе она настойчиво преследовала одни и те же сознательно поставленные цели в тесном единстве задачи и метода.

При чтении работ Е. Ч. нетрудно заметить, что исторический памятник для нее не менее важен, чем сами засвидетельствованные в нем события, и, пожалуй, можно сказать, что в большинстве ее исследований именно конкретные памятники являются главным предметом изучения, и эти исследования воспринимаются как законченные произведения, выполняющие свою задачу независимо от того значения, которое они могут иметь для будущих обобщающих трудов. Е. Ч., как правило, описывает памятник «со всех сторон», старается с исчерпывающей полнотой обрисовать его, так сказать, внутреннюю и внешнюю

форму. Передавая черты более внутреннего, умозрительного свойства, она учитывает особенности фонетического правописания, грамматики и синтаксиса, способы сокращения слов, формулярий (если речь идет о документе или памятной надписи), в частности, способы датировки, а равно и характерные риторические приемы, лексический состав и особенности построения мысли; она не оставляет нераскрытым ни один символ (объясняя, к примеру, каждый геральдический знак, которым сопровождается надпись на камне), восстанавливает иконографические традиции, которым следовал автор памятника (скажем, в изображении верхнего облачения того или иного персонажа, представленного на печати). Е. Ч. умела создать зримое, пластическое представление о внешней форме памятника, учитывала свойства материала, пропорции памятника, особенности искусства резьбы по камню (причем за письмом надписей, высеченных на камне, она всегда представляла современное ему письмо на мягком материале) или способ, которым была отлита печать, все особенности письма.

Таким образом, в исходе своего исследования Е. Ч. подходила к памятнику с предельно четким представлением о тех знаниях, умениях и навыках, которыми руководствовался и которые применял автор памятника, и до известной степени она как бы воспроизводила сам процесс создания памятника. В свете обстоятельных сведений, которые сообщает о нем Е. Ч., памятник истории выступает всегда и как памятник культуры того народа и той эпохи, к которым принадлежал древний писатель, нотариус или мастер, создатель памятника. С другой стороны, сосредоточивая внимание на самих исторических памятниках, Е. Ч. почти никогда не ограничивалась описанием только их формы и внутренних свойств или их конкретного назначения и судьбы в веках, но старалась осветить и все отображенные в памятнике дела, события и обстоятельства²²¹. Описывая то, как работал писатель или мастер, как справлялся он с теми частными задачами, которые перед ним возникали, Е. Ч. показывала, в конечном счете, как он умел придать строгую, общепонятную и часто художественную форму сырому материалу истории. В ее трудах ощутимо переживание самого культурного творчества, совершавшегося много столетий назад. Так на собственном опыте осуществляла она настойчиво выдвигаемое ею требование «теснейшего и вразумительного соприкосновения с источником»²²². Это проникновение в создание автора памятника, более чем что-либо другое, и делало возможной ту полноту эмоционального восприятия прошлого, которой отличаются работы Е. Ч.

Памятники, которыми занималась Елена Чеславовна, почти все без исключения относятся к разряду письменных исторических источников, хотя содержащийся в них

221

222

(например, в поминальной надписи на кресте или в легенде на печати) текст и ограничивался порой немногими словами. Исследовательское мастерство Е. Ч. проявилось прежде всего в тонком разборе способов выражения мысли, передачи сообщения; ее пристальное внимание было одинаково направлено и на общую композицию произведения и на смысл отдельных понятий²²³. Превосходно владея искусством слова, она глубоко сознавала всю сложность этого искусства, его беспредельные возможности, и за неясным, часто неумелым или слишком свободным выражением мысли в древнем памятнике она не спешила предполагать отсутствие смысла. Большое доверие к уму и знаниям древних авторов заметно отличает ее от многих ученых, в чем сказалась ее твердая убежденность в разумных началах культуры и культурного творчества в каждую историческую эпоху. Свою правоту в этом отношении она многократно и блестяще доказывала, в частности, в толковании тех мест в тексте «Getica» Иордана, где речь идет о западной границе расселения славян в VI в.²²⁴ Столь же замечательным образом, заново прочитав дату надгробия монаха и архитектора Иоанникия, Елена Чеславовна освободила автора надгробной надписи XI в. от незаслуженного обвинения со стороны прежнего исследователя, академика В. В. Латышева (1855—1921), в незнании правильного летосчисления²²⁵. С подлинным вдохновением раскрывает она значение исторических свидетельств любимого ею поэта, писателя и мыслителя XIV в. Франческо Петрарки²²⁶.

Пафос научной деятельности Е. Ч. в немалой мере определялся страстным желанием показать, что памятники истории часто намного содержательнее, чем принято считать в науке²²⁷. Исследовательница умела прочитать древний текст на редкость внимательно. Е. Ч. говорила о самой себе, что она «чувствительна к неясности», и останавливалась на тех местах в тексте, мимо которых проходили другие исследователи, либо вообще не осознав их своеобразного и важного значения, либо удовлетворившись ранее предложенным толкованием, далеким от точного смысла текста. Терпеливо и неспешно разворачивала она в ясной последовательности мысль древнего автора, и в конце концов ей удавалось убедительным образом показать, что именно хотел сказать этот автор. Весьма существен вклад Е. Ч. в объяснение содержания важных исторических источников, в восстановление их правильного чтения²²⁸. Исходя из внутреннего смысла памятника, прибегая к взаимному освещению источников, она впервые раскрыла реальное содержание ряда понятий, личных

223

224

225

226

227

228

имен, географических наименований, прежде казавшихся в источниках темными и загадочными. К сожалению, многие положительные сведения, которыми Елена Чеславовна обогатила историческое знание и которые непременно должны войти в словари и справочники, пока остаются лишь частью ее рукописного наследия.

Детальное изучение содержания каждого исторического источника в неразрывной связи с формой, в которую оно отлилось, превращается в исследование судеб многих народов и их культуры и вообще важных связей и перипетий в истории европейской цивилизации, особенно, когда это касается памятников истории и культуры Северного Причерноморья и Нижнего Подунавья в средние века. Ведь здесь на протяжении более чем тысячелетнего периода, с V по XV вв., который изучала Е. Ч., взаимодействовали и сменяли друг друга самые разные народы, происходившие здесь события глубоко потрясали греко-римский мир на его закате, а затем весьма сильно отражались на делах Византии и вновь образовавшихся на Балканах государств, как и средневековой латинской Европы, непосредственно затрагивали жизнь Древней Руси. Между тем письменные свидетельства об истории этой обширной области весьма скупы, и почти всякий памятник, изученный исследовательницей, уникален. Рассматривая каждый текст и его древнее материальное воплощение, когда он в таковом дошел до нас, как памятник культуры того или иного народа (умственной, правовой, художественной, а равно и технической), Е. Ч. не менее увлеченно и, как правило, с предельной обстоятельностью исследовала все выступающие в этом историческом памятнике отношения письменных народов между собой и с кочевой Евразией – отношения политические, торговые, культурные и церковные. С особо живым вниманием наблюдала она ту незримую духовную связь разных народов, которая устанавливалась, когда люди, писавшие на разных языках – греческом, латинском или древнерусском, – освещали одни и те же события и явления, по-разному проявляя свое искусство в увековечении памятных дел, и по-своему изображали другие народы, обнаруживая свой интерес к ним.

В доскональном знании памятников истории и культуры одновременно нескольких, во многом мало похожих народов и заключается главным образом редкий характер исторических исследований Е. Ч. На протяжении всей своей жизни она терпеливо подбирала ключи к этим памятникам, овладевая одной за другой множеством вспомогательных исторических дисциплин: историческим языкознанием, палеографией, сначала латинской, затем греческой и, наконец, русской эпиграфикой, в такой же последовательности, дипломатикой, специальными разделами истории права, сфрагистикой, нумизматикой, исторической географией, ономастикой, генеалогией и т. д. Уже в 1928 г. труды Е. Ч. в области латинской эпиграфики увенчались изданием в Италии ее корпуса латинских

надписей генуэзских колоний в Крыму ²²⁹ – книги, которую в свое время О. А. Добиаш-Рождественская назвала «классической»²³⁰.

В первой половине 30-х гг., будучи прекрасно осведомленной на основе изучения оригинальных источников в истории Южной Италии в средние века, Елена Чеславовна исправила почти на два столетия датировку изученного и опубликованного В. Н. Бенешевичем документа на греческом языке из сицилийского города Мессины и тем самым доказала его особо редкий характер. При этом она воссоздала всю историческую обстановку, в которой документ возник, что позволило датировать его в пределах двух десятилетий²³¹. Таким образом, первый значительный опыт Е. Ч. в византистике был выполнен в успешном соревновании с европейски признанным знатоком византийского права, каким был В. Н. Бенешевич (1874—1938). Четверть века спустя благодаря основательному владению средневековой греческой палеографией и дипломатикой, а главное, благодаря хорошему знанию древнерусского летописания, Е. Ч. не только впервые правильно прочла уже упомянутую нами греческую надпись из Тмутаракани, прежде изученную Латышевым, но и весьма убедительным образом связала имя монаха и архитектора Иоанникия, героя надписи, с деятельностью первого русского летописца – Никона.

Накопленная с годами эрудиция позволяла найти путеводную нить в решении чрезвычайно трудных вопросов, которые встают перед исследователем памятников средневековой письменности, в особенности при толковании имен и названий, при разборе хронологических показаний. И Е. Ч. не жалела сил и времени, когда чувствовала себя в состоянии раскрыть памятник, в той или иной части еще неведомый науке.

В последние десятилетия ее долгой жизни настоящей страстью Е. Ч. становилось изучение тех исторических источников, которые отразили различные связи молодого Русского государства с Византией и Италией – теми средневековыми странами, в которых она видела прежде всего главных восприемников античной культуры, перевоплотивших к тому же ее в наиболее совершенных формах. Здесь-то и развернулась с новой силой эрудиция ученой. К сожалению, ей не удалось в полной мере осуществить замысел написания большого труда «Италия, Византия и Русь в XII в.». Но среди ее рукописных материалов находится несколько в основном законченных исследований, выполненных в русле этой общей работы. Все они чрезвычайно ценны для отечественной истории: благодаря главным образом тщательному сопоставлению с византийскими источниками исследовательница заново прочитала ряд свидетельств русских летописей, разъяснила

229

230

231

некоторые географические названия и имена действующих лиц, убедительно перестроила принятую в науке хронологию событий. Есть основания надеяться, что научная общественность познакомится и с этой, до сих пор еще почти неизвестной, стороной исследовательской деятельности Е. Ч. Скржинской.

Взаимные связи стран средиземноморской Европы и Руси, судьбы культуры греческой, латинского Запада и русской, исследуемые на конкретных памятниках, представляют увлекательнейшее – Елена Чеславовна сказала бы «упоительное» – зрелище. Но не одна любознательность, пусть связанная с сознательным стремлением достичь эмоционального переживания истории и с привычкой к предельно тщательной работе, двигала и направляла научные изыскания Е. Ч. Настоящий нерв ее научного творчества надо искать глубже.

В постоянном сосредоточении на конкретных исторических памятниках, в неизменном восприятии их в качестве памятников культуры для Елены Чеславовны заключалось по-своему осознанное служение истине и общественной пользе; на этой же основе вырастал ее интерес к традициям отечественной культуры.

Как всякий настоящий ученый, испытывая живейшее чувство глубины непознанного и одновременно острое желание точного знания, Е. Ч. начинала себя чувствовать достаточно уверенно в изучении истории лишь тогда, когда ей удавалось отчетливо рассмотреть, как, по каким правилам построен конкретный исторический источник и какие смысловые связи в нем проведены. Свое отношение к источнику в деле исторического познания Е. Ч. умела передать в прочувствованных образах. Например, в статье 1940 г. «Неиспользованные источники преподавания истории», к которой выше мы уже обращались, она так говорит о важности твердого знания источников: оно необходимо для того, «чтобы в невольном иногда уклоне в модернизацию не исказить трудно проявляемого, часто туманного лица далекого прошлого»²³².

Мера понимания реальной исторической обстановки для Е. Ч. определялась в первую очередь мерой проникновения во внутренний смысл конкретных источников. В другой программной статье того же времени, посвященной преподаванию латинской палеографии, курс которой в предвоенные годы она вела в Ленинградском университете, Е. Ч. писала: «Если историк не знает источников, если он не опирается на них и не исходит из них в своих построениях – он не историк, а только начетчик исторических книг, пусть даже образованный, но неизбежно подверженный опасности оказаться во власти концепций тех или иных авторов использованных им сочинений»²³³.

Свойственная Е. Ч. Скржинской манера работы – в общем подходе к историческому

232

233

источнику постоянно выделять, высоко их оценивая, сами по себе формы былой культуры, в которых выражено историческое свидетельство – коренилось в глубокой личной потребности и в то же время была связана с заветными мыслями об общественном призвании ученого-историка. Имея в виду определяющее значение исторически сложившейся культуры для всей нашей умственной деятельности, Елена Чеславовна не уставала повторять: «Мы пронизаны культурой». Изучение памятников истории и культуры давало возможность составить представление о функциях конкретных форм культуры в прошлом и воспринять культуру в ее реальном становлении. Иными словами, изучение подлинных памятников истории как памятников культуры в трудах Е. Ч. было устремлено в конечном счете на то, чтобы придать собственному сознанию и сознанию тех, к кому ее творчество было обращено, большую ясность и тем самым увеличить человеческие возможности для плодотворной деятельности.

Именно такой высокий смысл вкладывала Е. Ч. в свои научные занятия. В рецензии на книгу академика И. Ю. Крачковского (1883—1951) «Над арабскими рукописями» она писала по поводу содержащихся в книге очерков жизни и деятельности трех ученых-арабистов (Рейске, Гиргаса, Сольхани): «Все три образа убедительно говорят о высокой миссии науки в человеческой культуре, об ученом как вершителе большого дела, нужном для роста и совершенствования человечества»²³⁴. Эти слова вполне могут быть восприняты как определение смысла собственного творчества Е. Ч. – только с таким пониманием своей задачи могло быть связано часто повторяемое ею требование «вдохновенной» работы.

Естественно возникает вопрос, как можно видеть культуру в ее историческом генезисе, сосредоточивая всякий раз внимание на конкретном памятнике, будучи, так сказать, привязанным к его неповторимому лику. Но при той полноте анализа, которой Е. Ч. обычно добивалась в исследовании частного предмета, было неминуемым детальное знакомство с различными сторонами культуры общества, в котором тот или иной памятник возник. Коллеги Е. Ч. неоднократно отмечали, что в ее трудах можно почувствовать само дыхание или, говоря по-иному, движение истории. Ее метод будет правильно определить латинской формулой: *pars pro toto*.

В упомянутой выше рецензии на книгу академика И. Ю. Крачковского – надо заметить, приветственно встреченной самим автором – Е. Ч. привела следующее высказывание автора по поводу судьбы в веках одного выдающегося памятника средневековой литературы, дошедшего до нового времени в единственном списке, а равно и по поводу истории его изучения: «(Получилась. – В. М .) картина величественная и поучительная, в которой, „как

солнце в малой капле вод“, отражается неустанное движение человеческой культуры»²³⁵. Здесь же поместила она и другое, более общее суждение автора о самом широком и актуальном значении исследования конкретных памятников письменности: «Рукописи сближают людей. Знакомство с ними, как проникновение в природу, как восприятие искусства, расширяет горизонт человека, облагораживает всю его жизнь, делает его участником великого движения человечества на пути культуры»²³⁶. Е. Ч. нашла в И. Ю. Крачковском, ученом, казалось бы, далеком от нее по области специальных занятий, человека, наиболее близкого ей по духу своей деятельности; она всегда с большим воодушевлением говорила о былом дружеском общении с ним и особенно ценила его способность верно и емко, с тонким вкусом выражать те самые мысли, которые ее волновали. Приведенные слова почтенного академика-арабиста с полным правом могут быть отнесены к научным трудам Е. Ч. как еще одно весьма существенное определение их смысла.

Особенно ярко личная причастность Е. Ч. к «движению человечества на пути культуры» проявилась в ее деятельности по изданию исторических памятников. Она умела по-настоящему ввести памятники прошлого в нашу живую культуру, как бы восстанавливая связь времен. Благодаря не только основательному владению рядом европейских языков в их различных исторических состояниях, но и художественному чувству родного слова, тонкому знанию его богатых смысловых и стилистических возможностей Е. Ч. дала важным историческим памятникам вторую жизнь в стихии русского языка. Своей кропотливой интерпретацией каждого малопонятного в оригинале или особо значимого слова она сделала эти памятники для нас внятными, доступными нашему пониманию в их наиболее существенных и своеобразных деталях. Так мы получили лишнюю возможность увидеть прошлое как бы глазами его свидетелей, в их часто красочном, драматичном и порой высокохудожественном изображении, проникнуться их переживаниями, познакомиться с мастерством авторов, творивших в самые разные периоды средневековья, в самых разных исторических и культурных условиях в течение более тысячи лет, начиная с живших в V—VI вв. Олимпиодора и Иордана и кончая писателями эпохи Возрождения, великим Петраркой и принявшимися на склоне лет за мемуары венецианскими купцами и дипломатами Иосафатом Барбаро и Амброджио Контарини.

В. И. Мажуга

«GETICA»

Перевод и латинский текст

О происхождении и деяниях гетов

1 Хотел я, влекомый малым своим суденышком, плыть вдоль тихого берега и – как говорит кто-то – ловить мелкую рыбешку в стоячих водах предков, а ты, брат мой Касталий, понуждаешь меня пуститься на всех парусах в открытое море, отбросив ту работенку, которая сейчас у меня в руках, а именно – сокращение хроник, Ты убеждаешь меня передать своими словами, – втиснув вот в такую малую книжку, – целых двенадцать томов Сенатора о происхождении и деяниях гетов, где изложение спускается по поколениям и королям от древнейших времен и доныне. 2 Повеление весьма жестокое, данное человеком, который как бы и знать не желает о всей тягости подобного труда.

Не замечаешь ты того, что дыхание у меня слишком слабо, чтобы наполнить воздухом столь великолепную трубу его [Кассиодора] красноречия. Превыше же всего тягость в том, что не дано нам возможности пользоваться теми книгами, поскольку мы послушно следуем именно за его [Кассиодора] мыслью: ведь я предварительно перечел эти книги, по милости его управителя, – если не ошибаюсь, – в течение всего трех дней. Хотя я и не припоминаю самых слов этих книг, однако я уверен, что целиком удержал в памяти и их замысел, и [описанные] события. 3 Кроме того, я добавил к ним кое-что соответственное из некоторых историй как греческих, так и латинских, перемежая и начало, и конец, и многое в середине собственным своим рассказом.

Прими поэтому то, чего ты требовал, без осуждения, но благосклонно, читай же с наивысшей благосклонностью.

Если о чем-нибудь сказано мало, а ты сам, живущий в соседстве с [описываемым] племенем, припоминаешь большее, сделай свои добавления, дорогой брат, вознося за меня молитву.

Господь с тобой. Аминь.

4 Предки наши, как передает Орозий²³⁷, утверждали, что земной круг, ограниченный океаном, оказывается трехчастным²³⁸, и назвали три его части Азией, Европой и Африкой.

Об этом трехчастном пространстве земного круга писали едва ли не бесчисленные писатели; они не только рассказывают о местоположении городов и стран, но, – что гораздо

237

238

убедительнее, – измеряют количество шагов²³⁹ и миллиариев²⁴⁰; они также определяют вмешанные в морские течения острова как большие, так и меньшие, называемые 5 ими то Кикладами²⁴¹, то Спорадами²⁴² и лежащие в неизмеримых водах огромного моря.

Однако не только никто не принимался за описание недостижимых крайних пределов океана, но никому даже не удалось доплыть туда, 6 потому что из-за сопротивления водорослей и затишья в дыхании ветров он [океан] считается непреходимым и никому не ведомым, кроме разве того, кто его создал.

Ближайший к нам берег этого моря, который мы и назвали кругом всего мира, охватывает его пределы наподобие венца, но повсюду известен тем любознательным людям, которые захотели бы писать об этих вещах, потому что круг земли заселен и многие острова того моря обитаемы. Таковы на востоке, в Индийском океане, Гиппод²⁴³, Ямнесия²⁴⁴, «Солнцем сожженный»²⁴⁵, хотя и необитаемый, однако достаточно протяженный пространством своим в длину и в ширину; затем Тапробана²⁴⁶, красующийся десятью сильно укрепленными городами, не считая крепостей и поместий²⁴⁷; еще один, вообще приятнейший, остров 7 Силефантии²⁴⁸, а также Терон²⁴⁹; оба они, хотя о них и не дал пояснения ни какой писатель, вдоволь заселены местными землевладельцами²⁵⁰.

На западе тот же океан имеет несколько островов, известных почти всем, потому что множество людей посещают их и возвращаются обратно. Есть неподалеку от Гадитанского пролива ²⁵¹ один остров, называемый «Блаженным», и другой, именуемый «Счастливым»²⁵².

Несмотря на то что многие считают оба мыса – как Галиции ²⁵³, так и Лизитании²⁵⁴ (те, на которых до сих пор виднеются: на одном храм Геркулеса, а на другом –

239

240

241

242

243

244

245

246

247

248

249

250

251

252

253

254

памятник Сципиону²⁵⁵), также островами, тем не менее, ввиду того что они составляют оконечность земли Галиции, они принадлежат скорее к большой земле Европы, чем к 8 островам океана.

Содержит он среди волн своих еще острова, именуемые Балеарскими²⁵⁶, и Меванию²⁵⁷, а кроме того, острова Оркады; числом их 33 впрочем, не все из них обитаемы²⁵⁸. На крайнем же западе есть в 9 океане еще один остров, по имени Туле, о котором Мантуанец, между прочим, сказал: «Да служит тебе крайняя Фула»²⁵⁹.

Это же самое громадное море с арктической, т. е. северной стороны имеет обширный остров по названию Скандза²⁶⁰. С него-то и надлежит нам, с божьей помощью, повести нашу речь, потому что то племя, о происхождении которого ты с нетерпением хочешь узнать пришло на европейскую землю, вырвавшись подобно пчелиному рою²⁶¹ из недр именно этого острова; каким образом и как это случилось мы — даст бог — изложим в дальнейшем²⁶².

10 Теперь, насколько смогу, вкратце расскажу об острове Бриттании²⁶³, расположенном в лоне океана, между Испаниями, Галлиями²⁶⁴ и Германией. Хотя, как сообщает Ливий²⁶⁵, издревле никто не объезжал всего острова целиком, у многих, тем не менее, появились различные догадки в беседах о его величине.

Бриттанию, долго недоступную оружию, открыл римлянам Юлий Цезарь²⁶⁶ в сражениях, которых искал для одной лишь славы. Ставшая затем доступной для многих смертных как ради торговли, так и по иным причинам, она вполне раскрылась последующему, не лишенному пытливости, поколению.

К [описанию] ее положения мы и переходим, поскольку восприняли [сведения] о ней от греческих и латинских авторов. 11 Большинство из них считают ее сходной с треугольником; она простирается к северо-западу и обращена большим своим углом к устьям Рейна; сжимаясь затем по ширине, она вытягивается косо назад, заканчиваясь двумя

255

256

257

258

259

260

261

262

263

264

265

266

другими углами; обеими дальнейшими сторонами она тянется вдоль Галлии и Германии.

12 По рассказам, Бриттания там, где она шире всего, простирается на 2310 стадиев, а длина ее не превышает 7132 стадиев²⁶⁷. Покрытые то кустарником, то лесом, лежат ее равнины, местами все же вырастающие в горы; ее обтекает недвижимое море, которое нелегко отступает под напором весел и не вздувается от веяния ветров; я думаю, что весьма далеко отодвинутые земли не создают причин к движению: ведь морская гладь простирается там шире, чем где бы то ни было.

Страбон²⁶⁸, славный греческий писатель, рассказывает, что Бриттания испаряет такие сильные туманы, – будучи увлажнена в своей почве частыми наводнениями с океана, – что прикрытое [ими] солнце недоступно зрению в течение почти всего такого весьма сумрачного, хотя [на самом деле] и ясного дня. Ночь же, как повествует автор 13 «Анналов» Корнелий²⁶⁹, в наиболее удаленной части [Бриттании] весьма светла и чрезвычайно коротка.

Бриттания обильна множеством металлов и богата растениями, причем более всего такими, которыми питаются преимущественно овцы, а не люди.

Там много очень больших рек; они текут то в ту, то в другую сторону²⁷⁰ и катят [в своих волнах] драгоценные камни и жемчужины.

У силуров лица смуглые; они рождаются по большей части с курчавыми черными волосами; у жителей же Каледонии²⁷¹ волосы рыжие, тела крупные, но вялые; они сходны либо с галлами, либо с 14 испанцами, смотря по тому, живут ли они против тех или других²⁷². Отсюда некоторые домыслиют, что Бриттания из них-то [из числа галлов и испанцев] и приняла своих обитателей, призванных благодаря соседству. Эти племена вместе со своими королями²⁷³ одинаково дики; по словам Диона²⁷⁴, знаменитейшего составителя анналов, все они согласились [принять] имена каледонцев и меатов.

Живут они в хижинах из прутьев, под общей кровлей с овцами, но нередко леса служат им домом. Не знаю, ради ли украшения или 15 по другой какой-то причине расписывают они себе тела железом²⁷⁵.

Весьма часто ведут они войну между собою, то из-за стремления к власти, то ради

267

268

269

270

271

272

273

274

275

увеличения своих владений, и не только на конях или пешими, но также на бигах и на снабженных косами колесницах, которые они в просторечии называют эсседами²⁷⁶.

Вот то небольшое об острове Бриттании, о чем я и рассказал; этого достаточно.

16 Возвратимся к положению острова Скандзии, который мы оставили выше.

О нем упомянул во второй книге своего сочинения Клавдий Птолемей²⁷⁷, знаменитый описатель земного круга; он говорит, что на просторах северного океана расположен большой остров по имени Скандза²⁷⁸, подобный лимонному листу, с изогнутыми краями, вытянутый в длину и закругляющийся. О нем же сообщает и Помпоний Мела²⁷⁹, говоря, что Скандза расположена в Коданском заливе²⁸⁰ моря и что берега ее омывает океан.

17 Скандза лежит против реки Вистулы²⁸¹, которая, родившись в Сарматских горах²⁸², впадает в северный океан тремя рукавами в виду Скандзы, разграничивая Германию и Скифию.

Скандза имеет с востока обширнейшее, углубленное в земной круг озеро²⁸³, откуда река Ваги²⁸⁴, волнуясь, извергается, как некое порождение чрева, в океан. С запада Скандза окружена огромным морем, с севера же охватывается недоступным для плавания широчайшим 18 океаном, из которого, будто какая-то выступающая рука²⁸⁵, образуется Германское море, вытянутое вроде залива. Говорят, что там расположены также какие-то мелкие, но многочисленные острова; рассказывают еще, что если в случае замерзания моря от сильного мороза на них переходят волки, то [волки] лишаются зрения. Таким 19 образом, эта земля не только негостеприимна для людей, но жестока даже для зверей.

Хотя на острове Скандзе, о котором идет речь, живут многие различные племена, но Птолемей упоминает названия лишь семи из них²⁸⁶. Из-за страшного холода там не найти нигде медоносного пчелиного роя²⁸⁷.

В северной части [острова Скандзы] живет племя адогит; рассказывают, что в местах его [обитания] в середине лета сорок дней и сорок ночей продолжается непрерывный свет, а

276

277

278

279

280

281

282

283

284

285

286

287

в зимнее время в течение того же числа дней и ночей племя это не знает ясного света. Так чередуются печаль с радостью, но это не похоже на иные [чередования] ²⁰ благополучия и несчастья. Почему это так? Потому что в более длинные дни люди видят, как солнце возвращается на восток по краю неба; в более же короткие дни оно у них видно не так, но по-иному, потому что оно проходит через южные знаки; нам кажется, что солнце поднимается снизу, а им, – как рассказывают, – что оно идет кругом по краю земли²⁸⁸.

21 Есть там еще племя – скререфенны; они не требуют хлебного питания, но живут мясом диких зверей и птичьими яйцами. В болотах там рождается столько живности, что возможно и размножение породы и полное насыщение людей²⁸⁹.

Другое племя, живущее там же, – суэханс; они, подобно турингам ²⁹⁰, держат превосходных коней. Это они-то [суэханс?] и пересылают посредством торговли через бесчисленные другие племена сапфериновые ²² шкурки²⁹¹ для потребления римлян и потому славятся великолепной чернотой этих мехов. Племя это, живя в бедности, носит богатейшую одежду.

Следует затем целая толпа различных племен: тевсты, вагот, бергио, халлин, лиотида²⁹²; населенная ими местность представляет собой плодородную равнину, почему они и подвергаются там нападениям и набегам других племен.

За ними живут ахельмил, финнаиты, фервир, гаутигот, племя жестокое и в высшей степени склонное к войнам.

23 За ними – миксы, евагры, отингис. Все они живут по-звериному в иссеченных скалах, как бы в крепостях. С внешней стороны от них находятся остроготы, раумариции, эрагнариции, кротчайшие финны – наиболее низкорослые²⁹³ из всех обитателей Скандзы, а также похожие на них виновилот; светиды, известные в этом племени как превосходящие остальных [величиною] тела, хотя и даны, вышедшие из того же рода, – они вытеснили герулов²⁹⁴ с их собственных мест, – пользуются среди всех племен Скандии славой по причине своего ²⁴ исключительного роста. Однако статностью сходны с ними также граннии, аугандзы, евниксы, тэтель, руги²⁹⁵, арохи, рании.

288

289

290

291

292

293

294

295

Над ними был немного лет тому назад королем Родвulf²⁹⁶. Он, презрев свое королевство, укрылся под защиту Теодериха, короля готов, и нашел там то, чего искал.

Все эти племена, превосходящие германцев как телом, так и духом, сражались всегда со звериной лютостью.

25 С этого самого острова Скандзы, как бы из мастерской, [изготавливающей] племена, или, вернее, как бы из утробы, [порождающей] племена, по преданию вышли некогда готы²⁹⁷ с королем своим по 26 имени Бериг. Лишь только, сойдя с кораблей²⁹⁸, они ступили на землю, как сразу же дали прозвание тому месту. Говорят, что до сего дня оно так и называется Готискандза²⁹⁹. Вскоре они продвинулись оттуда на места ульмеругов³⁰⁰, которые сидели тогда по берегам океана; там они расположились лагерем, и, сразившись [с ульмеругами], вытеснили их с их собственных поселений. Тогда же они подчинили их соседей вандалов³⁰¹, присоединив и их к своим победам.

Когда там выросло великое множество люда, а правил всего только пятый после Берига король Филимер, сын Гадарига³⁰², то он постановил, 27 чтобы войско³⁰³ готов вместе с семьями двинулось оттуда. В поисках удобнейших областей и подходящих мест [для поселения] он пришел в земли Скифии, которые на их языке назывались Ойум³⁰⁴.

Филимер, восхитившись великим обилием тех краев, перекинул туда половину войска, после чего, как рассказывают, мост, переброшенный через реку, непоправимо сломался, так что никому больше не осталось возможности ни прийти, ни вернуться.

Говорят, что та местность замкнута, окруженная зыбкими болотами и омутами; таким образом, сама природа сделала ее недосыгаемой, соединив вместе и то и другое.

Можно поверить свидетельству путников, что до сего дня там раздаются голоса скота и уловимы признаки человеческого [пребывания], 28 хотя слышно это издалека.

Та же часть готов, которая была при Филимере, перейдя реку³⁰⁵, оказалась, говорят, перемещенной в области Ойум и завладела желанной землей. Тотчас же без замедления подступают они к племени спалов³⁰⁶ и, завязав сражение, добиваются победы.

Отсюда уже, как победители, движутся они в крайнюю часть Скифии, соседствующую

296

297

298

299

300

301

302

303

304

305

с Понтийским морем³⁰⁷, как это и вспоминается в древних их песнях как бы наподобие истории и для всеобщего сведения; о том же свидетельствует и Аблавий³⁰⁸, выдающийся описатель 29 готского народа, в своей достовернейшей истории. С такими предположениями согласны и многие из старших писателей; однако Иосиф³⁰⁹, правдивейший рассказчик анналов, который повсюду блюдет правило истины и раскрывает происхождение вещей от самого их начала, опустил, неведомо почему, сказанное нами о началах племени готов. Упомянув лишь о корнях их от Магога³¹⁰, он уверяет, что зовутся они скифами и по племени, и по имени³¹¹.

Раньше чем перейти к другому предмету, необходимо рассказать о том, где расположены пределы вышеназванной земли.

30 Скифия погранична с землей Германии вплоть до того места, где рождается река Истр³¹² и простирается Мурсианское озеро³¹³; она [Скифия] тянется до рек Тиры³¹⁴, Данастра и Вагосолы³¹⁵, а также великого того Данапра³¹⁶ и до горы Тавра³¹⁷ – не той, что в Азии, а собственной, т. е. скифской, – по всей прилегающей к Мэотиде³¹⁸ местности и за Мэотиду, через Босфорские проливы³¹⁹ до Кавказских гор и реки Аракса; затем она [Скифия], загнувшись в левую сторону, за Каспийское море (а это последнее возникает на крайних границах Азии, от северо-восточного океана, в виде гриба³²⁰, сначала тонкого, потом – широчайшей круглой формы), склоняется к области гуннов 31 и отступает до албанов³²¹ и серов³²².

Эта, повторяю, страна, а именно Скифия, вытягиваясь в длину и развертываясь в ширину, имеет с востока серов, живущих у самого ее начала на берегу Каспийского моря; с запада – германцев и реку Вистулу; с севера она охватывается океаном, с юга – Персией,

306
307
308
309
310
311
312
313
314
315
316
317
318
319
320
321
322

Албанией, Иберией³²³, Понтом и нижним течением Истра, который называется 32 также Данубием³²⁴ от устья своего до истока.

С той своей стороны, которой Скифия достигает Понтийского побережья, она охвачена небезызвестными городами; это – Борисфенида ³²⁵ , Ольвия ³²⁶ , Каллиполида ³²⁷ , Херсона³²⁸, Феодосия³²⁹, Кареон³³⁰, Мирмикий³³¹и Трапезунта³³², основать которые дозволили грекам непокоренные скифские племена, с тем, чтобы греки поддерживали с ними торговлю³³³.

Посередине Скифии есть место, которое разделяет Азию и Европу одну от другой; это – Рифейские горы ³³⁴ , которые изливают широчайший 33 Танаис ³³⁵ , впадающий в Мэотиду. Окружность этого озера равна 144 тысячам шагов ³³⁶ , причем оно нигде не опускается глубже чем на 8 локтей³³⁷.

В Скифии первым с запада живет племя гепидов³³⁸, окруженное великими и славными реками; на севере и северо-западе [по его области] протекает Тизия³³⁹; с юга же [эту область] отсекает сам великий Данубий, а с востока Флютавзий ³⁴⁰; стремительный и полный 34 водоворотов, он, ярьась, катится в воды Истра. Между этими реками лежит Дакия, которую, наподобие короны, ограждают скалистые Альпы ³⁴¹ . У левого их склона³⁴², спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов ³⁴³ . Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами.

323

324

325

326

327

328

329

330

331

332

333

334

335

336

337

338

339

340

341

342

35 Склавены³⁴⁴ живут от города Новиетуна³⁴⁵ и озера, именуемого Мурсианским³⁴⁶, до Данастра, и на север – до Висклы³⁴⁷; вместо городов у них болота и леса³⁴⁸. Анты же³⁴⁹ – сильнейшие из обоих [племен] – распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину; эти реки удалены одна от другой на расстояние многих переходов.

36 На побережье океана, там, где через три гирла поглощаются воды реки Вистулы, живут видиварии³⁵⁰, собравшиеся из различных племен; за ними берег океана держат эсты³⁵¹, вполне мирный народ. 37 К югу соседит с ними сильнейшее племя акациров³⁵², не ведающее злаков, но питающееся от скота и охоты.

Далее за ними тянутся над Понтийским морем места расселения булгар³⁵³, которых весьма прославили несчастья, [совершившиеся] по грехам нашим.

А там и гунны, как плодовитейшая поросль из всех самых сильных племен, закишили надвое разветвившейся свирепостью к народам³⁵⁴. Ибо одни из них зовутся альциагирами³⁵⁵, другие – савирами³⁵⁶, но места их поселений разделены: альциагиры – около Херсоны, куда жадный купец ввозит богатства Азии; летом они бродят по степям, раскидывая свои становища в зависимости от того, куда привлечет их корм для скота; зимой же переходят к Понтийскому морю. Хунугуры³⁵⁷ же известны тем, что от них идет торговля шкурками грызунов³⁵⁸; их устрасила отвага столь многочисленных мужей³⁵⁹.

38 Мы читали, что первое расселение [готов] было в Скифской земле, около Мэотийского болота; второе – в Мизии, Фракии и Дакии; третье – на Понтийском море, снова в Скифии; однако мы нигде не обнаружили записей тех их басен, в которых говорится, что они были обращены в рабство в Бриттании или на каком-то из островов, а затем освобождены кем-то ценою одного коня.

343

344

345

346

347

348

349

350

351

352

353

354

355

356

357

358

Но, конечно, если кто-нибудь сказал бы, что они появились на нашей земле иначе, чем мы об этом рассказали, то он окажется в некотором противоречии с нами; ибо мы больше верны прочитанному, чем старушечьим рассказам³⁶⁰.

39 Все же вернемся к нашей основной теме. Когда вышеназванные племена, о которых мы сейчас ведем речь, жили на первом месте своего расселения, в Скифии у Мэотиды, то имели, как известно, королем Филимера; на втором месте, т. е. в Дакии, Фракии и Мизии, – Залмоксеса³⁶¹, о котором свидетельствуют многие летописцы, что он обладал замечательными познаниями в философии. Но и до того был у них ученый Зевта³⁶², а после него Дикиней³⁶³, третьим же был Залмоксес, о котором мы говорили выше. К тому же не было недостатка в людях, которые обучили бы их премудрости. Поэтому 40 среди всех варваров³⁶⁴ готы всегда были едва ли не самыми образованными, чуть ли не равными грекам, как передает Дион³⁶⁵, составивший их историю и анналы по-гречески. Он говорит, что тарабостезеи, впоследствии именовавшиеся «пиллеатами»³⁶⁶, были среди них [готов] благородными; из их числа поставлялись и короли, и жрецы. По вышесказанной причине готы были восхвалены до такой степени, что говорилось, будто бы некогда Марс, провозглашенный в вымыслах 41 поэтов богом войны, появился именно у них. Отсюда и Вергилий: «Как Градива отца, полей покровителя гетских»³⁶⁷.

Этого Марса готы постоянно ублажали жесточайшим культом, (жертвою ему было умерщвление пленных), полагая, что возглавителя войн пристойно умиловать пролитием человеческой крови³⁶⁸. Ему посвящалась первая добыча, в его честь подвешивали на стволах деревьев трофеи. Готы более, чем другие, проникнуты были религиозным к нему горением, и казалось, что поклонение их воздается родителю.

42 В третьей области на Понтийском море, став уже более человечными и, как говорили мы выше, более просвещенными, они разделились между двумя родами своего племени: везеготы служили роду Балтов, остроготы – преславному Амалам³⁶⁹.

43 Первой их страстью, [выделяющей их] среди других соседних племен, было

359

360

361

362

363

364

365

366

367

368

369

натягивание лука тетивой. Лукан³⁷⁰, более историк, чем поэт, свидетельствует: «Армянские луки натягивайте гетскими тетивами».

Перед [этим племенем] воспевали в песнях с припевами и [в сопровождении] кифар деяния предков – Этерпамары, Ханалы, Фридигерна, Видигойи и других; о них у этого племени высокое мнение, и едва ли сама достойная восхищения древность может похвалиться, что были у нее подобные герои³⁷¹.

44 Тогда, как рассказывают, Весозис³⁷² начал плачевную для себя войну со скифами, теми самыми, которых древние авторы называют мужьями амазонок. Как с полной ясностью свидетельствует Орозий³⁷³ в первом томе, у них [скифов] и женщины – воительницы.

Мы с очевидностью доказали, что с готами воевал тогда именно тот, о котором мы знаем достоверно, что он сражался с мужьями амазонок³⁷⁴, жившими в те времена от реки Борисфена – местные жители называют его Данапром³⁷⁵ – до реки Танаиса, вокруг залива 45 Мэотийского болота. Это тот, говорю, Танаис, который, срываясь с Рифейских гор³⁷⁶, низвергается настолько круто, что, когда соседние реки, а также Мэотида и Босфор затвердевают от мороза, он единственный из всех рек, согретый испарениями в скалистых горах, никогда не замерзает от скифской стужи³⁷⁷.

Этот именно Танаис³⁷⁸ считается знаменитым рубежом Азии и Европы, потому что есть еще и другой, который, возникая в Хриннских горах³⁷⁹, впадает в Каспийское море.

46 Данапр рождается великим болотом, источаясь как бы из материнской утробы. Отсюда и до середины он пресен и годен для питья и порождает рыб отменного вкуса, лишенных костей, но имеющих только хрящи в строении своего тела³⁸⁰. Однако, приближаясь к Понту, он принимает в себя небольшой поток по прозванию Экзамфей³⁸¹, до того горький, что – хотя он [Данапр] судоходен на длину целых 40 дней пути – он так изменяется благодаря [притоку] этих малых вод, что впадает в море между греческими

370

371

372

373

374

375

376

377

378

379

380

381

городами Каллипидами³⁸² и Гипаннисом³⁸³ уже зараженный и сам на себя непохожий. Близ его [Данапра] устьев, против них, есть остров по имени Ахиллов³⁸⁴, а между ними лежит обширнейшая земля, заросшая лесами и страшная болотами³⁸⁵.

47 И вот, когда готы жили там, ринулся на них войною Весозис, царь египетский; у готов был тогда королем Танаузис. На реке Фазисе³⁸⁶, откуда в изобилии происходят фазийские птицы для пиров владык во всем мире³⁸⁷, Танаузис, готский король, встретился с Весозисом, царем египетским, и, жестоко его поражая, преследовал до Египта; если бы не воспрепятствовало течение непереходимой реки Нила и укрепления, которые Весозис приказал некогда воздвигнуть для себя по причине набегов эфиопов, то Танаузис прикончил бы его там же, в его стране. Когда же он, не имея никакой возможности нанести ему, засевшему там, вред, возвращался обратно, то покорила себе чуть ли не всю Азию, принудив покоренных платить дань 48 Сорну, царю мидян, который тогда был дорогим ему другом. Многие победители из его войска, обзрев подчиненные провинции во всем их могучем плодородии, покинули боевые отряды своего племени и по собственному желанию поселились в разных областях Азии. Помпей Трог³⁸⁸ говорит, что от их имени и рода произошли поколения парфян. Потому-то и до сего дня их называют на скифском языке беглецами, т. е. парфянами. Они, соответственно своему происхождению, являются единственными стрелками среди племен почти всей Азии и отважнейшими воинами. Некоторые выводили такую этимологию из их имени (о котором мы сказали, что парфяне означает «беглецы»); те зовутся парфянами потому, что бежали от своих родичей. Готского же того короля Танаузиса после его смерти они стали почитать в числе богов своего племени.

49 После его кончины, когда войско при его преемниках совершало походы в других странах, некое соседнее племя попыталось захватить готских женщин как добычу. Они же, наученные мужьями, сильно сопротивлялись и прогнали наступавших на них врагов с большим позором. Достигнув такой победы и полагаясь на еще большую свою отвагу, они, возбуждая друг друга, спешно вооружились и избрали двух храбрейших жен, Лампету и Марпезию, которых и поставили во главе государства. Обе они в заботе о том, чтобы и свои владения 50 защищать и чужие опустошать, бросили жребий, причем Лампету осталась

382

383

384

385

386

387

388

охранять родные границы, а Марпезия, собрав ополчение из женщин, повела такой новый род войска в Азию. Она покорила войной различные племена, а иные присоединила, заключая мир, и таким образом дошла до Кавказа; пробыв там некоторое время, она дала тому месту название «Утес Марпезии», почему и Вергилий говорит: «Точно твердый кремень иль недвижимый Марпезии камень»³⁸⁹.

51 Впоследствии Александр Великий поставил здесь ворота, назвав их Каспийские Пилы³⁹⁰; это место и ныне стережет племя лазов³⁹¹ ради защиты Римской империи.

Итак, задержавшись тут на известное время, амазонки³⁹² набрались сил; выйдя же оттуда и перейдя реку Алис³⁹³, протекающую у города Гаргары³⁹⁴, они с одинаковым успехом покорили Армению³⁹⁵, Сирию³⁹⁶ и Киликию³⁹⁷, Галатию³⁹⁸, Писидию³⁹⁹ и все области Азии⁴⁰⁰. Обратившись затем в сторону Ионии⁴⁰¹ с Эолией⁴⁰², они сделали их подчиненными себе по договору провинциями. Долгое время господствуя там, они назвали своим именем и города⁴⁰³, и укрепления. А в Эфесе⁴⁰⁴, расточив [большие] богатства, они воздвигли храм дивной красоты в честь Дианы по причине рвения своего к стрельбе и охоте, каковым искусствам они предавались. Таким вот образом женщины 52 родом из Скифии овладели царствами Азии, которые и держали почти сто лет; наконец, возвратились они к своим подругам в Марпезийские скалы, о которых мы упоминали выше⁴⁰⁵, т. е. в горы Кавказа⁴⁰⁶.

Я полагаю, что не будет излишним описать и направление и положение этих гор, потому что это уже вторичное о них упоминание; ведь они, как известно, обходят непрерывной цепью большую часть земного 53 круга. Кавказский хребет поднимается от Индийского моря, и там, где он обращен на юг, он пламенеет, исходя парами на солнце; там

389

390

391

392

393

394

395

396

397

398

399

400

401

402

403

404

405

406

же, где он открыт к северу, он покорствует студеным ветрам и обледенению. Вскоре после этого он заворачивает, изогнувшись углом, в Сирию⁴⁰⁷ и, высылая множество [всяких] рек, в Вавилонской области⁴⁰⁸ он, по наиболее распространенному мнению, изливает судоходный Евфрат и Тигр из изобильных сосцов неиссякаемых источников. Эти реки, охватывая землю сирив⁴⁰⁹, придают ей и название, и вид Месопотамии⁴¹⁰; они несут течение свое в залив Красного моря⁴¹¹.

54 Затем вышеупомянутая горная цепь, поворачивая на север, проходит крупными изгибами по скифским землям и там изливает в Каспийское море славнейшие реки Аракс, Киз⁴¹² и Камбиз⁴¹³; продолжаясь, она тянется вплоть до Рифейских гор⁴¹⁴. Далее, составляя хребтом своим предел для скифских племен, она спускается до Понта, а затем, сплошными холмами, примыкает к течению Истра. Рассеченная 55 этой рекой и [как бы] расколовшись, называется она в Скифии уже Тавром⁴¹⁵. Кавказский хребет, огромный и обширный, едва ли не величайший из всех, вознося высокие свои вершины, предоставляет народам неодолимые укрепления, воздвигнутые природой. Местами пересеченный – там, где, прорвав горы, открывается зиянием своим долина, – он образует здесь Каспийские ворота, далее – Армянские, а там – Киликийские⁴¹⁶ или еще какие-либо другие, [называемые] соответственно месту. Но едва ли он проходим для повозки, так как с обеих сторон обладает обрывистыми сверху до низу склонами. По многообразию племен зовется он разными именами. Индус называет его здесь Ламмом, а далее Пропаниссом; парфянин – сначала Кастрой, затем – Нифатом; сириец и армянин – Тавром; скиф – Кавказом и Рифеем, а на конце снова именует его Тавром; да и другие названия дают этому хребту многочисленные племена⁴¹⁷.

Коснувшись несколько протяжения этих гор, вернемся снова к амазонкам, от которых мы отвлеклись⁴¹⁸.

56 Опасаясь, как бы не поредело их потомство, они искали сожительства с соседними племенами; единожды в год устраивалось сборище с тем, чтобы на будущее время, когда все

407

408

409

410

411

412

413

414

415

416

417

418

вновь придут в тот самый день для того же дела, отцам отдавали то, что дарует рождение мужского пола; матери же должны были приучать к воинскому оружию рожденное женского пола. Иногда же, если некоторым так хочется, в случае рождения мальчика они, исполненные ненавистью мачехи, прерывали жизнь несчастного младенца: до того было им ненавистно рождение мальчика, которое повсюду, как известно, являлось ⁵⁷вожделенным! Эта жестокость умножала в общем мнении величайший страх перед ними. Ибо, спрашиваю, какая могла быть надежда для пленника там, где быть милостивым даже к сыну считалось богопротивным делом?

С амазонками, как рассказывают, воевал Геркулес, подчинивший себе Меланию⁴¹⁹ больше, пожалуй, хитростью, чем доблестью. Тезей же захватил как военную добычу Ипполиту, от которой и родил Ипполита⁴²⁰. У этих амазонок была потом царица по имени Пентесилея⁴²¹, о которой существуют достославные свидетельства времен Троянской войны. Эти женщины, как говорят, держали свое царство вплоть до Александра Великого.

⁵⁸ Однако, чтобы ты не сказал: «начал, мол, речь свою о готских мужах, так чего же столь долго останавливаться на женах?» – послушай и о славной, похвалы достойной храбрости мужей. Дион, историк и прилежнейший исследователь древности, давший произведению своему заглавие «Гетика»⁴²² (а геты эти, как мы уже показали выше, то же, что и готы, по словам Павла Орозия⁴²³), – этот самый Дион упоминает спустя много времени об их короле по имени Телеф⁴²⁴. А чтобы кто-либо не сказал, что имя это вовсе чуждо готскому языку, [напомню]: ведь все знают и обращали внимание, насколько в обычае у племен перенимать по большей части имена: у римлян – македонские, ⁵⁹ у греков – римские, у сарматов ⁴²⁵ – германские. Готы же преимущественно заимствуют имена гуннские⁴²⁶.

Этот самый Телеф, сын Геркулеса, рожденный от Авги и сочетанный браком с сестрой Приама⁴²⁷, был высок телом, но еще более ужасен силою. Равняясь собственной доблестью с отцовской мощью, он проявлял сходство с Геркулесом как умом, так и внешним подобием⁴²⁸. Царство его предки называли Мезией⁴²⁹. Эта провинция имеет с востока

419

420

421

422

423

424

425

426

427

428

устья реки Данубия, с юга – Македонию, с запада – Истрию, с севера – 60 Данубий⁴³⁰. Вышеупомянутый царь вел войну с данайцами, в сражении с которыми он убил Тесандра⁴³¹, вождя Греции; когда он враждебно напал на Аякса и преследовал Улисса, лошадь его упала, [запутавшись] в виноградных лозах, и он рухнул, раненный в бедро Ахилловым копьем, отчего долго не мог вылечиться; тем не менее, хотя и раненый, он вытеснил греков из пределов своих владений. Когда Телеф умер, ему наследовал на троне сын его, Еврифил, рожденный от сестры Приама, царя фригов. [Еврифил] участвовал в Троянской войне из-за любви к Касандре⁴³² и, стремясь оказать помощь родичам и зятю, вскоре по своем появлении там погиб.

61 Тогда Кир⁴³³, царь персов, после большого промежутка, почти после 630 лет, во времена (по свидетельству Помпея Трога) царицы гетов Томиры⁴³⁴, пошел на нее гибельной войной. Возгордившись победами в Азии, он стремился подчинить себе гетов, у которых, как мы сказали, царицей была Томира. Хотя она и могла бы запереть путь Киру рекою Араксом⁴³⁵, но допустила его переправу, предпочитая победить его оружием, чем теснить его, [пользуясь] благоприятными 62 свойствами местности. Так и произошло. Когда Кир пришел, то первая удача далась парфянам⁴³⁶ и настолько, что они убили и сына Томиры, и большую часть ее войска. Но война возобновилась, и геты со своей царицей покорили и истребили побежденных парфян, а также захватили у них богатую добычу; тогда-то готское племя впервые увидало шелковые шатры.

Тогда царица Томира, усилившись благодаря победе и огромной, захваченной у врагов добыче, пошла в ту часть Мезии, которая, восприняв имя от Великой Скифии, ныне называется Малой Скифией⁴³⁷, и там на мезийском берегу Понта построила город Томы⁴³⁸, [назвав его] по своему имени.

63 Затем Дарий⁴³⁹, царь персов, сын Гистаспа, пожелал сочетаться браком с дочерью Антира⁴⁴⁰, короля готов; просил он этого и в то же время опасался, как бы не отклонили они его пожелания. Готы, презрев родство с ним, оставили его посольство ни с чем.

429

430

431

432

433

434

435

436

437

438

439

Отвергнутый, он воспламенился обидой и выставил против готов войско из 700 тысяч вооруженных воинов; он стремился отомстить за свой позор общественным бедствием. Чуть ли не от Халкедона⁴⁴¹ до самого Византия⁴⁴² он поставил рядами свои корабли подобно мостам и, тесно сдвинув их, перешел во Фракию и Мезию; тем же способом он опять построил мост на Данубии и, [проведя] два полных месяца в утомительной войне, потерял в Тапах⁴⁴³ восемь тысяч воинов; тогда, опасаясь, как бы мост через Данубий не оказался занятым его противником, он быстрым бегом отступил во Фракию, полагая, что для него не было бы безопасно помедлить хоть немного даже в Мизии.

64 После смерти Дария снова сын его Ксеркс⁴⁴⁴, считая себя [обязанным] отомстить за нанесенные отцу оскорбления, пошел на готов войной с 700 тысячами своих и 300 тысячами союзных воинов, с 200 ростральными кораблями и 3 тысячами грузовых судов. Но он 65 не посмел даже попробовать сразиться, уже побежденный их [готов] 65 мужеством и твердостью. Как пришел, так и ушел он со всей своей силой без всякого сражения. Филипп⁴⁴⁵ же, отец Александра Великого, связав себя дружбой с готами, принял в жены Медопу⁴⁴⁶, дочь короля Гудилы⁴⁴⁷, с целью укрепления Македонского царства через такое родство.

В то время, как сообщает историк Дион⁴⁴⁸, Филипп страдал от недостатка денег и решил при помощи строевого войска опустошить город Одисс⁴⁴⁹ в Мезии, который, будучи в соседстве с городом Томы⁴⁵⁰, подчинился готам. Поэтому готские жрецы – те самые, которые назывались праведными, – сразу же распахнув врата, вышли навстречу с кифарами и в светлых одеждах, [обращаясь] с пением молящими голосами к богам отцов, чтобы они были к ним милостивы и отогнали македонян.

Македоняне, увидев их, так уверенно к ним приближающихся, остолбенели, и тогда, если можно так сказать, – безоружные привели в ужас вооруженных. Немедленно распустив войско, которое они построили для нападения, [македоняне] не только воздержались от разрушения города, но вернули и тех людей, которые, находясь вне [города], были захвачены в порядке войны; затем они заключили союз и возвратились в свою землю.

440

441

442

443

444

445

446

447

448

449

Вспомнив это вероломство спустя много времени, славный вождь 66 готов Ситалк⁴⁵¹ собрал 150 тысяч мужей и напал войною на афинян, [двинувшись] против Пердикки⁴⁵², царя македонян, которого Александр, после того как благодаря козням прислужника испил в Вавилонии свою гибель⁴⁵³, оставил своим преемником на основе наследственного права в государстве Афинском. Завязав большое сражение с этим [царем], готы оказались победителями. Так за вред, который македоняне некогда нанесли в Мезии, готы, распространившись по Греции, опустошили всю Македонию.

67 Затем, в царствование у готов Бурвисты⁴⁵⁴, пришел в Готию Дикиней⁴⁵⁵ в те времена, когда верховенством в Риме завладел Сулла⁴⁵⁶. Бурвиста принял этого Дикинея и дал ему чуть ли не царскую власть; по его совету готы разорили земли германцев, те самые земли, 68 которые ныне занимают франки. Цезарь⁴⁵⁷ же, первый из всех присвоивший себе [императорскую] власть над Римом, подчинивший своему господству почти весь мир и покоривший чуть ли не все царства, вплоть до того, что и вне нашего [земного] круга занял острова⁴⁵⁸, расположенные в лоне океана, а тех, кто даже и слухом не слышал имени римлян, сделал плательщиками дани этим самым римлянам, – Цезарь не смог, тем не менее, покорить готов, несмотря на частые попытки. И когда Гай Тиберий⁴⁵⁹, уже третий, правит 69 римлянами, готы все еще твердо сидят, невредимые, в своем государстве.

Им было и спасительно, и удобно, и желательно приводить в исполнение все, что бы ни приказал им Дикиней, их советник, потому что они считали это заслуживающим всяческого домогательства и полезным. Он же заметив, что души их во всем ему повинуются и что они обладают природным умом, обучил их почти всей философии⁴⁶⁰, а он был в этом деле опытный учитель. Наставляя их в этике, он обуздал [их] варварские нравы; преподавая физику, он заставил их жить в соответствии с природой, по собственным законам, которые, будучи записаны, и до сих пор зовутся «белагины»⁴⁶¹; обучая логике, он сделал их превыше остальных народов сведущими в [искусстве] рассуждения; показывая практику⁴⁶², он

450

451

452

453

454

455

456

457

458

459

460

461

462

убедил их жить в добродетели; открывая теоретику⁴⁶³, научил созерцать двенадцать знаков⁴⁶⁴ и бег через них планет⁴⁶⁵, а также всю астрономию; он объяснил и то, каким образом лунный диск⁴⁶⁶ испытывает увеличение или претерпевает ущерб, и показал, насколько огненный солнечный шар превосходит размерами земной круг⁴⁶⁷, и изложил, под какими именами и под какими знаками на небосводе⁴⁶⁸, все более и более склоняясь, низвергаются в своем падении с востока на запад 346 звезд⁴⁶⁹.

70 Каково же было, спрашиваю я, удовольствие, когда отважнейшие мужи, имея маленькую передышку от военных дел, впитывали философские учения?⁴⁷⁰ И ты мог видеть, как один исследует положение неба, а другой – природу трав и кустарников; этот наблюдает прирост и ущерб луны, а тот – работу солнца⁴⁷¹ и то, как подхваченные вращением небосводы приводят обратно на западную сторону те [светила], которые спешат идти к восточной, получив отдых по установленному закону⁴⁷².

71 Передав готам из своих знаний все это и многое другое, Дикиней прославился у них как чудодей и повелевал не только меньшими, но даже королями. Выбрал он тогда из них благороднейших и благоразумнейших мужей и, научив их теологии, убедил их почитать некоторых богов и святилища и сделал их жрецами, придав им название 72 «пиллеатов» оттого, я думаю, что они совершали жертвоприношения, покрывая головы тиарами, которые иначе мы зовем «войлочными шапками»⁴⁷³; остальной же народ он приказал называть «простоволосыми»⁴⁷⁴. Это имя и приняли готы в большинстве своем, и до сего дня они поминают его в своих песнопениях.

73 После смерти Дикиней почти таким же почитанием пользовался 74 у них Комозик⁴⁷⁵, потому что не был он неравен тому в искусстве. Он был у них и королем, и первосвященником по причине своей учености; и судил он народ с высшей справедливостью. После того как и этот ушел от человеческих дел, воцарился над готами

463

464

465

466

467

468

469

470

471

472

473

474

475

король Корилл⁴⁷⁶, и он правил своим племенем в Дакии в течение сорока лет. Я имею в виду древнюю Дакию⁴⁷⁷, которой, как известно, владеют теперь гепиды⁴⁷⁸. Страна эта, лежащая напротив Мезии, через Данубий, охвачена короной гор и имеет лишь два подхода: один – через Боуты⁴⁷⁹, другой – через Тапы⁴⁸⁰.

Эту Готию⁴⁸¹, которую предки называли Дакией и которая теперь, как мы сказали, именуется Гепидией⁴⁸², тогда ограничивали с востока ароксоланы⁴⁸³, с запада язиги, с севера сарматы и бастерны⁴⁸⁴, с юга – река Данубий. Язиги же от ароксолан отделяются только рекой Алутой⁴⁸⁵.

75 Ввиду того что упомянут был Данубий, нелишним считаю я сказать кое-что о столь великой реке. Рождаясь среди Аламаннских полей⁴⁸⁶, он принимает в себя то отсюда, то оттуда на протяжении 1200 римских миль⁴⁸⁷, – начиная от истока своего до устьев, впадающих в Понт, – 60 рек⁴⁸⁸, наподобие спинного хребта, в который вплетаются ребра вроде решетки⁴⁸⁹. Это вообще огромнейшая река. На языке бессов он называется Истром⁴⁹⁰ и имеет в русле своем воду глубиной всего на двести стоп⁴⁹¹. Среди остальных рек эта река по величине превосходит все другие, кроме Нила⁴⁹². Сказанного о Данубии достаточно. К предложенному нами изложению, от которого мы уклонились, с помощью божией возвращаемся.

76 После долгого промежутка времени, в правление императора Домициана⁴⁹³, готы⁴⁹⁴, относясь с опаской к его скупости, нарушили союз, который они некогда заключили с другими императорами, и опустошили берег Данубия, уже давно принадлежавший Римской империи, уничтожив солдат вместе с их начальником. Во главе

476
477
478
479
480
481
482
483
484
485
486
487
488
489
490
491
492
493
494

этой провинции стоял тогда – после Агриппы – Оппий Савин⁴⁹⁵, у готов же главенство осуществлял Дорпаней⁴⁹⁶. Тогда-то готы, пойдя войной и одолев римлян, отсекали голову Оппию Савину, напали и открыто ограбили многие крепости и города на императорской стороне.

77 Вследствие этого бедствия своих подданных Домициан пришел в Иллирик со всеми своими силами и с воинами чуть ли не всего государства под предводительством военачальника их Фуска⁴⁹⁷; с избраннейшими мужами, составив корабли наподобие моста, он перешел реку Данубий против войска Дорпаней. И тут готы, едва ли 78 оказавшиеся ленивыми, хватают оружие, сразу в первом же столкновении побеждают римлян и, убив предводителя их Фуска, грабят сокровища в воинских лагерях; одержав повсеместно большую победу, они провозгласили представителей своей знати, – благодаря фортуне которых они будто бы и оказались победителями, – не простыми людьми, но полубогами, т. е. «Ансами»⁴⁹⁸.

Теперь, читатель, послушай меня, без клеветы говорящего правду, об их генеалогии⁴⁹⁹, которую я изложу вкратце: кто от какого отца родился или откуда пошло его начало и где свершился конец.

79 Первым из героев, как сами они передают в своих сказаниях, был Гапт⁵⁰⁰, который родил Хулмула. Хулмул же родил Авгиса. Авгис родил того, которого называют Амал; от него-то и ведут происхождение Амалы⁵⁰¹. Этот Амал родил Хисарну; Хисарна же родил Остроготу; Острогота родил Хунуила, а Хунуил родил Атала. Атал родил Агиульфа и Одвульфа; Агиульф же родил Ансилу и Эдиульфа, Вультвульфа и Герменериха⁵⁰²; а Вультвульф родил Валараванса; 80 Валараванс родил Винитария; Винитарий же родил Вандилиария; Вандилиарий же родил Тиудемера и Валамира и Видимира; Тиудемер родил Теодериха⁵⁰³; Теодерих родил Амаласвенту; Амаласвента родила Аталариха и Матесвенту от Евтариха, мужа своего, род которого соединен с ней следующим образом: вышесказанный Германарих, сын 81 Агиульфа, родил Гунимунда, Гунимунд же родил Торисмунда, а Торисмунд родил Беримуда; Беримуд родил Ветериха, Ветерих же родил Евтариха, который, сочетавшись с Амаласвинтой, родил Аталариха и Матесвенту; Аталарих умер в отроческих

495

496

497

498

499

500

501

502

годах, а с Матесвентой сочетался Витигис⁵⁰⁴, от которого не восприняла она детей. Оба они были приведены Велезарием в Константинополь. Так как Витигис отошел от дел человеческих⁵⁰⁵, Герман⁵⁰⁶, патриций⁵⁰⁷, племянник императора Юстиниана, взял [Матесвенту] в жены и сделал патрицианкой; от него и родила она сына, по имени также Герман⁵⁰⁸. Когда же Герман скончался⁵⁰⁹, [жена его] решила остаться вдовой. Как и каким образом было разрушено королевство Амалов, я расскажу, если поможет господь, в своем месте⁵¹⁰.

82 Теперь же вернемся к тому, от чего сделали отступление, и поведаем, как то племя, о котором мы ведем речь, достигло предела своего пути. Историк Аблавий⁵¹¹ сообщает, что там, на берегах Понта, где они, как мы говорили⁵¹², остановились в Скифии, часть их, владевшую восточной стороной, возглавлял Острогота; либо от этого его имени, либо от места, т. е. «восточные», называются они остроготами; остальные же — везеготами, т. е. с западной стороны⁵¹³.

83 Как рассказали мы выше, они, перейдя Данубий, некоторое время жили в Мизии и Фракии; от них произошел император Максимин⁵¹⁴, [правивший] после Александра, [сына] Мамеи⁵¹⁵. По словам Симмаха⁵¹⁶ в книге его истории, Максимин, как говорит он, после смерти цезаря Александра провозглашен был войсками императором⁵¹⁷, а родом он был из Фракии от родителей низкого происхождения, от отца гота по имени Микка и от матери аланки, которую звали Абаба. Он правил три года, но когда повернул оружие на христиан, то сразу потерял власть и жизнь.

84 Когда правил император Север⁵¹⁸ и праздновали день рождения его сына, [Максимин], проводший юность в деревенской жизни, пришел прямо на военную службу с пастбища. Принцепс устраивал военные игры; узнав об этом, Максимин, хотя и был

503
504
505
506
507
508
509
510
511
512
513
514
515
516
517
518

полуварваром и юнцом, после того как были предложены награды, попросил на своем родном языке, чтобы император дал ему разрешение вступить ⁸⁵ в борьбу с опытными воинами. Север, чрезвычайно удивленный величиной его тела, – а рост его, рассказывают, был свыше восьми стоп⁵¹⁹, – приказал ему бороться с обозниками способом сцепления тел для того, чтобы не приключилось какого-либо увечья военным мужам от этого грубого человека. Тогда Максимин уложил на спину шестнадцать обозников с такой легкостью, что, одолевая каждого в отдельности, не давал себе даже никакой передышки в виде перерывов. После того как он забрал все награды, приказано было отправить его в войско, и первая его служба была в коннице. На третий день после того события, когда император приехал в лагерь, он увидел Максимиана скачущим [на коне] по-варварски; тогда он приказал трибуну, чтобы тот заставил его научиться римским военным приемам. Максимин же, поняв, что император говорит о нем, приблизился к ⁸⁶ нему и пеший пошел перед ним, едущим на лошади. Император, заставив шпорами свою лошадь идти медленной рысью, стал запутывать множество кругов, туда и сюда, различными поворотами, чтобы довести его до утомления; наконец, он сказал Максимиану: «Ну, чего же теперь, после бега, хочешь, фракиец?» – «Бороться, – ответил тот, – сколько тебе будет угодно, император». Тут Север, спрыгнув с лошади, приказал самым сильным⁵²⁰ из воинов сразиться с ним. Он же повалил на землю семерых самых могучих юношей, причем так же, как и в первый раз, не передохнув в промежутках; и был он один одарен цезарем и серебряными наградами и витой золотой цепью⁵²¹; затем ему приказали пребывать среди императорских телохранителей. ⁸⁷ После того, при Антонине Каракалле ⁵²², он предводительствовал отрядами и, многократно увеличивая славу своими подвигами, получил ряд военных чинов и звание центуриона в награду за свое мужество.

Когда впоследствии вступил на престол Макрин⁵²³, Максимин отказался от военной службы почти на три года и, неся почетную должность трибуна, никогда не показывался Макрину на глаза, так как считал его недостойным власти, приобретенной через совершенное преступление.

⁸⁸ Затем он покинул свой трибунал и вернулся к Элиогабалу⁵²⁴, как сыну Антонина. Впоследствии он поразительно сражался против парфян при Александре, [сыне] Мамеи.

519

520

521

522

523

524

Когда же последний был убит во время военного мятежа в Могонтиаке⁵²⁵, сам он, Максимин, сделался императором по избранию войска без определения сената. Все добрые действия свои он искажил злонамеренным преследованием христиан. Был он убит Пуппионом в Аквилейе и оставил государство Филиппу⁵²⁶.

Я же по той причине заимствовал все это из «Истории» Симмаха⁵²⁷ для своего произведеньица, чтобы показать, как племя⁵²⁸, о котором идет речь, достигло вершины римской власти.

Впрочем, дело требует, чтобы мы по порядку перешли к тому, от чего отклонились.

89 Племя это чудесным образом прославилось в той стране, где жило, т. е. на понтийском побережье скифской земли; оно без страха держало огромные пространства земель и столько морских заливов, столько течений рек! Под его десницей нередко лежал [распростертый] вандал, принуждаем был к дани маркоманн⁵²⁹, обращены были в рабство вожди квадов⁵³⁰.

Когда римлянами правил вышесказанный Филипп, единственный бывший до Константина христианином, вместе с сыном своим, также Филиппом⁵³¹, то во второй год его правления Риму исполнился тысячный год⁵³². Готы же, после того как была у них отнята их стипендия, что случалось обычно, переносили это с неудовольствием и из друзей стали врагами. Они, хотя и жили в отдалении под управлением своих королей, были федератами⁵³³ римского государства и получали ежегодное вознаграждение. Что же дальше? Острогота 90 со своим племенем перешел Данубий и опустошил Мезию и Фракию⁵³⁴. К нему, восставшему, был направлен Филиппом сенатор Деций. Когда он прибыл и ничего не смог поделать с готами, он отпустил своих воинов с военной службы и заставил их вести частную жизнь, как бы за то, что по их небрежности готы перешли Данубий, т. е. он перенес вину на своих и вернулся к Филиппу. Воины же, видя, что после таких трудов они изгнаны с военной службы, возмущенные прибегли к помощи Остроготы, короля готов. 91 Тот принял их и, зажегшись их речами, вскоре вывел, — чтобы начать войну, — триста тысяч своих вооруженных людей, имея при этом помощь со стороны многочисленных

525

526

527

528

529

530

531

532

533

534

тайфалов⁵³⁵ и астрингов⁵³⁶; было также и три тысячи карпов⁵³⁷; это чрезвычайно опытные в войне люди, которые часто бывали враждебны римлянам. Впоследствии, в правление Диоклетиана и Максимиана⁵³⁸, их победил и подчинил римскому государству цезарь Галерий Максимин⁵³⁹. Присоединив к ним [к карпам] готов и певкинов с острова Певки⁵⁴⁰, который лежит при устьях Данубия, впадающего в Понт, он [Острогота] поставил вождями во главе [всех этих племен] Аргаита и Гунтериха⁵⁴¹, знатнейших людей их [готов] племени.

92 Вскоре они перешли вброд Данубий, вновь опустошили Мезию и подступили к главному городу той страны, славному Маркианополю⁵⁴². 93 Они долго его осаждали, но, получив выкуп от осажденных, отошли. Назвав Маркианополь, следует кратко сообщить об его положении. Город этот построил император Траян по следующему, как рассказывают, поводу: служанка сестры его Маркии умывалась в той реке, воды которой отличаются необычайной прозрачностью и вкусом и которая, под именем Потама⁵⁴³, рождается посреди города. Когда служанка хотела затем зачерпнуть воды, то принесенный ею золотой сосуд случайно упал в глубину, но, хотя и отяжеленный весом металла, спустя длительное время вынырнул со дна. Конечно, необыкновенно и то, что поглощается пустое, и то, что благодаря выталкиванию волн всплывает раз уже поглощенное. С удивлением обнаружив это, Траян поверил, что в источнике том пребывали какие-то божества, и, заложив город, назвал его по имени сестры своей Маркианополем.

94 Итак, после длительной осады, как мы уже сказали, и получив выкуп, отступил обогащенный гет [от этого города] в свои земли. Заметив, что он сразу повсюду побеждает и обогащается добычей, племя гепидов⁵⁴⁴, побуждаемое завистью, двинулось с оружием на родичей. Если же ты спросишь, каким образом геты и гепиды являются родичами, я разрешу [недоумение] в коротких словах. Ты должен помнить, что вначале я рассказал⁵⁴⁵, как готы вышли из недр Скандзы 95 со своим королем Берихом, вытащив всего только три корабля на берег по эту сторону океана⁵⁴⁶, т. е. в Готискандзу. Из всех этих трех кораблей один, как бывает, пристал позднее других и, говорят, дал имя всему племени, потому что на их [готов]

535

536

537

538

539

540

541

542

543

544

545

546

языке «ленивый» говорится «geranta». Отсюда и получилось, что, понемногу и [постепенно] искажаясь, родилось из хулы имя гепидов. Без сомнения, они родом из готов и оттуда ведут свое происхождение; однако, так как «geranta» означает, как я сказал, нечто «ленивое» и «отсталое», то имя гепидов родилось, таким образом, из случайно слетевшего с языка 96 попрека; тем не менее я не считаю его чересчур неподходящим: они как раз отличаются медлительным умом и тяжелыми движениями своего тела.

Эти самые гепиды прониклись завистью, пока жили в области Спезис⁵⁴⁷, на острове, окруженном отмелями реки Висклы, который они на родном языке называли Гепедойос⁵⁴⁸. Теперь, говорят, этот остров населяет племя вивидариев, тогда как они [гепиды] перешли на лучшие земли. Известно, что эти вивидарии собрались из разных родов как бы в одно убежище и образовали [отдельное] племя⁵⁴⁹.

97 Итак, как мы уже сказали, король гепидов Фастидя поднял свое неповоротливое племя и расширил оружием пределы своей области. Он разорил бургундзонов почти до полного истребления⁵⁵⁰ и покорил многочисленные другие племена. Затем, злобно вызвав готов, он дерзким сражением прежде всего нарушил союз кровного родства, высоко возомнив о себе в горделивой надменности; и начал он прибавлять земель своему умножающемуся племени и разрешил обитателей родных 98 мест. Он-то и послал послов к Остроготам⁵⁵¹, власти которого тогда подлежали как остроготы, так и везеготы, т. е. обе ветви одного племени⁵⁵². [Он послал послов], чтобы выискали они его, засевшего в горах, охваченного дикостью и чащей лесов, и требовали одного из двух: чтобы тот готовил ему либо войну, либо просторы своих земель.

99 Тогда Острогота, король готов, будучи тверд духом, ответил послам, что подобная война ужасает его и что жестоко и вообще преступно оружием спорить с родичами, но что земли он не отдаст. Что же больше? Гепиды ринулись в битву, а против них, дабы не показать себя слабейшим, двинул и Острогота свое войско. Они сходятся у города Гальтис⁵⁵³, около которого протекает река Ауха⁵⁵⁴, и там бьются с большой доблестью с обеих сторон, потому что их бросило друг на друга подобие и в оружии и в умении сражаться. Однако более справедливое дело и быстрота соображения помогли 100 готам. С наступлением ночи, когда гепиды ослабели, сражение было прервано. Тогда, бросив

547

548

549

550

551

552

553

избиение своих же, Фастиды, король гепидов, отправился на родину настолько же униженный постыдными укорами, насколько возвышен был ранее надменностью. Победителями возвращаются готы, довольные отступлением гепидов.

Они счастливо и мирно жили в своей стране до тех пор, пока жив был вышеупомянутый их Острогота.

101 После его смерти Книва⁵⁵⁵, разделив войско⁵⁵⁶ на две части, многих направил на опустошение Мезии, зная, что и императоры ею пренебрегают, и защитников она лишена; сам же он с 70 тысячами пошел к Евсции, иначе – к Новам⁵⁵⁷.

Оттесненный оттуда военачальником Галлом⁵⁵⁸, Книва подошел к Никополю⁵⁵⁹, замечательному [городу], лежащему близ реки Ятра⁵⁶⁰. Этот город построил Траян⁵⁶¹ после победы над сарматами, дав ему имя города Победы. Когда там вдруг появился император Деций⁵⁶², то Книва отошел, наконец, в области Гема⁵⁶³, которые были неподалеку; 102 оттуда, построив свои войска, он поспешил к Филиппополю⁵⁶⁴. Узнав об его отступлении, император Деций перевалил через горный хребет Гема и, чтобы оказать помощь тому городу, подошел к Берое⁵⁶⁵.

Пока он расположил на отдых утомленных лошадей и войско, обрушился на него, как молния, Книва со своими готами и, уничтожив римское войско, погнал императора с немногими [спутниками], пытавшимися бежать обратно через Альпы⁵⁶⁶ в Мизию, к Евсции, где военачальник Галл стоял тогда с большим отрядом на границах. Собрав войско как отсюда, так и [с реки] Уска⁵⁶⁷, Галл стал готовиться к предстоящей войне.

103 Книва же после долгой осады ворвался в Филиппополь и, завладев добычей, заключил союз с бывшим там военачальником Приском будто бы для борьбы с Децием. Вступив в сражение, [готы] пронзают стрелой сына Деция, жестоко ранив его насмерть. Увидев это, отец, как рассказывают, произнес для укрепления духа воинов: «Пусть никто не печалится; потеря одного воина не есть ущерб для государства». Однако, не будучи в

554

555

556

557

558

559

560

561

562

563

564

565

566

состоянии перенести горе отца, он нападает на врагов, ища либо смерти, либо отмщения. Под Абритом⁵⁶⁸, городом в Мезии, он был окружен готами и убит, достигнув, таким образом, конца своего правления и предела жизни. Это место до сих пор называется «Алтарем Деция», потому что здесь перед битвой он совершил пышные жертвоприношения идолам.

104 После кончины Деция римским государством овладели Галл и Волузиан⁵⁶⁹. Тогда заразный мор, подобный тому бедствию, которое испытали и мы девять лет назад⁵⁷⁰, обезобразил лицо всего [земного] круга; особенно он опустошил Александрию и другие города по всему Египту. Историк Дионисий⁵⁷¹ до слез жалостно повествовал об этом несчастье, которое описал и наш почитаемый Христов мученик и епископ Киприан⁵⁷² в книге под заглавием «О смертности».

105 Тогда-то некий Эмилиан⁵⁷³, из-за того что по причине небрежения императоров готы нередко разоряли Мизию, усмотрел, что возможно отнять ее без большого убытка для государства, а также сообразил, что тут-то и может случиться ему удача. Поэтому он захватил тираническую власть в Мезии и, перетянув к себе все военные отряды, начал разорять города и население. В течение немногих месяцев, пока вырастало нужное для борьбы с ним множество военного снаряжения, он причинил государству немалый вред. Однако, пустившись на это 106 нечестивое дело, он в самом начале его и погиб, потеряв и жизнь, и власть, которой так домогался.

Вышеупомянутые же императоры Галл и Волузиан, хотя и пробыли у власти всего какие-нибудь два года, после чего покинули сей мир, тем не менее за это двухлетие, что они здесь находились, повсюду водворили мир, повсюду правили милостиво. Одно только ставилось в упрек их фортуне, а именно – всеобщий мор, но и то лишь со стороны непонимающих и клеветников, привыкших рвать злобным клыком чужую жизнь.

Эти императоры, лишь только достигли власти, заключили союз с готским племенем. Спустя недолгое время, после того как пали оба правителя, Галлиен захватил принципат⁵⁷⁴.

107 Дав волю своему буйству, Респа, Ведук и Тарвар, предводители готов, взяли корабли и, переправившись через пролив Геллеспонтский⁵⁷⁵, перешли в Азию⁵⁷⁶; в этой

567

568

569

570

571

572

573

574

575

провинции они разграбили много городов, а в Эфесе⁵⁷⁷ сожгли славнейший храм Дианы, который, как мы раньше уже рассказали, был основан амазонками⁵⁷⁸. Перейдя в область Вифинии, они разрушили Халкедон⁵⁷⁹; впоследствии частично восстановленный Корнелием Абитом⁵⁸⁰; и до сегодня⁵⁸¹, несмотря на то, что Халкедон имеет счастье быть в соседстве со столицей, он тем не менее сохраняет некоторые знаки своего разрушения как указание потомству.

108 При такой удаче готы, вторгшиеся в области Азии, забрав добычу и награбленное, снова переплывают Геллеспонтский пролив; по пути они разоряют Трою⁵⁸² и Илион, которые, едва успев лишь немного восстановиться после Агамемноновой войны⁵⁸³, снова оказались разрушенными вражеским мечом.

После такого разорения Азии испытала их зверство Фракия. Там они приблизились и подступили к городу Анхиалу⁵⁸⁴, у подножия горы Эма, близ моря. Этот город некогда поставил между морским¹⁰⁹ побережьем и подножием Эма Сарданафал, царь парфянский.

Рассказывают, что [готы] оставались там много дней, восхищенные банями на горячих водах, расположенными на двенадцатой миле⁵⁸⁵ от города Анхиала, где из глубины пробиваются огненные источники; среди всех остальных неисчислимых в мире мест с [горячими] термами это, несомненно, главные и наиболее действенные для здоровья страждущих.

110 Оттуда вернулись они в свои места, а затем были отправлены императором Максимианом⁵⁸⁶ в помощь римлянам против парфян; посланные туда как вспомогательные отряды, они соблюдали верность в сражениях. Но, после того как цезарь Максимин⁵⁸⁷ с их помощью обратил в бегство царя персидского Нарсея⁵⁸⁸, внука великого Сапора, и захватил все его богатства, а также жен и сыновей, Диоклетиан⁵⁸⁹ же одолел Ахилла в Александрии, а

576
577
578
579
580
581
582
583
584
585
586
587
588
589

Максимиан Геркулий уничтожил 111 в Африке квинквентинианов⁵⁹⁰— в государстве был достигнут мир, и готами начали как бы пренебрегать. А было время, когда без них римское войско с трудом сражалось с любыми племенами.

Часто бывало, что их так и приглашали: например, при Константине их позвали, и они подняли оружие против его родственника Лициния⁵⁹¹; победив, они заперли его в Фессалонике и, лишенного власти, пронзили мечом от имени Константина-победителя. Помощь 112 готов была использована и для того, чтобы [Константин] смог основать знаменитейший в честь своего имени город, который был бы соперником Риму: они заключили с императором союз и привели ему для борьбы против разных племен 40 тысяч своих [воинов]. До настоящего времени в империи остается их войско; зовутся же они и до сего дня федератами. Так они прославились в империи при своих королях Ариарихе и Аорихе⁵⁹². После их кончины преемником их в королевстве стал Геберих, отличавшийся доблестью и благородством.

113 Он родился от отца Хильдерита, деда Овиды, прадеда Нидады и блеск своих деяний приравнял к славе своего рода⁵⁹³. В начале своего правления, стремясь расшириться в сторону [земель] племени вандалов, Геберих [пошел] против их короля Визимара. Последний происходил из поколения Астингов⁵⁹⁴, отличного среди них [вандалов] и показывающего себя как воинственнейший род. Так говорит историк Девксипп⁵⁹⁵, свидетельствующий и о том, что они [вандалы] всего на протяжении одного года пришли от океана к нашим границам, несмотря на огромную протяженность [промежуточных] земель.

114 В то время они жили на том месте, где теперь сидят гепиды, по рекам Маризии, Милиаре, Гильпиль и Гризии⁵⁹⁶(последняя превосходит все названные выше). С востока [от вандалов] жили тогда готы, с запада маркоман, с севера гермундол, с юга находился Истр, который называется также Данубием⁵⁹⁷. Когда здесь жили вандалы, то Геберих, король готов, начал с ними войну на берегу вышесказанной реки Маризии; недолго сражались они с равным успехом, но скоро король вандалов Визимар с большей частью своего племени был уничтожен. 115 Геберих же, выдающийся вождь готов, после одоления вандалов и захвата добычи вернулся в свои места, откуда вышел. Тогда небольшая кучка вандалов, которые

590

591

592

593

594

595

596

597

бежали, собрали отряд своих небоеспособных [соплеменников] и покинули несчастливую страну; у императора Константина⁵⁹⁸ они испросили для себя Паннонию и, устроив там селения, служили как местные жители по императорским декретам в течение приблизительно 60 лет. Спустя уже много времени приглашенные Стилихоном, магистром армии⁵⁹⁹, экс-консулом и патрицием, они заняли Галлии⁶⁰⁰, где, ограбив соседние [племена], тем не менее все так же не имели определенных мест для жизни.

116 После того как король готов Геберих отошел от дел человеческих, через некоторое время наследовал королевство Германарих⁶⁰¹, благороднейший из Амалов, который покорил много весьма воинственных северных племен и заставил их повиноваться своим законам. Немало древних писателей⁶⁰² сравнивали его по достоинству с Александром Великим. Покорил же он племена: гольтескифов, тиудов, инаунксов, васинабронков, меренс, морденс, имнискаров, рогов, тадзанс, атаул, 117 навего, бубегенов, колдов⁶⁰³.

Славный подчинением столь многих [племен], он не потерпел, чтобы предводительствуемое Аларихом⁶⁰⁴ племя герулов, в большей части перебитое, не подчинилось – в остальной своей части – его власти.

По сообщению историка Аблавия⁶⁰⁵, вышеуказанное племя жило близ Мэотийского болота, в топких местах, которое греки называют «ele»⁶⁰⁶, и потому и именовалось элурами.

118 Племя это очень подвижно⁶⁰⁷ и – еще более – необыкновенно высокомерно. Не было тогда ни одного [другого] племени, которое не подбирало бы из них легковооруженных воинов⁶⁰⁸. Хотя быстрота их часто позволяла им ускользать в сражении от иных противников, однако и она уступила твердости и размеренности готов⁶⁰⁹: по воле судьбы они [элуры] также, наряду с остальными племенами, покорились королю готов⁶¹⁰ Германариху.

119 После поражения герулов Германарих двинул войско против венетов, которые, хотя и были достойны презрения из-за [слабости их] оружия, были, однако, могущественны

598

599

600

601

602

603

604

605

606

607

608

609

610

благодаря своей многочисленности и пробовали сначала сопротивляться. Но ничего не стоит великое число негодных для войны, особенно в том случае, когда и бог попускает и множество вооруженных подступает. Эти [венеты], как мы уже рассказывали в начале нашего изложения, – именно при перечислении племен, – происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенов⁶¹¹. Хотя теперь, по грехам нашим, они свирепствуют повсеместно, но тогда все они подчинились власти Германариха⁶¹².

120 Умом своим и доблестью он подчинил себе также племя эстов, которые населяют отдаленнейшее побережье Германского океана. Он властвовал, таким образом, над всеми племенами Скифии и Германии, как над собственностью⁶¹³.

121 Спустя немного времени, как передает Орозий, взъярилось на готов племя гуннов⁶¹⁴, самое страшное из всех своей дикостью. Из древних преданий мы узнаем, как они произошли⁶¹⁵.

Король готов Филимер, сын великого Гадариха, после выхода с острова Скандзы, пятым по порядку держал власть над гетами и, как мы рассказали выше, вступил в скифские земли. Он обнаружил среди своего племени несколько женщин-колдуний, которых он сам на родном языке * [* Patrio sermone.] называл галиуруннами⁶¹⁶. Сочтя их подозрительными, он прогнал их далеко от своего войска и, обратив их таким 122 образом в бегство, принудил блуждать в пустыне. Когда их, бродящих по бесплодным пространствам, увидели нечистые духи, то в их объятиях соитием смешались с ними и произвели то свирепейшее племя, которое жило сначала среди болот, – малорослое, отвратительное и сухопарое, понятное как некий род людей только лишь в том смысле, что обнаруживало подобие человеческой речи.

Вот эти-то гунны, созданные от такого корня, и подступили к 123 границам готов. Этот свирепый род, как сообщает историк Приск⁶¹⁷, расселившись на дальнем берегу⁶¹⁸ Мэотийского озера, не знал никакого другого дела, кроме охоты, если не считать того, что он, увеличившись до размеров племени⁶¹⁹, стал тревожить покой соседних племен коварством и грабежами.

Охотники из этого племени, выискивая однажды, как обычно, дичь на берегу

611

612

613

614

615

616

617

618

внутренней⁶²⁰ Мэотида, заметили, что вдруг перед 124 ними появился олень⁶²¹, вошел в озеро и, то ступая вперед, то приостанавливаясь, представлялся указующим путь. Последовав за ним, охотники пешим ходом перешли Мэотийское озеро, которое [до тех пор] считали непроходимым, как море. Лишь только перед ними, ничего не ведающими, показалась скифская земля, олень исчез⁶²². 125 Я полагаю, что сделали это, из-за ненависти к скифам, те самые духи, от которых гунны ведут свое происхождение.

Вовсе не зная, что, кроме Мэотиды, существует еще другой мир, и приведенные в восхищение скифской землей, они, будучи догадливыми, решили, что путь этот, никогда ранее неведомый, показан им божественным [соизволением]. Они возвращаются к своим, сообщают им о случившемся, расхваливают Скифию и убеждают все племя отправиться туда по пути, который они узнали, следуя указанию оленя.

Всех скифов, забранных еще при вступлении, они принесли в жертву победе, а остальных, покоренных, подчинили себе. Лишь только они 126 перешли громадное озеро, то – подобные некоему урагану племен – захватили там алпидзуров, алцилдзуров, итимаров, тункарсов и боисков⁶²³, сидевших на побережье этой самой Скифии. Аланов⁶²⁴, хотя и равных им в бою, но отличных от них [общей] человечностью, образом жизни и наружным видом, они также подчинили себе, обессилив частыми 127 стычками. Может быть, они побеждали их не столько войной, сколько внушая величайший ужас своим страшным видом; они обращали их [аланов] в бегство, потому что их [гуннов] образ пугал своей чернотой, походя не на лицо, а, если можно так сказать, на безобразный комок с дырами вместо глаз. Их свирепая наружность выдает жестокость их духа: они зверствуют даже над потомством своим с первого дня рождения. Детям мужского пола они рассекают щеки железом, чтобы, раньше чем воспринять питание молоком, попробовали они испытание 128 раной. Поэтому они стареют безбородыми, а в юности лишены красоты, так как лицо, изборожденное железом, из-за рубцов теряет своевременное украшение волосами.

Ростом они невелики, но быстры проворством своих движений и чрезвычайно склонны к верховой езде; они широки в плечах, ловки в стрельбе из лука и всегда горделиво выпрямлены благодаря крепости шеи. При человеческом обличье живут они в звериной дикости.

129 Когда геты увидели этот воинствующий род – преследователя множества племен,

619

620

621

622

623

624

они испугались и стали рассуждать со своим королем, как бы уйти от такого врага. Германарих, король готов, хотя, как мы сообщили выше, и был победителем многих племен, призадумался, однако, с приходом гуннов.

Вероломному же племени росомонов⁶²⁵, которое в те времена служило ему в числе других племен, подвернулся тут случай повредить ему. Одну женщину из вышеназванного племени [росомонов], по имени Сунильду, за изменнический уход [от короля], ее мужа, король [Германарих], движимый гневом, приказал разорвать на части, привязав ее к диким коням и пустив их вскачь. Братья же ее, Сар и Аммий, мстя за смерть сестры, поразили его в бок мечом. Мучимый ¹³⁰ этой раной, король влачил жизнь больного. Узнав о несчастном его недуге, Баламбер⁶²⁶, король гуннов, двинулся войной на ту часть [готов, которую составляли] остроготы; от них везеготы, следуя какому-то своему намерению, уже отделились⁶²⁷. Между тем Германарих, престарелый и одряхлевший, страдал от раны и, не перенеся гуннских набегов, скончался на сто десятом году жизни⁶²⁸. Смерть его дала гуннам возможность осилить тех готов, которые, как мы говорили, сидели на восточной стороне и назывались остроготами.

¹³¹ Везеготы же, т. е. другие их сотоварищи⁶²⁹, обитавшие в западной области, напуганные страхом своих родичей, колебались, на что им решиться в отношении племени гуннов; они долго размышляли и наконец, по общему согласию, направили послов в Романию к императору Валенту⁶³⁰, брату императора Валентиниана старшего⁶³¹, с тем чтобы подчиниться его законам и жить под его владычеством, если он передаст им для поселения область Фракии или Мезии. Кроме того, чтобы больше было им веры, они обещают стать христианами⁶³², ¹³² если только будут им даны наставники, учащие на их языке. Получив такое известие, Валент тотчас же с радостью согласился на это, так как и сам, помимо всего, собирался просить о том же. Приняв гетов⁶³³ в Мезию, он поставил как бы стену⁶³⁴ государству своему против остальных [варварских] племен⁶³⁵. А так как

625

626

627

628

629

630

631

632

633

634

635

император Валент, увлеченный арианским лжеучением, закрыл все церкви нашего толка⁶³⁶, то и послал к ним проповедниками сочувствующих своему направлению⁶³⁷; они прийдя туда, стали вливать [в души] этих грубых и невежественных людей яд своего лжеучения. Так вот везеготы 133 благодаря императору Валенту сделались арианами, а не христианами. В дальнейшем они, движимые доброжелательством, просвещали как остроготов, так и гепидов, своих родичей, уча их преклоняться перед этим лжеучением; таким образом, они склонили все племена своего языка к признанию этой секты⁶³⁸. Сами же [везеготы], как уже сказано, перешли Данубий и осели, с разрешения императора, в Дакии Прибрежной, в Мезии и в обеих Фракиях⁶³⁹.

134 Их постигли, – как это бывает с народом, когда он еще непрочно обосновался на месте, – оскудение и голод; тогда приматы их и вожди, которые возглавляли их вместо королей – а именно Фритигерн⁶⁴⁰, Алатей и Сафрак⁶⁴¹, сострадая нуждам войска, попросили римских полководцев Лупицина⁶⁴² и Максима открыть торжище. И действительно, на что только не принудит пойти «проклятая золотая жажда»⁶⁴³? Военачальники, побуждаемые алчностью, пустились продавать не только мясо, баранье или бычье, но даже дохлятину – собачью и других нечистых животных, причем по высокой цене; дело 135 дошло до того, что любого раба продавали за один хлеб или за десять фунтов говядины. Когда же ни рабов, ни утвари не стало, жадный купец, побежденный [чужой] нуждой⁶⁴⁴, потребовал их сыновей. Видя в этом спасение своих детей, родители поступают, следуя рассуждению, что легче потерять свободу, чем жизнь: ведь милосерднее быть продану, но питаему в будущем, чем оставаться у своих, но умереть.

Случилось в то бедственное время, что Лупицин, как римский военачальник, пригласил готского князья⁶⁴⁵ Фритигерна на пир, сам же 136 замыслил против него коварный обман. Фритигерн, не подозревая об обмане, пришел на пиршество с небольшой дружиной и, когда угощался в помещении претория, услышал крик несчастных умерщвляемых: солдаты военачальника по приказу последнего пытались перебить его товарищей, запертых в другой части [здания]; однако резко раздавшийся голос погибающих отозвался в настороженных

636

637

638

639

640

641

642

643

644

645

ушах Фритигерна; поняв и открыв обман, он обнажил меч, покинул пир, с великой отвагой и стремительностью избавил своих соратников от угрожавшей им смерти и воодушевил их на избиение римлян. 137 Воспользовавшись случаем, эти храбрецы предпочли лучше погибнуть в сражении, чем от голода, и вот тотчас же поднимают они оружие, чтобы убить Лупицина и Максима. Этот самый день унес с собой как голод готов, так и безопасность римлян⁶⁴⁶. И начали тогда готы, уже не как пришельцы и чужаки, но как [римские] граждане и господа повелевать землевладельцами⁶⁴⁷ и держать в своей власти все северные области⁶⁴⁸ вплоть до Данубия.

138 Узнав об этом в Антиохии, император Валент немедленно вооружил войско и выступил в области Фракии. После того как там произошла плачевная битва⁶⁴⁹, причем победили готы, римский император бежал в какое-то поместье около Адрианополя; готы же, не зная, что он скрывается в жалком домишке, подложили [под него] огонь, как это обычно для озверевшего врага, и император был сожжен с царственным великолепием. Едва ли не по божьему, поистине, суду случилось так, что спален он был огнем теми самыми людьми, коих он, когда просили они истинной веры, склонил в лжеучение и огонь любви извратил в геенну огненную⁶⁵⁰.

С того времени везеготы после столь великой и славной победы расселились в обеих Фракиях и в Дакии Прибрежной, владея ими, как родной землей.

139 После того как Феодосий⁶⁵¹, родом из Испании, был избран императором Грацианом⁶⁵² и поставлен⁶⁵³ в восточном принципате вместо Валента, дяди своего по отцу, военное обучение пришло вскоре в лучшее состояние, а косность и праздность были исключены. Почувствовав это, гот устранился, ибо император, вообще отличавшийся острым умом и славный доблестью и здравомыслием, призывал к 140 твердости расслабленное войско как строгостью приказов, так и щедростью и лаской. И действительно, там, где воины обрели веру в себя, – после того как император сменился на лучшего, – они пробуют нападать на готов и вытесняют их из пределов Фракии. Но тогда же император Феодосий заболел, и состояние его было почти безнадежно. Это вновь придало готам дерзости, и, разделив войско, 141 Фритигерн отправился грабить Фессалию, Эпиры⁶⁵⁴ и

646

647

648

649

650

651

652

653

654

Ахайю⁶⁵⁵, Алатей же и Сафрак с остальными полчищами устремились в Паннонию. Когда император Грациан, – который в то время по причине нашествия вандалов⁶⁵⁶ отошел из Рима в Галлию, – узнал, что в связи с роковым и безнадежным недугом Феодосия готы усилили свою свирепость, то немедленно, собрав войско, явился туда; однако он добился с ними мира и заключил союз, полагаясь не на оружие, но намереваясь победить их милостью и дарами и предоставить им продовольствие.

142 Когда в дальнейшем император Феодосий выздоровел и узнал, что император Грациан установил союз между готами и римлянами, – чего он и сам желал, – он воспринял это с радостью и со своей стороны согласился на этот мир; короля Атанариха, который тогда наследовал Фритигерну, он привлек к себе поднесением ему даров и 143 пригласил его со свойственной ему приветливостью нрава побывать у него в Константинополе. Тот охотно согласился и, войдя в столицу, воскликнул в удивлении: «Ну, вот я и вижу то, о чем часто слыхивал с недоверием!» – разумея под этим славу великого города. И, бросая взоры туда и сюда, он глядел и дивился то местоположению города, то вереницам кораблей, то знаменитым стенам. Когда же он увидел толпы различных народов, подобные пробивающимся со всех сторон волнам, объединенным в общий поток, или выстроившиеся ряды воинов, то он произнес: «Император – это, несомненно, земной бог, 144 и всякий, кто поднимет на него руку, будет сам виноват в пролитии своей же крови». Был он, таким образом, в превеликом восхищении, а император возвеличил его еще б?льшими почестями, как вдруг, по прошествии немногих месяцев, он переселился с этого света⁶⁵⁷. Мертвого, император почтил его милостью своего благоволения чуть ли не больше, чем живого: он предал его достойному погребению, причем 145 сам на похоронах шел перед носилками⁶⁵⁸.

После смерти Атанариха все его войско⁶⁵⁹ осталось на службе у императора Феодосия, предавшись Римской империи и слившись как бы в одно тело с римским войском; таким образом было возобновлено то ополчение федератов, которое некогда было учреждено при императоре Константине, и эти самые [готы] стали называться федератами⁶⁶⁰. Это из них-то император, понимая, что они ему верны и дружелюбны, повел более двадцати тысяч воинов против тирана Евгения, который убил Грациана⁶⁶¹ и занял Галлии; одержав над

655

656

657

658

659

660

661

вышесказанным тираном победу, император совершил отмщение.

146 После того как Феодосий, поклонник мира и друг рода готов, ушел от дел человеческих, сыновья его⁶⁶², проводя жизнь в роскоши, принялись губить оба государства, а вспомогательным войскам [т. е. [готам] отменять обычные дары; вскоре у готов появилось к ним презрение, и они, опасаясь, как бы от длительного мира не ослабела их сила, избрали себе королем Алариха⁶⁶³; он отличался чудесным происхождением из рода Балтов, второго по благородству после Амалов; род этот некогда благодаря отваге и доблести получил среди своих имя Балты, т. е. отважного.

147 Вскоре, когда вышеназванный Аларих поставлен был королем, и, держа совет со своими, убедил их, что лучше собственным трудом добыть себе царство, чем сидя в бездействии подчиняться [царствам] чужим. И, подняв войско, через Паннонию – в консульство Стилихона и Аврелиана⁶⁶⁴– и через Сирмий⁶⁶⁵, правой стороной⁶⁶⁶ вошел он в Италию, которая казалась опустошенной от мужей⁶⁶⁷: никто ему 148 не сопротивлялся, и он подошел к мосту Кандидиана⁶⁶⁸, который отстоял на три милиария⁶⁶⁹ от столицы Равенны.

Этот город открыт всего только одному подступу, находясь между болотами, морем и течением реки Пада⁶⁷⁰; некогда землевладельцы [в окрестностях] города, как передают старшие писатели, назывались ???????, что значит хвалы достойные⁶⁷¹. Равенна лежит в лоне римского государства над Ионийским морем и наподобие острова заключена в разливе текущих вод⁶⁷². 149 На восток от нее – море; если плыть по нему прямым путем из Коркиры⁶⁷³ и Эллады, то по правую сторону будут сначала Эпиры, затем Далмация, Либурния и Истрия⁶⁷⁴, и так весло донесет, касаясь [все время берега], до Венетий⁶⁷⁵. На запад [от Равенны] лежат болота, на которых, как ворота, остается единственный крайне узкий вход. С северной стороны находится тот 150 рукав реки Пада, который именуется

662

663

664

665

666

667

668

669

670

671

672

673

674

675

Рвом Аскона⁶⁷⁶. С юга же⁶⁷⁷ – сам Пад, величаемый царем рек италийской земли, по прозванию Эридан⁶⁷⁸; он был отведен императором Августом посредством широчайшего рва, так что седьмая часть потока проходила через середину брода, образуя у своего устья удобный порт, способный, как некогда полагали, принять для безопаснейшей стоянки флот из двухсот пятидесяти кораблей, по сообщению Диона⁶⁷⁹. Теперь же, как говорит 151 Фавий⁶⁸⁰, то, что когда-то было портом, представляется обширнейшим садом, полным деревьев, на которых, правда, висят не паруса, а плоды⁶⁸¹. Город этот славится тремя именами и наслаждается трояким расположением, а именно: первое из имен – Равенна, последнее – Классис, среднее – Цезарея между городом и морем; эта часть изобилует мягким [грунтом] и мелким песком, пригодным для конских ристаний.

152 Итак, когда войско везегов приблизилось к окрестностям Равенны, то послало к императору Гонорию, который сидел внутри города, посольство: если он позволил бы готам мирно поселиться в Италии, они жили бы с римским народом так, что можно было бы поверить, что оба народа составляют одно целое; если же нет, то надо решить дело войной, – кто кого в силах изгнать, – и тогда победитель пусть и повелевает, уверенный [в своей силе]. Но император Гонорий опасался и того, и другого предложения; созвав на совет свой сенат, он раздумывал, как бы 153 изгнать готов из пределов Италии. И пришло ему, наконец, в голову такое решение: пусть Аларих вместе со своим племенем, если сможет, отберет и возьмет в полную собственность далеколежащие провинции, т. е. Галлии и Испании⁶⁸², которые император почти потерял, так как их разорило нашествие короля вандалов Гизериха⁶⁸³. Готы соглашались исполнить это постановление⁶⁸⁴ и принять дар, подтвержденный 154 священным прорицанием, и отправляются в переданную им землю. После их ухода, – а они не причинили в Италии никакого вреда, – патриций Стилихон⁶⁸⁵, зять императора Гонория (потому что император взял в замужество обеих его дочерей, Марию и Термантию, одну за другой, но бог призвал к себе их обеих сохранившими девственность и чистоту); так вот этот Стилихон тайно подошел к Полентии⁶⁸⁶, городу в

676

677

678

679

680

681

682

683

684

685

686

Коттийских Альпах⁶⁸⁷, – готы же не подозревали ничего дурного, – 155 и, на погибель всей Италии и бесчестье себе, бросился в бой. Внезапно завидев его, готы сначала ужаснулись, но вскоре собрались с духом и, по своему обычаю возбудив себя ободряющими кликами, обратили чуть ли не все войско Стилихона в бегство и, отбросив его, уничтожили полностью; затем, разъяренные, они меняют предпринятый путь и возвращаются в Лигурию⁶⁸⁸, по которой только что прошли. Захватив там награбленную добычу, они также опустошают Эмилию⁶⁸⁹ и земли по Фламиниевой дороге⁶⁹⁰ между Пиценом⁶⁹¹ и Тусцией⁶⁹²; они хватают как добычу все, что попадает по обеим ее сторонам, и в 156 набегах доходят вплоть до Рима. Наконец, вступив в Рим⁶⁹³, они, по приказу Алариха, только грабят, но не поджигают, как в обычае у варваров, и вовсе не допускают совершать какое-либо надругательство над святыми местами. Выйдя из Рима, они двинулись по Кампании⁶⁹⁴ и Лукании⁶⁹⁵, нанося тот же ущерб, и достигли Бриттиев⁶⁹⁶. Там они осели надолго и предполагали идти на Сицилию, а оттуда в африканские земли.

Ведь область Бриттиев лежит на крайнем конце Италии, расположенная в южной ее части; ее выступ составляет начало Апеннинских гор; вытянутая наподобие языка, она отделяет Адриатическое море⁶⁹⁷ от Тирренского; название свое она получила некогда от имени царицы Бриттии⁶⁹⁸.

157 Итак, туда-то и пришел Аларих, король везегов, с богатствами целой Италии, захваченными как добыча, и оттуда, как было сказано, предполагал через Сицилию переправиться в спокойную страну Африку, но, так как не дозволено, чтобы кто-либо из людей располагал [судьбой своей] без ведома божия, страшная пучина морская поглотила несколько его кораблей, а многие разбросала. Пока Аларих, потрясенный этой неудачей, размышлял, что ему предпринять, он был внезапно застигнут преждевременной смертью и удалился от дел человеческих. 158 Готы оплакивали его по своей огромной любви к нему; они отвели из русла реку Бузент около города Консенции⁶⁹⁹, а река эта, ниспадая от

687

688

689

690

691

692

693

694

695

696

697

698

699

подножия горы, течет целебной струей как раз близ этого города; посередине русла этого потока они, собрав толпу пленных, вырыли место для погребения и туда, в лоно этой могилы, опустили Алариха со множеством сокровищ, а затем вернули воды обратно в их русло. Но, чтобы никто никогда не узнал того места, землекопы были все умерщвлены. Королевскую же власть над везеготами они передали Атаульфу⁷⁰⁰, кровному родичу Алариха, выдающемуся и внешностью, и умом, потому что он был похож на Алариха, если не высотой роста, то красотой тела и благообразием лица.

159 Атаульф, приняв власть, вернулся в Рим и, наподобие саранчи, сбрил там все, что еще оставалось, обобрав Италию не только в области частных состояний, но и государственных, так как император 160 Гонорий не мог ничему противостоять. Его сестру Плацидию⁷⁰¹, дочь императора Феодосия от второй жены, он увел из столицы пленницей⁷⁰². Однако, принимая во внимание благородство ее происхождения, внешнюю красоту и девственную чистоту, он сочетался с ней законным браком в Форуме Юлия, городе [провинции] Эмилии⁷⁰³, с той целью, чтобы варвары, узнав об этом союзе, сильнее боялись империи, как соединенной с готами⁷⁰⁴. Гонория же августа, хотя и истощенного силами, он, – полный расположения к нему, – не тронул, теперь уже как родственника, и двинулся к Галлиям⁷⁰⁵. Когда 161 он туда прибыл⁷⁰⁶, все соседние племена из страха стали придерживаться своих пределов; раньше же они, как франки, так и бургундионы, жесточайшим образом нападали на Галлии.

А вандалы и аланы, о которых мы рассказывали, как они, по разрешению римских императоров, осели в той и другой Паннониях⁷⁰⁷, рассудив, что там едва ли им будет безопасно из-за страха перед 162 готами, – если бы последние вернулись, – перешли в Галлии⁷⁰⁸.

Однако вскоре бежали они и из Галлий, которые незадолго до того заняли, и заперлись в Испаниях⁷⁰⁹; они до сих пор помнили, по рассказам своих предков, какое некогда бедствие причинил их народу король готов Геберих⁷¹⁰ и как он силою своею согнал их с 163

700

701

702

703

704

705

706

707

708

709

710

родной земли. По такой вот причине Галлии были открыты для прихода Атаульфа⁷¹¹.

Укрепив свою власть в Галлиях, гот начал сокращаться о положении в Испаниях, помышляя освободить их от набегов вандалов; он оставил свои сокровища с некоторыми верными людьми и с небоеспособным народом в Барцилоне⁷¹², затем проник во внутренние Испании, где сражался непрестанно с вандалами; на третий же год, после того как покорил и Галлии и Испании, он пал⁷¹³, пронзенный мечом Эвервульфа в живот, – того самого [Эвервульфа], над ростом которого он имел обыкновение насмехаться. После его смерти королем был поставлен Сегерих⁷¹⁴, но и он, умерщвленный из-за коварства своих же людей, еще скорее покинул как власть, так и жизнь.

164 Затем уже четвертым после Алариха королем был поставлен Валия⁷¹⁵, человек весьма строгий и благоразумный. Против него император Гонорий направил с войском Констанция⁷¹⁶, мужа сильного в военном искусстве и прославленного во многих битвах; император опасался, как бы Валия не нарушил союза, некогда заключенного с Атаульфом, и не затеял снова каких-либо козней против империи, изгнав соседние с нею племена; наряду с этим он хотел освободить сестру свою Плацидию от позора подчинения [варварам], условившись с Константином, что если 165 тот войной ли, миром ли или любым способом, как только сможет, вернет ее в его государство, то он отдаст ее ему в замужество. Констанций, торжествуя, отправляется в Испании со множеством воинов и почти с царской пышностью. С меньшим войском спешит ему навстречу, к теснинам Пиринея, и король готов Валия. Там от обеих сторон были снаряжены посольства, которые сошлись на таком договоре: Валия вернет Плацидию, сестру императора, и не будет отказывать римской империи в помощи, если в ней случится нужда.

В это время некий Константин⁷¹⁷, присвоив власть в Галлиях, сына своего Константа из монаха сделал цезарем. Однако он недолго держал захваченную власть, так как вскоре готы и римляне стали союзниками; сам он был убит в Арелате⁷¹⁸, а сын его – во Вьенне⁷¹⁹. Вслед за ними Иовин и Себастиан⁷²⁰ с той же дерзостью надеялись захватить власть, но погибли той же смертью,

711

712

713

714

715

716

717

718

719

720

166 В двенадцатый год⁷²¹правления Валии гунны были изгнаны римлянами и готами из Паннонии после почти пятидесятилетнего обладания ею⁷²².

Тогда же Валия, видя, как вандалы, примерно во время консульства Иерия и Ардавура⁷²³, с дерзкой смелостью выступив из внутренних частей Галлии⁷²⁴, куда некогда загнал их Атаульф⁷²⁵, пустились опустошать и грабить все кругом в пределах его владений, 167 т. е. на землях Испании, немедля двинул на них свое войско. Но Гизерих⁷²⁶, король вандалов, был уже призван в Африку Бонифацием⁷²⁷, который, будучи обижен императором Валентинианом, не мог иначе, как [подобным] злом, отомстить империи. Он склонил их своими упрашиваниями и перебросил через переправу в теснине, которая называется Гадитанским проливом⁷²⁸; он отделяет Африку от Испаний 168 едва семью милями⁷²⁹ и выводит устье Тирренского моря в бушующий океан.

Гизерих был весьма известен в Риме в связи с поражением, которое он нанес римлянам⁷³⁰; был он невысокого роста и хромым из-за падения с лошади, скрытный, немногоречивый, презиравший роскошь, бурный в гневе, жадный до богатства, крайне дальновидный, когда надо было возмутить племена, готовый сеять семена раздора и возбуждать ненависть. 169 Такой-то человек вошел, приглашенный, как мы сказали, уговорами Бонифация, в империю в Африке; там он долго правил, получив, как говорится, власть от бога. Перед кончиной⁷³¹призвал он ряд своих сыновей и приказал им, чтобы не было между, ними борьбы в домогательстве власти, но чтобы каждый по порядку и по степени своей, в случае если переживет другого, т. е. старейшего, чем он, становился наследником; а за ним шел бы следующий. Они соблюдали это на протяжении многих лет и в благоденствии владели королевством, не запятнав себя, как обычно бывало у других варварских племен, 170 междоусобной войной, потому что каждый, в свою очередь, один за другим принимал власть и правил народом в мире. Порядок же их наследования был таков: первый – Гизерих, отец и владыка, следующий – Гунерих, третий – Гунтамунд, четвертый – Тразамунд, пятый – Ильдери́х. Этого последнего, на беду собственному племени и позабыв

721

722

723

724

725

726

727

728

729

730

731

наставления прародителя, изгнал из королевства и убил Гелимер; 171 сам же, как тиран, преждевременно захватил власть. Но сделанное не прошло ему безнаказанно, потому что вскоре он испытал отмщение со стороны императора Юстиниана: вместе со всем своим родом и сокровищами, над которыми он, награвивши их, тряся, был он привезен в Константинополь Велезарием⁷³², мужем славнейшим, магистром армии на Востоке, ординарным экс-консулом и патрицием, и предстал в цирке великим для народа посмешищем; он испытал позднее раскаяние, когда узрел себя низвергнутым с 172 вершины королевского величия и, оказавшись вынужденным вести частную жизнь, к которой не желал привыкнуть, умер.

Так Африка, которая по делению земного круга описывается как третья часть мира, на сотый почти год вырванная из-под вандальского ига и освобожденная⁷³³, была вновь возвращена Римской империи. Некогда, при ленивых правителях и неверных полководцах, была она отторгнута варварской рукой от тела Римского государства, теперь же, при искусном государе и верном полководце, она возвращена и радуется этому поныне. Хотя немного спустя после того она и плакала, ослабленная внутренней войной и изменой мавров, однако победа императора Юстиниана, дарованная богом ей на пользу, довела до мира начатое дело. Но зачем говорить о том, чего не требует предмет [нашего рассказа]? Вернемся к основной теме.

173 Валия, король готов, до того свирепствовал со своими войсками против вандалов, что намеревался было преследовать их и в Африке⁷³⁴, если бы только не отвлек его тот же случай, который приключился некогда с Аларихом, когда тот направлялся в Африку⁷³⁵. Прославившийся в Испаниях, одержав там бескровную победу, он [Валия] возвращается в Толосу и оставляет Римской империи, после изгнания врагов, несколько ранее обещанных провинций. Много позднее его 174 постиг недуг, и он удалился от дел человеческих в то самое время, когда Беремуд, рожденный Торисмундом, – на него мы указывали выше⁷³⁶ в списке рода Амалов, – вместе с сыном Витирихом переселился в королевство везеготов, [уйдя] от остроготов, все еще подчиненных гуннскому игу в землях Скифии. Сознавая свою доблесть и благородство происхождения, он тем легче мог считать, что родичи передадут верховную власть ему, известному наследнику многих королей. Кто же, в самом деле, мог колебаться относительно Амала, если бы был волен избирать? Однако, он сам до известного времени не хотел обнаруживать, кто он такой. Готы же после смерти Валии 175 поставили

732

733

734

735

преемником ему Теодерида⁷³⁷. Придя к нему, Беремуд скрыл выгодным молчанием, с присущей ему великой уравновешенностью духа, блеск своего происхождения, зная, что царствующим всегда подозрительны рожденные от царского поколения. Итак, он претерпевал безвестность, чтобы не смущать установленного порядка. Вместе с сыном своим был он принят королем Теодоридом с высшими почестями, вплоть до того, что король не считал его чужим ни в совете, ни на пиру, и все это не из-за благородства происхождения, о чем он не знал, но по причине твердости духа и силы ума, чего тот не мог скрыть.

176 Что же дальше? По смерти Валии, – повторяем мы то, о чем уже сказали, – который был не слишком счастлив у галлов, ему наследовал Теодорид, гораздо более благополучный и счастливый. Он был человеком, исполненным высшей осторожности и умевшим использовать как душевные, так и телесные свои способности.

Во время консульства Феодосия и Феста⁷³⁸ римляне, нарушив 177 мир, пошли против него [Теодорида] войной в Галлию, присоединив к себе гуннские вспомогательные войска. Их тревожила [память об] отряде готов-федератов, который под предводительством Гайны⁷³⁹ ограбил Константинополь. Тогда военачальником был патриций Аэций⁷⁴⁰; он происходил из рода сильнейших мезийцев из города Доростора⁷⁴¹, отцом его был Гауденций⁷⁴². Выносливый в воинских трудах, особенно [удачно] родился он для Римской империи: ведь это он после громадных побоищ принудил заносчивое варварство свавов и франков служить ей. Римское войско двинуло против готов свои силы вместе с гуннскими вспомогательными отрядами под предводительством Литория. Долго стояли вытянутые ряды воинов обеих сторон: и те, и другие были сильны, и ни те, ни другие не оказались слабее [противника]; тогда, протянув друг другу десницу, они вернулись к прежнему соглашению, и после того, как был заключен союз и установлен обоюдный крепкий мир, войска разошлись.

В этом мирном договоре (участвовал) Атила⁷⁴³, повелитель всех 178 гуннов и правитель – единственный в мире – племен чуть ли не всей Скифии, достойный удивления по баснословной славе своей среди всех варваров. Историк Приск, отправленный к нему с посольством от Феодосия Младшего, рассказывает, между прочим, следующее:

736

737

738

739

740

741

742

743

переправившись через громадные реки, а именно через Тизию, Тибизию и Дрикку⁷⁴⁴, мы пришли к тому месту, где некогда погиб от сарматского коварства Видигойя⁷⁴⁵, храбрейший из готов; оттуда же неподалеку достигли селения, в котором стоял король Аттила; это селение, говорю я, было подобно обширнейшему городу; деревянные стены его, как мы заметили, были сделаны из блестящих досок, соединение между которыми было на вид так крепко, что едва-едва удавалось заметить – и то при старании – стык между ними. Видны 179 были и триклинии, протянувшиеся на значительное пространство, и портики, раскинутые во всей красоте. Площадь двора опоясывалась громадной оградой: ее величина сама свидетельствовала о дворце. Это и было жилище короля Аттилы, державшего [в своей власти] весь варварский мир; подобное обиталище предпочитал он завоеванным городам⁷⁴⁶.

180 Этот самый Аттила был рожден от Мундзука, которому приходились братьями Октар и Роас; как рассказывают, они держали власть до Аттилы, хотя и не над всеми теми землями, которыми владел он. После их смерти Аттила наследовал им в гуннском королевстве вместе с братом Бледою.

181 Чтобы перед походом, который он готовил, быть равным [противнику], он ищет приращения сил своих путем братоубийства и, таким образом, влечет через истребление своих к всеобщему междоусобию. Но, по решению весов справедливости, он, возрадивший могущество свое искусным средством, нашел постыдный конец своей жестокости. После того как был коварно умерщвлен брат его Бледа, повелевавший значительной частью гуннов, Аттила соединил под своей властью все племя целиком и, собрав множество других племен, которые он держал тогда в своем подчинении, задумал покорить 182 первенствующие народы мира⁷⁴⁷ – римлян и везеготов. Говорили, что войско его достигало пятисот тысяч⁷⁴⁸.

Был он мужем, рожденным на свет для потрясения народов, 183 ужасом всех стран, который, неведомо по какому жребию, наводил на все трепет, широко известный повсюду страшным о нем представлением. Он был горделив поступью, метал взоры туда и сюда и самими телодвижениями обнаруживал высоко вознесенное свое могущество. Любитель войны, сам он был умерен на руку, очень силен здравомыслием, доступен просящим и милостив к тем, кому однажды доверился. По внешнему виду низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутый сединою, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом [кожи], он являл все признаки своего

744

745

746

747

происхождения⁷⁴⁹. Хотя он по самой природе своей всегда отличался самонадеянностью, но она возросла в нем еще от находки Марсова меча, признававшегося священным у скифских царей. Историк Приск рассказывает, что меч этот был открыт при таком случае. Некий пастух, говорит он, заметил, что одна телка из его стада хромает, но не находил причины ее ранения; озабоченный, он проследил кровавые следы, пока не приблизился к мечу, на который она, пока щипала траву, неосторожно наступила; пастух выкопал меч и тотчас же принес его Атилe. Тот обрадовался приношению и, будучи без того высокомерным, возомнил, что поставлен владыкою всего мира и что через Марсов меч ему даровано могущество в войнах.

184 Поняв, что помыслы Аттилы обращены на разорение мира, Гизерих⁷⁵⁰, король вандалов, о котором мы упоминали немного выше, всяческими дарами толкает его на войну с везеготами, опасаясь, как бы Теодорид⁷⁵¹, король везеготов, не отомстил за оскорбление своей дочери; ее отдали в замужество Гунериху⁷⁵², сыну Гизериха, и вначале она была довольна таким браком, но впоследствии, так как он отличался жестокостью даже со своими детьми, она была отослана обратно в Галлии к отцу своему с отрезанным носом и отсеченными ушами только по подозрению в приготовлении яда [для мужа]; лишенная естественной красоты, несчастная представляла собой ужасное зрелище, 185 и подобная жестокость, которая могла растрогать даже посторонних, тем сильнее вызвала к отцу о мщению.

Тогда Атила, порождая войны, давно зачатые подкупом Гизериха, отправил послов в Италию к императору Валентиниану⁷⁵³, сея таким образом раздор между готами и римлянами, чтобы хоть из внутренней вражды вызвать то, чего не мог он добиться сражением; при этом он уверял, что ничем не нарушает дружбы своей с империей, а вступает в борьбу лишь с Теодеридом, королем везеготов. Желая, чтобы [обращение его] было принято с благосклонностью, он наполнил остальную часть послания обычными льстивыми речами и приветствиями, стремясь 186 ложью возбудить доверие. Равным образом он направил письмо и к королю везеготов Теодериду, увещевая его отойти от союза с римлянами и вспомнить борьбу, которая незадолго до того велась против него. Под крайней дикостью таился человек хитроумный, который, раньше чем затеять войну, боролся искусным притворством.

748

749

750

751

752

753

187 Тогда император Валентиниан направил к везеготам и к их королю Теодериду посольство с такими речами: «Благоразумно будет с вашей стороны, храбрейшие из племен, [согласиться] соединить наши усилия против тирана, посягающего на весь мир. Он жаждет порабощения вселенной, он не ищет причин для войны, но – что бы ни совершил это и считает законным. Тщеславие свое он мерит [собственным] локтем, надменность насыщает своеволием. Он презирает право и божеский закон и выставляет себя врагом самой природы. Поистине 188 заслуживает общественной ненависти тот, кто всенародно заявляет себя всеобщим недругом. Вспомните, прошу, о том, что, конечно, и так забыть невозможно: гунны обрушиваются не в открытой войне, где несчастная случайность есть явление общее, но – а это страшнее! – они подбираются коварными засадами. Если я уж молчу о себе, то вы-то ужели можете, неотмщенные, терпеть подобную спесь? Вы, могучие вооружением, подумайте о страданиях своих, объедините все войска свои! Окажите помощь и империи, членом которой вы являетесь. А насколько вожделенен, насколько ценен для нас этот 189 союз, спросите о том мнение врага!»

Вот этими и подобными им речами послы Валентиниана сильно растрогали короля Теодорида, и он ответил им: «Ваше желание, о римляне, сбылось: вы сделали Аттилу и нашим врагом! Мы двинемся на него, где бы ни вызвал он нас на бой; и хотя он и возгордился победами над различными племенами, готы тоже знают, как бороться с гордецами. Никакую войну, кроме той, которую ослабляет ее причина, не счел бы я тяжелой, особенно когда благосклонно императорское Величество и ничто мрачное не страшит». 190 Криками одобряют комиты ответ вождя; радостно вторит им народ; всех охватывает боевой пыл; все жаждут гуннов-врагов.

И вот выводит Теодорид, король везеготов, бесчисленное множество войска; оставив дома четырех сыновей, а именно: Фридериха и Евриха, Ретемера и Химнерита, он берет с собой для участия в битвах только старших по рождению, Торисмуда и Теодериха. Войско счастливо, подкрепление обеспечено, содружество приятно: все это налицо, 191 когда имеешь расположение тех, кого радует совместный выход навстречу опасностям. Со стороны римлян великую предусмотрительность проявил патриций Аэций, на котором лежала забота о Гесперйской стороне⁷⁵⁴ империи; отовсюду собрал он воинов, чтобы не казаться неравным против свирепой и бесчисленной толпы. У него были такие вспомогательные отряды: франки, сарматы ⁷⁵⁵, арморицианы ⁷⁵⁶, литицианы ⁷⁵⁷,

754

755

756

757

бургундионы, саксоны, рипариолы⁷⁵⁸, брионы – 192 бывшие римские воины, а тогда находившиеся уже в числе вспомогательных войск, и многие другие как из Кельтики, так и из Германии⁷⁵⁹.

Итак, сошлись на Каталаунских полях, которые иначе называют Мавриакскими⁷⁶⁰; они тянутся на сто лев (как говорят галлы)⁷⁶¹ в длину и на семьдесят в ширину. Галльская лева измеряется одной тысячей и пятьюстами шагами. Этот кусок земли стал местом битвы бесчисленных племен. 193 Здесь схватились сильнейшие полки с обеих сторон, и не было тут никакого тайного подползания, но сражались открытым боем. Какую можно сыскать причину, достойную того, чтобы привести в движение такие толпы? Какая же ненависть воодушевила всех вооружиться друг против друга? Доказано, что род человеческий живет для королей, если по безумному порыву единого ума совершается побоище народов и по воле надменного короля в одно мгновение уничтожается то, что природа производила в течение стольких веков⁷⁶²!

194 Но раньше чем сообщить о самом ходе битвы, необходимо показать, что происходило вначале, перед сражением. Битва была настолько же славна, насколько была она многообразна и запутанна. Сангибан, король аланов, в страхе перед будущими событиями обещает сдаться Атилле и передать в подчинение ему галльский город Аврелиан⁷⁶³, 195 где он тогда стоял. Как только узнали об этом Теодорид⁷⁶⁴ и Аэций, тотчас же укрепляют они город, раньше чем подошел Атила, большими земляными насыпями, стерегут подозрительного Сангибана и располагают его со всем его племенем в середине между своими вспомогательными войсками.

Атила, король гуннов, встревоженный этим событием и не доверяя своим войскам, устранился вступить в сражение. Между тем, обдумав, 196 что бегство гораздо печальнее самой гибели, он приказал через гадателей спросить о будущем. Они, вглядываясь по своему обычаю то во внутренности животных, то в какие-то жилки на обскобленных костях, объявляют, что гуннам грозит беда. Небольшим утешением в этом предсказании было лишь то, что верховный вождь противной стороны должен был пасть и смертью своей омрачить торжество покинутой им победы. Атила, обеспокоенный подобным предсказанием, считал, что следует хотя бы ценой собственной гибели стремиться убить Аэция, который как раз

758

759

760

761

762

763

764

стоял на пути его – Аттилы – движения. Будучи замечательно изобретательным в военных делах, он начинает битву около девятого часа дня, причем с трепетом, рассчитывая, что, если дело его обернется плохо, наступающая ночь выручит его.

197 Сошлись стороны, как мы уже сказали, на Каталаунских полях. Место это было отлогое; оно как бы вспучивалось, вырастало вершиной холма. Как то, так и другое войско стремилось завладеть им, потому что удобство местности доставляет немалую выгоду; таким образом, правую сторону его занимали гунны со всеми своими [союзниками], левую же – римляне и везеготы со своими вспомогательными отрядами. И они вступают в бой на самой горе за оставшуюся [ничьей] вершину.

Правое крыло держал Теодерид с везеготами, левое – Аэций с римлянами; в середине поставили Сангибана, о котором мы говорили выше и который предводительствовал аланами; они руководствовались военной осторожностью, чтобы тот, чьему настроению они мало доверяли, 198 был окружен толпой верных людей. Ибо легко принимается необходимость сражаться, когда бегству поставлено препятствие.

По-иному было построено гуннское войско. Там в середине помещался Аттила с храбрейшими воинами: при таком расположении обеспечивалась скорее забота о короле, поскольку он, находясь внутри сильнейшей части своего племени, оказывался избавленным от наступающей опасности. Крылья его войск окружали многочисленные народы и различные племена, подчинявшиеся его власти. 199 Среди них преобладало войско остроготов, под предводительством братьев Валамира, Теодемира и Видемера, более благородных по происхождению, чем сам король, которому они служили, потому что их озаряло могущество рода Амалов. Был там и Ардарих ⁷⁶⁵, славнейший тот король бесчисленного полчища гепидов, который, по крайней преданности своей Аттиле, участвовал во всех его замыслах. Аттила же, взвешивая все с присущей ему проницательностью, любил его и Валамира, короля остроготов, больше, чем других царьков. 200 Валамир отличался стойкостью в сохранении тайн, ласковостью в разговоре, умением распутать коварство. Ардарих же был известен, как сказано, преданностью и здравомыслием. Не без основания Аттила должен был верить, что они будут биться с сородичами своими, везеготами. Остальная же, если можно сказать, толпа королей и вождей различных племен ожидала, подобно сателлитам, кивка Аттилы: куда бы только ни повел он глазом, тотчас же всякий из них представал перед ним без малейшего ропота, но в страхе и трепете, или же исполнял то, что ему приказывалось. 201 Один Аттила, будучи королем [этих] королей, возвышался над всеми и пекся обо всех.

Итак, происходила борьба за выгодную, как мы сказали, позицию этого места. Аттила

направляет своих, чтобы занять вершину горы, но его предупреждают Торисмунд и Аэций, которые, взобравшись на верхушку холма, оказались выше и с легкостью низвергли подошедших гуннов благодаря преимущественному положению на горе.

202 Тогда Аттила, увидев, что войско его по причине только что случившегося пришло в смятение, решил вовремя укрепить его следующими речами: «После побед над таким множеством племен, после того как весь мир – если вы устоите! – покорен, я считаю бесполезным побуждать вас словами как не смыслящих, в чем дело. 203 Пусть ищет этого либо новый вождь, либо неопытное войско. И не подобает мне говорить об общеизвестном, а вам нет нужды слушать. Что же иное привычно вам, кроме войны? Что храбрецу слаще стремления платить врагу своей же рукой? Насыщать дух мщением – это великий дар природы! 204 Итак, быстрые и легкие, нападём на врага, ибо всегда отважен тот, кто наносит удар. Презрите эти собравшиеся здесь разноречивые племена: признак страха – защищаться союзными силами. Смотрите! Вот уже до вашего натиска поражены враги ужасом: они ищут высот, занимают курганы и в позднем раскаянии молят об укреплениях в степи. Вам же известно, как легко оружие римлян: им тягостна не только первая рана, но сама пыль, когда идут они в боевом порядке и смыкают строй свой под черепахой щитов⁷⁶⁶. Вы 205 же боритесь, воодушевленные упорством, как вам привычно, пренебрегите пока их строем, нападайте на аланов, обрушивайтесь на везеготов. Нам надлежит искать быстрой победы там, где сосредоточена битва. Когда пересечены жилы, вскоре отпадают и члены, и тело не может стоять, если вытащить из него кости. Пусть воспрянет дух ваш, пусть вскипит свойственная вам ярость! Теперь гунны, употребите ваше разумение, примените ваше оружие! Ранен ли кто – пусть добивается смерти противника, невредим ли – пусть насытится кровью врагов. Идущих к победе не достигают никакие стрелы, а идущих к смерти рок повергает и во время мира. Наконец, к чему 206 фортуна утвердила гуннов победителями стольких племен, если не для того, чтобы приготовить их к ликованию после этого боя? Кто же, наконец, открыл предкам нашим путь к Мэотидам⁷⁶⁷, столько веков пребывавший замкнутым и сокровенным? Кто же заставил тогда перед безоружными отступить вооруженных? Лица гуннов не могло вынести все собравшееся множество. Я не сомневаюсь в исходе – вот поле, которое сулили нам все наши удачи! И я первый пушу стрелу во врага. Кто может пребывать в покое, если Аттила сражается, тот уже похоронен!»

И зажженные этими словами все устремились в бой.

207 Хотя событие развивалось ужасное, тем не менее присутствие короля

765

766

767

подбадривало унывающих. Сходятся врукопашную; битва – лютая, переменная, зверская, упорная. О подобном бое никогда до сих пор не рассказывала никакая древность, хотя она и повествует о таких деяниях, величественнее каковых нет ничего, что можно было бы наблюдать в жизни, если только не быть самому свидетелем этого 208 самого чуда. Если верить старикам, то ручей на упомянутом поле, протекавший в низких берегах, сильно разлился от крови из ран убитых; увеличенный не ливнями, как бывало обычно, но взволновавшийся от необыкновенной жидкости, он от переполнения кровью превратился в целый поток. Те же, которым нанесенная им рана гнала туда в жгучей жажде, тянули струи, смешанные с кровью. Застигнутые несчастным жребием, они глотали, когда пили, кровь, которую сами они – раненые – и пролили.

209 Там король Теодорид, объезжая войска для их ободрения, был сшиблен с коня и растоптан ногами своих же; он завершил свою жизнь, находясь в возрасте зрелой старости. Некоторые говорят, что был он убит копьем Андагиса⁷⁶⁸, со стороны остроготов, которые тогда подчинялись правлению Аттилы. Это и было тем, о чем вначале сообщили Аттиле гадатели в их предсказании, хотя он и помышлял это об Аэции.

210 Тут везеготы, отделившись от аланов, напали на гуннские полчища и чуть было не убили Аттилу, если бы он заранее, предусмотрев это, не бежал и не заперся вместе со своими за оградами лагерей, которые он держал окруженными телегами, как валом; хотя и хрупка была эта защита, однако в ней искали спасения жизни те, кому незадолго до того не могло противостоять никакое каменное укрепление.

211 Торисмуд⁷⁶⁹, сын короля Теодорида, который вместе с Аэцием захватил раньше холм и вытеснил врагов с его вершины, думая, что он подошел к своим войскам, в глухую ночь наткнулся, не подозревая того, на повозки врагов. Он храбро отбивался, но, раненный в голову, был сброшен с коня; когда свои, благодаря догадке, освободили его, он отказался от дальнейшего намерения сражаться. 212 Аэций, равным образом оторванный от своих в ночной сумятице, блуждал между врагами, трепеща, не случилось ли чего плохого с готами; наконец, он пришел к союзным лагерям и провел остаток ночи под охраной щитов. На следующий день на рассвете [римляне] увидели, что поля загромождены трупами и что гунны не осмеливаются показаться; тогда они решили, что победа на их стороне, зная, что Аттила станет избегать войны лишь в том случае, если действительно будет уязвлен тяжелым поражением. Однако он не делал ничего такого, что соответствовало бы повержению в прах и униженности: наоборот, он бряцал оружием, трубил в трубы, угрожал набегом; он был подобен льву, прижатому охотничьими копьями к пещере и мечущемуся у

768

769

входа в нее: уже не смея подняться на задние лапы, он все-таки не перестает ужасать окрестности своим ревом. Так тревожил своих победителей этот воинственный король, хотя и окруженный. 213 Сошлись тогда готы и римляне и рассуждали, что сделать с Аттилой, которого они одолели. Решили изнурять его осадой, так как он не имел запаса хлеба, а подвоз задерживался его же стрелками, сидевшими внутри оград лагерей и беспрестанно стрелявшими. Рассказывают, что в таком отчаянном положении названный король не терял высшего самообладания; он соорудил костер из конских седел и собирался броситься в пламя, если бы противник прорвался, чтобы никто не возрадовался его ранению и чтобы господин столь многих племен не попал во власть врагов.

214 Во время этой задержки с осадой везеготы стали искать короля, сыновья – отца, дивясь его отсутствию, как раз когда наступил успех. Весьма долго длились поиски; нашли его в самом густом завале трупов, как и подобает мужам отважным, и вынесли оттуда, почтенного с песнопениями на глазах у врагов. Виднелись толпы готов, которые воздавали почести мертвецу неблагозвучными, нестройными голосами тут же в шуме битвы. Проливались слезы, но такие, которые приличествуют сильным мужам, потому что, хотя это и была смерть, но смерть – сам гунн тому свидетель – славная. Даже вражеское высокомерие, 215 казалось, склонится, когда проносили тело великого короля со всеми знаками величия. Отдав должное Теодориду, готы, гремя оружием, передают [наследнику] королевскую власть, и храбрейший Торисмуд, как подобало сыну, провожает в похоронном шествии славные останки дорогого отца.

Когда все было кончено, сын, движимый болью осиротения и порывом присущей ему доблести, задумал отомстить оставшимся гуннам за смерть отца; поэтому он спросил патриция Аэция, как старейшего и зрелого благоразумием, что надлежит теперь делать. Тот же, 216 опасаясь, как бы – если гунны были бы окончательно уничтожены – готы не утеснили Римскую империю, дал по этим соображениям такой совет: возвращаться на свои места и овладеть королевской властью, оставленной отцом, чтобы братья, захватив отцовские сокровища, силою не вошли в королевство везеготов и чтобы поэтому не пришлось ему жестоким или, что еще хуже, жалким образом воевать со своими. Торисмуд воспринял этот совет не двусмысленно, – как он, собственно, и был дан, – но скорее в свою пользу и, бросив гуннов, вернулся в Галлии. Так непостоянство человеческое, 217 лишь только встретится с подозрениями, пресекает то великое, что готово совершиться.

В этой известнейшей битве самых могущественных племен пало, как рассказывают, с обеих сторон 165 тысяч человек, не считая 15 тысяч гепидов и франков; эти, раньше чем враги сошлись в главном сражении, сшиблись ночью, переколов друг друга в схватке – франки на стороне римлян, гепиды на стороне гуннов.

218 Аттила, заметив отход готов, долго еще оставался в лагере, предполагая со стороны врагов некую хитрость, как обыкновенно думают обо всем неожиданном. Но когда, вслед за отсутствием врагов, наступает длительная тишина, ум настраивается на мысль о победе, радость оживляется, и вот дух могучего короля вновь обращается к прежней вере в судьбу.

Торисмуд же, по смерти отца на Каталаунских полях, где он сражался, вступает в Толозу⁷⁷⁰, вознесенный в королевском величии. Здесь, правда, толпа братьев и знатных радостно его приветствовала, но и сам он в начале правления был настолько умерен, что ни у кого не появилось и в мыслях начать борьбу за наследование.

219 Аттила же, воспользовавшись уходом везегов и заметив распад между врагами на два [противоположных] лагеря, – чего он всегда желал, – успокоенный двинул скорее войско, чтобы потеснить римлян. Первым его нападением была осада Аквилей⁷⁷¹, главного города провинции Венетии; город этот расположен на остром мысу, или языкообразном выступе, Адриатического залива; с востока стену его лижет [водами своими] река Натисса⁷⁷², текущая с горы Пикцис⁷⁷³. 220 После долгой и усиленной осады Аттила почти ничего не смог там сделать; внутри города сопротивлялись ему сильнейшие римские воины, а его собственное войско уже роптало и стремилось уйти. Однажды Аттила, проходя возле стен, раздумывал, распустить ли лагерь или же еще задержаться; вдруг он обратил внимание, что белоснежные птицы, а именно аисты, которые устраивают гнезда на 221 верхушках домов, тащат птенцов из города и, вопреки своим привычкам, уносят их куда-то за поля. А так как был он очень проницателен и пытлив, то и представил своим следующее соображение: «Посмотрите, – сказал он, – на этих птиц: предвидя будущее, они покидают город, которому грозит гибель; они бегут с укреплений, которые падут, так как опасность нависла над ними. Это не пустая примета, нельзя счесть ее неверной; в предчувствии событий, в страхе перед грядущим меняют они свои привычки» [*Этот рассказ об аистах, улетевших вместе с птенцами из гнезда на башне осажденного города, есть и у Прокопия (Bell. Vand., I, 4), также в описании осады Аквилей войском Аттилы. По всей вероятности, оба автора, то есть и Иордан, и Прокопий, заимствовали рассказ об аистах в Аквилее у Приска. Ср. Gy. Moravcsik, Byzantinoturcica, I, p. 486. – Прим. автора*]. Что же дальше? Этим снова воспламенил он души своих на завоевание Аквилей. Построив осадные машины и

770

771

772

773

применяя всякого рода метательные орудия⁷⁷⁴, они немедля врываются в город, грабят, делят добычу, разоряют все с такой жестокостью, что, как кажется, не оставляют от города никаких следов. 222 Еще более дерзкие после этого и все еще не пресыщенные кровью римлян, гунны вакхически неистовствуют по остальным венетским⁷⁷⁵ городам. Опустошают они также Медиолан⁷⁷⁶, главный город Лигурии, некогда столицу; равным образом разметывают Тицин⁷⁷⁷, истребляя с яростью и близлежащие окрестности, наконец, разрушают чуть ли не всю Италию. Но когда возникло у Атилы намерение идти на Рим, то приближенные его, как передает историк Приск, отвлекли его от этого, однако не потому, что заботились о городе, коего были врагами, но потому что имели перед глазами пример Алариха, некогда короля везеготов, и боялись за судьбу своего короля, 223 ибо тот после взятия Рима⁷⁷⁸ жил недолго и вскоре удалился от дел человеческих. И вот, пока дух Атилы колебался относительно этого опасного дела – идти или не идти – и, размышляя сам с собою, медлил, подоспело к нему посольство из Рима с мирными предложениями. Пришел к нему сам папа Лев⁷⁷⁹ на Амбулейское поле⁷⁸⁰ в провинции Венетии, там, где река Минций⁷⁸¹ пересекается толпами путников. Атила прекратил тогда буйство своего войска и, повернув туда, откуда пришел, пустился в путь за Данубий, обещая соблюдать мир. Он объявил перед всеми и, приказывая, угрожал, что нанесет Италии еще более тяжкие бедствия, если ему не пришлют Гонорию⁷⁸², 224 сестру императора Валентиниана, дочь Плацидии Августы, с причитающейся ей частью царских сокровищ. Рассказывали, что эта Гонория по воле ее брата содержалась заточенная в состоянии девственности ради чести дворца; она тайно послала евнуха к Аттиле и пригласила его защитить ее от властолюбия брата – вовсе недостойное деяние: купить себе свободу сладострастия ценою зла для всего государства.

225 Атила вернулся на свои становища и⁷⁸³, как бы тяготясь бездействием и трудно перенося прекращение войны, послал послов к Маркиану⁷⁸⁴, императору Восточной империи, заявляя о намерении ограбить провинции, потому что ему вовсе не платят дани,

774

775

776

777

778

779

780

781

782

783

784

обещанной покойным императором Феодосием⁷⁸⁵, и ведут себя с ним обычно менее обходительно, чем с его врагами. Поступая таким образом, он, лукавый и хитрый, в одну сторону грозил, в другую – направлял²²⁶ оружие, а излишек своего негодования [излил], обратив свое лицо против везеготов. Но исхода тут он добился не того, какой имел с римлянами. Идя обратно по иным, чем раньше, дорогам, Атилла решил подчинить своей власти ту часть аланов, которая сидела за рекой Лигером⁷⁸⁶, чтобы, изменив после их [поражения] самый вид войны, угрожать еще ужаснее. Итак, выступив из Дакии и Паннонии, провинций, где жили тогда гунны и разные подчиненные им племена,

227 Атилла двинул войско на аланов. Но Торисмуд, король везеготов, предвосхитил злой умысел Атиилы с не меньшим, чем у него, хитроумием: он с крайней быстротой первый явился к аланам и, уже подготовленный, встретил движение войск подходившего Атиилы. Завязалась битва почти такая же, какая была до того на Каталаунских полях; Торисмуд лишил Атиилу всякой надежды на победу, изгнал его из своих краев без триумфа и заставил бежать к своим местам. Так достоправный Атилла, одержавший так много побед, когда хотел унижить славу своего погубителя и стереть то, что испытал когда-то от везеготов, претерпел теперь вдвойне и бесславно отступил.

228 Торисмуд же, отогнав гуннские полчища от аланов без всякого ущерба для себя, отправился в Толозу, но, создав для своих мирное существование, заболел на третий год царствования и, когда выпускал кровь из вены, был убит⁷⁸⁷, потому что Аскальк, враждебный ему его клиент, рассказал, что (у больного) отсутствовало оружие. Однако при помощи одной руки, которая оставалась у него свободной, он схватил скамейку и убил несколько человек, покушавшихся на него, став таким образом мстителем за кровь свою.

229 После его смерти ему наследовал в королевстве везеготов брат его Теодерид⁷⁸⁸, который скоро нашел себе врага в Рикиарии⁷⁸⁹, короле свавов, своем зяте. Этот самый Рикиарий, опираясь на родство свое с Теодеридом, решил, что ему надлежит захватить чуть ли не всю Испанию. Он считал удобным для отторжения время, когда еще можно было попробовать [пошатнуть] неустановившееся начало правления. 230 Местом поселения свавов были раньше Галлиция⁷⁹⁰ и Лизитания⁷⁹¹, которые тянутся по правой стороне

785

786

787

788

789

790

791

Испании по берегу океана, имея с востока Австрогонию⁷⁹², с запада на мысу – священный монумент Сципиону Римскому⁷⁹³, с севера – океан, с юга – Лизитанию и реку Таг⁷⁹⁴, которая, перемешивая с песками своими золотой металл, влечет богатство вместе с дрянным илом. Оттуда-то и вышел Рикиарий, король свавов, намереваясь захватить целиком Испанию. 231 Зять его Теодорид, по умеренности своей, послал к нему послов и миролюбиво передал, чтобы он не только отступил из чужих пределов, но и не дерзал покушаться на них и подобным честолюбием не вызывал к себе ненависти. Он же преспесиво изрек: «Если уж и на 232 это ты ропщешь и упрекаешь меня, что я пришел только сюда, то я 233 приду в Толосу, в которой ты сидишь; там, если будешь в силах, сопротивляйся!» Услышав это, разгневался Теодорид и, заключив мир с остальными племенами, пошел походом на свавов, имея верными себе помощниками Гнудиуха и Гильпериха, королей бургундзонов. Дело дошло до сражения близ реки Ульбия⁷⁹⁵, которая протекает между Астурикой⁷⁹⁶ и Иберией⁷⁹⁷. Завязав бой, Теодерид вместе с везеготами вышел из него победителем, так как боролся за справедливое дело, а племя свавов было повержено чуть ли не все вплоть до полного уничтожения. Их король Рикиарий бежал, покинув разбитое войско, и сел на корабль, но, отброшенный назад бурей на Тирренском море, попал в руки везеготов. Переменою стихии несчастный не отсрочил смерти.

234 Теодерид-победитель пощадил побежденных и не дозволил зверствовать вне битвы; он поставил над покоренными свавами своего клиента по имени Агривульф. Но тот через короткое время, под воздействием уговоров со стороны свавов, вероломно изменил свое намерение и стал пренебрегать выполнением приказаний, возносясь скорее наподобие тирана: он полагал, что получил провинцию в силу той доблести, с которой он некогда вместе с господином своим ее покорил. Был он мужем из рода Варнов, значительно отдаленный от благородства готской крови, и потому ни к свободе не прилежал, ни верности патрону не соблюдал. Узнав об этом, Теодорид сразу же направил против него отряд, который должен был изгнать его, [лишив] захваченной власти. [Воины] явились без замедления, в первой же стычке одолели его и потребовали соответственной его поступками кары. Тут-то он и почувствовал гнев господина, милостью которого думал пренебречь; схваченный и лишившийся помощи своих, он был обезглавлен. Свавы же, видя гибель правителя, послали жрецов своей страны к Теодериду, чтобы умолить его. Он принял их с

792

793

794

795

796

797

подобавшей их жреческому сану почтительностью и не только снизошел к свавам, не изгнав их, но, движимый милосердием, разрешил им поставить князя из своего рода. Так и случилось: свавы выбрали себе царьком Римисмунда. Совершив все это и укрепив все кругом миром, Теодерид умер на тринадцатом году своего правления.

235 С жадной поспешностью наследовал ему брат его Еврих⁷⁹⁸ и потому был попрекаем неправильным подозрением. Пока все это и многое другое происходило в племени везеготов, император Валентиниан был убит⁷⁹⁹ вследствие коварства Максима⁸⁰⁰, сам же Максим захватил власть как тиран. Услышав об этом, Гизерих⁸⁰¹, король вандалов, пришел из Африки в Италию с вооруженным флотом, вступил в Рим и все разорил. Максим бежал и был убит неким Урсом, римским воином. 236 После Максима, по повелению Маркиана, императора Восточного, Западную империю получил в управление Майюриан⁸⁰², однако, и он правил недолго, потому что, когда двинул войско против аланов, нападавших на Галлии, был убит в Дертоне⁸⁰³, около реки по названию Гира⁸⁰⁴. Место его занял Север⁸⁰⁵, который умер в Риме на третий год своего правления. Учтя это, император Лев, который в Восточной империи наследовал Маркиану, послал своего патриция Анфемия⁸⁰⁶ в Рим, сделав его там принцепсом. Тот, прибыв туда, направил против аланов зятя своего Рекимера⁸⁰⁷, мужа выдающегося и чуть ли не единстве иного тогда в Италии полководца. В первой же битве он нанес поражение всему множеству аланов и 237 королю их Беоргу⁸⁰⁸, перебив их и уничтожив. Тогда Еврих⁸⁰⁹, король везеготов, примечая частую смену римских императоров, замыслил занять и подчинить себе Галлии. Обнаружив это, император Анфемий потребовал помощи у бриттонов.

Их король Риотим⁸¹⁰ пришел с двенадцатью тысячами войска и, высадившись у океана с кораблей, был принят в городе битуригов⁸¹¹. 238 Ему навстречу поспешил король везеготов Еврих, ведя за собой бесчисленное войско; он долго сражался, пока не обратил

798

799

800

801

802

803

804

805

806

807

808

809

810

811

Риутима, короля бриттонов, в бегство еще до того, как римляне соединились с ним. Тот, потеряв большую часть войска, бежал с кем только мог и явился к соседнему племени бургундзонов, в то время римских федератов. Еврих же, король везеготов, занял Ареверну⁸¹², галльский 239 город, когда император Анфемий уже умер. Он [Анфемий] соперничал в Риме с зятем своим Рикимером; свирепствовала междоусобная война, и он был убит зятем⁸¹³, оставив государство Олибрию⁸¹⁴. В это самое время в Константинополе, израненный мечами евнухов, во дворце умер Аспар⁸¹⁵, первый из патрициев, славный готским своим родом вместе с сыновьями Ардавуром и Патрикиолом: первый был давно патрицием, второй же – цезарем и считался зятем императора Льва⁸¹⁶. Когда Олибрий на восьмом: месяце по вступлении на престол умер⁸¹⁷, цезарем сделан был в Равенне Гликерий⁸¹⁸, причем скорее путем захвата, чем избрания. Но не успело пройти и одного года⁸¹⁹, как Непот⁸²⁰, сын сестры покойного патриция Марцеллина, сверг его и поставил епископом в Римском порту⁸²¹.

240 Как мы уже сказали выше, Еврих, замечая столько превратностей и перемен, занял город Ареверну, где в то время римским военачальником был Экдиций, благороднейший сенатор и сын бывшего недавно императором Авита⁸²², который захватил престол всего на несколько дней (пробыв у власти лишь немного дней перед Олибрием, он затем ушел в Плаценцию⁸²³, где был поставлен епископом). Итак, сын его Экдиций, после длительной борьбы с везеготами и не будучи в силах им противостоять, оставил врагу страну и, что особенно важно, город 241 Аревернский и укрылся в более защищенных местах. Услышав об этом, император Непот приказал Экдицию покинуть Галлии и явиться к себе, поставив вместо него магистром армии Ореста⁸²⁴. Этот же Орест, приняв командование над войском и выступив из Рима на врагов, пришел в Равенну, где задержался и поставил императором сына своего Августула. Когда Непот узнал об этом, он бежал в Далмацию и там, сложив с себя власть, стал частным человеком; бывший недавно императором Гликерий

812

813

814

815

816

817

818

819

820

821

822

823

824

имел там епископию в Салоне.

Спустя некоторое время после того как Августул отцом своим ²⁴² Орестом был поставлен императором в Равенне, Одоакр⁸²⁵, король торкилингов, ведя за собой скиров, герулов и вспомогательные отряды из различных племен, занял Италию и, убив Ореста⁸²⁶, сверг сына ²⁴³ его Августула с престола и приговорил его к каре изгнания в Лукулланском укреплении в Кампании⁸²⁷.

Так вот Гесперийская империя римского народа, которую в семьсот девятом году от основания Рима⁸²⁸ держал первый из августов – Октавиан Август, погибла⁸²⁹ вместе с этим Августулом в год пятьсот двадцать второй правления всех его предшественников⁸³⁰, и с тех пор Италию и Рим стали держать готские короли.

Между тем Одоакр, король племен ⁸³¹, подчинив всю Италию, чтобы внушить римлянам страх к себе, с самого же ⁸³² начала своего правления убил в Равенне комита Бракилу; укрепив свою власть, он держал ее почти тринадцать лет, вплоть до появления Теодориха⁸³³, о чем мы будем говорить в последующем.

²⁴⁴ Впрочем, вернемся к тому порядку, от которого мы отступили, а именно, каким образом Еврих, король везеготов, заметив шаткость⁸³⁴ Римского государства, подчинил себе Арелат⁸³⁵ и Массилию⁸³⁶. Гизерих, король вандалов, заманил его подарками⁸³⁷ на это дело, потому что сам он, сильно опасаясь козней против себя со стороны Льва и Зинона⁸³⁸, подстраивал, чтобы остrogоты разоряли Восточную империю, а везеготы – и Гесперийскую⁸³⁹ и чтобы, пока враги будут раздирать друг друга в обеих империях, самому спокойно править в Африке. Еврих с сочувствием отнесся к этому и, держа в подчинении все Испании и Галлии, покорил также бургундзонов; он умер в Арелате, на девятнадцатом году своего правления ⁸⁴⁰. Ему наследовал собственный его сын Аларих, воспринявший

825

826

827

828

829

830

831

832

833

834

835

836

837

838

839

840

королевство везеготов девятым по счету⁸⁴¹, начиная от того великого Алариха. То же самое, что было с Августами, о которых мы говорили выше, произошло, как известно, и с Аларихами: царства часто кончаются на тех самых именах, с каковых они начались. Однако, включив все это между прочим, продолжим, по нашему обещанию, сплестать [историю] происхождения готов.

Ввиду того что, следуя сказанному старшими писателями, я, насколько 245 сумел, развил [те события], когда оба племени, остроготы и везеготы, составляли еще одно целое, а также с достоверностью проследил [историю] везеготов, уже отделившихся от остроготов, придется нам вновь вернуться к древним их скифским поселениям⁸⁴² и представить так же последовательно генеалогию и деяния остроготов. Про них известно, что по смерти короля их Германариха⁸⁴³ они, отделенные от везеготов и подчиненные власти гуннов, остались в той же стране⁸⁴⁴ причем Амал Винитарий удержал все знаки своего господствования⁸⁴⁵. Подражая доблести деда своего Вультульфа, он, 246 хотя и был ниже Германариха по счастью и удачам, с горечью переносил подчинение гуннам. Понемногу освобождаясь из-под их власти и пробуя проявить свою силу, он двинул войско в пределы антов⁸⁴⁶ и, когда вступил туда, в первом сражении был побежден, но в дальнейшем стал действовать решительнее и распял короля их Божа⁸⁴⁷ с сыновьями его и с семьюдесятью старейшинами для устрашения, 247 чтобы трупы распятых удвоили страх покоренных⁸⁴⁸. Но с такой свободой повелевал он едва в течение одного года: [этого положения] не потерпел Баламбер⁸⁴⁹, король гуннов; он призвал к себе Гезимунда, сына великого Гуннимунда, который, помня о своей клятве и верности, подчинялся гуннам со значительной частью готов, и, возобновив с ним союз, повел войско на Винитария. Долго они бились; в первом и во втором сражениях победил Винитарий. Едва ли 248 кто в силах припомнить побоище, подобное тому, которое устроил Винитарий в войске гуннов! Но в третьем сражении, когда оба [противника] 249 приблизились один к другому, Баламбер, подкравшись к реке Эрак⁸⁵⁰, пустил стрелу и, ранив Винитария в голову, убил его; затем он взял себе в жены племянницу его Вадамерку и с тех пор властвовал в мире над всем покоренным племенем

841

842

843

844

845

846

847

848

849

850

готов, но однако ²⁵⁰ так, что готским племенем всегда управлял его собственный царек, хотя и [соответственно] решению гуннов.

Вскоре после смерти Винитария стал править ими Гунимунд, сын могущественнейшего покойного короля Германариха, отважный в бою и выдающийся красотой тела. Он впоследствии успешно боролся против племени свавов. После его смерти наследовал ему сын его Торисмуд, украшенный цветом юности, на второй год своего правления он двинул войско против гепидов и одержал над ними большую ²⁵¹ победу, но убился, как рассказывают, упав с коня. Когда он умер, остроготы так оплакивали его, что в течение сорока лет никакой другой король не занимал его места, для того чтобы память о нем всегда была у них на устах и чтобы подошло время, когда Валамер обретет повадку мужа; [этот Валамер] родился от Вандалария, двоюродного брата [Торисмуда]; сын же последнего Беремуд, как мы сказали выше, пренебрег племенем остроготов из-за гуннского господства [над ними] и последовал за племенем везеготов в Гесперийские страны; от него-то и родился Ветерих. У Ветериха был сын Евтарих, который, вступив в брак с Амаласвентой, дочерью Теодериха, вновь объединил разделившийся было род Амалов и родил Аталариха⁸⁵¹ и Матесвенту⁸⁵². Аталарих умер в отроческих годах, а Матесвента, привезенная в Константинополь, родила от второго мужа, а именно от Германа⁸⁵³(племянника императора Юстиниана), но уже после смерти мужа, сына, которого назвала Германом.

²⁵² Однако, чтобы соблюдался порядок [изложения], с которого мы начали, следует нам вернуться к потомству Вандалария, распустившегося тройным цветком⁸⁵⁴. Этот Вандаларий, племянник Германариха и двоюродный брат вышеупомянутого Торисмуда⁸⁵⁵, прославился в роде Амалов, родив троих сыновей, а именно Валамира, Тиудимира и Видимира⁸⁵⁶. Из них, наследуя сородичам, вступил на престол Валамир в то время, когда гунны вообще еще властвовали над ними [остроготами] в числе других племен. ²⁵³ И была тогда между этими тремя братьями такая [взаимная] благосклонность, что удивления достойный Тиудимер вел войны, [защищая] власть брата, Валамир способствовал ему снаряжением, а Видимер почитал за честь служить братьям. Так оберегали они друг друга взаимной любовью, и ни один не остался без королевства, которым и владели они все втроем в мире [и согласии]. Однако так им владели, – о чем часто уже говорилось, – что сами [в

851

852

853

854

855

856

свою очередь] подчинялись власти Аттилы, гуннского короля⁸⁵⁷; им не было возможности отказаться от борьбы против своих же родичей, везеготов, потому что приказание владыки, даже если он повелевает отцеубийство, должно быть исполнено. И не иначе смогло любое скифское племя⁸⁵⁸ вырваться из-под владычества гуннов, как только с приходом желанной для всех вообще племен, а также для римлян смерти Аттилы, которая оказалась настолько же ничтожна, насколько жизнь его была удивительна.

254 Ко времени своей кончины он, как передает историк Приск⁸⁵⁹, взял себе в супруги – после бесчисленных жен, как это в обычае у того народа, – девушку замечательной красоты по имени Ильдико. Ослабевший на свадьбе от великого ею наслаждения и отяжеленный вином и сном, он лежал, плавая в крови, которая обыкновенно шла у него из ноздрей, но теперь была задержана в своем обычном ходе и, изливаясь по смертоносному пути через горло, задушила его. Так опьянение принесло постыдный конец прославленному в войнах королю.

На следующий день, когда миновала уже большая его часть, королевские прислужники, подозревая что-то печальное, после самого громкого зова взламывают двери и обнаруживают Аттилу, умершего без какого бы то ни было ранения, но от излияния крови, а также плачущую девушку с опущенным лицом под покрывалом. Тогда, 255 следуя обычаю того племени, они отрезают себе часть волос и обезображивают уродливые лица свои глубокими ранами, чтобы превосходный воин был оплакан не воплями и слезами женщин, но кровью мужей⁸⁶⁰.

В связи с этим произошло такое чудо: Маркиану, императору Востока⁸⁶¹, обеспокоенному столь свирепым врагом, предстало во сне божество и показало – как раз в ту самую ночь – сломанный лук Аттилы, именно потому, что племя это много употребляет такое оружие. Историк Приск говорит, что может подтвердить это [явление божества] истинным свидетельством. Настолько страшен был Аттила для великих империй, что смерть его была явлена свыше взамен дара 256 царствующим.

Не преминем сказать – хоть немного из многого⁸⁶² – о том, чем племя почтило его останки. Среди степей⁸⁶³ в шелковом шатре поместили труп его, и это представляло поразительное и торжественное зрелище. Отборнейшие всадники всего гуннского племени

857

858

859

860

861

862

863

объезжали 257 кругом, наподобие цирковых ристаний, то место, где был он положен; при этом они в погребальных песнопениях так поминали его подвиги: «Великий король гуннов Аттила, рожденный от отца своего Мундзука, господин сильнейших племен! Ты, который с неслыханным дотоле могуществом один овладел скифским и германским царствами⁸⁶⁴, который захватом городов поверг в ужас обе империи римского мира и, – дабы не было отдано и остальное на разграбление, – умиловленный молениями принял ежегодную дань. И со счастливым исходом совершив все это, скончался не от вражеской раны, не от коварства своих, но в радости и веселии, без чувства боли, когда племя пребывало целым и невредимым. Кто же примет это за кончину, когда никто не почитает ее подлежащей отмщению?»

258 После того как был он оплакан такими стенаниями, они справляют на его кургане «страву»⁸⁶⁵(так называют это они сами), сопровождая ее громадным пиршеством. Сочетая противоположные [чувства], выражают они похоронную скорбь, смешанную с ликованием.

Ночью, тайно труп предают земле, накрепко заключив его в [три] гроба – первый из золота, второй из серебра, третий из крепкого железа. Следующим рассуждением разъясняли они, почему все это подобает могущественнейшему королю: железо – потому что он покорил племена, золото и серебро – потому что он принял орнат⁸⁶⁶обеих империй. Сюда же присоединяют оружие, добытое в битвах с врагами, драгоценные фалеры⁸⁶⁷, сияющие многоцветным блеском камней, и всякого рода украшения⁸⁶⁸, каковыми отмечается убранство дворца. Для того же, чтобы предотвратить человеческое любопытство перед столь великими богатствами, они убили всех, кому поручено было это дело, отвратительно, таким образом, вознаградив их; мгновенная смерть постигла погребавших так же, как постигла она и погребенного⁸⁶⁹.

259 После того как все было закончено, между наследниками Аттилы возгорелся спор за власть, потому что свойственно юношескому духу состязаться за честь властвования, – и пока они, неразумные, все вместе стремились повелевать, все же вместе и потеряли власть. Так часто преизбыток наследников обременяет царство больше, чем их недостаток. Сыновья Аттилы, коих, по распушенности его похоти, [насчитывалось] чуть ли не целые народы, требовали разделения племен жребием поровну, причем надо было бы подвергнуть жеребьевке, подобно челяди, воинственных королей вместе с их племенами

864

865

866

867

868

869

260 Когда узнал об этом король гепидов Ардарих⁸⁷⁰, то он, возмущенный тем, что со столькими племенами обращаются, как будто они находятся в состоянии презреннейшего рабства, первый восстал против сыновей Атилы и последующей удачей смыл с себя навязанный его позор порабощения; своим отпадением освободил он не только свое племя, но и остальные, равным образом угнетенные, потому что все с легкостью примыкают к тому, что предпринимается для общего блага. И вот все вооружаются для взаимной гибели, и сражение происходит в Паннонии, близ реки, название которой – Недао⁸⁷¹. 261 Туда сошлись разные племена, которые Атила держал в своем подчинении; отпадают друг от друга королевства с их племенами, единое тело обращается в разрозненные члены; однако они не сострадают страданию целого, но, по отсечении главы, неистовствуют друг против друга. И это сильнейшие племена, которые никогда не могли бы найти себе равных [в бою], если бы не стали поражать себя взаимными ранами и самих же себя раздирать [на части].

Думаю, что там было зрелище, достойное удивления: можно было видеть и гота, сражающегося копьями⁸⁷², и гепида, безумствующего мечом, и руга, переламывающего дротики в его [гепида?]⁸⁷³ране, и свава, отважно действующего дубинкой⁸⁷⁴, а гунна – стрелой, и алана, строящего ряды с тяжелым, а герула – с легким оружием⁸⁷⁵.

262 Итак, после многочисленных и тяжелых схваток, победа неожиданно оказалась благосклонной к гепидам: почти тридцать тысяч как гуннов, так и других племен, которые помогали гуннам, умертвил меч Ардариха вместе со всеми восставшими. В этой битве был убит старший сын Атилы по имени Эллак, которого, как рассказывают, отец настолько любил больше остальных, что предпочитал бы его на престоле всем другим детям своим. Но желанию отца не сочувствовала 263 фортуна: перебив множество врагов, [Эллак] погиб, как известно, столь мужественно, что такой славной кончины пожелал бы и отец, будь он жив. Остальных братьев, когда этот был убит, погнали вплоть до берега Понтийского моря, где, как мы уже описывали, сидели раньше готы⁸⁷⁶.

Так отступили гунны, перед которыми, казалось, отступала вселенная. Настолько губителен раскол, что разделенные низвергаются, тогда как соединенными силами они же наводили ужас. Дело Ардариха, короля гепидов, принесло счастье разным племенам, против своей воли подчинявшимся владычеству гуннов, и подняло их души, – давно пребывавшие в

870

871

872

873

874

875

876

глубокой печали, – к радости желанного освобождения. Явившись, в лице послов своих, на римскую землю и с величайшей милостью принятые тогдашним императором Маркианом, они получили назначенные им места, которые и заселили.

264 Гепиды, силой забравшие себе места поселения гуннов⁸⁷⁷, овладели как победители пределами всей Дакии и, будучи людьми деловыми⁸⁷⁸, не требовали от Римской империи ничего, кроме мира и ежегодных даров по дружественному договору⁸⁷⁹. Император охотно согласился на это, и до сего дня племя это получает обычный дар от римского императора. Готы же, увидев, что гепиды отстаивают для себя гуннские земли, а племя гуннов занимает свои давние места⁸⁸⁰, предпочли испросить земли у Римской империи, чем с опасностью для себя захватывать чужие, и получили Паннонию, которая, протянувшись в длину равниною, с востока имеет Верхнюю Мезию, с юга – Далмацию, с запада – Норик, с севера – Данубий⁸⁸¹. Страна эта украшена многими городами, из которых первый – Сирмий, а самый крайний – Виндомина⁸⁸². Из этого⁸⁸³ же рода был Бливила, пентаполитанский вождь⁸⁸⁴, и его брат Фроила и, в наше время, патриций Бесса⁸⁸⁵.

265 Савроматы же, которых мы называем сарматами⁸⁸⁶, и кемандры⁸⁸⁷, и некоторые из гуннов поселились в части Иллирика⁸⁸⁸, на данных им землях у города Кастрамартена⁸⁸⁹. Скиры⁸⁹⁰, садагари⁸⁹¹ и часть 266 аланов со своим вождем по имени Кандак⁸⁹² получили Малую Скифию⁸⁹³ и Нижнюю Мезию⁸⁹⁴. Нотарием⁸⁹⁵ этого Кандака Алановиймутиса⁸⁹⁶ до самой его смерти был Пария⁸⁹⁷, родитель отца моего, т. е. мой дед.

877

878

879

880

881

882

883

884

885

886

887

888

889

890

891

892

893

894

895

896

897

У сына же сестры Кандака, Гунтигиса⁸⁹⁸, которого называли еще База, магистра армии, сына Андагиса⁸⁹⁹(сына Анделы из рода Амалов), нотарием – до своего обращения – был я, Иорданнис, хотя и не обученный грамматике⁹⁰⁰.

Руги же и многие другие племена испросили себе для поселения Биццию⁹⁰¹ и Аркадиополь⁹⁰². Эрнак, младший сын Аттилы, вместе со своими избрал отдаленные места Малой Скифии. Эмнетзур и Ултзиндур, единокровные братья его, завладели Утом, Гиском и Алмом⁹⁰³ в Прибрежной Дакии. Многие из гуннов, прорываясь то тут, то там, подались тогда в Романию⁹⁰⁴; до сих пор из их числа называют сакромонтизиев и фоссатизиев.

267 Были еще и другие готы, которые называются Малыми, хотя это – огромное племя; у них был свой епископ и примат Вульфилы⁹⁰⁵, который, как рассказывают, установил для них азбуку. По сей день они пребывают в Мезии⁹⁰⁶, населяя местность вокруг Никополя⁹⁰⁷, у подножия Эмимонта⁹⁰⁸; это – многочисленное племя, но бедное и невоинственное, ничем не богатое, кроме стад различного скота, пастбищ и лесов; земли [их] малопродуктивны как пшеницей, так и другими видами [злаков]; некоторые люди там даже вовсе не знают виноградников⁹⁰⁹, – существуют ли они вообще где-либо, – а вино они покупают себе в соседних областях, большинство же питается молоком.

268 Итак, возвратимся к тому племени⁹¹⁰, о котором идет речь, т. е. к (племени) остроготов, которые жили в Паннонии⁹¹¹[под властью] короля Валамира и его братьев, Тиудимера и Видемира; хотя области их были поделены, но цели объединены (ведь Валамер сидел между реками Скарниунгой и Черной Водой⁹¹², Тиудимер – близ озера Пелсойс⁹¹³, Видимер – между тем и другим). И вот случилось, что сыновья Аттилы пошли против готов, как против бежавших из-под 269 их господства и как бы разыскивая беглых рабов; они напали на одного Валамера, тогда как другие братья ничего не подозревали. Но он, хотя и

898

899

900

901

902

903

904

905

906

907

908

909

910

911

912

встретил их с малыми [силами], долго изнурял их и разбил настолько, что от врагов едва осталась небольшая часть; обращенные в бегство, они направились в те области Скифии, по которым протекают воды реки Данапра; на своем языке гунны называют его Вар⁹¹⁴. В то же время он [Валамер] послал к брату Тиудимеру гонца с радостной вестью, гонец же, в тот самый день как прибыл, обрел в доме Тиудимера еще б?льшую радость: в этот день родился сын Тиудимера Теодорих⁹¹⁵; правда, младенец [происходил] от конкубины Эрелиевы⁹¹⁶, но [возлагали на него] большие надежды.

270 Немного спустя король Валамир и братья его Тиудемир и Видимир, – ввиду того что запоздала обычная выплата от императора Маркиана, которую они получали наподобие стрены⁹¹⁷ и за это соблюдали мирный договор, – послали посольство к императору⁹¹⁸ и узнали, что Теодерих, сын Триария⁹¹⁹, также готского происхождения, но из другого рода, не из Амалов, процветает вместе со своими, 271 связан дружбою с римлянами и получает ежегодную выплату; на них же смотрят с презрением. Охваченные гневом, они взяли за оружие и, пройдя почти по всему Иллирику⁹²⁰, разграбили и разорили его. Тогда император сразу изменил свое настроение и вернулся к прежней дружбе; он послал [к ним] посольство и не только принес с последним и пропущенные дары, но и обещал в будущем выплачивать их без всякого пререкания; как заложника мирных отношений он получил от них сына Тиудимера Теодориха, о котором мы рассказали выше; он достиг тогда уже полных семи лет и входил в восьмой год жизни. Отец медлил его выдавать, но дядя Валамир умолил его, только бы сохранился прочный мир между римлянами и готами⁹²¹.

Итак, Теодорих был дан готами заложником и отвезен в Константинополь к императору Льву; мальчик был красив и заслужил императорскую благосклонность.

272 После того как установился прочный мир готов с римлянами, готы увидели, что им не хватает того, что они получали от императора; в то же время стремились они проявить присущую им отвагу и потому начали грабить соседние племена, [жившие] кругом; прежде всего двинулись они походом против садагивов, владевших внутренней Паннонией⁹²². Когда

узнал об этом король гуннов Динтцик⁹²³, сын Атилы, то он собрал вокруг себя тех немногих, которые пока что оставались все-таки под его властью, а именно ултзинзуров, ангискиров, биттугуров, бардоров⁹²⁴; они подошли к Базиане⁹²⁵, городу в Паннонии, и, окружив ее валами, начали грабить окрестности. Поняв это, 273 готы там же, где были, приостановили поход, предпринятый против садагиев, и обратились на гуннов; так вытеснили они их, покрыв бесславию, из своих пределов, и с тех пор до сего дня остатки гуннов боятся готского оружия.

Однако уже после того как племя гуннов было, наконец, усмирено готами, Гунумунд, вождь свавов⁹²⁶, проходя мимо [и направляясь] на ограбление Далмации, захватил бродившие в степях готские стада, потому что ведь Далмация соседит со Славией⁹²⁷ и расположена недалеко от пределов Паннонии, особенно тех мест, где жили тогда готы. Что 274 же дальше? Гунимунд со свавами, опустошив Далмации, возвращался в свои земли, а Тиудимер, брат Валамера, короля готов, не столько скорбя о потере стад, сколько опасаясь, как бы свавы – если эта нажива прошла бы для них безнаказанно – не перешли к еще большей разнузданности, так [бдительно] следил за их прохождением, что глухой ночью, когда они спали, напал на них у озера Пелсода⁹²⁸ и, неожиданно завязав бой, настолько их потеснил, что даже взял в плен самого короля Гунимунда, а все войско его – ту часть, которая избежала меча, – подчинил готам. Но так как был он любителем милосердия, то, свершив отмщение, проявил благоволение и, примирившись со свавами, пленника 275 своего усыновил⁹²⁹ и отпустил вместе с соплеменниками в Слэвию. Тот же, забыв об отчей милости, через некоторое время затаил в душе коварный замысел и возбудил скиров, которые сидели тогда на Данубии и жили в мире с готами, чтобы они, отколовшись от союза с последними и соединив свое оружие с ним, выступили и напали на готский народ. Готы не ждали тогда ничего плохого, будучи особенно уверены в обоих дружественных соседях. Но внезапно возникает война. Вынужденные необходимостью, они хватаются за оружие и, бросившись в привычный (для них) бой, отмщают за свои обиды. В этом бою был 276 убит король их Валамир: чтобы ободрить своих, он скакал перед войском верхом на коне; испугавшись, конь упал и сбросил седока, который тут же был пронзен вражескими копьями.

Готы так сражались, оплачивая мятежникам и за смерть своего короля и за нанесенное

923

924

925

926

927

928

929

им оскорбление, что от племени скиров почти никого, кто бы носил это имя, — да и то с позором, — не осталось; так все они и погибли⁹³⁰.

277 Устрашенные их гибелью, короли свавов Гунимунд и Аларик двинулись походом на готов, опираясь на помощь сарматов, которые подошли к ним как союзники с королями своими Бевкой и Бабаем⁹³¹. Они призвали остатки скиров, чтобы те вместе с их старейшинами Эдикой⁹³² и Гунульфом⁹³³ жестоко сразились, как бы в отпущение за себя; были с ними [со свавами] и гепиды, и немалая подмога от племени ругов⁹³⁴, и другие, собранные отовсюду племена; так, набрав 278 огромное множество [людей], они расположились лагерем у реки Болии⁹³⁵ в Паннониях.

После смерти Валамера готы поспешили к брату его Тиудимеру; некогда правивший вместе с братьями, но принявший тем не менее знаки высшей власти, он призвал младшего брата Видимера, разделил с ним заботы войны и, вынужденный [положением], выступил в поход. Завязалось сражение; готам удалось одержать верх настолько, что поле, смоченное кровью павших врагов, казалось красным морем, 279 а оружие и трупы были нагромождены наподобие холмов и заполняли собой [пространство] более чем на десять миль. Увидев это, готы возрадовались несказанным ликованием, потому что таким величайшим избиением врагов они отомстили и за кровь короля своего Валамера, и за свою обиду. А из поистине неисчислимого и разнообразного множества врагов, если кто и смог убежать, то эти, кое-как ускользнувшие, едва вернулись восвояси, покрытые бесславием⁹³⁶.

280 Через некоторое время, когда установилась зимняя стужа, река Данубий по обыкновению замерзла, а замерзает поток этот таким образом, что, как скала, держит пешее войско, телеги и сани и любые другие повозки, не требуя уже ни лодок, ни челноков⁹³⁷. Когда Тиодимер, король готов, увидел, что [река] так застыла, то он повел пешее войско и, перейдя Данубий, внезапно появился в тылу у свавов⁹³⁸. Та свавская область имеет с востока байбаров⁹³⁹, с запада — франков, с юга — бургундзонов, с севера — турингов. 281 Со свавами в союзе были тогда аламанны⁹⁴⁰, которые владели вообще круто вздымающимися

930

931

932

933

934

935

936

937

938

939

940

Альпами, откуда, низвергаясь с сильным шумом, текут многие потоки в Данубий. Вот в это столь укрепленное место король Тиудимер зимним временем и повел войско готов и победил, разорил и чуть ли не подчинил как племя свавов, так и аламаннов, которые были во взаимном союзе. Оттуда он победителем вернулся в свои места, т. е. в Паннонию, и радостно встретил сына своего Теодориха, которого отдавал заложником в Константинополь и который был [теперь] отпущен обратно императором Львом с большими дарами⁹⁴¹.

282 Теодорих уже приблизился к годам юности, завершив отрочество; ему исполнилось восемнадцать лет. Пригласив некоторых из сателлитов отца и приняв к себе желающих из народа и клиентов, что составило почти шесть тысяч мужей, он с ними, без ведома отца, перешел Данубий и напал на Бабая, короля сарматов⁹⁴², который только что одержал победу над Камундом, римским полководцем, и правил с напыщенной гордостью. Настигнув его, Теодорих убил его, захватил семью с челядью и имущество и повернул с победой обратно к своему родителю. Затем напал на город Сингидун⁹⁴³, который занимали эти сарматы; и, не возвратив его римлянам, подчинил его своей власти⁹⁴⁴.

283 Ввиду того что со временем уменьшилась добыча от грабежа * [* Тас. Germ. 14: ... per bella ef raptus.] соседних племен, возник у готов недостаток в продовольствии и одежде. Людям, которым некогда война доставляла пропитание, стала противна мирная жизнь⁹⁴⁵; и вот все они с громким криком приступают к королю Тиудимеру и просят его: куда ему ни вздумается, но только вести войско в поход⁹⁴⁶. Он же, призвав брата своего и метнув жребий, убедил его идти в Италию⁹⁴⁷, где тогда правил император Гликерий⁹⁴⁸, а сам как более сильный [решил] двинуться на восточную империю, как на государство более могущественное. Так и случилось.

284 Вскоре Видимер вступил в итальянские земли, но, отдав последний долг судьбе, отошел от дел человеческих; преемником он оставил одноименного с собой сына Видимера. Этого последнего император Гликерий, поднеся ему дары, направил⁹⁴⁹ из Италии в Галлии, теснимые тогда со всех сторон разными племенами; он уверил [остроготов], что там по соседству владычествуют их родичи везеготы⁹⁵⁰. Что же еще? Видимер принял дары вместе

941

942

943

944

945

946

947

948

949

950

с поручением от императора Гликерия, отправился в Галлии и, объединившись с родственными везеготами, образовал с ними одно целое, как было некогда⁹⁵¹. Так, удерживая и Галлии, и Испании, [готы] отстаивали их ради своего господства, [следуя] чтобы никто другой там не возобладал.

285 Тиудимер же, старший брат, перешел со своими реку Сав⁹⁵², грозя сарматам⁹⁵³ и римским воинам войной, если бы кто-либо из них пошел против него. Они же [действительно] боялись его и сидели тихо, тем более что им было не одолеть столь великое множество народа. Тиудимер, видя, что со всех сторон ему прибывает удача, нападает на Наисс⁹⁵⁴, первый город в Иллирике, а сына своего 286 Теодориха, приобщив к нему комитов Астата и Инвилию, посылает через «лагерь Геркулеса»⁹⁵⁵ к городу Ульпиане⁹⁵⁶. Явившись туда, они вскоре подчиняют как его, так и Стобис⁹⁵⁷, а затем впервые делают для себя проходимыми многие недоступные местности Иллирика. В городах Фессалии – Геракле⁹⁵⁸ и Ларисе⁹⁵⁹ – они сначала захватывают добычу, а потом по праву войны овладевают и ими.

Тиудимер, учитывая, конечно, как свои, так и сыновние удачи, не удовлетворился все же этим; он вышел из Наисса, оставив там только немногих для охраны, и направился к Фессалонике⁹⁶⁰, где находился патриций Гелариан с войском, посланный туда императором⁹⁶¹. 287 Когда Гелариан увидел, что Фессалоника окружается валом и что он не сможет сопротивляться их [готов] дерзости, то, отправив посольство к королю Тиудимеру и поднеся ему дары, склоняет его отказаться от разрушения города; затем, заключив союз с готами, римский военачальник уже по собственному побуждению передал им все те населенные ими города⁹⁶², а именно – Церры⁹⁶³, Пеллы⁹⁶⁴,

288 Европу⁹⁶⁵, Медиану⁹⁶⁶, Петину⁹⁶⁷, Берею⁹⁶⁸ и еще один, именуемый

951
952
953
954
955
956
957
958
959
960
961
962
963
964
965
966

Сиумом⁹⁶⁹. Там готы, сложив оружие и установив мир, зажили спокойно со своим королем. Немного спустя после этого король Тиудимер, захваченный роковой болезнью в городе Церрах⁹⁷⁰, призвал к себе готов и назначил наследником власти своей сына Теодориха⁹⁷¹, сам же вскоре отошел от дел человеческих.

289 Когда император Зинон услышал, что Теодорих поставлен королем своего племени⁹⁷², он воспринял это благосклонно и направил к нему пригласительное послание, повелевая явиться в столицу. Там он принял его с подобающим почетом и посадил между знатнейшими придворными. Через некоторое время, чтобы умножить почести, ему оказываемые⁹⁷³, он усыновил его по оружию⁹⁷⁴ и на государственные средства устроил ему триумф⁹⁷⁵ в столице, а также сделал его ординарным консулом⁹⁷⁶, что считается высшим благом и первым в мире украшением. 290 Этим он не ограничился, но во славу столь великого мужа поставил еще и конную статую⁹⁷⁷ перед императорским дворцом.

Но вот Теодорих, состоя в союзе с империей Зинона и наслаждаясь всеми благами в столице, прослышал, что племя его, сидевшее, как мы сказали, в Иллирике⁹⁷⁸, живет не совсем благополучно и не в полном достатке. Тогда он избрал, по испытанному обычаю своего племени: лучше трудом снискивать пропитание, чем самому в бездействии пользоваться благами от Римской империи, а людям – прозябать в жалком состоянии. Рассудив сам с собою таким образом, он сказал императору: «Хотя нам, состоящим на службе империи вашей, ни в чем нет недостатка, однако, если благочестие ваше удостоит [меня], 291 да выслушает оно благосклонно о желании сердца моего». Когда ему с обычным дружелюбием была предоставлена возможность говорить, [он сказал]: «Гесперийская сторона⁹⁷⁹, которая недавно управлялась властью предшественников ваших, и город тот – глава и владыка мира⁹⁸⁰ – почему носятся они, как по волнам, подчиняясь тирании короля торкилингов и рогов⁹⁸¹? Пошли меня с племенем моим, и если повелишь, –

967

968

969

970

971

972

973

974

975

976

977

978

979

980

981

и здесь освободишь себя от тяжести издержек, и там, буде с помощью господней я одержу победу, слава благочестия твоего воссияет. Полезно же, – если останусь победителем, – чтобы королевством этим, по вашему дарению⁹⁸², владел я, слуга ваш и сын⁹⁸³, а не тот, неведомый вам, который готов утеснить сенат ваш тираническим игом, а часть государства [вашего] – рабством пленения. Если смогу победить, буду владеть вашим даянием, вашей благодатью; если окажусь побежденным, благочестие ваше ничего не потеряет, но даже, как мы говорили, выиграет расходы». 292 Хотя император с горечью отнесся к его уходу⁹⁸⁴, тем не менее, услышав эти слова и не желая опечалить его, подтвердил то, чего он добивался, и отпустил, обогащенного многими дарами, поручая ему сенат и народ римский⁹⁸⁵.

Итак, вышел Теодорих из столицы⁹⁸⁶и, возвратясь к своим⁹⁸⁷, повел все племя готов, выразившее ему свое единомыслие⁹⁸⁸, на Гесперию; прямым путем⁹⁸⁹ через Сирмий поднялся он в соседящие с Паннонией области⁹⁹⁰, откуда вошел в пределы Венетий⁹⁹¹и остановился лагерем у так называемого Моста Сонция⁹⁹². 293 Пока он там стоял, чтобы дать отдых телам как людей, так и вьючных животных, Одоакр направил против него хорошо вооруженное войско. Встретившись с ним близ Веронских полей⁹⁹³, Теодорих разбил его в кровопролитном сражении. Затем он разобрал лагери, с еще большей отвагой вступил в пределы Италии⁹⁹⁴, перешел реку Пад⁹⁹⁵и стал под столицей Равенной, на третьей примерно миле от города, в местности под названием Пинета⁹⁹⁶. Завидя это, Одоакр укрепился внутри города, откуда часто прокрадывался ночью со своими и беспокоил готское войско. Это случалось не раз и не два, но многократно и 294 тянулось почти целое трехлетие⁹⁹⁷. Однако труд его был напрасен, потому что вся Италия уже называла

982

983

984

985

986

987

988

989

990

991

992

993

994

995

996

997

Теодориха своим повелителем и его мановению повиновалось все то государство⁹⁹⁸. И только один Одоакр с немногими приверженцами и бывшими здесь римлянами, сидя внутри Равенны, ежедневно претерпевал и голод, и войну. И когда это не привело ни к чему, он выслал посольство и попросил 295 милости. Сначала Теодорих снизошел к нему, но в дальнейшем лишил его жизни⁹⁹⁹.

На третий, как было сказано, год по вступлении своем в Италию¹⁰⁰⁰ Теодорих, по решению императора Зинона, снял с себя частное платье и одежду своего племени и принял пышное царское облачение уже как правитель готов и римлян¹⁰⁰¹. Затем он послал посольство к 296 Лодоину¹⁰⁰², франкскому королю, испрашивая себе в супружество дочь его Аудефледу¹⁰⁰³, на что тот благосклонно и милостиво согласился; он полагал, что таким браком он [побудит] сыновей своих – Кельдеберта, Хельдеберта и Тиудеберта¹⁰⁰⁴ – заключить с готами соглашение и пребывать в союзе с ними. Однако это брачное соединение не оказалось достаточно полезным для мира и согласия, и весьма часто жестоко воевали они из-за галльских земель¹⁰⁰⁵. Но пока жив был Теодорих, гот никогда не уступал франкам.

297 Еще до того как Теодорих получил потомство от Аудефледы, имел он двух внебрачных дочерей, которых породил еще в Мезии от наложницы: одну по имени Тиудигото, другую – Острогото. Вскоре по приходе в Италию он сочетал их браком с соседними королями, а именно: одну он отдал Алариху¹⁰⁰⁶, королю везегов, а другую – Сигизмунду¹⁰⁰⁷, 298 королю бургундзонов. От Алариха родился Амаларих, которого дед Теодорих, когда тот в отроческих годах лишился своих родителей, лелеял и опекал. [Тогда] Теодорих узнал, что в Испании живет Евтарих, сын Ветериха, внук Беретмода¹⁰⁰⁸ и Торисмода¹⁰⁰⁹, потомок рода Амалов, который и в юношеском возрасте выделялся благоразумием, доблестью и совершенством телосложения. Он призвал его к себе и сочетал его браком с дочерью своей Амаласвентой¹⁰¹⁰. А для того чтобы вполне широко

998

999

1000

1001

1002

1003

1004

1005

1006

1007

1008

1009

1010

распространить свой род, он сестру свою Амалафриду¹⁰¹¹, мать Теодахада, который впоследствии стал королем¹⁰¹², отправил в Африку в жены Тразамунду¹⁰¹³, королю вандалов; дочь же ее – племянницу свою Амалабергу – сочетал с королем турингов Герминефредом.

299 Своего комита Питцама¹⁰¹⁴, избранного в число старейшин, он 300 направляет на завоевание города Сирмия, который тот и захватил, изгнав короля Тразариха, сына Трапстилы¹⁰¹⁵, но удержав его мать. Потом он [двинулся] против Савиниана¹⁰¹⁶, магистра армии Иллирика, готовившегося тогда к борьбе с Мундоном¹⁰¹⁷; придя на помощь последнему с двумя тысячами пехотинцев и пятьюстами всадниками к городу по названию Ровный Марг¹⁰¹⁸, лежащему между реками Данубием и Маргом, Питцам разбил иллирийское войско¹⁰¹⁹. 301 Этот самый Мундон происходил от каких-то родичей Аттилы; он бежал от племени гепидов за Данубий¹⁰²⁰ и бродил в местах необработанных и лишенных каких-либо земледельцев; там собрал он отовсюду множество угонщиков скота, скамаров и разбойников¹⁰²¹ и, заняв башню, которую называют Герта и которая стоит на берегу Данубия, вел там дикую жизнь и грабежами не давал покоя соседним обитателям; он провозгласил себя королем своих бродяг. Его-то, почти уже отчаявшегося и помышлявшего о сдаче, появившийся там Петца вырвал из рук 302 Савиниана и обратил – полного благодарности – в подчиненного своего короля Теодориха.

Не меньшей победы добился Теодорих над франками в Галлиях через Иббу¹⁰²², своего комита, когда в сражении было убито более тридцати тысяч франков.

Оруженосца Тиудиса¹⁰²³ после смерти зятя своего Алариха он поставил опекуном над внуком Амаларихом в королевстве Испании. Этот Амаларих потерял и королевство, и самую жизнь еще юношей, попав в сети франкского коварства; после же него опекун Тиудис захватил королевскую власть, избавил Испанию от злокозненных 303 происков франков и

1011

1012

1013

1014

1015

1016

1017

1018

1019

1020

1021

1022

1023

до конца жизни властвовал над везеготами¹⁰²⁴. За ним принял власть Тиудигисглоза¹⁰²⁵, но правил недолго, так как погиб, убитый своими. Ему наследовал Агил¹⁰²⁶, который держит власть до сей поры. Против него восстал Атанагильд¹⁰²⁷, который призвал [себе на помощь военные] силы Римского государства¹⁰²⁸, и туда назначен патриций Либерий¹⁰²⁹ с войском. Не было на западе племени, которое, пока жив был Теодорих, не служило бы ему либо по дружбе, либо по подчинению¹⁰³⁰.

304 Когда он достиг старости и осознал, что через короткое время уйдет с этого света, он созвал готов – комитов¹⁰³¹ и старейшин¹⁰³² своего племени – и поставил королем Аталариха¹⁰³³, сына дочери своей Амаласвенты, мальчика, едва достигшего десяти лет, но уже потерявшего отца своего, Евтариха. Он [Теодорих] объявил им в повелениях, звучавших как завещание, чтобы они чтили короля, 305 возлюбили сенат и римский народ, а императора Восточного, – [храня] всегда мир с ним и его благосклонность – почитали [вторым] после бога¹⁰³⁴. Это повеление, пока были живы король Аталарих и его мать, они всячески соблюдали и царствовали в мире почти восемь лет¹⁰³⁵, хотя [Аталарих] и отдал франкам то, что было занято его отцом и дедом в Галлиях¹⁰³⁶, потому что франки, не только не веря в эту отроческую власть, но даже презирая ее, принялись готовиться к войне. Остальным он владел в мире и спокойствии. Когда же Аталарих достиг юношеского возраста, то он препоручил императору Восточному¹⁰³⁷ как свою молодость, так и вдовство матери, но через короткое время этого несчастливца постигла преждевременная смерть, 306 и он отошел от дел человеческих. Тогда мать, чтобы не терпеть презрения со стороны готов¹⁰³⁸ к слабости ее пола, поразмыслила и призвала, пользуясь родством, своего двоюродного брата Теодахада из Тусции; он жил там как частное лицо около своих ларов¹⁰³⁹, она же посадила его на царство. Но, забыв об единокровии, через некоторое

1024

1025

1026

1027

1028

1029

1030

1031

1032

1033

1034

1035

1036

1037

1038

1039

время он вывез ее из равеннского дворца ¹⁰⁴⁰ и заточил в изгнании на острове Бульсинийского озера¹⁰⁴¹, где она, прожив в печали весьма немного дней, была задушена в бане его приспешниками.

307 Когда об этом услышал Юстиниан, император Восточный, он был так потрясен, будто смерть его подопечных обращалась на него самого как оскорбление¹⁰⁴². В это же время через преданнейшего ему патриция Велезария он одержал победу над вандалами¹⁰⁴³ и тотчас же, без замедления, пока оружие еще было обагрено вандальской кровью, ³⁰⁸ двинул против готов войско из Африки, предводительствуемое тем же вождем.

Этот крайне предусмотрительный военачальник понял, что он покорит племя готов не иначе, как заняв раньше Сицилию, кормилицу их¹⁰⁴⁴, что он и исполнил. Когда он вступил в Тринакрию ¹⁰⁴⁵, тотчас же готы, засевшие в городе Сиракузах, увидели, что им не одержать верх, и вместе с предводителем своим Синдеритом по собственной воле сдались Велезария. И вот когда римский вождь занял Сицилию, Теодахад, узнав об этом, направил зятя своего Эвермуда¹⁰⁴⁶ с войском к проливу для его охраны. Этот пролив протекает между Кампанией и Сицилией и извергает из недр Тирренского моря ³⁰⁹ волнующиеся адриатические просторы¹⁰⁴⁷. Подойдя к городу Регию¹⁰⁴⁸, Эвермуд стал лагерем, но тут же заметил ухудшившееся положение своих; тогда вместе с немногими, самыми преданными и единомышленными ему приближенными двинулся он в направлении к победителю и, бросившись к стопам Велезария, просил принять его на службу императорам Римской империи. Готскому войску это кажется подозрительным, и оно криком требует свергнуть Теодахада с престола и поставить королем вождя их Витигеса, который был теодахадовым оруженосцем¹⁰⁴⁹. Так и было сделано. Тут же¹⁰⁵⁰, на Варварских ³¹⁰ полях¹⁰⁵¹, Витигес вознесен на престол и входит в Рим, в Равенну же посылает вперед самых верных своих мужей, которым поручает убить Теодахада. Они являются туда и исполняют приказание; после убийства Теодахада прибывает¹⁰⁵² королевский посланец (Витигис все еще был на

1040

1041

1042

1043

1044

1045

1046

1047

1048

1049

1050

1051

1052

Варварских полях) и объявляет об этом народу¹⁰⁵³.

Между тем римское войско, переправившись через пролив¹⁰⁵⁴, 311 достигает Кампании, опрокидывает [сопротивление] Неаполя и вступает в Рим¹⁰⁵⁵; король Витигис за несколько дней до того вышел оттуда и направился к Равенне, где взял в супружество Матесвенту¹⁰⁵⁶ дочь Амаласвенты и внуку покойного короля Теодориха. Пока он наслаждался этим новым браком и сидел под защитой царского дворца в Равенне, императорское войско, выйдя из Рима, нападает на крепости в обеих Тусциях¹⁰⁵⁷. Осведомленный об этом через гонцов, Витигес посылает вооруженный отряд готов под начальством Гунилы в Перузию¹⁰⁵⁸. Пока они пытаются длительной осадой выгнать оттуда комита Магна¹⁰⁵⁹, засевшего там с небольшим войском, подходит римское войско, 312 и они сами оказываются отброшенными и вообще уничтоженными. Услышав об этом, Витигес, как разъяренный лев, собирает все готское войско, покидает Равенну и начинает томить долгой осадой твердыни Рима¹⁰⁶⁰. Но отвага его бесплодна: через четырнадцать месяцев он отступает от осады Рима¹⁰⁶¹ и вот уже готовится теснить Аримин¹⁰⁶²! Но и здесь все тщетно; гонимый, он запирается в Равенне. Там он осажден, однако вскоре сам предается победителю¹⁰⁶³, вместе 313 с Матесвентой, супругой своей, и царскими сокровищами.

Так славное королевство и сильнейшее племя, столь долго царившее, наконец, почти на 2030 году¹⁰⁶⁴, покорил победитель всяческих племен Юстиниан-император через вернейшего ему консула Велезария¹⁰⁶⁵. Витигес был приведен в Константинополь и почтен саном патриция; он прожил там более двух лет, пребывая в милости у императора, после чего ушел от дел человеческих¹⁰⁶⁶. 314 Матесвенту же, супругу его, император сочетал браком с братом¹⁰⁶⁷ своим Германом, патрицием. От них – уже после смерти Германа-отца –

1053

1054

1055

1056

1057

1058

1059

1060

1061

1062

1063

1064

1065

1066

1067

родился сын, тоже Герман. В нем соединился род Анициев¹⁰⁶⁸ с поколением Амалов, и он, с божьей помощью, таит в себе надежду и того, и другого рода¹⁰⁶⁹.

315 На этом я заканчиваю повествование о происхождении гетов, о благородных Амалах, о содеянном храбрыми мужами¹⁰⁷⁰.

Сам достойный хвалы, род этот уступил достохвальнейшему государю, покорился сильнейшему вождю. Слава о них не умолкнет ни в веках, ни в поколениях, и пребудут они оба – и император 316 Юстиниан, победитель и триумфатор, и консул Велезарий – под именем Вандальских-Африканских и Гетских¹⁰⁷¹.

Читатель, знай, что, следуя писаниям старших¹⁰⁷², я собрал с обширнейших их лугов лишь немногие цветы, и из них, в меру ума своего, сплел я венок для пытливому.

Но пусть никто не подумает, что я, как ведущий свое происхождение от вышеназванного племени¹⁰⁷³, прибавил что-либо в его пользу против того, что прочел или узнал. Если я и не охватил всего, что пишут и рассказывают об этих [людях], то изобразил¹⁰⁷⁴ я это ведь не столько во славу их самих, сколько во славу того, кто победил *. [* Текст (по Гейдельбергскому, ныне не существующему, кодексу VIII в.), которого придерживался Моммсен, обрывается на этих словах.** ** Это неверно. См. Приложение II, где указано, что Гейдельбергский кодекс обрывался раньше и Моммсен дополнил его по другим рукописям (Позднее примечание Е. Ч. Скржинской от руки в тексте первого издания. – *Прим. Издателя*). Но после них автор добавил еще заключительную фразу (explicit), которая сохранена в ряде других рукописей: «Окончен труд о древности и деяниях гетов, которых победил Юстиниан-император через верного империи Велезария-консула» («Explicit de antiquitate Getarum actusque eorum quos devicit Justinianus imperator per fidelem rei publicae Belesarium consulem»)]

DE ORIGINE ACTIBUSQUE GETARUM

1 Volentem me parvo subvectum navigio oram tranquilli litoris stringere et minutos de priscorum, ut quidam ait, stagnis pisciculos legere, in altum, frater Castali, laxari vela compellis

1068

1069

1070

1071

1072

1073

1074

relictoque opusculo, quod intra manus habeo, id est, de adbreuiatione chronicorum, suades, ut nostris verbis duodecem Senatoris volumina de origine actusque Getarum ab olim et usque nunc per generationes regesque descendente in uno et hoc paruo libello choartem: dura satis imperia et tamquam ab eo, qui pondus operis 2 huius scire nollit, inposita. nec illud aspicias, quod tenuis mihi est spiritus ad implendam eius tam magnificam dicendi tubam: super omne autem pondus, quod nec facultas eorundem librorum nobis datur, quatenus eius sensui inserviamus, sed, ut non mentiar, ad triduanam lectionem dispensatoris eius beneficio libros ipsos antehac relegi. quorum quamvis verba non recolo, sensus tamen et res 3 actas credo me integre retinere. ad quos et ex nonnullis historiis Grecis ac Latinis addedi convenientia, initium finemque et plura in medio mea dictione permiscens. quare sine contumelia quod exigisti suscipe libens, libentissime lege; et si quid parum dictum est et tu, ut vicinus genti, commemoras, adde, orans pro me, frater carissime. Dominus tecum. Amen.

4 Maiores nostri, ut refert Orosius, totius terrae circulum Oceani limbo circumseptum triquadrum statuerunt eiusque tres partes Asiam, Eoropam et Africam vocaverunt. de quo trepertito orbis terrarum spatium innumerabiles pene scriptores existunt, qui non solum urbium locorumve positiones explanant, verum etiam et quod est liquidius, passuum miliariumque dimetiunt quantitatem, insulas quoque marinis fluctibus intermixtas, tam maiores 5 quam etiam minores, quas Cycladas vel Sporadas cognominant, in immenso maris magni pelagu sitas determinant. Oceani vero intransmeabiles ultiores fines non solum describere quis adgressus est, verum etiam nec cuiquam licuit transfretare, quia resistente ulva et ventorum spiramine quiescente impermeabilis 6 esse sentitur et nulli cognita nisi ei qui eam constituit. ceterior vero eius pelagi ripa, quam diximus totius mundi circulum, in modum coronae ambiens fines suos, curiosis hominibus et qui de hac re scribere voluerunt perquam innotuit, quia et terrae circulum ab incolis possidetur et nonnullae insule in eodem mare habitabiles sunt, ut in orientali plaga et Indico Oceano Hyppodem, Iamnesiam, Solis perustam quamvis inhabitabilem, tamen omnino sui spatio in longo latoque extensam; Taprobanem quoque, in qua (excepto oppida vel possessiones) decem munitissimas urbes decoram; sed et aliam omnino gratissimam Silefantinam: nec 7 non et Theron, licet non ab aliquo scriptore dilucidas, tamen suis possessoribus affatim refertas. habet in parte occidua idem Oceanus aliquantas insulas et pene cunctis ob frequentiam euntium et redeuntium notas. et sunt iuxta fretum Gaditanum haut procul una Beata et alia quae dicitur Fortunata. quamvis nonnulli et illa gemina Galliciae et Lysitaniae promuntoria in Oceani insulas ponant, in quarum una templum Herculis, in alia monumentum adhuc conspicitur Scipiones, tamen, quia extremitatem Galliciae terrae 8 continent, ad terram magnam Europae potius quam ad Oceani pertinent insulas. habet tamen et alias insulas interius in suo estu, quae dicuntur Baleares, habetque et alia Mevania, nec non Orcadas numero XXXIII quamvis non omnes excultas. habet et 9 in ultimo plagae occidentalis aliam insulam nomine Thyle, de qua Mantuanus inter alia: «tibi serviat ultima Thyle». habet quoque is ipse

immensus pelagus in parte artoa, id est septentrionali, amplam insulam nomine Scandzam, unde nobis sermo, si dominus iubaverit, est adsumpturus, quia gens, cuius originem flagitas, ab huius insulae gremio velut examen apium erumpens in terram Europae advinit: quomodo vero aut qualiter, in subsequentibus, si dominus donaverit, explanavimus.

10 Nunc autem de Brittania insula, que in sino Oceani inter Spanias, Gallias et Germaniam sita est, ut potuero, paucis absolvam. cuius licet magnitudine olim nemo, ut refert Libius, circumvectus est, multis tamen data est varia opinio de ea loquendi. quae diu si quidem armis inaccensam Romanis Iulius Caesar proeliis ad gloriam tantum quesitis aperuit: pervia deinceps mercimoniis aliasque ob causas multis facta mortalibus non indiligenti, quae 11 secuta est, aetati certius sui prodidit situm, quem, ut a Grecis Latinisque autoribus accepimus, persequimur. triquadram eam plures dixere consimilem, inter septentrionalem occidentalemque plagam projectam, uno, qui magnus est, angulo Reni hostia spectantem, dehinc correptam latitudine oblique retro abstractam in duos exire alios, geminoque latere longiorem Galliae praetendi atque Germaniae. in duobus milibus trecentis decem stadiis latitudo eius ubi 12 patentior, longitudo non ultra septem mil. centum triginta duo stadia fertur extendi; modo vero dumosa, modo silvestrae iacere planitiae, montibus etiam nonnullis increscere: mari tardo circumfluam, quod nec remis facile inpellentibus cedat, nec ventorum flatibus intumescat, credo, quia remotae longius terrae causas motibus negant: quippe illic latius quam usquam aequor extenditur. refert autem Strabo Grecorum nobilis scriptor tantas illam exalare nebulas, madefacta humo Oceani crebris excursibus, ut subtectus sol per illum pene totum fediolem, qui serenus est, diem negetur aspectui. noctem quoque clariorem in extrema eius 13 parte minimamque Cornelius etiam annalium scriptor enarrat, metallis plurimis cupiosam, herbis frequentem et his feraciorem omnibus, quae pecora magis quam homines alant: labi vero per eam multa quam maximae relabique flumina gemmas margaritasque volventia. Silorum colorati vultus; torti pleroque crine et nigro nascuntur; Calydoniam vero incolentibus rutilae cumae, corpora magna, sed fluuida: Gallis sive Spanis, ut quibusque 14 obtenduntur, adsimiles. unde coniectavere nonnulli, quod ea ex his accolae contiguo vocatos acceperit. inculti aequae omnes populi regesque populorum; cunctos tamen in Calydoniorum Meatarumque concessisse nomina Dio auctor est celeberrimus scriptor annalium, virgeas habitant casas, communia tecta cum pecore, silveque 15 illis saepe sunt domus, ob decorem nescio an aliam quam ob rem ferro pingunt corpora. bellum inter se aut imperii cupidine, aut amplificandi quae possident, saepius gerunt, non tantum equitatu vel peditate, verum etiam bigis curribusque falcatis, quos more vulgare essedas vocant. haec pauca de Brittaniae insulae forma dixisse sufficiat.

Ad Scandziae insulae situm, quod superius reliquimus, redeamus, 16 de hac etenim in secundo sui operis libro Claudius Ptolomeus, orbis terrae discriptor egregius, meminit dicens: est in Oceani arctoi salo posita insula magna, nomine Scandza, in modum folii cetri, lateribus pandis, per

longum ducta concludens se. de qua et Pomponius Mela in maris sinu Codano positam 17 refert, cuius ripas influit Oceanus. haec a fronte posita est Vistulae fluminis, qui Sarmaticis montibus ortus in conspectu Scandzae septentrionali Oceano trisulcus inlabitur, Germaniam Scythiamque disternens. haec ergo habet ab oriente vastissimum lacum in orbis terrae gremio, unde Vagi fluvius velut quodam ventrae generatus in Oceanum undosus evolvitur, ab occidente namque immenso pelago circumdatur, a septentrione quoque innavigabili 18 eodem vastissimo concluditur Oceano, ex quo quasi quodam brachio exiente, sinu distento, Germanicum mare efficitur. ubi etiam parvae quidem, sed plures perhibentur insulae esse dispositae, ad quas si congelato mari ob nimium frigus lupi transierint, luminibus feruntur orbari. ita non solum inhospitalis hominibus, 19 verum in etiam beluis terra crudelis est. in Scandza vero insula, unde nobis sermo est, licet multae et diversae maneant nationes, septem tamen eorum nomina meminit Ptolemaeus, apium ibi turba mellifica ob nimium frigore nusquam repperitur, in cuius parte arctoa gens Adogit consistit, quae fertur in aestate media quadraginta diebus et noctibus luces habere continuas, itemque brumali tempore eodem dierum noctiumque numero luce 20 clara nescire. ita alternato merore cum gaudio beneficio aliis damnoque impar est. et hoc quare quia prolixioribus diebus solem ad orientem per axis marginem vident redeuntem, brevioribus vero non sic conspicitur apud illos, sed aliter, quia austrinis signis percurrit, et quod nobis videtur sol ab imo surgere, illos 21 per terrae marginem dicitur circuire, aliae vero ibi sunt gentes Scythicae, quae frumentorum non querunt victum, sed canibus ferarum atque ovis avium vivunt; ubi tanta paludibus fetura ponitur, ut et augmentum prestent generi et satietatem ad cupiam genti. alia vero gens ibi moratur Suehans, quae velut Thyringi equis utuntur eximiis, hi quoque sunt, qui in usibus Romanorum sapperinas pelles commercio interveniente per alias innumeras 22 gentes transmittunt, famosi pellium decora nigridine, hi cum inopes vivunt, ditissime vestiuntur, sequitur deinde diversarum turba nationum, Theustes, Vagoth, Bergio, Hallin, Liothida, quorum omnium sedes sub uno plani ac fertilis, et propterea inibi aliarum gentium incursionibus infestantur, post hos Ahelmit, Finnaithae, Fervir, Ganthigoth, acre hominum genus et at bella primum. dehinc Mixi, Evagre, Otingis. hi omnes excisis 23 rupibus quasi castellis inhabitant ritu beluino, sunt et his exteriores Ostrogothae, Raumarici, Aeragnaricii, Finni mitissimi, Scandzae cultoribus omnibus mitiores; nec non et pares eorum Vinovilothei; Suetidi, cogniti in hac gente reliquis corpore eminentiores: quamvis et Dani, ex ipsorum stirpe progressi, Herulos propriis sedibus 24 expulerunt, qui inter omnes Scandiae nationes nomen sibi ob nimia proceritate affectant praecipuum. sunt quamquam et horum positura Grannii, Augandxi, Eunixi, Taetel, Rugi, Arochi, Rauii, quibus non ante multos annos Roduulf rex fuit, qui contempto proprio regno ad Theodorici Gothorum regis gremio convolvit et, ut desiderabat, invenit, hae itaque gentes, Germanis corpore et animo grandiores, pugnant beluina saevitia.

25 Ex hac igitur Scandza insula quasi officina gentium aut certe velut vagina nationum cum

rege suo nomine Berig Gothi quondam memorantur egressi: qui ut primum e navibus exientes terras attigerunt, 26 ilico nomen loci dederunt. nam odieque illic, ut fertur, Gothiscandza vocatur. unde mox promoventes ad sedes Vlmerugorum, qui tunc Oceani ripas insidebant, castra metati sunt eosque commisso proelio propriis sedibus pepulerunt, eorumque vicinos Vandalos iam tunc subiugantes suis aplicavere victoriis. ubi vero magna populi numerositate crescente et iam pene quinto rege regnante post Berig Filimer, filio Gadarigis, consilio sedit, ut 27 exinde cum familiis Gothorum promoveret exercitus. qui aptissimas sedes locaqua dum quereretur congrua, pervenit ad Scythiae terras, quae lingua eorum Oium vocabantur: ubi delectatus magna ubertate regionum et exercitus mediaetate transposita pons dicitur, unde amnem traiecerat, inreparabiliter corruisse, nec ulterius iam cuidam licuit ire aut redire. nam is locus, ut fertur, tremulis paludibus voragine circumiecta concluditur, quem utraque confusione natura reddidit inpervium. verumtamen hodieque illic et voces armentorum audiri et indicia hominum depraeherendi commeantium 28 attestationem, quamvis a longe audientium, credere licet. haec ergo pars Gothorum, quae apud Filemer dicitur in terras Oium emenso amne transposita, optatum potiti solum, nec mora ilico ad gentem Spalorum adveniunt consertoque proelio victoriam adipiscunt, exindeque iam velut victores ad extremam Scythiae partem, quae Ponto mari vicina est, properant, quemadmodum et in priscis eorum carminibus pene storico ritu in commune recolitur: quod et Ablavius descriptor Gothorum gentis egregius 29 verissima adtestatur historia, in quam sententiam et nonnulli consensere maiorum: Ioseppus quoque annalium relator verissimus dum ubique veritatis conservet regulam et origines causarum a principio revolvat. haec vero quae diximus de gente Gothorum principia cur omiserit, ignoramus: sed tantum Magog eorum stirpe comemorans, Scythas eos et natione et vocabulo asserit appellatos, cuius soli terminos, antequam aliud ad medium deducamus, necesse est, ut iacent, edicere.

30 Scythia si quidem Germaniae terre confines eo tenus, ubi Ister oritur amnis vel stagnus, dilatatur Morsianus, tendens usque ad numina Tyram, Danastrum et Vago. solam, magnumque illud Danaprum Taurumque montem, non illum Asiae, sed proprium, id est Scythicum, per omnem Meotidis aditum, ultraque Meotida per angustias Bosfori usque ad Caucasum montem amnemque Araxem ac deinde in sinistram partem reflexa post mare Caspium, quae in extremis Asiae finibus ab Oceano eoroboro in modum fungi primum tenuis, post haec latissima et rotunda forma exoritur, 31 vergens ad Hunnos, Albanos et Seres usque digreditur, haec, inquam, patria, id est Scythia, longe se tendens lateque aperiens, habet ab oriente Seres, in ipso sui principio litus Caspii maris commanentes; ab occidente Germanos et flumen Vistulae; ab arctu, id est septentrionali, circumdatur oceano, a meridiae Persida, 32 Albania, Hiberia, Ponto atque extremo alveo Istri, qui dicitur Danubius ab ostia sua usque ad fontem, in eo vero latere, qua Ponticum litus attingit, oppidis haut obscuris involvitur, Boristhenide, Olbia, Callipolida, Chersona, Theodosia, Careon, Myrmicion

et Trapezunta, quas indomiti Scytharum nationes Grecis permiserunt condere, sibimet commercia prestaturos, in cuius Scythiae medium est locus, qui Asiam Europamque ab alterutro dividit, Riphei scilicet montes, qui Thanain vastissimum fundunt intrantem 33 Meotida cuius paludis circuitus passuum mil. CXLIII, nusquam octo ulnis altius subsidentis, in qua Scythia prima ab occidente gens residet Gepidarum, que magnis opinatisque ambitur fluminibus. nam Tisia per aquilonem eius chorumque discurrit; ab africo vero magnus ipse Danubius, ab eoo Flutausis secatur, qui 34 rapidus ac verticosus in Istri fluente furens divolvitur. introrsus illis Dacia est, ad coronae speciem arduis Alpibus eniunita, iuxta quorum sinistrum latus, qui in aquilone vergit, ab ortu Vistulae fluminis per immensa spatia Venetbarum natio populosa consedit, quorum nomina licet nunc per varias familias et loca mutantur, principaliter tamen Sclaveni et Antes nominantur, Sclaveni a civitate 35 Novietunense et laco qui appellatur Mursiano usque ad Danastrum et in boream Viscla tenus commorantur: hi paludes silvasque pro civitatibus habent. Antes vero, qui sunt eorum fortissimi, qua Ponticum mare curvatur, a Danastro extenduntur usque ad Danaprum, quae flumina multis mansionibus ab invicem 36 absunt, ad litus autem Oceani, ubi tribus fancis fluente Vistulae fluminis ebibuntur, Vidivarii resident, ex diversis nationibus adgregati; post quos ripam Oceani item Aesti tenent, pacatum hominum genus omnino. quibus in austrum adsidet gens Acatzirorum 37 fortissima, frugum ignara, quae pecoribus et venationibus victitat, ultra quos distendunt supra mare Ponticum Bulgarum sedes, quos notissimos peccatorum nostrorum mala fecerunt, hinc iam Hunni quasi fortissimorum gentium fecundissimus cespes bifariam populorum rabiem pullularunt. nam alii Altziagiri, alii Saviri nuncupantur, qui tamen sedes habent divisas: iuxta Chersonam Altziagiri; quo Asiae bona avidus mercator importat, qui aestate campos pervagant effusas sedes, prout armentorum invitaverint pabula, hieme supra mare Ponticum se referentes, Hunuguri autem hinc sunt noti, quia ab ipsis pellium murinarum venit 38 commercium: quos tantorum virorum formidavit audacia, quorum mansione prima in Scythiae solo iuxta paludem Meotidem, secundo in Mysiam Thraciamque et Daciam, tertio supra mare Ponticum rursus in Scythia legimus habitasse: nec eorum fabulas alicubi repperimus scriptas, qui eos dicunt in Brittania vel in unaqualibet insularum in servitute redactos et in unius caballi praetio a quodam ereptos, aut certe si quis eos aliter dixerit in nostra urbe, quam quod nos diximus, fuisse exortos, nobis aliquid obstrepebit: nos enim potius lectioni credimus quam fabulis anilibus consentimus.

39 Ut ergo ad nostrum propositum redeamus, in prima sede Scythiae iuxta Meotidem commanentes praefati, unde loquimur, Filimer regem habuisse noscuntur, in secunda, id est Daciae, Thraciaeque et Mysiae solo Zalmoxen, quem mirae philosophiae eruditionis fuisse testantur plerique scriptores annalium, nam et Zeutam prius habuerunt eruditum, post etiam Dicineum, tertium 40 Zalmoxen, de quo superius diximus, nec defuerunt, qui eos sapientiam erudirent, unde et pene omnibus barbaris Gothi sapientiores semper extiterunt Grecisque pene consimiles, ut refert

Dio, qui historias eorum annalesque Greco stilo composuit. qui dicit primum Tarabosteseos, deinde vocatos Pilleatos hos, qui inter eos generosi extabant, ex quibus eis et reges et sacerdotes ordinabantur, adeo ergo fuere laudati Gaetae, ut dudum Martem, quem poetarum fallacia deum belli pronuntiat, apud eos fuisse dicant 41 exortum, unde et Vergilius: 'gradivumque patrem, Geticis qui praesidet arvis', quem Martem Gothi semper asperrima placavere cultura (nam victimae eius mortes fuere captorum), opinantes bellorum praesulem apte humani sanguinis effusione placandum, huic praede primordia vovebantur, huic truncis suspendebantur exubiae, eratque illis religionis preter ceteros insinuat affectus, 42 cum parenti devotio numinis videretur inpendi, tertia vero sede ao super mare Ponticum iam humaniores et, ut superius diximus, prudentiores effecti, divisi per familias populi, Vesegothae familiae Balthorum, Ostrogothae praeclaris Amalis serviebant.

43 Quorum studium fuit primum inter alias gentes vicinas arcum intendere nervis, Lucano plus storico quam poeta testante: 'Armeniosque arcus Geticis intendite nervis'. ante quos etiam cantu maiorum facta modulationibus citharisque canebant, Eterpamara, Hanale, Frigidigni, Vidigoiae et aliorum, quorum in hac gente 44 magna opinio est, quales vix heroas fuisse miranda iactat antiquitas. tunc, ut fertur, Vesosis Scythis lacrimabile sibi potius intulit bellum, eis videlicet, quos Amazonarum viros prisca tradit auctoritas, de quas et feminas bellatrices Orosius in primo volumine professa voce testatur, unde cum Gothis eum tunc dimicasse evidenter probamus, quem cum Amazonarum viris absolute pugnasse cognoscimus, qui tunc a Borysthene amne, quem accolae Danaprum vocant, usque ad Thanain fluvium circa sinum paludis 45 Meotidis consedebant Thanain vero hunc dico, qui ex Ripheis montibus deiectus adeo preceps ruit, ut, cum vicina flumina sive Meotis et Bosforus gelu solidentur, solus amnium confragosis montibus vaporatus, numquam Scythico duriscit algore, hic Asiae Europaeque terminus famosus habetur. nam alter est ille, qui montibus 46 Chrinnorum oriens, in Caspium mare dilabitur, Danaper autem ortus grande palude, quasi ex matre profunditur. hic usque ad medium sui dulcis est et potabilis, piscesque nimii saporis gignit, ossa carentibus chartellagine tantum habentes in corporis continentiam, sed ubi fit Ponto vicinior, parvum fontem suscipit, cui Examphleo cognomen est, adeo amarum, ut, cum sit quadraginta dierum itinere navigabilis, huius aquis exiguis inmutetur, infectusque ac dissimilis sui inter Greca oppida Callipidas et Hypannis in mare defluat, ad cuius ostia insula est in fronte, Achillis nomine. inter hos terra vastissima, silvis consita, paludibus dubia.

47 Hic ergo Gothis morantibus Vesosis, Aegyptiorum rex, in bellum inruit, quibus tunc Tanausis rex erat, quod proelio ad Phasim fluvium, a quo Fasides aves exortae in totum mundum epulis potentum exuberant, Thanausis Gothorum rex Vesosi Aegyptiorum occurrit, eumque graviter debellans in Aegypto usque persecutus est, et nisi Nili amnis intransmeabilis obstetisset fluentia vel munitiones, quas dudum sibi ob incursiones Aethiopum Vesosis fieri praecepisset, ibi in eius eum patria extinxisset, sed dum eum ibi positum non valuisset laedere, revertens pene omnem Asiam

subiugavit et sibi tunc caro amico Somo, regi Medorum, ad persolvendum tributum subditos fecit, ex cuius exercitu victores tunc nonnulli provincias subditas contuentes 48 et in omni fertilitate pollentes deserta suorum agmina sponte in Asiae partibus residerunt, ex quorum nomine vel genere Pompeius Trogi Parthorum dicit extitisse prosapiem, unde etiam hodieque lingua Scythica fugaces quod est, Parthi dicuntur, suoque generi respondentes inter omnes pene Asiae nationes soli sagittarii suxit et acerrimi bellatores. de nomine vero, quod diximus eos Parthos, fugaces, ita aliquanti aethymologiam traxerunt, ut dicerent Parthi, quia suos refugerunt parentes, hunc ergo Thanausim regem Gothorum mortuum inter numina sui populi coluerunt.

49 Post cuius decessum et exercitu eius cum successores ipsius in aliis partibus expeditione gerentibus feminae Gothorum a quadam vicina gente temptantur in praeda, quae doctae a viris fortiter resisterunt hostesque super se venientes cum magna verecundia abigerunt, qua patratae victoria fretaeque maioris audacia invicem se cohortantes arma arripiunt elegentesque duas audentiores 50 Lampeto et Marpesia principatui subrogarunt. quae dum curam gerunt, ut et propria defenderent et aliena vastarent, sortitae Lampeto restitit fines patrios tuendo, Marpesia vero feminarum agmine sumpta novum genus exercitui duxit in Asiam, diversasque gentes bello superans, alios vero pace concilians; ad Cauchasum venit, ibique certum tempus demorans loci nomen dedit Saxum Marpesiae, unde et Vergilius: 'ac si dura silex aut stet Marpesia cautes', in eo loco, ubi post haec Alexander Magnus portas constituens 51 Pylas Caspiae nominavit, quod nunc Lazorum gens custodit pro munitione Romana. hic ergo certum temporis Amazonas commanentes confortati sunt. unde egressi et Alem fluvium, quod iuxta Gargaram civitatem praeterfluit, transeuntes, Armeniam, Syriam Ciliciamque, Galatiam, Pisidiam omniaque Asiae loca aequa felicitate domuerunt; Ioniam Eoliamque conversae deditas sibi provincias effecerunt. ubi diutius dominantes etiam civitates castraque suo in nomine dicaverunt, Ephesi quoque templum Dianae ob sagittandi ac venandi studium, quibus se artibus tradidissent, effusis opibus mirae pulchritudinis condiderunt, tale 52 ergo Scythiae genitae feminae casu Asiae regna potitae per centum pene annos tenuerunt et sic demum ad proprias socias in cautes Marpesios, quas superius diximus, repedarunt, in montem scilicet Caucasi, cuius montis quia facta iterum mentio est, non ab re arbitror eius tractum situmque describere, quado maximam 53 partem orbis noscitur circuire iugo continuo. is namque ab Indico mare surgens, qua meridiem respicit, sole vaporatus ardescit; qua septentrione patet, rigentibus ventis est obnoxius et pruinis, mox in Syriam curvato angulo reflexus, licet amnum plurimos emittat, in Vasianensem tamen regionem Eufratem Tigrimque navigeros ad opinionem maximam perennium fontium cupiosis fundit uberibus, qui amplexantes terras Syrorum Mesopotamiam et appellari faciunt et videri, in sinum rubri maris fluente deponentes. 54 tunc in boream revertens Scythicas terras iugis antefatus magnis flexibus pervagatur atque ibidem opinatissima flumina in Caspium mare profundens Araxem, Cysum et Cambisen continuatoque

iugo ad Ripheos usque in montes extenditur, indeque Scythicis gentibus dorso suo terminum praebens ad Pontum usque descendit, consertisque collibus Histri quoque fluentia contingit, quo amne 55 scissus dehiscens Scythia quoque Taurus vocatur, talis ergo tantusque et pene omnium montium maximus excelsas suas erigens summitates naturali constructione praestat gentibus inexpugnanda munimina. nam locatim recisus, qua disrupto iugo vallis hiatu patescit, nunc Caspiae portas, nunc Armenias, nunc Cilicas, vel secundum locum quale fuerit, facit, vix tamen plaustro meabilis, lateribus in altitudinem utremque desectis, qui pro gentium varietate diverso vocabulo nuncupatur, hunc enim Lammum, mox Propanissimum Indus appellat; Parthus primum Castram, post Nifatem edicit; Syrus et Armenus Taurum, Scythia Cauchasum ac Bifeum, iterumque in fine Taurum cognominat; aliaeque conplurimae gentes huic iugo dedere vocabulo, et quia de eius continuatione pauca libabimus, ad Amazonas, unde divertimus, redeamus.

56 Quae veritae, ne eorum prolis rarisceret, vicinis gentibus concubitus petierunt, facta nundina semel in anno, ita ut futuri temporis eadem die revertentibus in id ipsum, quidquid partus masculum edidisset, patri redderet, quidquid vero feminei sexus nasceretur, mater ad arma bellica erudiret: sive, ut quibusdam placet, editis maribus novercali odio infantis miserandi fata 57 rumpebant, ita apud illas detestabile puerperium erat, quod ubique constat esse votivum. quae crudelitas illis terrorem maximum comulabat opinionis vulgatae, nam quae, rogo, spes esset capto, ubi indulgi vel filio nefas habebatur contra has, ut fertur, pugnavit Herculia, et Melanis pene plus dolo quam virtute subegit Theseus vero Hippoliten in praeda tulit, de qua et genuit Hypolitum, hae quoque Amazones post haec habuere reginam nomine Penthesileam, cuius Troiano bello extant clarissima documenta. nam hae feminae usque ad Alexandrum Magnum referuntur tenuisse regimen.

58 Sed ne dicas: de viris Gothorum sermo adsumptus cur in feminas tamdiu perseverat? audi et virorum insignem et laudabilem fortitudinem. Dio storicus et antiquitatum diligentissimus inquisitor, qui operi suo Getica titulum dedit (quos Getas iam superiori loco Gothos esse probavimus, Orosio Paulo dicente) – hic Dio regem illis post tempora multa commemorat nomine Telephum, ne vero quis dicat hoc nomen a lingua Gothica omnino peregrinum esse, nemo qui nesciat animadvertat usu pleraque nomina gentes amplecti, ut Romani Macedonum, Greci Romanorum, 59 Sarmatae Germanorum, Gothi plerumque mutantur Hunnorum. is ergo Telephus, Herculis filius natus ex Auge, sororis Priami coniugio copulatus, procerus quidem corpore, sed plus vigore terribilis, qui paternam fortitudinem propriis virtutibus aequans Herculis genium formae quoque similitudinem referebat, huius itaque regnum Moesiam appellavere maiores, quae provincia habet ab oriente ostia fluminis Danubii, a meridie Macedonia, 60 ab occasu Histria, a septentrione Danubium. is ergo antefatus habuit bellum cum Danais, in qua pugna Thesandrum ducem Graeciae interemit et dum Aiace iniestus invadit Vliximque persequitur, vitibus equo cadente ipse corruit

Achillisque iaculo femur saucius diu mederi nequivit; Grecos tamen, quamvis iam saucius, e suis finibus proturbavit, Thelepho vero defuncto Euryphylus filius successit in regno, ex Priami fratris regis germana progenitus. qui ob Casandrae amorem bello interesse Troiano, ut parentibus soceroque ferret auxilium, cupiens, mox venisset extinctus est.

61 Tunc Cyrus, rex Persarum, post grande intervallum et pene post DCXXX annorum tempore (Pompeio Trogus testante) Getarum reginae Thomyre sibi exitiabile intulit bellum, qui elatus ex Asiae victoriis Getas nititur subiugare, quibus, ut diximus, regina erat Thomyris, quae cum Abraxem amnem Cyri arcere potuisset accessum, transitum tamen permisit, elegens armis eum vincere 62 quam locorum beneficio submovere; quod et factum est et veniente Cyro prima cessit fortuna Parthis in tantum, ut et filium Thomyris et plurimum exercitum trucidarent. sed iterato Marte Getae cum sua regina Parthos devictos superant atque prosternunt opimamque praedam de eis auferunt, ibique primum Gothorum gens sirica vidit tentoria, tunc Thomyris regina aucta victoria tantaque praeda de inimicis potita, in partem Moesiae, quae nunc a magna Scythia nomen mutuatum minor Scythia appellatur, 63 transiens, ibi in Ponti Moesiaco litore Thome civitatem suo de nomine aedificavit. dehinc Darius, rex Persarum, Hystaspis filius, Antyri, regis Gothorum, filiam in matrimonio postulavit, rogans pariter atque deterrens, nisi suam peragerent voluntatem, cuius affinitatem Gothi spernentes, legationem eius frustrarunt. qui repulsus dolore inflammatus est et DCC milia armatorum contra ipsos produxit exercitum, verecundiam suam malo publico vindicare contendens; navibusque pene a Chalcedona usque ad Bizantium in instar pontium tabulatis atque consertis Thraciam petit et Moesiam; pontemque rursus in Danubio pari modo constructum duobus mensibus crebris fatigatus in Tapis VIII milia perdidit armatorum, timensque, ne pons Danubii ab eius adversariis occuparetur, celeri fuga in Thracia repedavit, nec Mysiae solum 64 sibi credens tutum fore aliquantulum remorandi, post cuius decessum iterum Xerxes filius eius paternas iniurias ulcisci se aestimans, cum sua septingenta et auxiliarium CCC milia armatorum, rostratas naves mille ducentas, onerarias tria milia, super Gothos ad bellum profectus nec temptare in conflictu praevaluit, eorum 65 animositate et constantia superatus. sic namque ut venerat, absque aliquo certamine suo cum robore recessit, Philippus quoque, pater Alexandri Magni, cum Gothis amicitias copulans Medopam Gudilae regis filiam accepit uxorem, ut tali affinitate roboratus Macedonum regna firmaret, qua tempestate Dio storico dicente Philippus inopia pecuniae passus, Odyssitanam Moesiae civitatem instructis copiis vastare deliberat, quae tunc propter vicinam Thomea Gothia erat subiecta, unde et sacerdotes Gothorum illi qui pii vocabantur subito patefactis portis cum citharis et vestibibus candidis obviam egressi patriis diis, ut sibi propitii Macedonas repellerent, voce supplici modulantes, quos Macedones sic fiducialiter sibi occurrere contuentes stupiscent et, si dici fas est, ab inermibus terrentur armati, nec mora soluta acie quam ad bellandum construxerant, non tantum ab urbis excidio abstinerunt, verum etiam et quos foris fuerant iure belli adepti, reddiderunt, 66

foedusque inito ad sua reversi sunt, quod dolum post longum tempus reminiscens egregius Gothorum ductor Sithalcus, CL virorum milibus congregatis Atheniensibus intulit bellum adversus Perdiccam Macedoniae regem, quem Alexander apud Babylioniam ministri insidiis potans interitum Atheniensium principatui hereditario iure reliquerat successorem, magno proelio cum hoc inito Gothi superiores inventi sunt, et sic pro iniuria, qua illi in Moesia dudum fecissent, isti in Grecia discurrantes cunctam Macedoniam vastaverunt.

67 Dehinc regnante Gothis Buruista Dicineus venit in Gothiam, quo tempore Romanorum Sylla potitus est principatum, quem Dicineum suscipiens Buruista dedit ei pene regiam potestatem; cuius consilio Gothi Germanorum terras, quas nunc Franci optinent, 68 populati sunt. Caesar vero, qui sibi primus omnium Romanum vindicavit imperium et pene omnem mundum suae dicioni subegit omniaque regna perdomuit, adeo ut extra nostro urbe in oceani sinu repositas insulas occuparet, et nec nomen Romanorum auditu qui noverant, eos Romanis tributarios faceret, Gothos tamen crebro pertemptans nequivit subicere, Gaius Tiberius 69 iam tertius regnat Romanis: Gothi tamen suo regno incolume perseverant, quibus hoc erat salubre, hoc adcommodum, hoc votivum, ut, quidquid Dicineus eorum consiliarius precepisset, hoc modis omnibus expetendum, hoc utile iudicantes, effectui mancparent, qui cernens eorum animos sibi in omnibus oboedire et naturalem eos habere ingenium, omnem pene phylo–sophiam eos instruxit: erat namque huius rei magister peritus. nam ethicam eos erudiens barbaricos mores conpescuit; physicam tradens naturaliter propriis legibus vivere fecit, quas usque nunc conscriptas belagines nuncupant; logicam instruens rationis eos supra ceteras gentes fecit expertes; practicen ostendens in bonis actibus conversare suasit; theoreticen demonstrans signorum duodecem et per ea planetarum cursus omnemque astronomiam contemplari edocuit, et quomodo lunaris urbis augmentum sustinet aut patitur detrimentum, edixit, solisque globum igneum quantum terreno orbe in mensura excedat, ostendit, aut quibus nominibus vel quibus signis in polo caeli vergente et revergente trecentae quadraginta et sex stellae ab ortu in occasu precipites ruant, exposuit. 70 qualis erat, rogo, voluptas, ut viri fortissimi, quando ab armis quantolumcumque vacassent, doctrinis philosophicis inbuebantur? videris unum caeli positionem, alium herbarum fruticumque explorare naturas, istum lunae commoda incommodaque, illum solis labores adtendere et quomodo rotatu caeli raptos retro reduci ad partem occiduam, qui ad orientalem plagam ire festinant, 71 ratione accepta quiescere, haec et alia nonnulla Dicineus Gothis sua peritia tradens mirabilis apud eos enituit, ut non solu mediocribus, immo et regibus imperaret, elegit namque ex eis tunc nobilissimos prudentioresque viros, quos theologiam instruens, numina quaedam et sacella venerare suasit fecitque sacerdotes, nomen illis pilleatorum contradens, ut reor, quia opertis capitibus 72 tyaris, quos pilleos alio nomine nuncupamus, litabant: reliquam vero gentem capillatos dicere iusait, quod nomen Gothi pro magno suscipientes adhuc odie suis cantionibus reminiscunt.

73 Decedente vero Dicineo pene pari veneratione habuerunt Comosicum, quia nec inpar erat sollertiae. hic etenim et rex illis et pontifex ob suam peritiam habebatur et in summa iustitia populos iudicabat. et hoc rebus excedente humanis Coryllus rex Gothorum in regno conscendit et per quadraginta annos in Dacia 74 suis gentibus imperavit Daciam dico antiquam, quam nunc Gepidarum populi possidere noscuntur. quae patria in conspectu Moesiae sita trans Danubium corona montium cingitur, duos tantum habens accessus, unum per Boutas, alterum per Tapas, haec Gotia, quam Daciam appellavereo maiores, quae nunc, ut diximus, Gepidia dicitur, tunc ab oriente Aroxolani, ab occasu Iazyges, a septentrione Sarmatae et Bastemae, a meridiae amnis 75 Danubii terminabant, nam Iazyges ab Aroxolanis Alnta tantum fluvio segregantur, et quia Danubii mentio facta est, non ab re iudico pauca de tali amne egregio indicare, nam hic in Alamannicis arvis exoriens sexaginta a fonte suo usque ad ostia in Ponto mergentia per mille ducentorum passuum milia hinc inde suscipiens flumina in modum spinae, quem costas ut cratem intexunt, omnino amplissimus est, qui lingua Bessorum Hister vocatur, ducentis tantum pedibus in altum aquam in alveo habet profundam, hic etenim amnis inter cetera flumina in magnum omnes superans praeter Nilum. haec de Danubio dixisse sufficiat. ad propositum vero, unde nos digressimus, iubante domino redeamus.

76 Longum namque post intervallum Domitiano imperatore regnante eiusque avaritiam metuentes foedus, quod dudum cum aliis principibus pepigerant, Gothi solventes, ripam Danubii iam longe possessam ab imperio Romano deletis militibus cum eorum ducibus vastaverunt, cui provinciae tunc post Agrippam Oppius praeerat Savinus, Gothis autem Dorpaneus principatum agebat, quando bello commisso Gothi, Romanos devictos, Oppii Savini caput abscisum, multa castella et civitates invadentes de parte 77 imperatoris publice deprædarentur qua necessitate suorum Domitianus cum omni virtute sua Illyricum properavit et totius pene rei publicae militibus ductore Fusco praelato cum lectissimis viris amnem Danubii consertis navibus ad instar pontis transmeare 78 coegit super exercitum Dorpaneum. tum Gothi haut segnes reperti arma capessunt primoque conflictu mox Romanos devincunt, Fuscoque duce extincto divitias de castris militum spoliunt magnaue potiti per loca victoria iam proceres suos, quorum quasi fortuna vincebant, non puros homines, sed semideos id est Ansis vocaverunt, quorum genealogia ut paucis percurram vel quis quo parente genitus est aut unde origo coepta, ubi finem effecit, absque invidia, qui legis, vera dicentem ausculta.

79 Horum ergo heroum, ut ipsi suis in fabulis referunt, primus fuit Gapt, qui genuit Hulmul. Hulmul vero genuit Augis: at Augis genuit eum, qui dictus est Amal, a quo et origo Amalorum decurrit: qui Amal genuit Hisarna: Hisarnis autem genuit Ostrogotha: Ostrogotha autem genuit Hunuil: Hunuil item genuit Athal: Athal genuit Achiulf et Odunlf: Achiulf autem genuit Ansila et Ediulf, Vultuulf et Hermenerig: Vultuulf vero genuit Valaravans: Valaravans autem genuit

Vinitharium: Vinitharius quoque genuit 80 Vandilium: Vandaliarius genuit Thiudemer et Valamir et Vidimir: Thiudimir genuit Theodericum: Theodericus genuit Amalasuentham: Amalasuentha genuit Athalaricum et Matesuentham de Eutharico viro suo, cuius affinitas generis sic ad eam coniuncta 81 est, nam supra dictus Hermanaricus, filius Achiulf, genuit Hunimundum: Hunimundus autem genuit Thorismundo: Thorismundus vero genuit Berimud: Berimud autem genuit Vetericum: Vetericus item genuit Eutharicum, qui coniunctus Amalasuinthae genuit Athalaricum et Mathesuentham, mortuoque in puerilibus annis Athalarico Mathesuenthae Vitigis est copulatus, de quo non suscepit liberum; adductique simul a Belesario Constantinopolim: et Vitigis rebus excedente humanis Germanus patricius fratruelis Iustiniani imp. eam in conubio sumens patriciam ordinariam fecit; de qua et genuit filium item Germanum nomine, Germano vero defuncto ipsa vidua perseverare disponit, quomodo autem aut qualiter regnum Amalorum distructum est, loco suo, si dominus iubaverit, edicimus.

82 Nunc autem ad id, unde digressum fecimus, redeamus doceamusque, quomodo ordo gentis, unde agimus, cursus sui metam explevit, Ablabius enim storicus refert, quia ibi super limbum Ponti, ubi eos diximus in Scythia commanere, ibi pars eorum, qui orientali plaga tenebat, eisque praeerat Ostrogotha, utrum ab ipsius nomine, an a loco, id est orientales, dicti sunt Ostrogothae, residui vero Vesegothae, id est a parte occidua.

83 Et quia iam superius diximus eos transito Danubio aliquantum temporis in Mysiam Thraciamque vixisse, ex eorum reliquiis fuit et Maximinus imp. post Alexandrum Mamaeae. nam, ut dicit Symmachus in quinto suae historiae libro, Maximinus, inquit, Caesar mortuo Alexandro ab exercitu effectus est imp., ex infimis parentibus in Thracia natus, a patre Gotho nomine Micca, matre Halana, quae Ababa dicebatur. is triennio regnans, dum in Christianos arma commoveret, imperium simul et vitam amisit, nam 84 hic Severo imp. regnante et natalis die filii celebrante, post prima aetate et rusticana vita de pascuis in militiam venit, princeps si quidem militares dederat ludos; quod cernens Maximinus, quamvis semibarbarus adulscens, propositis praemiis patria lingua petit ab imperatore, ut sibi luctandi cum expertis militibus licentiam daret. Severus, ammodum miratus magnitudinem formae – 85 erat enim, ut fertur, statura eius procera ultra octo pedes – iussit eum laxis corporis nexu contendere, ne quid a rudi homine militaribus viris eveniret imuriae. tum Maximinus sedecim lixas tanta felicitate prostravit, ut vincendo singulos nullam sibi requiem per intercapidinem temporis daret, hic captis praemiis insus in militiam mitti, primaque ei stipendia equesiria fuere. tertia post haec die, cum imperator prodiret ad campum, vidit eum exultantem more barbarico iussitque tribuno, ut eum coherciturum ad Romanam inbueret disciplinam, ille vero, ubi de se intellexit principem 86 loqui, accessit ad eum equitantemque praeire pedibus coepit, tum imperator equo ad lentum cursum calcaribus incitato multos urbes huc atque illuc usque ad suam defatigationem variis deflexibus impedivit ac deinde ait illi: «num quid vis post cursum, Thracisce,

luctare?» respondit: “quantum libet, imperator”. ita Severus, ex equo desiliens, recentissimos militum cum eo decertari iussit, at ille septem valentissimos iuvenes ad terram elisit, ita ut antea nihil per intervalla respiraret, solusque a Caesare et argenteis praemiis et aureo torque donatus est; iussus deinde inter 87 stipatores degere corporis principalis. post haec sub Antonino Caracalla ordines duxit ac saepe famam factis extendens plures militiae grados centuriatumque strenuitatis suae praetium tulit. Macrino tamen postea in regno ingresso recusavit militiam pene triennio, tribunatusque habens honore numquam se oculis Macrini 88 optulit, indignum ducens eius imperium, qui perpetrato facinus fuerat acquisitum. ad Eliogabalum dehinc quasi ad Antonini filium revertens tribunatum suum adiit et post hunc sub Alexandrum Mamaeae contra Parthos mirabiliter dimicavit. eoque Mogontiaco militari tumulto occiso ipse exercitus electione absque senatus consultu effectus est imperator, qui cuncta bona sua in persecutione Christianorum malo voto foedavit, occisusque Aquileia a Puppione, regnum reliquit Philippo. quod nos idcirco huic nostro opusculo de Symmachi hystoria mutuavimus, quatenus gentem, unde agimus, ostenderemus ad regni Romani fastigium usque venisse. ceterum causa exegit, ad id, unde digressimus, ordine redeamus.

89 Nam gens ista mirum in modum in ea parte, qua versabatur, id est Ponti in litore Scythiae soli, enituit, sine dubio tanta spatia tenens terrarum, tot sinos maris, is tot fluminum cursus, sub cuius saepe dextera Vandalus iacuit, stetit sub praetio Marcomannus, Quadorum principes in servitute redacti sunt Philippo namque ante dicto regnante Romanis, qui solus ante Constantinum Christianus cum Philippo idem filio fuit cuius et secundo anno regni Roma millesimum annum explevit, Gothi, ut adsolet, subtracta sibi stipendia sua aegre ferentes, de amicis effecti sunt inimici. nam quamvis remoti sub regibus viverent suis, rei publicae tamen Romanae 90 foederati erant et annua munera percipiebant quid multa transiens tunc Ostrogotha cum suis Danubio Moesiam Thraciasque vastavit, ad quem rebellandum Decius senator a Philippo dirigitur, qui veniens dum Getis nihil praevallet, milites proprios exemptos a militia fecit vitae privatae degi, quasi eorum neglectu Gothi Danubium transfretassent, factaque ut puta in suis vindicta ad Philippnm revertitur, milites vero videntes se post tot labores militia pulsos, indignati ad Ostrogothae regis Gothorum auxilium 91 confugerunt, qui excipiens eos eorumque verbis accensus mox tricenta milia suorum armata produxit ad bellum adhibitis sibi Taifalis et Astringis nonnullis, sed et Carporum trea milia, genus hominum ad bella nimis expeditum, qui saepe fuere Romanis infesti; quos tamen post haec imperante Dioclitiano et Maximiano Galerius Maximinus Caesar devicit et rei publicae Romanae subegit. his ergo addens Gothos et Peucinos ab insula Peucis, quae in ostia Danubii Ponto mergentia iacet, Argaithum et Gunthericum 92 nobilissimos suae gentis doctores praefecit, qui mox Danubium vadati et de secundo Moesiam populati, Marcianopolim eiusdem patriae urbem famosam metropolim adgrediuntur, diuque 93 obsessam accepta pecunia ab his qui inerant reliquerunt. et

quia Marcianopolim nominavimus, libet aliqua de eius situ breviter intimare. nam hanc urbem Traianus imperator hac re, ut fertur, aedificavit, eo quod Marciae sororis suae puella, dum lavat in flumine illo qui nimii limpiditatis saporisque in media urbe oritur Potami cognomento, exindeque vellit aquam haurire, casu vas aureum quod ferebat in profundum decedit, metalli pondere praegravatum longeque post ab imis emersit; quod certe non erat usitatum aut vacuum sorberi aut certe seme voratum undis respuentibus enatare, his Traianus sub admiratione conpertis fontique numinis quoddam inesse credens conditam civitatem germanae suae in nomine Marcianopolim nuncupavit.

94 Abhinc ergo, ut dicebamus, post longam obsidionem accepto praemio ditatus Geta recessit ad propria, quem cernens Gepidarum natio subito ubique vincentem praedisque ditatum, invidia ductus arma in parentibus movit. quomodo vero Getae Gepidasque sint parentes si quaeris, paucis absolvam, meminisse debes me in initio de Scandzae insulae gremio Gothos dixisse egressos cum 95 Berich rege suo, tribus tantum navibus vectos ad ripam Oceani citerioris, id est Gothiscandza. quarum trium una navis, ut adsolet, tardior nanta nomen genti fertur dedisse; nam lingua eorum pigra gepanta dicitur, hinc factum est, ut paulatim et 96 corruptae nomen eis ex convicio is nasceretur Gepidas, nam sine dubio ex Gothorum prosapie et hi trahent originem; sed quia, ut dixi, gepanta pigrum aliquid tardumque designat, pro gratuito convicio Gepidarum nomen exortum est, quod nec ipsud credo falsissimum: sunt etenim tardioris ingenii et graviores corporum velocitate, hi ergo Gepidae tacti invidia, dum Spesis provincia commanerent in insulam Visclae amnis vadibus circumactam, quam patrio sermone dicebant Gepedoios. nunc eam, ut fertur, insulam gens Vividaria incolit ipsis ad meliores terras meatibus, qui Vividarii ex diversis nationibus ac si in unum asylum collecti 97 sunt et gentem fecisse noscantur. ergo, ut dicebamus, Gepidarum rex Fastida quietam gentem excitans patrios fines per arma dilatavit. nam Burgundzones pene usque ad internicionem delevit aliasque nonnullas gentes perdomuit, Gothos quoque male provocans consanguinitatis foedus prius inopportuna concertatione violavit superba admodum elatione iactatus, crescenti populo 98 dum terras coepit addere, incolas patrios reddidit rariores, is ergo missis legatis ad Ostrogotham, cuius adhuc imperio tam Ostrogothae quam Vesegothae, id est utrique eiusdem gentes populi, subiacebant, inclusum se montium quaeritans asperitate silvarumque densitate constrictum, unum poscens e duobus, ut aut bellum sibi aut locorum suorum spatia praepararet, tunc Ostrogotha 99 rex Gothorum ut erat solidi animi, respondit legatis bellum se quidem talem horrere durumque fore et omnino scelestum armis configere cum propinquis, loca vero non cedere. quid multa? Gepidas in bella inruunt, contra quos, ne minor indicaretur, movit et Ostrogotha procinctum, conveniuntque ad oppidum Galtis, iuxta quod currit fluvius Auha, ibique magna partium virtute certatum est, quippe quos in se et armorum et pugnandi similitudo commoverat; sed causa melior vivacitasque ingenii iubet 100 Gothos. inclinata denique parte Gepidarum proelium nox diremit. tunc relictis suorum

strage Fastida rex Gepidarum properavit ad patriam, tam pudendis obprobriis humiliatas, quam fuerat elationis erectus. redeunt victores Gothi Gepidarum discessione contenti, suaeque in patria feliciter in pace versantur, usque dum eorum praevis existeret Ostrogotha.

101 Pos cuius decessum Cniva, exercitum dividens in duas partes, nonnullos ad vastandum Moesiam dirigit, sciens eam negligentibus principibus defensoribus destitutam; ipse vero cum LXX milibus ad Eusciam, id est Novas conscendit. unde a Gallo duce remotus Nicopolim accedit, quae iuxta latrum fluvium eat constituta notissima; quam devictis Sarmatis Traianus et fabricavit et appellavit Victoriae civitatem, ubi Decio superveniente imperatore 102 tandem Cniva in Hemi partibus, quae non longe aberant, recessit, unde apparatu disposito Philippopolim ire festinans, cuius secessu Decius imperator cognoscens et ipsius urbis ferre subsidium gestiens iugum Hemi montis transacto ad Beroam venit, ibique dum equos exercitumque lassum refoveret, ilico Cniva cum Gothis in modum fulminis ruit, vastatoque Romano exercitu imperatorem cum pauculis, qui fugere quiverant, ad Eusciam rursus trans Alpes in Mysia proturbavit, ubi tunc Gallus dux limitis cum plurima manu bellantium morabatur; collectoque tam exinde 103 quam de Vsco exercitu, futuri belli se parat in aciae. Cniva vero diu obsessam invadit Philippopolim praedaeque potitus Prisco duce qui inerat sibi foederavit quasi cum Decio pugnaturum, venientesque ad conflictum ilico Decii filium sagitta saucium crudeli funere confodiunt. quod pater animadvertens licet ad confortandos animos militum fertur dixisse: «nemo tristetur: perditio unius militis non est rei publicae deminutio». tamen, paterno affectu non ferens, hostes invadit, aut mortem aut ultionem fili exposcens, veniensque ad Abritto Moesiae civitatem circumseptus a Gothis et ipse extinguitur imperii finem vitaeque terminum faciens. qui locus hodieque Decii ara dicitur, eo quod ibi ante pugnam mirabiliter idolis immolasset.

104 Defuncto tunc Decio Gallus et Volusianus regnum potiti sunt Romanorum, quando et pestilens morbus, pene istius necessitatis consimilis. quod nos ante hos novem annos experti sumus, faciem totius orbis foedavit, supra modum tamen Alexandriam totiusque Aegypti loca devastans, Dionysio storico auper hanc cladem lacrimaviliter exponente, quod et noster conscribit venerabilis martyr Christi et episcopus Cyprianus in libro, cuius titulus 105 est ‘de mortalitate’. tunc et Emilianus quidam Gothis saepe ob principum negligentiam Mysiam devastantibus, ut vidit licere nec a quoquam sine magno rei publicae dispendio removeri, similiter suae fortunae arbitratus posse venire, tyrannidem in Moesia arripuit omneque manu militari ascita coepit urbes et populos devastare. contra quem intra paucos menses dum multitudo apparatus adcreveret, non minimum incomodum rei publicae parturivit; qui tamen in ipso pene nefario conatus sui initio extinctus 106 et vitam et imperium, quod inhiabat, amisit: supra dicti vero Gallus et Volusianus imperatores, quamvis vix biennio in imperio perseverantes ab hac luce migrarunt, tamen ipsud biennium, quod affuerunt, ubique pacati, ubique regnaverunt gratiosi, praeter quod unum eorum fortunae reputatum

est, id est generalis morbus, sed hoc ab imperitis et calumniatoribus, qui vitam solent aliorum dente maledico lacerare. hi ergo mox imperio adepti sunt, foedus cum gente pepigerunt Gothorum, et nec longo intervallo utrisque regibus occumbentibus Gallienus arripuit principatum.

107 Quod in omni lascivia resoluti Respa et Veducus Tharuaroque duces Gothorum sumptis navibus Asiam transierunt, fretum Ellispontiacum transvecti, ubi multas eius provinciae civitates populas opinatissimum illud Ephesiae Dianae templum, quod dudum dixeramus Amazonas condidisse, igne succendunt partibusque Bithiniae delati Chalcedonam subverterunt, quam post Comelius Abitus aliqua parte reparavit, quae hodieque, quamvis regiae urbis vicinitate congaudeat, signa tamen ruinarum suarum 108 aliquanta ad indicium retinet posteritatis, hac ergo felicitate Gothi, qua intraverunt partibus Asiae, praedas spoliaque potiti, Hellispontiacum fretum retransseunt, vastantes itinere suo Troiam Iliumque, quae vix a bello illo Agamemnoniaco quantum se reparantes rursus hostili mucrone deletae sunt. post Asiae ergo tale excidium Thracia eorum experta est feritatem, nam ibi ad radices Emi montis et mari vicinam Anchialos civitatem adgressi mox 109 adeunt, urbem, quam dudum Sardanaphalus, rex Parthorum, inter limbum maris et Emi radices locasset. ibi ergo multis feruntur mansisse diebus aquarum calidarum delectati lavacris, quae ad duodecimo miliario Anchialitanae civitatis sunt siti, ab imo suae fontis ignei scaturrientes, et inter reliqua totius mundi thermarum innumerabilium loca omnino precipua et ad sanitatem infirmorum efficacissima.

110 Exinde ergo ad proprias sedes regressi post haec a Maximiano imperatore rediguntur in auxilio Romanorum contra Parthos rogati, ubi omnino datis auxiliariis fideliter decertati sunt sed postquam Caesar Maximinus pene cum eorum solacia Narseum regem Persarum Saporis magni nepotem fugasset eiusque omnes opes simulque uxores et filios depraedasset Achillemque in Alexandria Dioclitianus superasset et Maximianus Herculus in Africa Quinquegentianos adtrivisset, pacem rei publicae nunti coeperunt 111 quasi Gothos neglegere, nam sine ipsos dudum contra quasvis gentes Romanus exercitus difficile decertatus est, apparet namque frequenter, quomodo invitabantur sic: ut et sub Constantino rogati sunt et contra cognatum eius Licimum arma tulerunt eumque devictum et in Thessalonica clausum privatum ab imperio Constantini 112 victoris gladio trucidarunt. nam et ut famosissimam et Romae emulam in suo nomine conderet civitatem, Gothorum interfuit operatio, qui foedus inito cum imperatore quadraginta suorum milia illi in solacio contra gentes varias obtulere; quorum et numerus et militia usque ad praesens in re publica nominatur, id est foederati. tunc etenim sub Ariarici et Aorici regum suorum florebant imperio. post quorum decessum successor regni extitit Geberich virtutis et nobilitatis eximius.

113 Nam hic Hilderith patre natus, avo Ovida, proavo Nidada, gloriam generis sui factis illustribus exaequavit. primitias regni sui mox in Vandalica gente extendere cupiens contra Visimar eorum rege qui Asdingorum stirpe, quod inter eos eminet genusque indicat bellicosissimum,

Deuxippo storico referente, qui eos ab Oceano ad nostrum limitem vix in anni spatio pervenisse testatur prae nimia terrarum immensitate, quo tempore erant in eo loco 114 manentes, ubi nunc Gepidas sedent, iuxta flumina Marisia, Miliare et Gilpil et Grisia, qui omnes supra dictos excedet, erat namque illis tunc ab oriente Gothus, ab occidente Marcomanus, a septentrione Hermundolus, a meridie Histrum, qui et Danubius dicitur, hic ergo Vandalis commorantibus bellum indictum est a Geberich rege Gothorum ad litus praedicti amnis Marisiae, ubi nec diu certatum est ex aequali, sed mox ipse rex Vandalorum 115 Visimar magna parte cum gentis suae prosternitur. Geberich vero Gothorum ductor eximius superatis depraedatisque Vandalis ad propria loca, unde exierat, remeavit, tunc perpauci Vandali, qui evasissent, collecta inbellium suorum manu, infortunata patria relinquentes Pannoniam sibi a Constantino principe petierunt ibique per LX annos plus minus sedibus locatis imperatorum decretis ut incolae famularunt, unde iam post longum ab Stiliconae mag. mil. et ex consule atque patricio invitati Gallias occupaverunt, ubi finitimos depraedantes non adeo fixas sedes habuerunt.

116 Nam Gothorum rege Greberich rebus humanis excedente post temporis aliquod Hermanaricus nobilissimus Amalorum in regno successit, qui multas et bellicosissimas arctoi gentes perdomuit suisque parere legibus fecit. quem merito nonnulli Alexandro Magno comparavere maiores, habebat si quidem quos domuerat Golthescytha Thiudos Inaunxis Vasinabroncas Merens Mordens 117 Imniscaris Rogas Tadzans Athaul Navego Bubegenas Coldas. sed cum tantorum servitio clarus haberetur, non passus est nisi et gentem Herulorum, quibus praeerat Halaricus, magna ex parte trucidatam reliquam suae subegeret dicioni. nam praedicta gens, Ablavio istorico referente, iuxta Meotida palude inhabitans in locis stagnantibus, quas Greci ele vocant, Eluri nominati sunt, 118 gens quantum velox, eo amplius superbissima. nulla si quidem erat tunc gens, quae non levem armaturam in acie sua ex ipsis elegeret, sed quamvis velocitas eorum ab is aliis crebro bellantibus evagaret, Gothorum tamen stabilitate subiacuit et tarditati, fecitque causa fortunae. ut et ipsi inter reliquas gentes Getarum regi 119 Hermanarico servirent post Herulorum cede item Hermanaricus in Venethos arma commovit, qui, quamvis armis despecti, sed numerositate pollentes, primum resistere conabantur, sed nihil valet multitudo inbellium, praesertim ubi et deus permittit et multitudo armata ad advenerit, nam hi, ut in initio expositionis vel catalogo gentium dicere coepimus, ab una stirpe exorti, tria nunc nomina ediderunt, id est Venethi, Antes, Sclaveni; qui quamvis nunc, ita facientibus peccatis nostris, ubique deseviunt, tamen tunc omnes 120 Hermanarici imperiis servierunt. Aestorum quoque similiter nationem, qui longissimam ripam Oceani Germanici insident, idem ipse prudentia et virtute subegit omnibusque Scythiae et Germaniae nationibus ac si propriis laboribus imperavit.

121 Post autem non longi temporis intervallo, ut refert Orosius, Hunnorum gens omni ferocitate atrocior exarsit in Gothos. nam hos, ut refert antiquitas, ita extitisse conperimus, Filimer

rex Gothorum et Gadarici magni filius qui post egressu Scandzae insulae iam quinto loco tenens principatum Getarum, qui et terras Scythicas cum sua gente introisse superius a nobis dictum est, repperit in populo suo quasdam magas mulieres, quas patrio sermone Haliurunnas is ipse cognominat, easque habens suspectas de medio sui proturbat longeque ab exercitu suo fugatas in solitudinem 122 coegit errare. quas spiritus inmundi per herimum vagantes dum vidissent et eorum complexibus in coitu miscuissent, genus hoc ferocissimum ediderunt, quae fuit primum inter paludes, minutum tetrum atque exile quasi hominum genus nec alia voce notum nisi quod humani sermonis imaginem adsignabat, tali igitur Hunni stirpe creati Gothorum finibus advenerunt. quorum 123 natio saeva, ut Priscus istoricus refert, Meotida palude ulteriore ripa insidens, venationi tantum nec alio labore experta, nisi quod, postquam crevisset in populis, fraudibus et rapinis vicinarum gentium quiete conturbans, huius ergo gentis, ut adsolet, venatores, dum in interioris Meotidae ripam venationes inquirent, animadvertunt, quomodo ex inproviso cerva se illis optulit ingressaque 124 paludem nunc progrediens nunc subsistens index viae se tribuit, quam secuti venatores paludem Meotidam, quem inpervium ut pelagus aestimant, pedibus transierunt mox quoque Scythica terra ignotis apparuit, cerva disparuit quod, credo, spiritus 125 illi, unde progeniem trahunt, ad Scytharum invidia id egerunt. illi vero, qui praeter Meotidam alium mundum esse paenitus ignorabant, admiratione ducti terrae Scythicae et, ut sunt sollertes, iter illud nullae ante aetati notissimum divinitus sibi ostensum rati, ad suos redeunt, rei gestum edocent, Scythiam laudant persuasaeque gente sua via, qua cerva indice dedicerant, ad Scythiam properant, et quantoscumque prius in ingressu Scytharum habuerunt, 126 litavere victoriae, reliquos perdomitos subegerunt, nam mox ingentem illam paludem transierunt, ilico Alpidzuros, Alcildzuros, Itimaros, Tuncarsos et Boiscos, qui ripae istius Scythiae insedebant, quasi quaedam turbo gentium rapuerunt. Halanos quoque 127 pugna sibi pares, sed humanitate, victu formaque dissimiles, frequenti certamine fatigantes, subiugaverunt nam et quos bello forsitan minime superabant, vultus sui terrore nimium pavorem ingerentes, terribilitate fugabant, eo quod erat eis species pavenda nigridinis et velud quaedam, si dici fas est, informis offa, non facies, habensque magis puncta quam lumina. quorum animi fiducia turvus prodet aspectus, qui etiam in pignora sua primo die nata desaeviunt nam maribus ferro genas secant, ut ante 128 quam lactis nutrimenta percipiant, vulneris cogantur subire tolerantiam. hinc inberbes senescunt et sine venustate efoebi sunt, quia facies ferro sulcata tempestivam pilorum gratiam cicatricis absumit exigui quidem forma, sed argutis motibus expediti et ad equitandum promptissimi, scapulis latis, et ad arcus sagittasque parati firmis cervicibus et superbia semper erecti, hi vero sub hominum figura vivunt beluina saevitia.

129 Quod genus expeditissimum multarumque nationum grassatorem Getae ut viderunt, paviscunt, suoque cum rege deliberant, qualiter tali se hoste subducant nam Hermanaricus, rex Gotborum, licet, ut superius retulimus, multarum gentium extiterat triumphator, de Hunnorum

tamen adventu dum cogitat, Rosomonorum gens infida, quae tunc inter alias illi famulatum exhibebat, tali eum nanciscitur occasione decipere. is dum enim quandam mulierem Sunilda nomine ex gente memorata pro mariti fraudulento discessu rex furore commotus equis ferocibus inligatam incitatisque cursibus per diversa divelli praecipisset, fratres eius Sarus et Ammius, germanae obitum vindicantes, Hermanarici latus ferro petierunt; quo vulnere saucius egram vitam corporis inbecillitate contraxit. quam adversam eius valitudinem captans Balamber rex 130 Hunnorum in Ostrogotharum parte movit procinctum, a quorum societate iam Vesegothae quadam inter se intentione seiuncti habebantur. inter haec Hermanaricus tam vulneris dolore quam etiam Hunnorum incursionibus non ferens grandevus et plenus dierum centesimo decimo anno vitae suae defunctus est, cuius mortis occasio dedit Hunnis praevalere in Gothis illis, quos dixeramus orientali plaga sedere et Ostrogothas nuncupari.

131 Vesegothae, id est illi alii eorum socii et occidui soli cultores, metu parentum exterriti, quidnam de se propter gentem Hunnorum deliberarent, ambigebant, diuque cogitantes tandem communi placito legatos in Romania direxerunt ad Valentem imperatorem fratrem Valentiniani imperatoris senioris, ut, partem Thraciae sive Moesiae si illis traderet ad colendum, eius se legibus eiusque vivere imperiis subderentur. et, ut fides uberior illis haberetur, promittunt se, si doctores linguae suae donaverit, fieri Christianos. 132 quod Valens conperto mox gratulabundus annuit, quod ultro petere voluisset, susceptosque in partibus Moesiae Getas quasi murum regni sui contra ceteras statuit gentes, et quia tunc Valens imperator Arrianorum perfidia saucius nostrarum partium omnes ecclesias obturasset, suae parti fautores ad illos dirigit praedicatores, qui venientes rudibus et ignaris ilico perfidiae suae virus 133 infundunt. sic quoque Vesegothae a Valente imperatore Arriani potius quam Christiani effecti. de cetero tam Ostrogothis quam Gepidis parentibus suis pro affectionis gratia euangelizantes huius perfidiae culturam edocentes, omnem ubique linguae huius nationem ad culturam huius sectae invitaverunt, ipsi quoque, ut dictum est, Danubio transmeantes Daciam ripensem, Moesiam Thraciasque permisso principis insederunt.

134 Quibus evenit, ut adsolet genti, necdum bene loco fundatis, penuria famis, coeperuntque primates eorum et duces, qui regum vice illis praeerant, id est Fritigernus, Alatheus et Safrac, exercitus inopiam condolare negotiationemque a Lupicino Maximoque Romanorum ducum expetere, verum quid non auri sacra fames compellit adquiescere? coeperunt duces avaritia compellente non solum ovium bovumque carnes, verum etiam canum et inmundorum animalium morticina eis pro magno contradere, adeo, ut 135 quemlibet mancipium in uno pane aut decem libris came mercarent sed iam mancipiis et supellectile deficientibus filios eorum avarus mercator victus necessitate exposcit. haut enim secus parentes faciunt salute suorum pignorum providentes: faciliusque deliberant ingenuitatem perire quam vitam, dum misericorditer alendus quis venditur quam moriturus servatur, contigit etenim illo sub tempore erumnoso, Lupicinus ut ductor

Romanorum Fritigernum Gothorum regulum in convivio invitaret dolumque ei, ut post exitus docuit, moliretur. 136 sed Fritigernus dolum nescius cum paucorum comitatu ad convivium veniens, dum intus in preturio aepularetur, clamorem miserorum morientium audiret: nam in alia parte socios eius reclausos dum milites ducis sui iussu trucidare conarentur et vox morientium duriter emissa iam suspectis auribus intonaret, ilico aperto dolo cognoscens Fritigernus evaginato gladio e convivio non sine magna temeritate velocitateque egreditur suosque socios ab imminente morte ereptos 137 ad necem Romanorum instigat qui nancti occasione votiva elegerunt viri fortissimi in bello magis quam in fame deficere, et ilico in ducum Lupicini et Maximi armantur occisione. illa namque dies Gothorum famem Romanorumque securitatem ademit, coeperuntque Gothi iam non ut advenae et peregrini, sed ut cives et domini possessoribus imperare totasque partes septentrionales 138 usque ad Danubium suo iuri tenere. quod conperiens in Antiochia Valens imperator mox armato exercitu in Thraciarum partes egreditur; ubi lacrimabile bello commisso vincentibus Gothis in quodam praedio iuxta Adrianopolim saucius ipse refugiens ignorantibusque, quod imperator in tam vili casula delitisceret, Gothis, ignemque, ut adsolet saeviente inimico, supposito, cum regali pompa crematus est, haut secus quam dei prorsus iudicio, ut ab ipsis igni conbureretur, quos ipse vera fide petentibus in perfidia declinasset ignemque caritatis ad gehennae ignem detorsisset. quo tempore Vesegothae Thracias Daciaque ripense post tanti gloria tropaei tamquam solum genitalem potiti coeperunt incolere.

139 Sed Theodosio ab Spania Gratianus imperator electo et in orientali principatu loco Valentis patrum subrogato, militaremque disciplinam mox in meliori statu reposita ignavia priorum principum et desidia exclusa Gothus ut sensit, pertimuit. nam imperator acri omnino ingenii virtuteque et consilio clarus dum praeceptorum saeveritate et liberalitate blanditiaque sua remissum exercitum 140 ad fortia provocaret at vero ubi milites principe meliore mutato fiduciam acceperunt, Gothos impetere temptant eosque Thraciae finibus pellunt sed Theodosio principe pene tunc usque ad desperationem egrotanti datur iterum Gotbis audacia divisoque exercitu Fritigernus ad Thessaliam praedandam, Epiros et 141 Achaia digressus est, Alatheus vero et Safrac cum residuis copiis Pannoniam petierunt, quod cum Gratianus imperator, qui tunc a Roma in Gallis ob incursione Vandalorum recesserat, conperisset, quia Theodosio fatali desperatione succumbente Gothi maius saevirent, mox ad eos collecto venit exercitu, nec tamen fretus in armis, sed gratia eos muneribusque victurus, pacemque, victualia illis concedens, cum ipsis inito foedere fecit.

142 Ubi vero post haec Theodosius convaleuit imperator repperitque cum Gothis et Romanis Gratiano imperatore pepigisse quod ipse optaverat, admodum grato animo ferens et ipse in hac pace consensit, Aethanaricoque rege, qui tunc Fritigerno successerat, datis sibi muneribus sociavit moribusque suis benignissimis ad 143 se eum in Constantinopolim accedere invitavit, qui omnino libenter adquiescens regia urbe ingressus est miransque: ‘en’, inquit, ‘cerno, quod saepe incredulus

audiebam', famam videlicet tantae urbis; et huc illuc oculos volvens nunc situm urbis commeatuque navium, nunc moenia clara prospectans miratur, populosque diversarum gentium quasi fonte in uno e diversis partibus scaturiente unda, sic quoque milite ordinato aspiciens: 'deus', inquit, 'sine dubio terrenus est imperator et quisquis adversus eum manu 144 moverit, ipse sui sanguinis reus existit', in tali ergo admiratione maioreque a principe honore suffultus paucis mensibus interiectis ab hac luce migravit. quem princeps affectionis gratia pene plus mortuum quam vivum honorans dignae tradidit sepulturae, ipse 145 quoque in exequiis feretro eins praeiens. defuncto ergo Aithanarico cunctus eius exercitus in servitio Theodosii imperatoris perdurans Romano se imperio subdens cum milite velut unum corpus effecit militiaque illa dudum sub Constantino principe foederatorum renovata et ipsi dicti sunt foederati, e quibus imperator contra Eugenium tyrannum, qui occiso Gratiano Gallias occupasset plus quam viginti milia armatorum fideles sibi et amicos intellegens secum duxit victoriaque de praedicto tyranno potitus ultionem exegit.

146 Postquam vero Theodosius amator pacis generisque Gothorum rebus excessit humanis coeperuntque eius filii utramque rem publicam luxuriose viventes adnihilare auxiliariisque suis, id est Gothis, consueta dona subtrahere, mox Gothis fastidium eorum increvit, verentesque, ne longa pace eorum resolveretur fortitudo, ordinato super se rege Halarico, cui erat post Amalos secunda nobilitas Balthorumque ex genere origo mirifica, qui dudum ob 147 audacia virtutis Baltha, id est audax, nomen inter suos acceperat, mox ergo antefatus Halaricus creatus est rex, cum suis deliberans suasit eos suo labore quaerere regna quam alienis per otium subiacere, et sumpto exercitu per Pannonias Stilicone et Aureliano consulibus et per Sirmium dextroque latere quasi viris vacuam intravit Italiam nulloque penitus obsistente ad pontem 148 applicavit Candidiani, qui tertio miliario ab urbe aberat regia Bavenenate, quae urbs inter paludes et pelago interque Padi fluenta unius tantum patet accessu, cuius dudum possessores, ut tradunt maiores, ??????, id est laudabiles, dicebantur. haec in sino regni Romani super mare Ionio constituta ut in modum insulae influentium 149 aquarum redundatione concluditur. habet ab oriente mare, ad quam qui recto cursu de Corcyra atque Hellade partibus navigatur, dextrum latus primum Epiros, dehinc Dalmatiam Liburniam Histriamque et sic Venetias radens palmula navigat. ab occidente vero habet paludes, per quas uno angustissimo introitu ut porta relictas est, a septentrionale quoque plaga ramus illi ex 150 Pado est, qui Fossa vocitatur Asconis. a meridie item ipse Padus, quem Italiae soli fluviorum regem dicunt, cognomento Eridanus, ab Augusto imperatore latissima fossa demissus, qui septima sui alvei parte per mediam influit civitatem, ad ostia sua amoenissimum portum praebens, classem ducentarum quinquaginta navium Dione referente tutissima dudum credebatur recipere statione, qui 151 nunc, ut Favius ait, quod aliquando portus fuerit, spatiosissimus ortus ostendit arboribus plenus, verum de quibus non pendeant vela, sed poma. Trino si quidem urbs ipsa vocabulo gloriatur trigeminaque positione exultat, id est prima Ravenna, ultima Classis, media Caesarea inter urbem et mare, plena

mollitiae harenaque minuta vectationibus apta.

152 Verum enim vero cum in eius vicinitate Vesegotharum applicuisset exercitus et ad Honorium imperatorem, qui intus residebat, legationem misisset, quatenus si permetteret, ut Gothi pacati in Italia residerent, sic eos cum Romanorum populo vivere, ut una gens utraque credere possit: sin autem aliter, bellando quis quem valebat expellere, et iam securus qui victor existeret imperaret, sed Honorius imperator utraque pollicitatione formidans suoque cum senatu inito consilio, quomodo eos fines Italos expelleret, 153 deliberabat. cui ad postremum sententia sedit, quatenus provincias longe positas, id est Gallias Spaniasque, quas pene iam perdidisset Gizericique eas Vandalorum regis vastaret inruptio, si valeret, Halaricus sua cum gente sibi tamquam lares proprias vindicaret donationem sacro oraculo confirmatam consentiunt 154 Gothi hac ordinatione et ad patriam sibi traditam proficiscuntur, post quorum discessu nec quicquam mali in Italia perpetratio Stilico patricius et socer Honorii imperatoris – nam utramque eius filiam, id est Mariam et Thermantiam, sibi princeps unam post unam consocians utramque virginem et intactam deus ab hac luce vocavit – hic ergo Stilico ad Polentiam civitatem in Alpes Cottiarum locatam dolose accedens, nihilque male suspicantibus 155 Gothis ad necem totius Italiae suamque deformitatem ruit in bello, quem ex inproviso Gothi cernentes primum perterriti sunt, sed mox recollectis animis et, ut solebant, hortatibus excitati omnem pene exercitum Stiliconis in fuga conversum usque ad internicionem deiciunt furibundoque animo arreptum iter deserunt et in Liguria post se, unde iam transierant, revertuntur: eamque praedis spoliisque potiti Emiliam pari tenore devastant Flamminiaeque aggerem inter Picenum et Tusciam usque ad urbem Romam discurrentes, quidquid in utrumque latus fuit, in praeda diripiunt, 156 ad postremum Romae ingressi Halarico iubente spoliant tantum, non autem, ut solent gentes, igne supponunt nec locis sanctorum in aliquo paenitus iniuria inrogare patiuntur. exindeque egressi per Campaniam et Lucania simili clade peracta Brittos accesserunt; ubi diu resedentes ad Siciliam et exinde ad Africae terras ire deliberant Bryttiorum si quidem regio in extremis Italiae finibus australi interiacens parti – angulus eius Appinini montis initium fecit – Adriaeque pelagus velut lingua porrecta a Tyrreno aestu seiungens nomen quondam a Bryttia sortitus regina. ibi 157 ergo veniens Alaricus rex Vesegotharum cum opibus totius Italiae, quas in praeda diripuerat, et exinde, ut dictum est, per Siciliam ad Africam quietam patriam transire disponens. cuius, quia non est liberum quodcumque homo sine notu dei disposuerit, fretus ille horribilis aliquantas naves submersit, plurimas conturbavit. qua adversitate depulsus Halaricus, dum secum, quid ageret, deliberaret, 158 subito inmatura morte praeventus rebus humanis excessit, quem nimia sui dilectione lugentes Busento amne iuxta Consentina civitate de alveo suo derivato – nam hic fluvius a pede montis iuxta urbem dilapsus fluit unda salutifera – huius ergo in medio alvei collecta captivorum agmina saepulturae locum effodiunt, in cuius foveae gremium Haliricum cum multas opes obruunt, rursusque aquas in suo alveo reducentes, et ne a quoquam quandoque locus

cognosceretur, fossores omnes interemerunt, regnumque Vesegotharum Ataulfo eius consanguineo et forma mentequē conspicuo tradent; nam erat quamvis non adeo proceritate staturae formatus, quantum pulchritudine corporis vultuque decorus.

159 Qui suscepto regno revertens item ad Romam, si quid primum remanserat, more locustarum erasit, nec tantum privatis divitiis Italiam spolians, immo et publicis, imperatore Honorio nihil resistere praevalente, cuius et germanam Placidiam Theodosii imperatoris 160 ex altera uxore filiam ab urbe captivam abduxit, quam tamen ob generis nobilitatem formeque pulchritudine et integritate castitatis adtendens in Foro Iuli Aemiliae civitate suo matrimonio legitime copulavit, ut gentes hac societate conperta quasi adunatam Gothis rem publicam efficacius terrentur, Honorioque Augusto quamvis opibus exausto tamen iam quasi cognatum grato 161 animo derelinquens, Gallias tendit, ubi cum advenisset, vicinae gentes perterritae in suis se coeperunt finibus continere, qui dudum crudeliter Gallias infestassent, tam Franci, quam Burgundiones, nam Vandali vel Alani, quos superius diximus permissu principum Romanorum utramque Pannoniam resedere, nec ibi sibi metu Gothorum arbitantes tutum fore, si reverterentur, ad Gallias 162 transierunt. sed mox a Galliis, quas ante non multum tempus occupassent, fugientes, Spanias se recluserunt, adhuc memores ex relatione maiorum suorum, quid dudum Geberich Gothorum rex genti suae prestitisset incommodi vel quomodo eos virtute sua 163 patrio solo expulisset, tali ergo casu Galliae Ataulfo patuere venienti. confirmato ergo Gothus regno in Gallis Spanorum casu coepit dolere, eosque deliberans a Vandalorum incursibus eripere, suas opes Barcelona cum certis fidelibus derelictas plebeque inbelle, interiores Spanias introibit, ubi saepe cum Vandalis decertans tertio anno, postquam Gallias Spaniasque domuisset, occubuit gladio illa perforata Euervulfi, de cuius solitus erat ridere statura. post cuius mortem Segericus rex constituitur, sed et ipse suorum fraude peremptus ocus regnum cum vita reliquit.

164 Dehinc iam quartus ab Alarico rex constituitur Valia nimis destrictus et prudens, contra quem Honorius imperator Constantium virum industria militari pollentem multisque proeliis gloriosum cum exercitu dirigens, veritus, ne foedus dudum cum Ataulfo inito ipse turbaret et aliquas rursus in re publica insidias moliretur vicinas sibi gentes expulsas, simulque desiderans germanam suam Placidiam subiectionis obprobrio liberare, paciscens cum Constantio, ut, aut bello aut pace vel quo modo si eam potuisset 165 ad suum regnum reducere, ei eam in matrimonio sociaret, quo placito Constantius obans cum copia armatorum et pene iam regio apparatu Spanias petit. cui Vallias rex Gothorum non cum minori procinctu ad claustra Pyrenei occurrit; ubi ab utraque parte legatione directa ita convenit pacisci, ut Placidiam sororem principis redderet suaque solacia Romanae rei publicae, ubi usus exegerit, non denegaret. eo namque tempore Constantinus quidam apud Gallias invadens imperium filium suum Constantem ex monacho fecerat Caesarem: sed non diu tenens regno praesumpto mox foederatos Gothos Romanosque ipse occiditur Arelato,

filius vero eius Vienna. post quos item Iovinus ac Sebastianus pari temeritate rem publicam occupandam existimantes pari exitio perierunt.

166 Nam duodecimo anno regni Valiae, quando et Hunni post pene quinquaginta annorum invasam Pannoniam a Romanis et Gothls expulsi sunt, videns Valia Vandalos in suis finibus, id est Spaniae solum, audaci temeritate ab interioribus partibus Galliciae, ubi eos fugaverat dudum Atauulfus, egressos et cuncta in praedas vastare, eo fere tempore, quo Hierius et Ardabures consules 167 processissent, nec mora mox contra eos movit exercitum, sed Gyzericus rex Vandalorum iam a Bouifatio in Africam invitatus, qui Valentiniano principi veniens in offensa non aliter se quam malo rei publicae potuit vindicare, is ergo suis praecibus eos invitans per traiectum angustiarum, qui dicitur fretus Gaditanus et 168 vix septem milibus Africam ab Spaniis dividet ostiaque maris Tyrreni in Oceani estu egeritur, transposuit. erat namque Gyzericus iam Romanorum clade in urbe notissimus, statura mediocris et equi casu claudicans, animo profundus, sermone rarus, luxoriae contemptor, ira turbidus, habendi cupidus, ad sollicitandas gentes providentissimus, semina contentionum iacere, odia miscere paratus. 169 tali Africa rem publicam praecibus Bonifatii, ut diximus, invitatus intravit, ubi a divinitate. ut fertur, accepta auctoritate diu regnans, ante obitum suum filiorum agmine accito ordinavit, ne inter ipsos de regni ambitione intentio esset, sed ordine quisque et gradu suo, alii si superviveret. id est, seniori suo fieret sequens successor et rursus ei posterior eius. quod observantes per annorum multorum spatia regnum feliciter possiderunt, nec, ut in reliquis gentibus adsolet, intestino bello foedati sunt, suoque 170 ordine unus post unum regnum excipiens in pace populis imperavit, quorum ordo iste ac successio fuit: primum Gyzericus, qui pater et dominus, sequens Hunericus, tertius Gunthamundus, quartus Thrasamundus, quintus Ilderich, quem malo gentis suae Gelimer inmemor atavi praeceptorum de regno eiectum et interemptum tyrannide 171 praesumpsit sed non ei cessit inpune quod fecerat, nam mox Iustiniani imperatoris ultio in eum apparuit et cum omne genus suum opibusque, quibus more praedonis incubabat, Constantinopolim delatus per virum gloriosissimum Belesarium mag. mil. Orientalem, exconsolem ordinarium atque patricium, magnum in circo populo spectaculum fuit seraque suae paenitudinis gerens 172 cum se videret de fastigio regali deiectum, privatae vitae, cui noluit famulari, redactus occubuit, sic Africa, quae in divisione urbis terrarum tertia pars mundi describitur, centesimo fere anno a Vandalico iugo erepta in libertate revocata est regni Romani, et quae dudum ignavis dominis ducibusque infidelibus a rei publicae Romanae corpus gentilis manus abstulerat, a sollerte domino et fideli ductore nunc revocata hodieque congaudet, quamvis et post haec aliquantulum intestino proelio Maurorumque infidelitate adtrita sese lamentaverit, tamen triumphus Iustiniani imperatoris a deo sibi donatus, quod inchoaverat, ad pacem usque perduxit, sed nobis quid opus est, unde res non ex eget, dicere? ad propositum redeamus.

173 Vallia si quidem, rex Gothorum, adeo cum suis in Vandalos saeviebat, ut voluisset eos

etiam et in Africa persequi, nisi eum casus, qui dudum Halarico in Africa tendenti contigerat, revocasset. nobilitatus namque intra Spanias incruentamque victoriam potitus Tolosam revertitur, Romano imperio fugatis hostibus aliquantas provincias, quod promiserat, derelinquens, sibi quae adversa 174 post longum valitudine superveniente rebus humanis excessit, eo videlicet tempore, quo Beremud, Thorismundo patre progenitus, de quo in catalogo Amalorum familiae superius diximus, cum filio Vitiricho ab Ostrogothis, qui adhuc in Scythiae terras Hunnorum oppressionibus subiacebant, ad Vesegotharum regnum migravit. conscius enim virtutis et generis nobilitate facilius sibi credens principatum a parentibus deferre, quem heredem regum constabat esse multorum. quis namque de Amalo dubitaret, si vacasset elegere? sed nec ipse adeo voluit, quis esset, ostendere. 175 et illi iam post mortem Valliae Theoderidum ei dederant successorem. ad quem veniens Beremud animi pondere qua valebat eximio generis sui amplitudine commoda taciturnitate suppressit, sciens regnantibus semper regali stirpe genitos esse suspectos. passus est ergo ignorari, ne faceret ordinata confundi. susceptusque cum filio suo a rege Theodorido honorifice nimis, adeo ut nec consilio suo expertem nec convivio faceret alienum, non tamen pro generis nobilitate, quam ignorabat, sed pro animi fortitudine et robore mentis, quam non poterat occultare.

176 Quid plurimum? defuncto Vallia, ut superius quod diximus repetamus, qui parum fuerat felix Gallis, prosperrimus feliciorque Theodoridus successit in regno, homo summa moderatione compositus, animi corporisque utilitate habendus. contra quem Theodosio et Festo consulibus pace rupta Romani Hunnis auxiliariis secum iunctis in Galliis arma moverunt, turbaverat namque eos Gothorum foederatorum manus, qui cum Gaina comite Constantinopolim efferasset. Aetius ergo patricius tunc praeerat militibus, fortissimorum Moesium stirpe progenitus in Dorostorena civitate a patre Gaudentio, labores bellicos tolerans; rei publicae Romanae singulariter natus, qui superbam Suavorum Francorumque barbariem immensis caedibus servire Romano imperio coegisset 177 Hunnis quoque auxiliariis Litorio ductante contra Gothos Romanus exercitus movit procinctum, diuque ex utraque parte acies ordinatae cum utrique fortes et neuter infirmior esset, datis dextris in pristina concordia redierunt, foedusque firmatum ab alterutrum 178 fida pace peracta recessit uterque. qua pace Attila, Hunnorum omnium dominus et paene totius Scythiae gentium solus in mundo regnator, qui erat famosa inter omnes gentes claritate mirabilis, ad quem in legatione se missum a is Theodosio iuniore Priscus historicus tali voce inter alia refert: ingentia si quidem flumina, id est Tisia Tibisiaque et Dricca transientes venimus in loco illo, ubi dudum Vidigoia Gothorum fortissimus Sarmatum dolo occubuit: indeque non longe ad vicum, in quo rex Attila morabatur, accessimus, vicum inquam ad instar civitatis amplissimae, in quo lignea moenia ex tabulis nitentibus fabricata repperimus, quarum compago ita solidum mentiebatur, ut vix ab intentu 179 possit iunctura tabularum conpraehendi. videres triclinia ambitu prolixiore distenta porticusque in omni decore dispositas. area vero curtis ingenti ambitu cingebatur, ut amplitudo ipsa regiam

aulam ostenderet, hae sedes erant Attilae regis barbariae tota tenenti; haec captis civitatibus habitacula praeponebat.

180 Is namque Attila patre genitus Mundzuco, cuius fuere germani Octar et Roas, qui ante Attilam regnum tenuisse narrantur, quamvis non omnino cunctorum quorum ipse, post quorum obitum cum Bleda germano Hunnorum successit in regno, et, ut ante expeditionis, quam parabat, par foret, augmentum virium parricidio 181 quaerit, tendens ad discrimen omnium nece suorum, sed librante iustitia detestabili remedio crescens deformes exitus suae crudelitatis invenit. Bleda enim fratre fraudibus interempto, qui magnae parti regnabat Hunnorum, universum sibi populum adunavit, aliarumque gentium, quas tunc in ditione tenebat, 182 numerositate collecta, primas mundi gentes Romanos Vesegothasque subdere praeoptabat. cuius exercitus quingentorum milium esse numero ferebatur, vir in concussibne gentium natus in mundo, terrarum omnium metus, qui, nescio qua sorte, terrebat cuncta formidabili de se opinione vulgata, erat namque superbus incessu, huc atque illuc circumferens oculos, ut elati potentia ipso quoque motu corporis appareret; bellorum quidem amator, sed ipse manu temperans, consilio validissimus, supplicantium exorabilis, propitius autem in fide semel susceptis; forma brevis, lato 183 pectore, capite grandiore, minutis oculis, rarus barba, canis aspersus, semo nasu, teter colore, origenis suae signa restituens, qui quamvis huius esset naturae, ut semper magna confideret, addebat ei tamen confidentia gladius Martis inventus, sacer apud Scytharum reges semper habitus, quem Priscus istoricus tali refert occasione detectum. cum pastor, inquires, quidam gregis unam bocalam conspiceret claudicantem nec causam tanti vulneris inveniret, sollicitus vestigia cruoris insequitur tandemque venit ad gladium, quem depascens herbas incauta calcaverat, effossumque protinus ad Attilam defert. quo ille munere gratulatus, ut erat magnanimis, arbitratur se mundi totius principem constitutum et per Martis gladium potestatem sibi concessam esse bellorum.

184 Huius ergo mentem ad vastationem orbis paratam comperiens Gyzericus, rex Vandaorum, quem paulo ante memoravimus, multis muneribus ad Vesegotharum bella precipitat, metuens, ne Theodorus Vesegotharum rex filiae suae ulcisceretur iniuriam, quae Hunerico Gyzerici filio iuncta prius quidem tanto coniugio laetaretur, sed postea, ut erat ille et in sua pignora truculentus, ob suspicionem tantummodo veneni ab ea parati, naribus abscisam truncatamque auribus, spolians decore naturali, patri suo ad Gallias remiserat, ut turpe funus miseranda semper offerret et crudelitas, 185 qua etiam moverentur externi, vindictam patris efficacius impetraret. Attila igitur dudum bella concepta Gyzerici redemptione parturiens, legatos in Italia ad Valentinianum principem misit, serens Gothorum Romanorumque discordia, ut, quos proelio non poterat concutere, odiis internis elideret, asserens, se rei publicae eius amicitias in nullo violare, sed contra Theoderidum Vesegotharum regem sibi esse certamen. unde cum excipi libenter optaret, citra epistula usitatis salutationum blandimentis opleverat, 186 studens fidem adhibere mendacio,

pari etiam modo ad regem Vesegotharum Theoderidum dirigit scripta, hortans, ut a Romanorum societate discederet recoleretque proelia, quae paulo ante contra eum fuerant concitata, sub nimia feritate homo subtilis ante quam bella gereret arte pugnabat, tunc Valentinianus imperator 187 ad Vesegothas eorumque regem Theoderidum in his verbis legationem direxit: «prudentialiae vestrae est, fortissimi gentium, adversus orbis conspirare tyrannum, qui optat mundi generale habere servitium, qui causas proelii non requirit, sed, quidquid commiserit, hoc putat esse legitimum, ambitum suum brachio metitur, superbiam licentia satiat; qui ius fasque contemnens, 188 hostem se exhibet et naturae. cunctorum etenim meretur hic odium, qui in commune omnium se adprobat inimicum. recordamini, quaeso, quod certe non potest oblivisci, ab Hunnis non per bella, ubi communis casus est, fusum, sed, quod graviter anget, insidiis appetitum, ut de nobis taceamus, potestis hanc inulti ferre superbiam? armorum potentes favete propriis doloribus et communes iungite manus. auxiliamini etiam rei publicae, cuius membrum tenetis, quam sit autem nobis expetenda vel amplexanda societas, 189 hostis interrogate consilia». his et similia legati Valentiniani regem permoverunt Theoderidum, quibus ille respondit: “habetis”, inquit, «Romani, desiderium vestrum; fecistis Attilam et nobis hostem, sequimur illum quocumque vocaverit, et quamvis infletur de diversis gentium victoriis, norunt tamen Gothi conflagrare cum superbis, nullum bellum dixerim grave, nisi quod causa debilitat, quando nil triste pavet, cui maiestas adriserit». adclamant 190 responso comites duci, laetus sequitur vulgus fit omnibus ambitus pugnae, hostes iam Hunni desiderantur, producit itaque a rege Theodorido Vesegotharum innumerabilis multitudo; qui quattuor filios domi dimissos, id est Friderichum et Eurichum, Betemerim et Himnerith secum tantum Thorismud et Theodericum maiores natu participes laboris adsumit, felix procinctum, auxilium tutum, suave collegium habere solacia illorum, quibus delectat 191 ipsa etiam simul subire discrimina, a parte vero Romanorum tanta patricii Aetii providentia fuit, cui tunc innitebatur res publica Hesperiae plagae, ut undique bellatoribus congregatis adversus ferocem et infinitam multitudinem non impar occurreret. hi enim adfuerunt auxiliares: Franci, Sarmatae, Armorici, Litici, Burgundiones, Saxones, Ripari, Olibriones, quondam milites Romani, tunc vero iam in numero auxiliarium exquisiti, aliaeque 192 nonnulli Celticae vel Germaniae nationes, convenitur itaque in campos Catalaunicos, qui et Mauriaci nominantur, centum leuvas, ut Galli vocant, in longum tenentes et septuaginta in latum, leuva autem Gallica una mille et quingentorum passuum quantitate metitur, fit ergo area innumerabilium populorum pars illa terrarum. conseruntur acies utraeque fortissimae: nihil subreptionibus agitur, 193 sed aperto Marte certatur, quae potest digna causa tantorum motibus invenire? aut quod odium in se cunctos animavit armari? probatum est humanum genus regibus vivere, quando unius mentis insano impetu strages sit facta populorum et arbitrio superbi regis momento defecit quod tot saeculis natura progenit.

194 Sed antequam pugnae ipsius ordinem referamus, necessarium videtur edicere, quae in

ipsis bellorum motibus acciderunt, quia sicut famosum proelium, ita multiplex atque perplexum, Sangibanus namque rex Alanorum metu futurorum perterritus Attilae se tradere pollicetur et Aurelianam civitatem Galliae, ubi tunc consistebat, 195 in eius iura transducere. quod ubi Theodorus et Aetius agnoverunt, magnis aggeribus eandem urbem ante adventum Attilae struunt, suspectumque custodiunt Sangibanum et inter suos auxiliares medium statuunt cum propria gente, igitur Attila rex Hunnorum tali percussus eventu diffidens suis copiis metuit 196 inire conflictum, inter que fugam revolvens ipso funere tristiore, statuit per aruspices futura inquirere, qui more solito nunc pecorum fibras, nunc quasdam venas in abrasis ossibus intuentes Hunnis infausta denuntiant; hoc tamen quantum praedixere solacii, quod summus hostium ductor de parte adversa occumberet relictamque victoriam sua morte triumphum foedaret, cumque Attila necem Aetii, quod eius motibus obviabat, vel cum sua perditione duceret expetendam, tali praesagio sollicitus, ut erat consiliorum in rebus bellicis exquisitor, circa nonam diei horam proelium sub trepidatione committit, ut, si secus cederet, nox imminens subveniret.

197 Convenere partes, ut diximus, in campos Catalaunicos. erat autem positio loci declivi tumore in editum collis excrescens, quem uterque cupiens exercitus obtinere, quia loci oportunitas non parvum beneficium confert, dextram partem Hunni cum suis, sinistram Romani et Vesegothae cum auxiliariis occuparunt, relictoque de cacumine eius iugo certamen ineunt dextrum itaque comum cum Vesegothis Theodericus tenebat, sinistrum Aetius cum Romanis, conlocantes in medio Sanguibanum, quem superius rettulimus praefuisse Alanis, providentes cautioni militari, ut eum, de cuius animo minus praesumebant, fidelium turba concluderent 198 facile namque adsumit pugnandi necessitatem, cui fugiendi inponitur difficultas. e diverso vero fuit Hunnorum acies ordinata, ut in medio Attila cum suis fortissimis locaretur, sibi potius rex hac ordinatione prospiciens, quatenus inter gentis suae rubor positus ab imminente periculo redderetur exceptus, cornua vero eius multiplices populi et diversae nationes, quos ditioni 199 suae subdiderat, ambiebant inter quos Ostrogotharum praeminebat exercitus Valamire et Theodemire et Videmere germanis ductantibus, ipso etiam rege, cui tunc serviebant, nobilioribus, quia Amalorum generis eos potentia inlustrabat; eratque et Gepidarum agmini innumerabili rex ille famosissimus Ardaricus, qui ob nimiam suam fidelitatem erga Attila eius consiliis intererat, 200 nam perpendens Attila sagacitate sua, eum et Valamerem, Ostrogotharum regem, super ceteros regulos diligebat erat namque Valamir secreti tenax, blandus alloquio, dolis gnarus: Ardaricus fide et consilio, ut diximus, clarus, quibus non inmerito contra parentes Vesegothas debuit credere pugnaturis. reliqua autem, si dici fas est, turba regum diversarumque nationum ductores ac si satellites notibus Attilae attendebant, et ubi oculo annuisset, absque aliqua murmuratione cum timore et tremore unusquisque adstabat, aut certe, quod iussus fuerat exequabatur. 201 solus Attila rex omnium regum super omnes et pro omnibus sollicitus erat, fit ergo de loci, quem diximus oportunitate certamen. Attila suos dirigit, qui cacumen

montis invaderent. sed a Thorismundo et Aetio praevenitur, qui eluctati collis excelsa ut conscenderent, superiores effecti sunt, venientesque Hunnos montis beneficio facile turbaverunt.

202Tunc Attila cum videret exercitum causa praecedente turbatum, tali eum ex tempore credit alloquio confirmandum. «post victorias tantarum gentium, post orbem, si consistatis, edomitum, ineptum iudicaveram tamquam ignaros rei verbis acuere, 203 quaerat hoc aut novus ductor aut inexpertus exercitus, nec mihi fas est aliquid vulgare dicere, nec vobis oportet audire, quid autem aliud vos quam bellare consuetum? aut quid viro forti suavius, quam vindicta manu querere? magnum munus a natura 204 animos ultione satiare, adgrediamur igitur hostem alacres: audaciores sunt semper, qui inferut bellum. adunatas dispicite dissonas gentes: indicium pavoris est societate defendi, en ante impetum nostrum terroribus iam feruntur, excelsa quaerunt, tumulos capiunt et sera paenitudine in campos monitiones efflagitant. nota vobis sunt quam sint levia Romanorum arma: primo etiam non dico vulnere, sed ipso pulvere gravantur, dum in ordine 205 coeunt et acies testudineque conectunt. vos configite perstantibus animis, ut soletis, despicientesque eorum aciem Alanos invadite, in Vesegothas incumbite. inde nobis cita victoria quaerere, unde se continet bellum. abscisa autem nervis mox membra relabuntur; nec potest stare corpus, cui ossa subtraxeris. consurgant animi, furor solitus intumescat. nunc consilia, Hunni, nunc arma depromite: aut vulneratus quis adversarii 206 mortem reposcat aut inlaesus hostium clade satietur, victuros nulla tela conveniunt, morituros et in otio fata praecipitant. postremo cur fortuna Hunnos tot gentium victores adseret, nisi ad certaminis huius gaudia praeparasset? quis denique Meotidarum iter maiores nostros aperuit tot saeculis clausum secretum? quis adhuc inermibus cedere faciebat armatos? faciem Hunnorum non poterat ferre adunata collectio. non fallor eventum: hic campus est, quem nobis tot prospera promiserunt. primus in hoste tela coiciam. si quis potuerit Attila pugnante otio ferre, sepultus est». his verbis accensi, in pugna cuncti praecipitantur.

207 Et quamvis haberent res ipse formidinem, praesentia tamen regis cunctatione merentibus auferebat manu manibus congregiuntur; bellum atrox multiplex immane pertinax, cui simile nulla usquam narrat antiquitas, ubi talia gesta referantur, ut nihil esset, quod in vita sua conspiciere potuisset egregius, qui huius 208 miraculi privaretur aspectu. nam si senioribus credere fas est, rivulus memorati campi humili ripa praelabens, peremptorum vulneribus sanguine multo provectus est, non auctus imbribus, ut solebat, sed liquore concitatus insolito torrens factus est cruoris augmento. et quos illic coegit in aridam sitim vulnus inflictum, fluentia mixta clade traxerunt: ita constricti sorte miserabili sordebant putantes sanguinem quem fuderant sauciati. hic Theodorus 209 rex dum adhortans discurrit exercitum, equo depulsus pedibusque suorum conculcatus vitam maturae senectatis conclusit. alii vero dicunt eum interfectum telo Andagis de parte Ostrogotharum, qui tunc Attilanis sequebatur regimen, hoc fuit, quod Attilae praesagio aruspices prius dixerant, quamvis ille de Aetio 210 suspicaret. tunc Vesegothae dividentes se ab Alanis invadunt Hunnorum

caterva et pene Attilam trucidarent, nisi providus prius fugisset et se suosque ilico intra septa castrorum, quam plaustis vallatum habebat, reclusisset; quamvis fragili munimine, eo tamen 211 quaesierunt subsidium vitae, quibus paulo ante nullus poterat muralis agger obsistere. Thorismud autem regis Theodoridi filius, qui cum Aetio collem anticipans hostes de superiore loco proturbaverat, credens se ad agmina propria pervenire, nocte caeca ad hostium carpenta ignarus incurrit. quem fortiter demicante quidam capite vulnerato equo deiecit, suorumque providentia liberatus 212 a proeliandi intentione desivit. Aetius vero similiter noctis confusione divisus cum inter hostes medius vagaretur, trepidus, ne quid incidisset adversi Gothos, inquireret, tandemque ad socia castra perveniens, relicuum noctis acutorum defensione transegit. postera die luce orta cum tumulatos cadaveribus campos aspicerent nec audere Hunnos erumpere, suam arbitantes victoriam scientesque Attilam non nisi magna clade confossum bella confugere, cum tamen nil ageret vel prostratus abiectum, sed strepens armis, tubis canebat incursionemque minabatur, velut leo venabulis praessus speluncae aditus obambulans nec audet insurgere nec desinet fremetibus vicina terrere: sic bellicosissimus rex 213 victores suos turbabat inclusus. conveniunt itaque Gothi Romanique et quid agerent is de superato Attila, deliberant. placet eum obsidione fatigari, quia annonae copiam non habebat, quando ab ipsorum sagittariis intra septa castrorum locatis crebris ictibus arceretur accessus. fertur autem desperatis rebus praedictum regem adhuc et suppraemo magnanimum equinis sellis construxisse pyram seseque, si adversarii inrumperent, flammis inicere voluisse, ne aut aliquis eius vulnere laetaretur aut in potestate hostium tantarum gentium dominus perveniret.

214 Verum inter has obsidionum moras Vesegothae regem, fili patrem requirunt, admirantes eius absentiam, dum felicitas fuerit subsecuta, cumque diutius exploratum, ut viris fortibus mos est, inter densissima cadavera repperissent, cantibus honoratum inimicis spectantibus abstulerunt, videres Gothorum globos dissonis vocibus confragosos adhuc inter bella furentia funeri reddidisse culturam. fundebantur lacrimae, sed quae viris fortibus inpendi solent. nam mors erat, sed Hunno teste gloriosa, unde hostium putaretur inclinatum fore superbiam, quando tanti regis efferri 215 cadaver cum suis insignibus conspiciebant. at Gothi Theodorito adhuc iusta solventes armis insonantibus regiam deferunt maiestatem fortissimusque Thorismud bene gloriosos manes carissimi patris, ut decebat filium, patris exequias prosecutas. quod postquam peractum est, orbitatis dolore commotus et virtutis impetu, qua valebat, dum in reliquis Hunnorum mortem patris vindicare contendit, Aetium patricium ac si seniore prudentiaeque maturum de hac parte consuluit; quid sibi esset in tempore faciendum, 216 ille vero metuens, ne Hunnis funditus interemptis a Gothis Romanum praemeretur imperium, praebet hac suasionem consilium, ut ad sedes proprias remearet regnumque, quod pater reliquerat, arriperet, ne germani eius opibus adsumptis paternis Vesegotharum regno pervaderent graviterque dehinc cum suis et, quod peius est, miseriterque

pugnaret quod responsum non ambiguae, ut datum est, sed pro sua potius utilitate susceptum relictis Hunnis 217 redit ad Gallias. sic humana fragilitas dum suspicionibus occurrit. magna plerumque agenda rerum occasione interceptit. in hoc etenim famosissimo et fortissimarum gentium bello ab utrisque partibus CLXV milia caesa referuntur, exceptis quindecim milibus Gepidarum et Francorum, qui ante congressionem publicam noctu sibi occurrentes mutuis concidere vulneribus, Francis pro Romanorum, Gepidas pro Hunnorum parte pugnantibus.

218 Attila igitur cognita discessione Gothorum, quod de inopinatis collegi solet, inimicorum magis aestimans dolum diutius se intra castra continuit, sed ubi hostium absentia sunt longa silentia consecuta, erigitur mens ad victoriam, gaudia praesumuntur atque potentis regis animus in antiqua fata revertitur, Thorismud ergo, patre mortuo in campis statim Catalaunicis, ubi et pugnaverat, regia maiestate subvectus Tolosam ingreditur. hic licet fratrum et fortium turba gauderet, ipse tamen sic sua initia moderatus est, ut nullius repperiret de regni successionem certamen.

219 Attila vero nacta occasione de secessu Vesegotharum, et, quod saepe optaverat, cernens hostium solutione per partes, mox iam securas ad oppressionem Romanorum movit procinctum, primaque adgressione Aquileiensem obsidet civitatem, quae est metropolis Venetiarum, in mucrone vel lingua Atriatici posita sinus, 220 cuius ab oriente murus Natissa amnis fluens a monte Piccis elambit. ibique cum diu multumque obsidens nihil paenitus praevaleret, fortissimis intrinsecus Romanorum militibus resistentibus, exercitu iam murmurante et discedere cupiente; Attila deambulans circa muros, dum, utrum solveret castra an adhuc remoraretur, deliberat, animadvertit candidas aves, id est ciconias, qui in fastigia domorum nidificant, de civitate foetos suos trahere atque 221 contra morem per rura forinsecus conportare, et ut erat sagacissimus inquisitor, presensit et ad suos: «respicite», inquit, «aves futurarum rerum providas perituram relinquere civitatem casurasque arces periculo imminente deserere. non hoc vacuum, non hoc credatur incertum; rebus presciis consuetudinem mutat ventura is formido». quid plura? animos suorum rursus ad oppugnandam Aquileiam inflamat. qui machinis constructis omniaque genera tormentorum adhibita, nec mora et invadunt civitatem, 222 spoliant, dividunt vastantque crudeliter, ita ut vix eius vestigia ut appareat reliquerunt. exhinc iam audaciores et necdum Romanorum sanguine satiati per reliquas Venetum civitates Hunni bacchantur, Mediolanum quoque Liguria metropolim et quondam regiam urbem pari tenore devastant nec non et Ticinum aequali sorte deiciunt vicinaque loca saevientes allidunt demoliuntque pene totam Italiam, cumque ad Romam animus fuisset eius adtentus accedere, sui eum, ut Priscus historicus refert, removerunt, non urbi, cui inimici erant, consulentes, sed Alarici quondam Vesegotharum regis obicientes exemplo, veriti regis sui fortunam, quia 223 ille post fractam Romam non diu supervixerit, sed protinus rebus humanis excessit. igitur dum eius animus ancipiti negotio inter ire et non ire fluctuaret secumque deliberans tardaret, placida ei legatio a Roma advenit. nam Leo papa per se ad eum accedens in agro Venetum Ambuleio, ubi

Mincius amnis commeantium frequentatione transitur. qui mox deposuit exercitata furore et rediens, quo venerat, iter ultra Danubium promissa pace discessit, illud pre omnibus denuntians atque interminando decernens, graviora se in Italia inlaturum, nisi ad se Honoriam Valentiniani 224 principis germanam, filiam Placidiae Augustae, cum portione sibi regalium opum debita mitterent. ferebatur enim, quia haec Honoria, dum propter aulae decus ad castitatem teneretur nutu fratris inclusa, clam eunucho misso Attilam invitasse, ut contra fratris potentiam eius patrociniis uteretur: prorsus indignum facinus, ut licentiam libidinis malo publico conpararet.

225 Reversus itaque Attila in sedes suas et quasi otii penitens graviterque ferens a bello cessare, ad Orientis principem Marcianum legatos dirigit provinciarum testans vastationem, quod sibi promissum a Theodosio quondam imperatore minime persolveretur, et inhumanior solito suis hostibus appareret haec tamen agens, ut erat versutus et callidus, alibi minatus alibi arma sua 226 commovit, et, quod restabat indignationi, faciem in Vesegothas convertit. sed non eum, quem de Romanis, reportavit eventum. nam per dissimiles anteriores vias recurrens, Alanorum partem trans flumen Ligeris considentem statuit suae redigere dicioni, quatenus mutata per ipsos belli facie terribilior immineret. igitur ab Dacia et Pannonia provinciis, in quibus tunc Hunni cum diversis subditis nationibus insidebant, egrediens Attila in Alanos 227 movit procinctum. sed Thorismud rex Vesegotharum, fraudem Attilae non in pari subtilitate presentiens. ad Alanos tota velocitate prius advenit, ibique supervenientis Atillae iam motibus preparatus occurrit, consertoque proelio pene simili eum tenore, ut prius in campos Catalaunicos, ab spe removit victoriae fugatuinque a partibus suis sine triumpho remittens in sedes proprias fugire compulit. sic Attila famosus et multarum victoriarum dominus dum quaerit famam perditoris abicere et quod prius a 228 Vesegothis pertulerat abolere, geminata sustenuit ingloriosusque recessit, Thorismud vero repulsis ab Alanis Hunnorum catervis sine aliqua suorum lesione Tolosa migravit suorumque quiete pace composita tertio anno regni sui egrotans, dum sanguinem tollit de vena, ab Ascalc suo clienti inimico nuntiante arma subtracta peremptus est una tamen manu, quam liberam habebat, scabillum tenens sanguinis sui extitit ultor, aliquantos insidiantes sibi extinguens.

229 Post cuius decessum Theoderidus germanus eius Vesaegotharum in regno succedens, id mox Riciarium Suavorum regem cognatum suum repperit inimicum. hic etenim Riciarius affinitate Theoderidi presumens, universam pene Spaniam sibi credidit occupandam, iudicans oportuno tempus subreptionis inkomposita 230 initia temptare regnantis. quibus antea Gallicia et Lysitania sedes fuere, quae in dextro latere Spaniae per ripani Oceani porriguntur, habentes ab oriente Austrogonia, ab occidente in promuntorio sacrum Scipionis Romani ducis monumentum, a septentrione Oceanum, a meridie Lysitaniam et fluvium Tagum, qui harenis suis permiscens auri metalla trahit cum limi vilitate divitias. exinde ergo exiens Riciarius rex Suavorum nititur totas Spanias occupare. 231 cui Theodoridus cognatus suus, ut erat moderatus, legatos mittens, pacifice

dixit, ut non solum recederet a finibus alienis, verum etiam nec temptare presumeret, odium sibi tali ambitione acquirens. ille vero animo pretumido ait: “si hic murmuras et me venire causaris, Tolosam, ubi tu sedes, veniam; ibi, si vales, resiste”, his auditis aegre tulit Theodoricus compacatasque cum ceteris gentibus arma movit in Suavos, Burgundzonum quoque Gnudivum et Hilpericum reges auxilios habens sibi devotos. 232 ventum est ad certamen iuxta flumen Vlbium, qui inter Asturicam Hiberiamque pretermeat, consertoque proelio Theodericus cum Vesegothis, qui ex iusta parte pugnabat, victor efficitur, Suavorum gente pene cuncta usque ad internecionem prosternens. quorum rex Riciarius relicta infesta hoste fugiens in nave conscendit adversaque procella Tyrreni hoste 233 percussus Vesegotharum est manibus redditus. miserabilis non differt mortem, cum elementa mutaverit. Theodericus vero victor existens subactis pepercit nec ultra certamine saevire permisit, proponens Suavis, quos subegerat, clientem proprium nomine Agrivulfum. qui in brevi animi praevaricatione Suavorum suasionibus commutans neglexit imperata complere, potius tyrannica elatione superbiens credensque se ea virtute provinciam obtinere, qua dudum cum domino suo ea subigisset. vir si quidem erat Varnorum stirpe genitus, longe a Gothici sanguinis nobilitate seiunctus, idcirco nec libertatem studens nec patrono fidem reservans. 234 quo conperto Theodoricus mox contra eum, qui eum de regno pervaso deicerent, destinavit, qui venientes sine mora in primo eum certamine superantes congruam factorum eius ab eo exigerunt ultionem, captus namque et suorum solacio destitutus capite plectitur, sensitque tandem iratum, qui propitium dominum crediderat contemnendum. tunc Suavi rectoris sui interitum contuentes locorum sacerdotes ad Theodericum supplices direxerunt. quos ille pontificali reverentia suscipiens non solum impunitatem Suavorum indulxit, sed ut sibi de suo genere principem constituerent, flexus pietate concessit. quod et factum est, et Rimismundum sibi Suavi regulum ordinarunt. his peractis paceque cuncta munitis, tertio decimo regni sui anno Theodericus occubuit.

235 Cui frater Eurichus praecipua festinatione succedens sceva suspitione pulsatus est nam dum haec circa Vesegotharum gente et alia nonnulla geruntur, Valentinianus imperator dolo Maximi occisus est et ipse Maximus tyrannico more regnum iuvasit quod audiens Gyzericus rex Vandalorum ab Africa armata classe in Italiam venit Romaeque ingressus cuncta devastat Maximus 236 vero fugiens a quodam Vrsio, milite Romano, interemptus est. post quem iussu Marciani imperatoris Orientalis Maiorianus Occidentale suscepit imperium gubernandum. sed et ipse non diu regnans, dum contra Alanos, qui Gallias infestabant, movisset procinctum, Dertona iuxta fluvium Hyra cognomento occiditur, cuius locum Severus invasit, qui tertio anno imperii sui Romae obiit. quod cernens Leo imperator, qui in Orientali regno Marciano successerat, Anthemium patricium suum ordinans Romae principem destinavit. qui veniens ilico Recimerem generum suum contra Alanos direxit, virum egregium et pene tunc in Italia ad exercitum singularem. qui et multitudine

Alanorum et regem 237 eorum Beorgum in primo statim certamine superatos internicioni prostravit. Euricus ergo, Vesegotharum rex, crebram mutationem Romanorum principum cernens Gallias suo iure nisus est occupare, quod conperiens Anthemius imperator Brittonum solacia postulavit. quorum rex Riotimus cum duodecim milia veniens in 238 Beturigas civitate Oceano e navibus egresso susceptus est. ad quos rex Vesegotharum Eurichus innumerum ductans advenit exercitum diuque pugnans Riudmum Brittonum rege, antequam Romani in eius societate coiungerentur, effugavit. qui amplam partem exercitus amissam cum quibus potuit fugiens ad Burgundzonum gentem vicinam Romanisque in eo tempore foederatam advenit. Eurichus vero rex Vesegotharum Arevemam Galliae civitatem 239 occupavit Anthemio principe iam defuncto: qui cum Ricemere genero ano intestino bello saeviens Romam trivisset, ipseque a genero peremptus regnum reliquit Olybrio. quo tempore in Constantinopolim Aspar primus patriciorum et Gothorum genere clarus cum Ardabure et Patriciolo filiis, illo quidem olim patricio, hoc autem Caesare generoque Leonis principis appellato, spadonum ensibus in palatio vulneratus interiit. et necdum Olybrio octavo mense in regno ingresso obeunte Glycerius apud Ravennam plus presumptione quam electione Caesar effectus. quem anno vix expleto Nepus Marcellini quondam patricii sororis filius 240 a regno deiciens in Porto Romano episcopum ordinavit. tantas varietates mutationesque Eurichus cernens, ut diximus superius, Arevemam occupans civitatem, ubi tunc Romanorum dux praeerat Ecdicius nobilissimus senator et dudum Aviti imperatoris, qui ad paucos dies regnum invaserat, filius (nam hic ante Olybrium paucos dies tenens imperium ultro secessit Placentia, ibique episcopus est ordinatus). huius ergo filius Ecdicius, diu certans cum Vesegothis nec valens antestare, relictam patriam maximeque 241 urbem Arevemate hosti, ad tutiora se loca collegit. quod audiens Nepus imperator praecepit Ecdicium relictam Galliis ad se venire loco eius Orestem mag. mil. Ordinatum. qui Orestes suscepto exercitu et contra hostes egrediens a Roma Ravenna pervenit ibique remoratus Augustulum filium suum imperatorem effecit. quo conperto Nepus fugit Dalmatias ibique defecit privatus a regno, ubi iam Glycerius dudum imperator episcopatum Salonitanum habebat.

242 Augustulo vero a patre Oreste in Ravenna imperatore ordinato non multum post Odoacer Torcilingorum rex habens secum Sciros, Herulos diversarumque gentium auxilios Italiam occupavit et Orestem interfectum Augustulum filium eius de regno 243 pulsum in Lucullano Campaniae castello exilii poena damnavit. sic quoque Hesperium Romanae gentis imperium, quod septingentesimo nono urbis conditae anno primus Augustorum Octavianus Augustus tenere coepit, cum hoc Augustulo periit anno decessorum prodecessorumue regni quingentesimo vicesimo secundo, Gothorum dehinc regibus Romam Italiamque tenentibus. interea Odoacer rex gentium omnem Italiam subiugatam, ut terrorem suum Romanis iuiceret. mox initio regni sui Bracilam comitem apud Ravennam occidit regnoque suo confortato pene per tredecim annos usque ad Theodorici praesentiam. de quo in subsequentibus dicturi sumus, obtenuit.

244 Interim tamen ad eum ordinem, unde digressi sumus, redeamus, et quomodo Euricus rex Vesegotharum Romani regni vacillationem cernens Arelatum et Massiliam propriae subdidit ditioni, Gyzericus etenim Vandalorum rex suis eum muneribus ad ista committenda inlicit, quatenus ipse Leonis vel Zenonis insidias, quas contra eum direxerant, praecaveret, egitque, ut Orientalem imperium Ostrogothas, Hesperium Vesegothae vastarent, ut in utramque rem publicam hostibus decementibus ipse in Africa quietus regnaret, quod Eurichus grato suscipiens animo, totas Spanias Galliasque sibi iam iure proprio tenens, simul quoque et Burgunzones subegit Arelatoque degens nono decimo 245 anno regni sui vita privatus est. huic successit proprius filius Alarichus, qui nonus in numero ab illo Alarico magno regnum adeptus est Vesegotharum. nam pari tenore, ut de Augustis superius diximus, et in Alaricis provenisse cognoscitur, et in eos saepe regna deficiunt, a quorum nominibus inchoarunt, quod nos interim praetermisso sic ut promisimus omnem Gothorum texamus originem.

246 Et quia, dum utrique gentes, tam Ostrogothae quam etiam Vesegothae, in uno essent, ut valui, maiorum sequens dicta revolve divisosque Vesegothas ab Ostrogothis ad liquidum sum prosecutus, necesse nobis est iterum ad antiquas eorum Scythicas sedes redire et Ostrogotharum genealogia actusque pari tenore exponere. quos constat morte Hermanarici regis sui, decessione a Vesegothis divisos, Hunnorum subditos ditioni, in eadem patria remorasse, Vinithario tamen Amalo principatus sui insignia retinente, 247 qui avi Vultulfi virtute imitatus, quamvis Hermanarici felicitate inferior, tamen aegre ferens Hunnorum imperio subiacere, paululum se subtrahens ab illis suaque dum nititur ostendere virtute, in Antorum fines movit procinctum, eosque dum adgreditur prima congressione superatus, deinde fortiter egit regemque eorum Boz nomine cum filiis suis et LXX primatibus in exemplum terroris adfixit, ut dediticiis metum cadavera pendentium 248 geminarent. sed dum tali libertate vix anni spatio imperasset, non est passus Balamber, rex Hunnorum, sed ascito ad se Gesimundo, Hunnimundi magni filio, qui iuramenti sui et fidei memor cum ampla parte Gothorum Hunnorum imperio subiacebat, renovatoque cum eo foedere super Vinitharium duxit exercitum: diuque certati primo et secundo certamine Vinitharius vincit. nec valet aliquis commemoraret quanta strage de Hunnorum 249 Venetharius fecit exercitu. tertio vero proelio subreptionis auxilio ad fluvium nomine Erac, dum utrique ad se venissent, Balamber sagitta missa caput Venetharii saucians interemit neptemque eius Vadamercam sibi in coniugio copulans iam omnem in pace Gothorum populum subactum possedit ita tamen, ut 250 genti Gothorum semper proprius regulus, quamvis Hunnorum consilio, imperaret. et mox defuncto Venethario rexit eos Hunimundus, filius quondam regis potentissimi Hermanarici, acer in bello totoque corpore pulchritudine pollens, qui post haec contra Suavorum gente feliciter dimicavit. eoque defuncto successit Thorismud filius eius flore iuventutis ornatus, qui secundo principatus 251 sui anno contra Gepidas movit exercitum magnaue de illis potitus victoria casu equi dicitur interemptus. quo

defuncto sic eum luxerunt Ostrogothae, ut quadraginta per annos in eius locum rex alius non succederet, quatenus et illius memoriae semperum haberent in ore et tempus accederet, quo Valamer habitum repararet virilem, qui erat ex consubrino eius genitus Vandalario; quia filius eius, ut superius diximus, Beremud iam contempta Ostrogotharum gente propter Hunnorum dominio ad partes Hesperias Vesegotharum fuisset gente secutus, de quo et ortus est Vetericus. Veterici quoque filius natus est Eutharicus, qui iunctus Amalasuenthae filiae Theodorici, item Amalorum stirpe iam divisa coniunxit et genuit Athalaricum et Mathesuentam. sed quia Athalaricus in annis puerilibus defunctus est, Mathesuenta Constantinopolim allata de secundo viro, id est Gernano fratre Iustiniani imperatoris, genuit postumum filium, quem nominavit Germanum.

252 Sed nobis, ut ordo, quem coepimus, decurrat, ad Vandalarii sobulem, quae trino flore pululabat redeundum est hic enim Vandalarius, fratruelem Hermanarici et supra scripti Thorismudi consubrinus, tribus editis liberis in gente Amala gloriatus est, id est Valamir Thiudimir Vidimir. ex quibus per successionem parentum 253 Valamir in regno conscendit adhuc Hunnis eos inter alias gentes generaliter optinentibus. eratque tunc in tribus his germanis contemplatio grata, quando mirabilis Thiudimer pro fratris Valamir militabat imperio, Valamir vero pro altero iubebat ornando, Vidimer servire fratribus aestimabat. sic eis mutua affectione se tuentibus nulli paenitus deerat regnum, quod utrique in sua pace tenebant. ita tamen, ut saepe dictum est, imperabant, ut ipsi Attilae Hunnorum regis imperio deservirent: quibus nec contra parentes Vesegothas licuisset recusare certamen, sed necessitas domini, etiam parricidium si iubet, implendum est nec aliter ab Hunnorum dominio divelli potuit gens aliqua Scythica, nisi optata cunctis nationibus in commune et Romanis mors Attilae proveniret, quae tam fuit vilis, ut vita mirabilis.

254 Qui, ut Priscus historicus refert, exitus sui tempore puellam Ildico nomine decoram valde sibi in matrimonio post innumerabiles uxores, ut mos erat gentis illius, socians eiusque in nuptiis hilaritate nimia resolutus, vino somnoque gravatus resupinus iaceret, redundans sanguis, qui ei solite de naribus effluebat, dum consuetis meatibus impeditu, itinere ferali faucibus illapsus extinxit. ita glorioso per bella regi temulentia pudendos exitos dedit. sequenti vero luce cum magna pars diei fuisset exempta, ministri regii triste aliquid suspicantes post clamores maximos fores effringunt inveniuntque Attilae sine ullo vulnere necem sanguinis effusione peractam puellamque demisso vultu sub velamine 255 lacrimantem. tunc, ut gentis illius mos est, crinium parte truncata informes facies cavis turpavere vulneribus, ut proeliorum eximius non femineis lamentationibus et lacrimis, sed sanguine lugeretur virile. de quo id accessit mirabile, ut Marciano principi Orientis de tam feroci hoste sollicito in somnis divinitas adsistens arcum Attilae in eadem nocte fractum ostenderet. quasi quod gens ipsa eo telo multum praesumat. hoc Priscus historicus vera se dicit adtestatione probare. nam in tantum magnis imperiis Attila terribilis habitus est, ut eius mortem in locum muneris superna 256 regnantibus indicarent. cuius manes quibus a sua gente honoratae sunt,

pauca de multis dicere non omittamus. in mediis si quidem campis et intra tenturia sirica cadavere conlocato spectaculum admirandum et sollemniter exhibetur. nam de tota gente Hunnorum lectissimi equites in eo loco, quo erat positus, 257 in modum circensium cursibus ambientes, facta eius cantu funereo tali ordine referebant. «praecipuus Hunnorum rex Attila, patre genitus Mundzuco, fortissimarum gentium dominus, qui inaudita ante se potentia solus Scythica et Germanica regna possedit nec non utraque Romani urbis imperia captis civitatibus terruit et, ne praedae reliqua subderentu, placatus praecibus annum vectigal accepit: cumque haec omnia proventu felicitatis egerit, non vulnere hostium, non fraude suorum, sed gente incolume inter gaudia laetus sine sensu doloris occubuit quis ergo hunc 258 exitum putet, quem nullus aestimat vindicandum?» postquam talibus lamentis est defletus, stravam super tumulum eius quam appellant ipsi ingenti commessatione concelebrant; et contraria invicem sibi copulantes luctu funereo mixto gaudio explicabant, noctuque secreto cadaver terra reconditum copercula primum auro, secundum argento, tertium ferri rigore communiunt, significantes tali argumento potentissimo regi omnia convenisse: ferrum, quod gentes edomuit, aurum et argentum, quod ornatum rei publicae utriusque acceperit. addunt arma hostium caedibus acquisita, faleras vario gemmarum fulgore praetiosas et diversi generis insignia, quibus colitur aulicum decus. et, ut tantis divitiis humana curiositas arceretur, operi deputatos detestabili mercede trucidarunt, emersitque momentanea mors sepelientibus cum sepulto.

259 Talibus peractis, ut solent animi iuvenum ambitu potentiae concitari, inter successores Attilae de regno orta contentio est, et dum inconsulti imperare cupiunt cuncti, omnes simul imperium perdiderunt. sic frequenter regna gravat copia quam inopia successorum. nam filii Attilae, quorum per licentiam libidinis pene populus fuit, gentes sibi dividi aequa sorte poscebant, ut ad instar familiae bellicosi reges cum populis mitterentur in sortem. 260 quod ut Gepidarum rex conperit Ardarichus, indignatus de tot gentibus velut vilissimorum mancipiorum condicione tractari, contra filios Attilae primus insurgit inlatumque serviendi pudore secuta felicitate deterisit, nec solum suam gentem, sed et ceteras qui pariter praemebantur sua discessione absolvit, quia facile omnes adpetunt, quod pro cunctorum utilitate temptatur. in mutuum 261 igitur armantur exitium bellumque committitur in Pannonia iuxta flumen, cui nomen est Nedao. illic concursus factus est gentium variarum, quas Attila in sua tenuerat ditione. dividuntur regna cum populis, fiuntque ex uno corpore membra diversa, nec quae unius passioni conpaterentur, sed quae exciso capite in invicem insanirent; quae numquam contra se pares invenerant, nisi ipsi mutuis se vulneribus sauciantes se ipsos discerperent fortissimae nationes. nam ibi admirandum reor fuisse spectaculum, ubi cernere erat contis pugnantes Gothum, ense furem Gepida, in vulnere suo Rugum tela frangentem, Suavum pede, Hunnum sagitta praesumere, Alanum gravi, Herulum levi armatura aciem strui. 262 post multos ergo gravesque conflictos favit Gepidis inopinata victoria. nam XXX fere milia tam

Hunnorum quam aliarum gentium, quae Hunnis ferebant auxilium, Ardarici gladius conspiratioque peremit. in quo proelio filius Attilae maior natu nomine Ellac occiditur, quem tantum parens super ceteros amasse perhibebatur, ut eum cunctis diversisque liberis suis in regno preferret; sed non fuit vota patris fortuna consentiens. nam post multas hostium cedes sic viriliter eum constat peremptum, ut tam 263 gloriosum superstitis pater optasset interitum. reliqui vero germani eius eo occiso fugantur iuxta litus Pontici maris, ubi prius Gothos sedisse descripsimus. cesserunt itaque Hunni, quibus cedere putabatur universitas. adeo discidium perniciose res est, ut divisi corruerent, qui adunatis viribus territabant. haec causa Ardarici regis Gepidarum felix affuit diversis nationibus, qui Hunnorum regimini inviti famulabantur, eorumque diu maestissimos animos ad helaritatem libertatis votivam erexit; venientesque multi per legatos suos ad solum Romanum et a principe tunc Marciano gratissime suscepti distributas sedes, quas incolerent, acceperunt.

264 Nam Gepidi Hunnorum sibi sedes viribus vindicantes totius Daciae fines velut victores potiti nihil aliud a Romano imperio, nisi pacem et annua sollemnia, ut strenui viri, amica pactione postulaverunt. quod et libens tunc annuit imperator et usque nunc consuetum donum gens ipsa a Romano suscipit principe. Gothi vero cernentes Gepidas Hunnorum sedes sibi defendere Hunnorumque populum suis antiquis sedibus occupare, maluerunt a Romano regno terras petere quam cum discrimine suo invadere alienas, accipientesque Pannoniam; quae in longo porrecta planitiae habet ab oriente Moesiam superiorem, a meridie Dalmatiam, ab occasu Noricum, a septentrione Danubium, ornata patria civitatibus plurimis, quarum prima Syrmis, extrema Vindomina.

265 Sauromatae vero quos Sarmatas dicimus et Cemandri et quidam ex Hunnis parte Illyrici ad Castramartenam urbem sedes sibi datas coluerunt ex quo genere fuit Blivila dux Pentapolitanus eiusque germanus Froila et nostri temporis Bessa patricius. Scyri vero et Sadagarii et certi Alanorum eum duce suo nomine 266 Candac Scythiam minorem inferioremque Moesiam acceperunt. cuius Candacis Alanoviiamuthis patris mei genitor Paria, id est meus avus, notarius; quousque Candac ipse viveret, fuit, eiusque germanae filio Gunthicis, qui et Baza dicebatur, mag. mil., filio Andages filii Andele de prosapia Amalorum descendente, ego item quamvis agramatus Iordannis ante conversionem meam notarius fui. Rugi vero aliaeque nationes nonnullae Bizzim et Arcadiopolim ut incolerent, petiverunt. Hernac quoque iunior Attilae filius cum suis in extrema minoris Scythiae sedes delegit. Emnetzur et Vltzindur consanguinei eius in Dacia ripense Vto et Hisco Almoque potiti sunt, multique Hunnorum passim prouidentes tunc se in Romania dederunt, e quibus nunc usque Sacromontisi et 267 Fossatisii dicuntur. erant si quidem et alii Gothi, qui dicuntur minores, populus inmensus, cum suo pontifice ipsoque primate Vulfila, qui eis dicitur et litteras instituisse. hodieque sunt in Moesia regionem incolentes Nicopolitanam ad pedes Emimonti gens multa, sed paupera et inbellis nihilque habundans nisi armenta diversi generis pecorum et

pascua silvaque lignarum; parum tritici citerarumque specierum terras fecundas. vineas vero nec, si sunt alibi, certi eorum cognoscent ex vicina loca sibi vinum negotiantes; nam lacte aluntur plerique.

268 Ergo, ut ad gentem, unde agimus, revertamur, id est Ostrogotharum, qui in Pannonia sub rege Valamir eiusque germani Thiudimer et Vidimir morabantur, quamvis divisa loca, consilia tamen unita (nam Valamer inter Scamiungam et Aqua nigra fluvios, Thiudimer iuxta lacum Pelsois, Vidimer inter utrosque manebant), contigit ergo, ut Attilae fili contra Gothos quasi desertores dominationis suae, velut fugacia mancipia requirentes, venirent 269 ignarisque aliis fratribus super Valamer solum inruerent. quos tamen ille quamvis cum paucis excepit diuque fatigatis ita prostravit, ut vix pars aliqua hostium remaneret quae in fuga versa eas partes Scythiae petere, quas Danabri amnis fluenta praetermeant, quam lingua sua Hunni Var appellant. eo namque tempore ad fratris Thiudimeri gaudii nuntium direxit, sed eo mox die nuntius veniens felicior in domo Thiudimer repperit gaudium. ipso si quidem die Theodoricus eius filius, quamvis de Erelieva concubina, bonae tamen spei puerulus natus erat post tempus 270 ergo non multum rex Valamir eiusque germani Thiudemir et Vidimir consueta dum tardarent dona a principe Marciano, quae ad instar strenuae acciperent et pacis foedera custodirent, missa legatione ad imperatorem vident Theodericum Triarii filiuni et hunc genere Gothico, alia tamen stirpe, non Amala procreatum, omnino florentem cum suis, Romanorumque amicitii iunctum et 271 annua sollemnia consequentem, et se tantum despici. ilico furore commoti arma arripiunt et Illyricum pene totum discurrentes in praeda devastant. sed statim imperator animo mutato ad pristinam recurrit amicitiam missaque legatione tam praeterita cum instantibus munera tribuit quam etiam de futuro sine aliqua controversia tribuere compromittit, pacisque obsidem ab eis, quem supra rettulimus, Theodericum, infantulum Thiudimeris accipit: qui iam septepi annorum incrementa conscendens octavum intraverat annum. quem dum pater cunctatur dare, patruus Valamir extitit supplicator tantum, ut pax firma inter Romanos Gothosque maneret. datus igitur Theodoricus obses a Gothis duciturque ad urbem Constantinopolitanam Leoni principi, et, quia puerulos elegans erat, meruit gratiam imperialem habere.

272 Postquam ergo firma pax Gothorum cum Romanis effecta est, videntes Gothi non sibi sufficere ea quae ab imperatore acciperent simulque solitam cupientes ostentare virtutem, coeperunt vicinas gentes circumcirca praedari, primum contra Sadagis, qui interiorem Pannoniam possidebant, arma moventes. quod ubi rex Hunnorum Dintzic filius Attilae cognovisset, collectis secum qui adhuc videbantur quamvis pauci eius tamen sub imperio remansisse Vitzinzures, Angisciros, Bittugures, Bardores, venientesque ad Basianam Pannoniae civitatem eamque circumvallans 273 fines eius coepit praedare. quod conperto Gothi ibi, ubi erant; expeditionemque solventes, quam contra Sadagis collegerant, in Hunnos convertunt et sic eos suis a finibus inglorios pepulerunt, ut iam ex illo tempore qui remanserunt Hunni et usque actenus Gothorum arma formident. quiescente

vero tandem Hunnorum gente a Gothis Hunimundus Suavorum dux dum ad depraedandas Dalmatias transit, armenta Gothorum in campis errantia depraedavit, quia Dalmatia Suaviae vicina erat nec a Pannonios fines multum distabat, praesertim ubi tunc Gothi residebant. quid plurimum? 274 Hunimundus cum Suavis vastatis Dalmatiis ad sua revertens, Thiudimer germanus Valameris regis Gothorum non tantum iacturam armentorum dolens quantum metuens, ne Suavi, si inpune hoc lucrarentur, ad maiorem licentiam prosilirent, sic vigilavit in eorum transitu, ut intempesta nocte dormientes invaderet ad lacum Pelsodis consertoque inopinato proelio ita eos oppressit, ut etiam ipsum regem Hunimundum captum omnem exercitum eius, qui gladio evadissent, Gothorum subderet servituti, et dum multum esset amator misericordiae, facta ultione veniam condonavit reconciliatusque cum Suavis eundem, quem 275 ceperat, adoptans sibi filium, remisit cum suis in Suavia. sed ille inmemor paternae gratiae post aliquod tempus conceptum dolum parturiens Scirorumque gente incitans, qui tunc super Danubium consedebant et cum Gothis pacifice morabantur, quatenas scissi ab eorum foedere secumque iuncti in arma prosilirent gentemque Gothorum invaderent. tunc Gothi nihil mali sperantibus, praesertim de utrisque amicis vicinis confisi, bellum exurgit ex inproviso coactique necessitate ad arma confugiunt solitoque 276 certamine arrepto se suaque iniuria ulciscuntur. in eo si quidem proelio rex eorum Valamir dum equo insidens ad cohortandos suos ante aciem curreret, proturbatus equus corruit sessoremque suum deiecit, qui mox inimicorum lanceis confossus interemptus est. Gothi vero tam regis sui mortem quam suam iniuriam a rebellionibus exigentes ita sunt proeliati, ut pene de gente Scirorum nisi qui nomen ipsud ferrent, et hi cum dedecore, non remansissent: sic omnes extincti sunt.

277 Quorum exitio Suavorum reges Hunimundus et Halaricus vereti; in Gothos arma moverunt freti auxilio Sarmatarum, qui cum Beuca et Babai regibus suis auxiliarii ei advenissent, ipsasque Scirorum reliquias quasi ad ultionem suam acrius pugnatuos accersientes cum Edica et Hununlfo eorum primatibus habuerunt simul secum tam Gepidas quam ex gente Rugorum non parva solacia, ceterisque hinc inde collectis ingentem multitudinem 278 adgregantes ad amnem Bolia in Pannoniis castra metati sunt. Gothi tunc Valatnero defuncto ad fratrem eius Thiudimer confugerunt. qui quamvis dudum cum fratribus regnans, tamen auctioris potestatis insignia sumens; Vidimer fratre iuniore accito et cum ipso curas belli partitus, coactus ad arma prosilivit; consertoque proelio superior pars invenitur Gothorum, adeo ut campus inimicorum corruentium cruore madefactus ut rubrum pelagus appareret armaque et cadavera in modum collium tumulata campum 279 plus per decem milibus oppleverunt. quod Gothi cernentes, ineffabili exultatione laetantur, eo quod et regis sui Valameris sanguinem et suam iniuriam cum maxima inimicorum strage ulciscerentur. de vero innumeranda variaque multitudine hostium qui valuit evadere, perquaquam effugati vix ad sua inglorii pervenerunt.

280 Post certum vero tempus instanti hiemali frigore amnemque Danubii solite congelato –

nam istiusmodi fluvius ille congelascit, ut in silicis modum pedestrem vehat exercitum plaustraque et traculas vel quidquid vehiculi fuerit nec cumbarum indigeat lintres – sic ergo eum gelatum Thiodimer Gothorum rex cernens pedestrem ducit exercitum emensoque Danubio Suavis inprovisus a tergo apparuit. nam regio illa Suavorum ab oriente Baibaros habet, ab occidente Francos. a meridie Burgundiones, a septentrione Thuringos. 281 quibus Suavis tunc iuncti aderant etiam Alamanni ipsique Alpes erectos omnino regentes, unde nonnulla fluenta Danubium influunt nimio cum sonu vergentia. hic ergo taliterque munito loco rex Thiudimer hiemis tempore Gothorum ductavit exercitum, et tam Suavorum gente quam etiam Alamannorum, utrasque ad invicem foederatas, devicit, vastavit et pene subegit inde quoque victor ad proprias sedes, id est Pannonias revertens Theodoricum filium suum, quem Constantinopolim obsidem dederat, a Leone imperatore remissum cum magnis muneribus gratanter excepit. 282 qui Theodoricus iam adulescentiae annos contingens expleta pueritia, decem et octo annos peragens, ascitis certis ex satellitibus patris et ex populo amatores sibi clientesque consocians, paene sex milia viros, cum quibus inconscio patre emenso Danubio super Babai Sarmatarum rege discurrit, qui tunc de Camundo duce Romanorum victoria potitus superbiae tumore regnabat, eoque superveniens Theodoricus interemit familiaeque et censu depraedans ad genitorem suum cum victoria repedavit Singidunum dehinc civitatem, quam ipsi Sarmatae occupassent, invadens, non Romanis reddidit, sed suae subdedit ditioni.

283 Minuentibus deinde hinc inde vicinarum gentium spoliis coepit et Gothi victus vestitusque deesse et hominibus, quibus dudum bella alimonia prestitissent, pax coepit esse contraria, omnesque cum magno clamore ad regem Thiudimer accedentes Gothi orant, quacumque parte vellit, tantum ductaret exercitum. qui accito germano missaque sorte hortatus est, ut ille in parte Italiae, ubi tunc Glycerius regnabat imperator, ipse vero sicut fortior ad fortiorem regnum accederet Orientalem: quod et factum est et mox 284 Vidimer Italiae terras intravit, extremum fati munus reddens rebus excessit humanis, successorem relinquens Vidimer filium suumque synonymum. quem Glycerius imperator muneribus datis de Italia ad Gallias transtulit, quae a diversis circumcirca gentibus praemebantur, asserens vicinos ibi Vesegothas eorum parentes regnare. quid multum? Vidimer acceptis muneribus simulque mandata a Glycerio imperatore Gallias tendit seseque cum parentibus Vesegothis iungens unum corpus efficiunt, ut dudum fuerant, et sic Gallias Spaniasque tenentes suo iuri defendunt, ut nullus ibi alius prevaleret.

285 Thiudimer autem, frater senior, cum suis transit Saum amnem Sarmatis militibusque interminans bellum, si aliqui ei obstaret. quod illi verentes quiescunt, immo nec praevalent ad tantam multitudinem. videns Thiudimer undique sibi prospera provenire, Naissum primam urbem invadit Illyrici filioque suo Theodorico sociatis 286 Astat et Invilia comitibus per castro Herculis transmisit Vlpiana. qui venientes tam eam quam Stobis mox in deditione accipiunt nonnullaque loca Illyrici inaccessibilia sibi primum tunc pervia feciunt. nam Eracleam et Larissam civitates

Thessaliae primum praedas ereptas, dehinc ipsas iure bellico potiuntur. Thiudimer vero rex animadvertens felicitatem suam quam etiam filii nec his tantum contentus, egrediens Naisitanam urbem paucis ad custodiam derelictis ipse Thessalonicam petiit, in qua Helarianus 287 patricius a principe directus cum exercitu morabatur. qui dum videret vallo muniri Thessalonicam nec se eorum conatibus posse resistere, missa legatione ad Thiudimer regem muneribusque oblati ab excidione eum urbis retorquet initoque foedere Romanus ductor cum Gothis loca eis iam sponte, quae incolerent, tradidit, 288 id est Cerru, Pellas, Europa, Mediana, Petina, Bereu et alia quae Sium vocatur. ubi Gothi cum rege suo armis depositis composita pace quiescunt. nec diu post haec et rex Thiudimer in civitate Cerras fatale egritudine occupatus vocatis Gothis Theodoricum filium regni sui designat heredem et ipse mox rebus humanis excessit.

289 Theodorico vero gentis suae regem audiens ordinato imperator Zeno grate suscepit eique evocaturia destinata ad se in urbe venire precepit, dignoque suscipiens honore inter proceres sui palatii conlocavit et post aliquod tempus ad ampliandum honorem eius in arma sibi eum filium adoptavit de suisque stipendiis triumphum in urbe donavit, factusque consul ordinarius, quod summum bonum primumque in mundo decus edicatur; nec tantum 290 hoc, sed etiam et equestrem statuam ad famam tanti viri ante regiam palatii conlocavit. inter haec ergo Theodoricus Zenonis imperio foedere sociatus, dum ipse in urbe omnibus bonis frueretur gentemque suam in Illyrico, ut diximus, residentem non omnino idoneam aut refertam audiret, elegit potius solito more gentis suae labore querere victum quam ipse otiose frui regni Romani bona et gentem suam mediocriter victitare, secumque deliberans ad principem ait: «quamvis nihil deest nobis imperio vestro famulantibus, tamen, si dignum ducit pietas vestra, desiderium 291 mei cordis libenter exaudiat». cumque ei, ut solebat, familiariter facultas fuisset loquendi concessa: «Hesperia», inquit, «plaga, quae dudum decessorum prodecessorumque vestrorum regimine gubernata est, et urbs illa caput orbis et domina quare nunc sub regis Thorcilingorum Rogorumque tyrannide fluctuatur? dirige me cum gente mea, si praecepsis, ut et hic expensarum pondere careas et ibi, si adiutus a domino vicero, fama vestrae pietatis inradiet. expedit namque, ut ego, qui sum servus vester et filius, si vicero, vobis donantibus regnum illud possideam: haut ille, quem non nostris, tyrannico iugo senatum vestrum partemque rei publicae captivitatis servitio premat. ego enim si vicero, vestro dono vestroque munere possedebo; si victus fuero, vestra pietas nihil amittit, immo, ut diximus, lucratur expensas». 292 quo audito quamvis egrae ferret imperator discessum eius, nolens tamen eum contristare annuit quae poscebat, magnisque ditatum muneribus dimisit a se, senatum populumque ei commendans Romanum. igitur egressus urbe regia Theodoricus et ad suos revertens omnem gentem Gothorum, qui tamen ei prebuerunt consensum, Hesperiam tendit rectoque itinere per Sirmis ascendit vicina 293 Pannoniae, indeque Venetiarum fines ingressus ad Pontem Sontii nuncupatum castra metatus est cumque ibi ad reficienda corpora hominum iumentorumque

aliquanto tempore resedisset, Odoacer armatum contra eum direxit exercitum. quem ille ad campos Veronenses occurrens magno strage delevit castraque soluta finibus Italiae cum potiore audacia intrat, transactoque Pado amne ad Ravennam regiam urbem castra componit tertio fere miliario ab urbe locus, qui appellatur Pineta. quod cernens Odoacer intus se in urbe communit; indeque subreptive noctu frequenter cum 294 suis egrediens Gothorum exercitum inquietat, et hoc non semel nec iterum, sed frequenter et pene molitur toto triennio. sed frustra laborat, quia cuncta Italia dominum iam dicebat Theodoricum et illius ad nutum res illa publica obsecundabat. tantum ille solus cum paucis satellitibus et Romanos, qui aderant, et fame et bello cotidie intra Ravennam laborabat. quod dum nihil proficeret, missa 295 legatione veniam supplicat. cui et primum concedens Theodoricus postmodum ab hac luce privavit tertioque, ut diximus, anno ingressus sui in Italia Zenonemque imp. consultu privatum abitum suaeque gentis vestitum seponens insigne regio amictu, quasi iam Gothorum Romanorumque regnator, adsumit missaque legatione 296 ad Lodovico Francorum regem filiam eius Audefredam sibi in matrimonio petit. quam ille grate libenterque concessit suosque filios Celdebertum et Heldebertum et Thiudebertum credens hac societate cum gente Gothorum inito foedere sociari. sed non adeo ad pacis concordiam profuit ista coniunctio, quia saepenumero propter Gallorum terras graviter inter se decertati sunt, numquamque Gothus Francis cessit, dum viveret Theodoricus.

297 Antequam ergo de Audefredam subolem haberet, naturales ex concubina, quas genuisset adhuc in Moesia, filias, unam nomine Thindigoto et aliam Ostrogotho. quas mox in Italiam venit, regibus vicinis in coniugio copulavit, id est unam Alarico Vesegotharum et aliam Sigismundo Burgundzonorum. 298 de Alarico ergo natus est Amalaricus. quem avus Theodoricus in annis puerilibus utroque parente orbato dum fovet atque tuetur, comperit Eutharicum Veterici filium Beretmodi et Thorismodi nepotem, Amalorum de stirpe descendentem, in Spania degi, iuvenili aetate prudentia et virtute corporisque integritate pollentem. ad se eum facit venire eique Amalasuentham filiam suam in matrimonio iungit. 299 et ut in plenum suam progeniem dilataret, Amalafridam germanam suam matrem Theodahadi, qui postea rex fuit Africa, regi Vandalorum coniuge dirigit Thrasamundo filiamque eius neptem suam Amalabergam Thuringorum regi consociat Hermmefredo. 300 Pitzamum quoque suum comitem et inter primos electum ad obtinendam Sirmiensem dirigit civitatem. quam ille expulso rege eius Trasarico, filio Trapstilae, retenta eius matre obtinuit inde contra Savinianum Illyricum mag. mil., qui tunc cum Mundone paraverat conflictum, ad civitatem cognomine Margo planum, quae inter Danubium Margumque fluminibus adiacebat, cum duobus milibus ergo peditum; equitibus quingentis in Mundonis solacia 301 veniens Illyricianum exercitum demolivit. nam hic Mundo de Attilanis quondam origine descendens Gepidarum gentem fugiens ultra Danubium in incultis locis sine ullis terrae cultoribus divagatus et plirisque abactoribus scamarisque et latronibus undecumque collectis turrem quae

Herta dicitur super Danubii ripam positam occupans ibique agresti ritu praedasque innectens vicinis regem se suis grassatoribus fecerat hunc ergo pene desperatum et iam de traditione sua deliberantem Petza subveniens e manibus 302 Saviniani eripuit, suoque regi Theodorico cum gratiarum actione fecit subiectum. non minore trofeo de Francis per Ibbam, suum comitem, in Galliis adquisivit plus triginta milia Francorum in proelio caesa. nam et Thiudem suum armigerum post mortem Alarici generi tutorem in Spaniae regno Amalarici nepotis constituit. qui Amalaricus in ipsa adulescentia Francorum fraudibus inretitus regnum cum vita amisit. post quem Thiudis tutor eodem regno ipse invadens, Francorum insidiosam calumniam de 303 Spaniis pepulit, et usque dum viveret, Vesegothas contenuit post quem Thiudigisglosa regnum adeptus, non diu regnans defecit occisus a suis. cui succedens hactenus Agil continet regnum. contra quem Atanagildus insurgens Romani regni concitat vires, ubi et Liberius patricius cum exercitu destinatur. nec fuit in parte occidua gens, quae Theodorico, dum adviveret, aut amicitia aut subiectione non deserviret.

304 Sed postquam ad senium pervenisset et se in brevi ab hac luce egressurum cognusceret, convocans Gothos comites gentisque suae primates Athalaricum infantulum adhuc vix decennem, filium filiae suae Amalasuenthae, qui Eutharico patre orbatus erat, regem constituit, eisque in mandatis ac si testamentali voce denuntians, ut regem colerent, senatum populumque Romanum amarent principemque 305 Orientalem placatum semper propitiumque haberent post deum. quod praeceptum quamdiu Athalaricus rex eiusque mater adviverent, in omnibus custodientes pene per octo annos in pace regnarunt: quamvis Francis de regno puerili desperantibus, immo in contemptu habentibus bellaque parare molientibus quod pater et avus Gallias occupasset, eis concessit cetera in pace et tranquillitate possessa. dum ergo ad spem iuventutis Athalaricus accederet, tam suam adulescentiam quam matris viduitatem Orientis principi commendavit, sed in brevi infelicissimus inmatura morte praeventus, rebus humanis excessit 306 tum mater, ne pro sexus sui fragilitate a Gothis sperneretur; secum deliberans, Theodahadum consubrinum suum germanitatis gratia accersitum a Tuscia, ubi privatam vitam degens in laribus propriis erat, in regno locavit qui inmemor, consanguinitatis post aliquantum tempus a palatio Ravennate abstractam in insulam laci Bulsiniensis eam exilio religavit, ubi paucissimos dies in tristitia degens ab eius satellitibus in balneo strangulata est.

307 Quod dum Iustinianus imperator Orientalis audisset et quasi susceptorum suorum morte ad suam iniuriam redundaret, sic est commotus. eodem namque tempore de Africa Vandalicum cum per fidelissimum suum patricium Belesarium. reportasset triumphum, nec mora in ipso tempore madentibus adhuc armis cruore 308 Vandalico contra Gothos per eundem ducem movit procinctum. qui dux providentissimus haud secus arbitratus Getarum subicere populum, nisi prius nutricem eorum occupasset Siciliam. quod et factum est Trinacriaque ingressus mox Gothi, qui Syracusanum oppidum insidebant, videntes se nihil praevalere cum suo duce Sinderith ultro se Belesario

dediderunt, cumque ergo Romanus ductor Siciliam pervasisset, Theodahadus comperiens Evermud generum suum cum exercitu ad fretum, quod inter Campaniam Siciliamque interiacet et de Tyrreni maris sinu vastissimum Adriaticus 309 aestus evolvitur, custodiendum direxit ubi cum Evermud accessisset Regium oppidum, castra composuit nec mora deterioratam causam cernens suorum ad partes victoris paucis et fidelissimis famulis consciis movit, ultroque se Belesarii pedes advolvens Romani regni optat servire principibus. quod Gothorum exercitus sentiens suspectum Theodahadum clamat regno pellendum et sibi ductorem suum Vitiges, qui armiger eius fuerat, in rege levandum. 310 quod et factum est; et mox in campos Barbaricos Vitiges in regno levatus Romam ingreditur praemissisque Ravenna fidelissimis sibi viris Theodahadi necem mandat qui venientes imperata sibi perficiunt et occiso Theodahado regem qui a rege missus adveniebat et adhuc in campos Barbaricos erat Vitigis populis nuntiat. 311 inter haec Romanus exercitus emenso fireto Campaniam accedens, subversumque Neapolim Romae ingreditur; unde ante paucos dies rex Vitigis egressus, Ravenna profectus, Mathesuentam filiam Amalasuenthae Theodorici quondam regis neptem sibi in matrimonio sociarat. cumque his novis nuptiis delectatus aulam regiam fovit Ravenna, Roma egressus imperialis exercitus munita utriusque Tusciae loca invadit quod cernens per nuntios Vitiges, cum Hunila duce Gothorum manu armis conserta mittit Perusia. 312 ubi dum Magnum comitem cum parvo exercitu residentem obsessione longa evellere cupiunt, superveniente Romano exercitu ipsi evulsi et omnino extincti sunt quod audiens Vitiges ut leo furibundus omnem Gothorum exercitum congregat Ravennaque egressus Romanas urces obsidione longa fatigat sed frustrata eius audacia post quattuordecim menses ab 313 obsidione Romanae urbis aufugit et se ad Ariminensem oppressionem praeparat unde pari tenore frustratus fugatusque Ravenna se recepit: ubi obsessus nec mora ultro se ad partes dedit victoris cum Mathesuentha iugale regiasque opes. et sic famosum regnum fortissimamque gentem diuque regnantem tandem pene duomillensimo et tricesimo anno victor gentium diversarum Iustinianus imperator per fidelissimum consulem vicit Belesarium, et perductum Vitiges Constantinopolim patricii honore donavit. ubi plus biennio demoratus imperatorisque in affectu coniunctus rebus 314 excessit humanis. Mathesuentham vero iugalem eius fratri suo Germano patricio coniunxit imperator. de quibus post humatum patris Germani natus est filius idem Germanus. in quo coniuncta Aniciorum genus cum Amala stirpe spem adhuc utriusque generi domino praestante promittit.

315 Haec hucusque Getarum origo ac Amalorum nobilitas et virorum fortium facta. haec laudanda progenies laudabiliori principi cessit et fortiori duci manus dedit, cuius fama nullis saeculis nullisque silebitur aetatibus, sed victor ac triumphator Iustinianus 316 imperator et consul Belesarius Vandalici Africani Geticique dicuntur. haec qui legis, scito me maiorum secutum scriptis ex eorum latissima prata paucos flores legisse, unde inquirenti pro captu ingenii mei coronam contexam. nec me quis in favorem gentis praedictae, quasi ex ipsa trahenti originem, aliqua

addidisse credat quam quae legi et comperi, nec si tamen cuncta. quae de ipsis scribuntur aut referuntur, complexus sum, nec tantum ad eorum laudem quantum ad laudem eius qui vicit exponens.